

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

2015 г., том 22, № 2

СОДЕРЖАНИЕ

К ЮБИЛЕЮ ПОБЕДЫ

Исупов В.А. К вопросу о масштабах воинских мобилизаций в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны	5
Куперштох Н.А. Академик А.А. Скочинский – организатор науки в Сибири в годы Великой Отечественной войны	11
Савицкий И.М. Мобильность директорского корпуса предприятий оборонной промышленности Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны.	17
Шиловский М.В. Советские асы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Часть 1)	21
Романов Р.Е. Жилищно-коммунальное обслуживание работников новосибирских предприятий в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)	25
Лютлов С.Н., Савенко Е.Н. Книгоиздание в Сибири в годы Великой Отечественной войны	31
Бурматов А.А. Смертность населения новосибирской области в 1941–1945 гг.	36
Харунова М.М.-Б. Государственная поддержка фронтовиков в послевоенный период в автономных областях Южной Сибири.	41

АРХЕОЛОГИЯ

Колобова К.А., Кривошапки А.И., Нохрина Т.И. Проблемы выделения археологических культур в каменном веке	47
Шнайдер С.В. Изучение раннеголоценовых археологических комплексов на территории западной части Центральной Азии: обзор концепций	51
Табарев А.В., Табарева Ю.В., Иванова Д.А. В поисках формы: опыт реконструкции древнейших жилищ культуры Дземон (по материалам памятника Уэнохара-4, Кюсю)	56
Гнездилова И.С. «Кофун дзидай» – «эпоха курганов» Японии: история изучения методами археологии	60
Плотников Ю.А. Еще раз о скифском Аресе.	64
Нестеров С.П. Конструкция большого мохэского жилища из Западного Приамурья	69

ЭТНОГРАФИЯ

Люцидарская А.А. Власть и сибирские новокрещены в XVII – начале XVIII в.: поиски согласия	75
Майничева А.Ю., Кулаков А.Н. Церковь Владимирской Богоматери в Братске: архитектурные особенности в этнокультурном контексте Сибири XVII–XVIII вв.	80
Бадмаев А.А. Система питания кударинских бурят во второй половине XIX в.	85
Бурнаков В.А. Роль культовых предметов в социокультурной коммуникации хакасов: по данным языка, культуры и психологии (конец XIX – середина XX в.)	89
Ансимова О.К., Голубкова О.В. Духи леса в русских народных верованиях: новое решение лексикографического описания	94
Фурсова Е.Ф. Проблемы типологии этнографических, конфессиональных, локальных групп славянских переселенцев Западной Сибири: мультидисциплинарный подход.	100
Митько О.А., Октябрьская И.В. Становление методологии междисциплинарных исследований в российской этнографии и археологии конца XIX – начала XX в. (по материалам исследований феномена огня В.Н. Харузиной)	105
Шелегина О.Н., Курьянова Т.С. Наследие: теория и музейная практика в Сибирском регионе	110

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Додхудоева Л.Н. Постсекуляризм: «текущая современность», индивидуализированное общество и «новый ислам»	115
Куперштох Н.А. Рец. на кн.: Шелегина О.Н. Музейный мир Сибири: история и современные тенденции развития / Отв. ред. В.А. Ламин, М.В. Шиловский. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. 396 с.	119
Поздравляем Варлена Львовича Соскина	121
Памяти Виталия Епифановича Ларичева	122
К 85-летию со дня рождения Николая Николаевича Покровского	124

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»**

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН, профессор *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), д-р ист. наук, профессор *Е.Т. Артемов* (Екатеринбург), чл.-кор. РАН *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), академик РАН, профессор *А.П. Деревянко* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В. Дённингхаус* (Германия), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *О.Н. Катионов* (Новосибирск), доктор *К. Мацузато* (Саппоро, Япония), академик, профессор РАН *В.И. Молодин* (Новосибирск), доктор *А. Патнаик* (Нью-Дели, Индия), доктор ист. наук, профессор *Е.Б. Сыдыков* (Астана, Республика Казахстан), д-р ист. наук, профессор *Н.А. Томилов* (Омск), доктор, профессор *С. Чаттерджи* (Калькутта, Индия), д-р ист. наук, профессор *М.В. Шилловский* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В.И. Шишкин*, д-р ист. наук *А.Х. Элерт* (Новосибирск)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *В.А. Ильиных*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреевков*

Канд. ист. наук *Д.А. Анянцев*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, канд. ист. наук *Н.А. Куперитох*, д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *И.В. Лизунова*, д-р ист. наук *А.Ю. Майничева*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, канд. ист. наук *В.М. Рышков* (зам. гл. редактора), канд. ист. наук *А.И. Савин*, д-р ист. наук *О.Н. Шелегина*

А д р е с р е д а к ц и и: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 301, тел. 330–24–31
<http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Зав. редакцией *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 17.06.93 г. № 0110807

Редакция журнала «Гуманитарные науки в Сибири» признает международные принципы научной публикационной этики и заявляет об отсутствии злоупотреблений служебным положением

Редактор *В.И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *И.П. Гемуева*
Художественный редактор *Е.Н. Сентябова*

Подписано к печати 25.06.15. Формат 60×84 1/8. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 15,5. Уч.-изд. л. 15,5. Тираж 500 экз. Заказ № 147.

Издательство СО РАН, 630090 Новосибирск, Морской проспект, 2

**Russian Academy of Sciences
Siberian Branch
HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA**

2015, vol. 22, N 2

CONTENTS

ON THE ANNIVERSARY OF THE VICTORY

Isupov V.A. . On the Question of the Scales of Military Mobilizations in Western Siberia during the Great Patriotic War.	5
Kuperstokh N.A. . Academician A.A. Skochinsky as an Organizer of Science in Siberia during the Great Patriotic War.	11
Savitskiy I.M. . Mobility of the Defense Enterprise Managerial Staff in Western Siberia during the Great Patriotic War	17
Shilovskiy M.V. . Soviet Ace Pilots in the Great Patriotic War of 1941-1945	21
Romanov R.Ye. . Housing and Utilities of the Novosibirsk Enterprises Employees during the Great Patriotic War (1941-1945).	25
Lyutov S.N. . Book Publishing in Siberia during the Great Patriotic War	31
Burmatov A.A. . Mortality In A Population of the Novosibirsk Region in 1941-1945	36
Kharunova M. M.-B. . The State Support of War Veterans In The Autonomous Regions of South Siberia During the Early Post-War Period	41

ARCHAEOLOGY

Kolobova K. A., Krivoshapkin A. I., Nokhrina T. I. . Archaeological Cultures of the Stone Age: the Problem of Definition and Identification	47
Shnaider S.V. . Studying the Early Holocene Archaeological Complexes in Western Central Asia: Concepts Review	51
Tabarev A.V., Tabareva Yu.V., Ivanova D.A. . Searching for the Form: An Experience of Jomon Culture Ancient Dwellings Reconstruction (On the Data of Uenohara-4 Monument, Kyushu)	56
Gnezdilova I.S. . “Kofun-jidai” – “Epoch of Mounds” in Japan: History of Archaeological Research	60
Plotnikov Yu.A. . Once More About Skythian Ares	64
Nesterov S.P. . A Big Mohe Dwelling Construction in the Western Amur Region.	69

ETHNOGRAPHY

Lyutsidarskaya A.A. . The Power and Newly Baptized Siberian People: Searching for Consensus	75
Mainicheva A.Yu., Kulakov A.N. . The Church of Our Lady of Vladimir in Bratsk: Architectural Features in the Ethnic-Cultural Context of Siberia in the XVII-XVIII Centuries	80
Badmaev A.A. . The Food System of Kударin Buryats in the Second Half of the XIX Century.	85
Burnakov V.A. . The Role of Religious Objects in Sociocultural Communications of Khakassia: Evidence from Linguistic Data, Culture and Psychology (The Late XIX – Mid XXCenturies)	89
Ansimova O.K., Golubkova O.V. . A Lexicographical Solution for Forest Mythological Creatures Description in the Russian Folk Beliefs.	94
Fursova E. F. . Problems of Typology of Ethnographical, Religious, and Local Groups of Slavic Settlers in Western Siberia: a multidisciplinary approach	100
Mitko O.A., Oktyabrskaya I.V. . Establishing an Interdisciplinary Research Methodology in Russian Anthropology and Archaeology in the Late XIX – Early XX Centuries (Based On V.N. Kharusina’s Studies on the Fire Phenomenon)	105
Shelegina O.N., Kuryanova T.S. . The Heritage: Theory and Museum Practice in Siberia	110

REPORTS, SCIENTIFIC LIFE

Dodkhudoeva L. N. . Postsecularism: “Fluctuating Modernity”, Individualized Society and “New Islam”.	115
Kuperstokh N.A. . Rec. ad op.: Shelegina O.N. Muzeynyy Mir Sibiri: istoriya i sovremennyye tendentsii razvitiya. Otv.red. V.A.Lamin, M.V.Shilovskiy. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2014. 396 s. (Shelegina O.N. Museum World in Siberia: history and contemporary trends in development. Ed. by V.A.Lamin, M.V.Shilovskiy. Novosibirsk: Publishing House of SB RAS, 2014. 396 p.)	119
Congratulations to V.L.Soskin	121
Obituary to V.Ye.Larichev	122
On the 85th Birthday Anniversary of N.N.Pokrovsky	124

**ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC MAGAZINE
“GUMANITARNYIE NAUKI V SIBIRI”
[HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA]**

Published since January 1994
Publication frequency: 4 issues per year

**Founders: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences**

EDITORIAL COUNCIL

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *V.A. Lamin* (Chairman of the Board, Novosibirsk), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.V. Alekseyev* (Yekaterinburg), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye.T. Artyomov* (Yekaterinburg), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *B.V. Bazarov* (Ulan-Ude), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *A.P. Derevyanko* (Novosibirsk), Doctor, Professor *V. Döninghaus* (Germany), Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *O.N. Kationov* (Novosibirsk), Doctor, Professor *K. Matsuzato* (Sapporo, Japan), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.I. Molodin* (Novosibirsk), Doctor, Professor *A. Patnaik* (New Dehli, India), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye. B. Sydykov* (Astana, Republic of Kazakhstan), Doctor of historical Sciences, Professor *N.A. Tomilov* (Omsk), Doctor *S. Chatterjee* (Kolkata, India), Doctor of historical Sciences, Professor *M.V. Shilovskiy* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Shishkin* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences *A.Kh. Elert* (Novosibirsk)

EDITORIAL BOARD

Chief editor – Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh*
Executive secretary – Candidate of historical Sciences *S.N. Andreenkov*

Candidate of historical Sciences *D.A. Ananyev*, Doctor of historical Sciences, Professor *N.S. Guryanova* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Zverev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Isaev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Isupov*, Candidate of historical Sciences *N.A. Kupershtokh*, Doctor of historical Sciences *L.V. Kuras*, Doctor of historical Sciences *I.V. Lizunova*, Doctor of historical Sciences *A.Yu. Maynischeva*, Doctor of historical Sciences *N.P. Mathanova*, Doctor of historical Sciences *S.P. Nesterov*, Candidate of historical Sciences *V.M. Rynkov* (deputy chief editor), Candidate of historical Sciences *A.I. Savin*, Doctor of historical Sciences *O.N. Shelegina*

Editorial address: 630090 Novosibirsk, Ul.Nikolaeva, 8
Institute of History, SB RAS, room no. 301, tel. 8-383-330-24-31
<http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Editorial staff manager: Smirnova, Vera Ivanovna

The Journal is registered by the Ministry of Press and Information of Russian Federation on June 17, 1993, № 0110807

The editorial staff of the Journal “Humanitarian Sciences in Siberia” is committed to the international ethical guidelines for scientific publications and declares that it does not abuse its power.

The Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
630090, Novosibirsk, Morskoy Pr., 2

К ЮБИЛЕЮ ПОБЕДЫ

УДК 94(47+571)''1941/45''

В.А. ИСУПОВ

К ВОПРОСУ О МАСШТАБАХ ВОИНСКИХ МОБИЛИЗАЦИЙ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Владимир Анатольевич Исупов,
д-р ист. наук, заведующий сектором
Института истории СО РАН
630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8
e-mail: ist_dem@history.nsc.ru

В статье рассматривается одна из самых актуальных, но недостаточно изученных проблем истории Великой Отечественной войны – мобилизация людских ресурсов в Красную армию. Показано состояние людских ресурсов Западной Сибири накануне Великой Отечественной войны. Определен мобилизационный ресурс региона. Выявлены масштабы мобилизационной работы в Западной Сибири и установлено количество мобилизованных, направленных в Красную армию. Раскрыт ход воинских мобилизаций и призывов военнообязанных. Кратко проанализированы социально-демографические и экономические последствия крупномасштабных воинских мобилизаций. Прослежено влияние воинских мобилизаций на состав трудовых ресурсов.

Ключевые слова: воинские мобилизации, призывники, разбронирование, людские ресурсы, людской потенциал, население.

V.A. ISUPOV

ON THE QUESTION OF THE SCALES OF MILITARY MOBILIZATIONS IN WESTERN SIBERIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Vladimir A. Isupov
Doctor of Historical Sciences, Head of Department
Institute of History of SB RAS,
8 Nikolaev St., Novosibirsk, 630090
e-mail: ist_dem@history.nsc.ru

The object of the article is military mobilizations in Western Siberia during the Great Patriotic War; its subject is the scale of military mobilizations. The objective is to uncover poorly studied aspect of the problem, such as quantitative characteristics and social consequences of mobilizations. In order to achieve the formulated aim the author solves the following tasks: identifying the human resources in Western Siberia; discovering the number and structure of the mobilized troops; showing economic consequences of mobilization; revealing the mobilization impact upon the demographic situation in Siberia; analyzing the reaction of party and economic leaders as well as that of the mobilized people to the large-scale mobilizations. The author used such historical sources as archival materials from the military departments of the All-Russian Communist Party obkoms, kraikoms, gorkoms and raikoms (regional, municipal and district committees) that participated in the mobilization process exercising the party control over military commissariats. Unlike the well-studied labor mobilizations the military mobilizations remained neglected by historians. In fact, they are among the most understudied subjects in domestic historiography. Taking these lacunas in consideration the article explores not only the scale of mobilizations in Western Siberia but also their course; briefly analyzes social-demographic and economic consequences of large-scale mobilizations. The article shows the influence of mobilizations and conscriptions upon the dynamics of the age-sex structure of the population and changes of nuptiality. It reflects such complicated problem as the effect of mobilizations on the structure of the labour resources; analyzes the conflict between the military and civilian services. The author describes the conscription process of workers and employees assigned to enterprises; addresses a poorly studied issue of citizen's evasion of military registration and draft into the Red Army.

Keywords: military mobilizations, conscripts, abolition of grounds for exemption from military service, human potential, human resources, population.

Одним из центральных вопросов историографии Великой Отечественной войны, ждущих своего решения, является вопрос о боевом использовании огромного людского потенциала, которым обладала наша страна. Чрезвычайно важно установить, сколько же человек было направлено на защиту страны, каковы масштабы воинских мобилизаций? В отличие от трудовых мобилизаций, воинские мобилизации оказались вне поля зрения историков. По сути, воинские мобилизации представляют собой один из самых слабо изученных сюжетов отечественной историографии. Сегодня мы имеем достаточно полное представление о формировании воинских частей на территории Сибири и их боевом пути [1; 2], но общее количество мобилизованных долгое время оставалось неизвестным. В литературе, в сущности, игнорировался тот очевидный факт, что воинские мобилизации оказали огромное воздействие не только на ход боевых действий, но и на социально-демографическое и экономическое развитие тыловых районов. Только в 1993 г. группой военных историков было объявлено, что в течение четырех лет Великой Отечественной войны, в Вооруженные Силы СССР было мобилизовано (за вычетом повторно призванных) 29,6 млн чел. [3, с. 139]. Вскоре была опубликована информация о количестве военнообязанных, призванных по военным округам РСФСР, в том числе по Сибирскому военному округу [4, с. 33]. Сведения о количестве мобилизованных и воздействие воинских призывов на динамику брачности, рождаемости и состояние трудовых ресурсов Западной Сибири даны в книге В. А. Исупова [5]. Но со времени выхода книги были обнаружены новые источники, позволившие раскрыть некоторые ранее неизвестные аспекты воинских мобилизаций.

Что же представляли собой военно-мобилизационные ресурсы западносибирского региона накануне Великой Отечественной войны? Население Западной Сибири (в границах Омской, Новосибирской областей и Алтайского края по административно-территориальному устройству 1941 г.) на начало 1941 г. насчитывало 9,3 млн чел. Подавляющее большинство сибиряков – свыше 6,5 млн чел. (71,1 %) проживали в сельской местности¹. Поскольку в военные годы бронирование специалистов на предприятиях практиковалось главным образом в городах, соотношение городского и сельского населения имело очень большое значение при проведении воинских мобилизаций.

Не меньшую роль играло соотношение возрастно-половых групп в населении. В Западной Сибири перед началом войны количественно доминировали женщины. Численность мужчин, т. е. гендерной группы, которая имела особую ценность при проведении воинских мобилизаций, на начало 1941 г. составляла 4,5 млн чел., из которых 1,6 млн мужчин находились в призывном возрасте (18 – 45 лет). Из этого количества около 158 тыс. мужчин не подлежало призыву из-за состояния здоровья, а около 200 тыс. предполагалось

закрепить как специалистов за различными отраслями экономики. Следовательно, Западная Сибирь в случае войны могла выделить для фронта около 1,2 млн мужчин². Кроме того, в регионе сосредоточивалось большое число подростков, которые по мере взросления вступали в призывной возраст. Согласно переписи 1939 г. удельный вес подростков 12–19 лет в составе мужского населения Западной Сибири составлял 19 %³. В совокупности этих ресурсов было вполне достаточно для укомплектования вооруженных сил. Вопрос состоял в эффективном использовании имеющегося в наличии резерва живой силы.

Мобилизация военнообязанных в Советском Союзе была развернута сразу же после начала боевых действий. В первый же день войны, 22 июня 1941 г., был обнародован указ Президиума Верховного Совета СССР «О мобилизации военнообязанных». Указ предусматривал развертывание воинской мобилизации граждан 1905–1918 гг. рождения по 14 военным округам [6, с. 40–41]. Во исполнение Указа к 1 июля 1941 г. из всех тыловых военных округов в армию было направлено 5,3 млн чел. [7, с. 257]. К этому времени численность РККА была доведена до 9,6 млн красноармейцев и командиров [8, с. 63]. Но уже через месяц, к 1 августа, фактическая численность Красной армии из-за огромных боевых потерь понизилась до 6,7 млн чел. [9, с. 98.]. В связи с этим 10 августа 1941 г. Государственный Комитет Обороны (ГКО) принял постановление «О мобилизации военнообязанных 1890–1904 гг. рождения и призывников 1922–1923 гг. рождения» [10, с. 452]. Вторая волна мобилизации должна была возместить потери, понесенные Красной армией летом 1941 г. По сведениям С.Н. Михалева, в целом за первые шесть месяцев войны в Вооруженные Силы было направлено почти 12 млн чел. [9, с. 99.] В результате двух волн массовых воинских мобилизаций резерв военнообязанных в тыловых районах СССР был в значительной степени исчерпан. На этом столь масштабные мобилизации в Вооруженные Силы Советского Союза пришлось прекратить. Теперь в армию призывалась молодежь, по мере взросления вступавшая в призывной возраст. Проводились также частичные мобилизации военнообязанных запаса старших возрастов. В целом по СССР за период с начала войны до 1 сентября 1942 г., по расчетам Главупраформа, «было изъято из страны» свыше 18 млн чел. [9, с. 99, 106.]

Западная Сибирь рассматривалась советским руководством как важный источник людских ресурсов, необходимых для укомплектования Вооруженных Сил личным составом. Мобилизационные телеграммы пришли в Сибирь вечером 22 июня, а уже на следующий день на призывные участки прибыли первые тысячи мужчин. За пять месяцев после начала Великой Отечественной войны, к 1 декабря 1941 г. Западная Си-

² Там же.

³ Там же. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 266. Л. 3; Д. 311. Л. 3; Д. 313. Л. 3.

¹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 997. Л. 53, 55.

Мобилизация мужской части населения Западной Сибири* (на 1 декабря 1941 г.), тыс. чел.

Регион	Всего мужчин призывного возраста 18–45 лет	Не призвано по состоянию здоровья	Забронировано в экономике	Призвано в армию
Всего	1576,8	157,7	204,0	1057,4
Городские поселения	551,9	55,1	154,5	287,0
Сельская местность	1024,9	102,6	49,5	770,4

*Западная Сибирь в составе Алтайского края, Омской и Новосибирской областей по административно-территориальному устройству 1941 г.

Составлена по: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 997. Л. 53, 55.

бирь отдала в армию свыше миллиона чел. В городских поселениях было мобилизовано 52 % мужчин, а в сельской местности, где бронирование военнообязанных использовалось в ограниченном масштабе, – свыше 75 % мужчин. Таким образом, уже к концу 1941 г. в тылу оставались мужчины, непригодные к службе в армии по состоянию здоровья, забронированные за отраслями экономики, имеющими оборонное значение, или сумевшие уклониться от призыва.

Из-за огромных боевых потерь этого оказалось недостаточно. Война, как ненасытный Молох, пожирала человеческие жизни. На запад уходили сотни тысяч необученных и плохо вооруженных бойцов, которые закрывали своими телами бреши в линии фронта, пробитые немецкими танковыми клиньями. На место убитых, искалеченных, пленных, пропавших без вести вставляли новые тысячи бойцов. В 1941 г. вермахтом было разгромлено и уничтожено 186 советских расчетных дивизий (*под расчетной дивизией понимается суммарное количество дивизий и бригад, при этом две бригады условно приравниваются к одной дивизии.* – В. И.), однако в глубоком тылу было сформировано дополнительно 526 дивизий. В 1942 г. противник уничтожил почти 130 советских расчетных дивизий. Но тыл, напрягая все силы, выделил бойцов для укомплектования 270 дивизий [11, с. 56].

В Западной Сибири в конце 1941 г. были сформированы 14 стрелковых и 3 кавалерийские дивизии, 5 отдельных лыжных и морских стрелковых бригад. Среди них 362-я дивизия омичей, 368-я дивизия тюменцев, 370-я дивизия новосибирцев, 376-я дивизия кузбассовцев, 380-я дивизия алтайцев и др. В 1942 г. в Омской области были созданы 308-я (позднее 120-я гвардейская), 229-я, 282-я стрелковые дивизии, на Алтае – 312-я и 315-я дивизии. В Новосибирской области были сформированы 235-я, 150-я и 140-я стрелковые дивизии, 278-я истребительная авиадивизия, в Кузбассе – 237-я и 303-я дивизии, в районе Томска – 284-я (позднее 79-я гвардейская) дивизия [1, с. 38; 2, с. 13, 31, 50, 58, 74, 81, 91, 106, 114, 124, 127, 157, 165, 199, 207, 214, 221, 228, 234, 247, 260, 276, 279, 283].

Помимо этого на пополнение боевых частей россыпью уходили многочисленные маршевые баталь-

оны и роты. Так, 23-я запасная стрелковая бригада СибВО в течение первых месяцев войны отправила на фронт 58 маршевых батальонов и рот. За год своего существования она послала в действующую армию 706 маршевых батальонов и рот, в составе которых находились почти 300 тыс. рядовых и около 6,5 тыс. командиров [2, с. 26]. 39-я запасная стрелковая бригада в течение первого года Великой Отечественной войны откомандировала для боевых подразделений Красной армии 1000 маршевых рот [8, с. 75]. Запасная стрелковая бригада № 29, дислоцировавшаяся в Омской области, с 15 сентября 1941 г. по 1 января 1944 г. обучила и отправила в действующую армию 1103 маршевые роты⁴.

Выдержать страшные удары вермахта в 1941 – 1942 гг. и выиграть драгоценное время Советский Союз смог только благодаря миллионам спешно мобилизованных, на скорую руку вооруженных, подготовленных по сокращенной месячной программе и быстро переброшенных на фронт резервистов. Начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Ф. Гальдер 11 августа 1941 г. записал в своем служебном дневнике: «Колосс-Россия... был нами недооценен... К началу войны мы имели против себя около 200 дивизий противника. Теперь мы насчитываем уже 360 дивизий противника. И даже если мы разобьем дюжину таких дивизий, русские сформируют новую дюжину» [12, с. 306.]. К аналогичным выводам пришла и немецкая разведка. Начальник отдела «Иностранные армии Востока» Генерального штаба вермахта Р. Гелен писал: «Советам удалось за короткое время мобилизовать многие миллионы жителей из глубинных районов страны, сформировать из них новые дивизии, обмундировать, вооружить, организовать на скорую руку боевую выучку и направить на фронт. Несмотря на то, что русские в сражениях под Киевом, Вязмой и Брянском понесли огромные потери, мы установили к настоящему времени наличие в Красной армии примерно такого же числа дивизий и частей, что и в начале войны» [13, с. 26].

⁴ ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3912. Л. 25.

Однако германские военачальники могли только догадываться, какое перенапряжение испытывала демографическая подсистема советского тыла. Вследствие крупномасштабных мобилизаций численность и удельный вес мужчин активного возраста в тыловых регионах страны сократились до минимальных величин. Людские ресурсы Западной Сибири были предельно истощены. В Алтайском крае уже к октябрю 1942 г. было мобилизовано 279 508 чел., из них 250 400 рядовых, 9 215 чел. начсостава и 19 893 младших командира. Было мобилизовано также 66 053 призванного 1922, 1923 и 1924 гг. рождения⁵. К 10 июня 1943 г. число отправленных в действующую армию жителей Алтайского края достигло 459 784⁶. В первой половине 1944 г. в Красную армию дополнительно было призвано 20 660 алтайцев, в т. ч. 155 чел. офицерского, 19 928 чел. сержантского и рядового состава, 582 женщины. С 1 июля по 1 октября 1944 г. в Красную армию дополнительно было направлено 11 264 чел., из них 108 офицеров, 9 110 сержантов⁷. Таким образом, за 3 года и 4 месяца войны край отдал фронту почти 500 тыс. чел. Таким образом, к концу 1944 г. Алтай передал Красной армии практически всех мужчин призывного возраста.

В Новосибирской области с 22 июня 1941 г. по 1 октября 1942 г. было мобилизовано 15 815 чел. начсостава, 44 829 чел. младшего начсостава, 373 817 рядовых. Кроме того, в порядке очередных и досрочных призывов в Красную армию ушли 56 555 юношей 1922 г. рождения, 31 183 молодых людей 1923 г. рождения, 38 228 юношей 1924 г. рождения. На комплектование военных училищ область выделила 28 301 чел. Как видим, в Красной армии к 1 октября 1942 г. служили 558 758 жителей области, что составляло свыше 75 % от числа мужчин призывного возраста 18–45 лет⁸.

Особенно сложной была ситуация в сельской местности Новосибирской области. В качестве примера истощения людских ресурсов приведем телеграмму в обком, отправленную 7 июля 1943 г. секретарем Венгеровского райкома Силенюком. Он телеграфировал: «На протяжении двух лет войны райвоенкомат прикладывает усилия выполнению нарядов облвоенкомата и облисполкома посылки людей как в армию так заводы большим напряжением мы выполнили наряды облвоенкомата забрав в колхозах председателей колхозов и даже последних кузнецов плотников и других людей требуемых ресурсов в районе нет отправить же последних кузнецов плотников председателей колхозов заведующих ферм не возможно дальнейшем прошу учесть напряженное положение людьми районе»⁹.

Тем не менее Генеральный штаб и Главупраформ потребовали в первом полугодии 1943 г. призвать до-

полнительно в Новосибирской области 86 081 чел.¹⁰ Выполняя мобилизационные задания, военкоматы области с 1 января по 1 июля 1943 г. призвали 4 054 чел. младшего начсостава, 41 427 чел. рядового состава и 37 181 чел. призванных 1922–1925 г. рождения. Кроме того, за этот же период было призвано и направлено в войска 343 чел. старшего начсостава¹¹. Всего, таким образом, в первом полугодии 1943 г. для Красной армии было мобилизовано 83 005 чел. Таким образом, наряды были в основном выполнены, за исключением набора в военные училища. Но дополнительно, сверх задания, для укомплектования специальных частей в армию были направлены «особо проверенные» коммунисты и комсомольцы: для пополнения Сталинской дивизии добровольцев-сибиряков – 1 335 чел., для 4-го гвардейского минометного полка – 120 чел., для укомплектования новосибирского батальона добровольцев-сибиряков – 300 чел., в Сталинский гвардейский корпус добровольцев – 546 чел.¹²

Данные табл. 2 свидетельствуют, что в результате крупномасштабных изъятий количества людей, к 1 июля 1943 г. на воинском учете в Новосибирской области осталось 148 697 чел. Однако из этого числа призвать в действующую армию можно было только 487 чел., годных к строевой службе, и 7446 чел., годных к нестроевой. Таким образом, людской потенциал области, казавшийся в начале войны неисчерпаемым, к середине 1943 г. был предельно истощен.

Тем не менее Главупраформ потребовал во втором полугодии 1943 г. призвать дополнительно 57,4 тыс. чел.¹³ Путем перенапряжения всех сил область сумела в основном выполнить мобилизационное задание. С 1 июля по 31 декабря 1943 г. в Новосибирской области для укомплектования воинских частей и военных училищ было призвано 2 676 чел. сержантского состава, 33 220 рядовых, 18 898 призванных 1922–1926 гг. рождения. Кроме того, было мобилизовано и направлено в войска 482 офицера запаса¹⁴. Мобилизационное задание было невыполнено всего на 3,7 %. Но сверх того, область выделила людей для укомплектования специальных частей. В гвардейскую Сталинскую дивизию добровольцев-сибиряков было направлено 150 чел., для 4-го минометного полка – 45 чел.¹⁵

Всего в 1943 г. Новосибирская область направила в Красную армию более 142 тыс. чел., в том числе свыше 6 тыс. чел. младшего начсостава, почти 71 тыс. рядовых и 53 тыс. призванных 1922–1926 гг. рождения, а также большое число «особо проверенных» добровольцев, коммунистов и комсомольцев для специальных формирований. Таким образом, с начала войны до конца 1943 г. Новосибирская область передала в РККА около 742 тыс. бойцов¹⁶. Сверх мобзаданий, с 1 января

⁵ ЦХАФАК. Ф. 1. Оп. 18. Д. 152. Л. 76.

⁶ Там же. Д. 286. Л. 22.

⁷ Там же. Д. 614. Л. 1.

⁸ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 6. Л. 397–397 об.

⁹ Там же. Оп. 7. Д. 672. Л. 65–66.

¹⁰ Там же. Д. 640. Л. 2 об.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 3.

¹³ Там же. Л. 9 об.

¹⁴ Там же. Л. 37–37 об.

¹⁵ Там же. Л. 38.

¹⁶ Там же. Д. 40. Л. 26–27.

Людские ресурсы Новосибирской области* на 1 июля 1943 г. (число лиц, состоящих на воинском учете)

Категория учета	Чел.
1. Военнообязанные общего учета	
В том числе:	11 205
а) строевые	487
б) нестроевые	7 446
в) годные к физическому труду	707
г) получившие отсрочки по болезни	873
д) отсеянные по ПМС	1 692
2. Военнообязанные специального учета (забронированные)	73 495
3. Военнообязанные, переданные для работы в промышленность	16 170
4. Призывники, 1922–1925 гг. рождения, пользующиеся отсрочками как учащиеся и работающие в военной промышленности	9 345
5. Военнообязанные – женщины	3 540
Всего военнообязанных	113 755
Военнослужащие в отпусках по болезни и ранению	181
Негодные к службе в армии со снятием с учета	34 761
Всего людских ресурсов	148 697

* По административно-территориальному устройству 1942 г.
Составлена по: ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 640. Л. 9 об.

по 1 декабря 1943 г. Новосибирская область (без Кемеровской области, но включая Томскую область) дополнительно выделила для Красной армии 47 тыс. чел., а для рабочих колонн – почти 55 тыс. чел.¹⁷

В Омской области к июлю 1944 г. в Красную армию было направлено 476 тыс. чел.¹⁸ Весь запас мужских ресурсов области в середине 1944 г. определялся мизерной цифрой – 118 тыс. чел. Из них нестроевых и годных к физическому труду насчитывалось 12 тыс. чел.; военнообязанных, получивших отсрочку от призыва, и красноармейцев-отпускников – 630 чел., отсеянных по ПМС и национальным признакам – 2 675 чел., негодных со снятием с военного учета – 44 тыс. чел. Число забронированных за сельским хозяйством составляло 6,8 тыс., за промышленностью – 52 тыс. чел. Кроме того, в области проживала 21 тыс. мужчин, инвалидов войны, из них 287 инвалидов I группы¹⁹.

По сути дела, Западная Сибирь отдала фронту все, что могла. В западносибирской деревне, по данным переписи 1939 г., численность мужчин призывного возраста (18–49 лет) составляла приблизительно 1081 тыс. чел.²⁰ Единовременная отчетность сельсоветов засвидетельствовала, что к 1 января 1943 г. их осталось всего 304 тыс.²¹, а к 1 января 1945 г. – 225 тыс. чел.²²

¹⁷ Там же. Оп. 8. Д. 597. Л. 215.

¹⁸ ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3913. Л. 22.

¹⁹ Там же. Л. 22, 23, 36.

²⁰ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 266. Л. 3; Д. 311. Л. 3; Д. 313.

Л. 3.

²¹ Там же. Оп. 329. Д. 1009. Л. 51.

²² ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 332. Л. 24, 39, 40, 57, 59.

Удельный вес мужчин в возрастной группе 18–24 года в сельской местности Западной Сибири на начало 1943 г. составлял всего 18,9 %, в возрастной группе 25–49 лет – 20,4 %, на начало 1945 г. соответственно – 20,7 и 20,2 % [5, с. 102].

Таким образом, людской потенциал Западной Сибири к 1943 г. был ослаблен настолько, что свободных ресурсов, годных к службе в армии, по существу, не осталось. Промышленность, транспорт, стройки, сельское хозяйство испытывали острейший дефицит рабочей силы. В производство вовлекали подростков, стариков, неработающих женщин. Мобилизационная форма привлечения людских ресурсов была распространена не только на армию, но и на различные отрасли экономики. Что касается людских ресурсов, необходимых для фронта, то их приходилось выявлять в ходе особых мероприятий. Для того чтобы компенсировать огромные боевые потери и обеспечить Красную армию живой силой, регулярно проводилось разбронирование работников, перерегистрации стоявших на учете военнообязанных, медицинские переосвидетельствования граждан, получивших отсрочки от призыва по состоянию здоровья. Кроме того, проводился призыв ранее непризывных граждан: спецпереселенцев, лиц, отсеянных по так называемому политико-моральному состоянию (ПМС) и национальным признакам. На фронт направлялись бойцы рабочих колонн, а также заключенные.

Только в самом конце Великой Отечественной войны ситуация с воинскими мобилизациями несколько стабилизировалась. Наряды на призыв в первом по-

лугодии 1945 г. по сравнению с 1944 г. были значительно сокращены. Так, в Новосибирске в Красную армию в 1944 г. было призвано свыше 20 тыс. чел., тогда как за 4 месяца и 19 дней 1945 г. всего 5 008 чел.²³ Но с учетом крайнего истощения людского потенциала выполнение этого, даже сокращенного наряда, как указывалось в отчете военного отдела Новосибирского горкома, было «нелегким делом»²⁴. Наряды выполнялись исключительно за счет медицинского переосвидетельствования военнообязанных, годных к нестроевой службе, а также граждан, ранее снятых с учета по состоянию здоровья. Немаловажную роль при выполнении последних нарядов играло дополнительное разбронирование и замена занятых в промышленности и на стройках строевых военнообязанных нестроевыми и женщинами.

Начавшаяся 9 августа 1945 г. война с Японией не потребовала дополнительных людских ресурсов. Советский Союз, имевший к этому времени 11-миллионную армию, смог обойтись без дополнительной мобилизации до предела истощенных людских ресурсов тыла. 20 мая 1945 г. из Западной Сибири ушли последние воинские эшелоны. Чрезвычайная воинская мобилизация в действующую армию была прекращена. Молодые люди 1928 г. рождения, поздней осенью 1944 г. – в начале зимы 1945 г. взятые на воинский учет и прошедшие приписку к призывным участкам, в 1945 г. в армию не призывались и на фронт не попали. А 26 июня 1945 г. в Западную Сибирь прибыл первый эшелон с демобилизованными воинами старших возрастов.

Всего за годы войны в СибВО в 1941–1945 гг. в Красную армию, согласно официальным источникам, было мобилизовано 2621,3 тыс. чел. Если считать, что численность населения, проживавшего на территории, подведомственной СибВО (Алтайский и Красноярский края, Новосибирская и Омская области по административно-территориальному устройству 1941 г., но без современной Тюменской области, которая входила в состав Уральского военного округа [4, с. 33], на 1 января 1941 г. составляла 10,4 млн чел., то под ружьем оказалось 25 % сибиряков. Из этого числа не вернулось с войны 817,6 тыс. чел. [4, с. 39]. Таким образом, в 1941–1945 гг. было потеряно 32 % мобилизованных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Молочаев И.П.* Боевой путь сибирских дивизий в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 323 с.
2. *Верховцева З.П.* Солдаты Сибири. 1941–1945. Кемерово, 1978. 336 с.

3. Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: статистическое исследование. М.: Воен. изд-во, 1993. 415 с.

4. *Население России в XX веке: исторические очерки.* М.: РОССПЭН, 2001. Т. 2. 416 с.

5. *Исупов В.А.* Главный ресурс Победы. Людской потенциал Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1939–1945 гг.). Новосибирск: Сова, 2008. 378 с.

6. Законодательные и административно-правовые акты военного времени. С 22 июня 1941 г. по 22 марта 1942 г. М.: Юридическое изд-во НКЮ СССР, 1941. 144 с.

7. 50 лет Вооруженных сил СССР. М.: Воениздат, 1968. 583 с.

8. *Мохоров Г.А.* Защищая Родину (создание стратегических резервов на территории Российской Федерации в годы войны 1941–1945 гг.). СПб.: Петрополис, 1995. 170 с.

9. *Михалев С.Н.* Людские потери в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: стат. исследование. Красноярск, 2000. 144 с.

10. Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия. М., 1985.

11. От редакции // Военно-исторический журнал. 1995. № 3.

12. *Гальдер Ф.* Военный дневник. 1941–1942. М.: АСТ, 2003. 893 с.

13. *Гелен Р.* Война разведок. Тайные операции спецслужб Германии. 1942–1971. М.: ЦЕНТРПОЛИГРАФ, 2003. 427 с.

REFERENCES

1. *Molochaev I.P.* Battle path of Siberian divisions during Great patriotic war 1941–1945. Novosibirsk, 2005. (In Russ.)

2. *Verkhovtseva Z.P.* Soldiers of Siberia. 1941–1945. Kemerovo, 1978. (In Russ.)

3. The secrecy is lifted: losses of the USSR armed forces in wars, operations and military conflicts: statistical study. Moscow, 1993. (In Russ.)

4. Population of Russia at XX century: historical studies. Moscow, 2001. Vol. 2. (In Russ.)

5. *Isupov V.A.* The main resource of Victory. Human potential of Western Siberia during the Great Patriotic war (1939–1945). Novosibirsk, 2008. (In Russ.)

6. Legislative and administrative acts of war time. June 22, 1941 – march 22, 1942. Moscow, 1941. (In Russ.)

7. 50 years of USSR Armed forces. Moscow, 1968. (In Russ.)

8. *Mokhorov G.A.* Defending Motherland (building up strategic reserves in Russian Federation during the war 1941–1945). Novosibirsk, 2008. (In Russ.)

9. *Mikhalev S.N.* Human losses during Great patriotic war 1941–1945: statistical study. Krasnoyarsk, 2000. (In Russ.)

10. The Great Patriotic war 1941–1945: encyclopedia. Moscow, 1985. (In Russ.)

11. Editor words // *Voyenno-istoricheskij Zhurnal.* 1995. № 3. (In Russ.)

12. *Galder F.* War diary. 1941–1943. Moscow, 2003. (In Russ.)

13. *Gehlen R.* The War of secret services. Covert operations of German secret services. 1942–1971. Moscow, 2003. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 05.05.2015

²³ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 9. Д. 435. Л. 1.

²⁴ Там же. Л. 2.

УДК 001.89(571)(092)''1941/1945''

Н.А. КУПЕРШТОХ

**АКАДЕМИК А.А. СКОЧИНСКИЙ – ОРГАНИЗАТОР НАУКИ В СИБИРИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Наталья Александровна Куперштох,
канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8
e-mail: nataly.kuper@gmail.com

В статье рассмотрена деятельность академика А.А. Скочинского (1874–1960) – организатора Западно-Сибирского филиала АН СССР в годы Великой Отечественной войны. Работа в составе Комиссии АН СССР по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны страны привела А.А. Скочинского и его коллег к идее скорейшего создания академического центра в Западной Сибири. Давняя идея создания научного сообщества реализовалась в годы войны в сжатые сроки. В 1943 г. СНК СССР принял постановление об организации Западно-Сибирского филиала АН СССР. На посту организатора и руководителя филиала оказался востребован весь предыдущий опыт научно-организационной деятельности академика А.А. Скочинского. То, что филиал динамично развивался как в годы войны, так и в послевоенный период, несомненная заслуга его руководителя академика А.А. Скочинского – корифея отечественной горной науки.

Ключевые слова: академик А.А. Скочинский, Великая Отечественная война, Комиссия АН СССР по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны страны, Западно-Сибирский филиал АН СССР.

N. A. KUPERSHTOKH

**ACADEMICIAN A. A. SKOCHINSKY AS AN ORGANIZER OF SCIENCE
IN SIBERIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Natalia A. Kupershtokh,
Candidate of Historical Sciences
Institute of History of SB RAS,
8 Nikolaev St., Novosibirsk, 630090
e-mail: nataly.kuper@gmail.com

The article considers the role and activities of Academician A. A. Skochinsky (1874–1960) as an organizer of the West-Siberian branch of the USSR Academy of Sciences during the Great Patriotic War. Although projects on creating academic centers in Western Siberia had existed before, none of them was ever implemented due to multiple reasons. Under war conditions the integrated brigades of the USSR Academy of Sciences Commission for the Mobilization of Resources of the Urals, West Siberia and Kazakhstan for the Country Defense Needs began their activities in Siberia. However, they relied not on the branches of the Academy of Sciences, as it was in the Urals and Kazakhstan, but mostly on the committees of scientists from Novosibirsk, Tomsk, Stalinsk.

An urgent need for coordinating activities of the Commission's scientists and local scientific manpower prompted A. A. Skochinsky and his colleagues to suggest that an academic center must be established in Western Siberia as soon as possible. Their proposal coincided with the pre-war aspirations of Siberian scientists and was implemented in a remarkably short time. In March 1943 Academicians A. Skochinsky and L. Shevyakov presented their project of the future Siberian Branch to the Novosibirsk Regional Executive Committee. In October the USSR Council of People's Commissars issued a decree on organizing the West Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences in Novosibirsk.

The concept of the West Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR envisaged not only the needs of wartime, but also prospects for further post-war development of science and the Siberian region in the form of the program of productive forces integrated study. As an organizer and head of the West Siberian Branch Academician A. A. Skochinsky used all his previous experience of scientific and organizational activities. The fact that the Branch rapidly developed during the wartime and the postwar period was undoubtedly to be credited to its first leader.

West Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences during the fifteen years of its activities became the largest academic center of the country. The branch coordinated studies in a number of scientific fields not only in West Siberia, but also in the USSR Academy of Sciences. The activities of the USSR Academy of Sciences connected with developing the Siberian resource potential during the war laid the foundation for further industrial development of the region as well as creation of regional branches of the USSR Academy of Sciences in the post-war period. The WSB

potential promoted the development of the Siberian Branch of the USSR/Russian Academy of Sciences; academic institutions organized on the initiative and with participation of Academician A. Skochinsky remain among the SB RAS members.

Keywords: Academician A. A. Skochinsky, World War II, the USSR Academy of Sciences Commission for the Mobilization of Resources of the Urals, West Siberia and Kazakhstan for the Country Defense Needs, West Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences.

Имя академика Александра Александровича Скочинского (1874–1960) хорошо известно как в нашей стране, так и за рубежом. Выдающийся ученый, организатор науки и педагог, он многое сделал для развития не только российской, но и сибирской академической науки. В разгар Великой Отечественной войны А.А. Скочинский вместе с коллегами реализовал давнюю идею научного сообщества – организовал и возглавил первый в Сибири филиал Академии наук СССР. В концепцию Западно-Сибирского филиала АН СССР закладывались не только потребности военного времени, но и перспективы дальнейшего послевоенного развития науки и Сибирского региона в виде программы комплексного изучения производительных сил.

Жизни и деятельности академика А.А. Скочинского посвящено немало работ. В обстоятельной биографии Г.Д. Лидина [1] представлена подробная биография ученого, различные аспекты его научной работы раскрыты в публикациях Н.В. Мельникова [2], К.Н. Трубецкого [3], Л.В. Зворыгина и М.В. Курлени [4], Е.Н. Чемезова [5]. Сложному периоду жизни А.А. Скочинского посвящена статья С.А. Красильникова [6]. Научно-организационная деятельность ученого кратко рассмотрена в контексте истории ЗСФ АН СССР в монографии Т.Н. Осташко [7], статьях Н.А. Куперштох [8; 9]. Имеющуюся историографию добавляют издания справочного характера: статьи в энциклопедиях и словарях.

Данная публикация – первая попытка подробно исследовать деятельность А.А. Скочинского как организатора Западно-Сибирского филиала АН СССР в годы Великой Отечественной войны. Цель статьи – через призму биографии А.А. Скочинскому показать, как формировался опыт ученого и организатора науки, позволивший сплотить региональное научное сообщество на выполнение задач оборонного характера, создать и возглавить первый академический центр в Сибири. Исследование основано на документах Архива РАН и Научного архива СО РАН, материалах периодической печати, источниках личного происхождения (дневник академика Л.Д. Шевякова).

А. Скочинский родился 1(13) июля 1874 г. в Олёмкинском улусе Якутии. Его отца, дворянина Александра Медардовича, сослали в Сибирь за участие в польском восстании 1863–1864 гг. Со временем семья Скочинских переехала в г. Красноярск, чтобы дети смогли получить образование. После окончания красноярской гимназии с золотой медалью (1893 г.) Александр поступил на физико-математический факультет Петербургского университета, а затем перевелся в Петербургский горный институт (ПГИ). В это время в вузе преподавали известные ученые А.П. Карпинский, А.А. Борисяк, Н.С. Курнаков, Г.Д. Романовский и др.

[1, с. 14]. Наставниками А.А. Скочинского являлись И.А. Тиме – основатель российской школы горнозаводской механики, и Н.Д. Коцовский – крупнейший знаток угольных разрезов Донбасса. Преддипломную практику студент проходил на одной из шахт Донбасса, он представил отчет с теоретическим обоснованием и практическими выводами улучшения системы безопасности шахт. Параллельно с учебной и научной работой А. Скочинский учил сразу несколько языков – английский, французский и немецкий.

После окончания вуза (1900 г.) А. Скочинский был избран Советом ПГИ кандидатом в адъюнкты по кафедре горного искусства¹ и вскоре командирован в Европу, где изучал горное дело в Германии, Бельгии, Австро-Венгрии, Франции, а затем обследовал рудники Домбровского бассейна в Польше для выяснения состояния их безопасности. В первых статьях А. Скочинский обобщил, в частности, опыт эксплуатации шахт Рурского бассейна, который имел много общего с Донбассом. Вскоре молодого ученого включили в состав Комиссии по борьбе с взрывами газов и угольной пыли в угольных шахтах России. Результаты наблюдений и исследований А. Скочинский обобщил в диссертации «Рудничный воздух и основной закон движения его по выработкам» (1905 г.). После защиты диссертации служебный рост выразился в избрании адъюнкт-профессором, экстраординарным и ординарным профессором по кафедре горного искусства ПГИ².

В 1908 г. А.А. Скочинский принял участие в работе I Международного конгресса по спасательному делу в Германии. Работа рудничной секции была посвящена вопросам постановки спасательного дела при горных работах, в частности, при взрывах и пожарах. Через пять лет А.А. Скочинский был избран почетным председателем этой секции. Параллельно с международной деятельностью ученый активно развивал эту область исследований в ПГИ как профессор кафедры горного искусства. Он организовал лаборатории рудничной вентиляции и горноспасательного дела и разработал учебные курсы по этим проблемам [2, с. 18]. В петербургском (ленинградском) вузе ученый проработал вплоть до перевода в Московский горный институт (1930 г.). За десятилетия профессорско-преподавательской деятельности он подготовил сотни квалифицированных горных инженеров.

А.А. Скочинский был среди тех специалистов (Н.А. Чинакал, Л.Д. Шевяков др.), которых советская власть отправила перенимать лучший зарубежный опыт в области горного дела. Он побывал в Германии

¹ Научный архив Сибирского отделения РАН (НАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1073. Л. 4.

² Там же.

(1922 г.), Англии и США (1924–1925 гг.), Германии и США (1927–1928 гг.), где изучал работу рудников и заводов, технологию разработки тонких пластов угля. Вторая заграничная командировка завершилась выходом монографии «Современные угольные рудники Америки и Великобритании и проблемы механизации на рудниках Донбасса» (1925 г.). Изложенные в книге предложения по вопросам механизации угледобычи реализованы в проектах новых и при эксплуатации существующих шахт Донбасса.

К концу 1920-х гг. личность А.А. Скочинского была хорошо известна специалистам угольной промышленности в СССР и за рубежом. Он зарекомендовал себя блестящим теоретиком и практиком в области горного дела, явился ведущим специалистом в области рудничной аэродинамики, борьбы с газопроявлениями в горных выработках и т.п. Ученый выступал консультантом многих организаций, входил в технические советы трестов («Донуголь» и др.). Это не помешало ОГПУ в апреле 1928 г. арестовать А.А. Скочинского как члена «контрреволюционной организации, действовавшей во вред хозяйству Донецкого бассейна». Однако он сумел доказать абсурдность предъявленного ему обвинения, и за неимением доказательств вскоре был освобожден [6, с. 105–108].

После переезда из Ленинграда в Москву А.А. Скочинский организовал кафедру рудничной вентиляции в Московском горном институте, профессором которой оставался до последних дней жизни. В Москве он консультировал Наркомтяжпром, Главуголь, Метрострой [1, с. 78]. Ученый вошел в редакционные коллегии ряда журналов, издал многолетний труд «Рудничная атмосфера» (1932 г.). Монография стала настольной книгой для инженерно-технических работников горных предприятий, а подготовленный на ее основе учебник «Рудничная вентиляция» (совместно с В.Б. Комаровым) выдержал несколько изданий, в том числе в Румынии и Болгарии.

После присвоения ученой степени доктора технических наук (1934 г.) и звания Заслуженного деятеля науки и техники перед ученым открылись новые горизонты. В 1935 г. А.А. Скочинский избран действительным членом АН СССР по Отделению технических наук (ОТН)³, в котором возглавил Группу горного дела. В нее вошли известные ученые – А.П. Карпинский, И.М. Губкин, В.А. Обручев, В.И. Вернадский, А.Е. Ферсман, Н.Д. Зелинский, Н.С. Курнаков, С.Г. Струмилин, А.М. Терпигорев, Л.Д. Шевяков и др. [3, с. 629].

Потенциал Группы явился основой созданного по инициативе А.А. Скочинского первого в стране Института горного дела АН СССР (1938 г.), директором которого он являлся более 20 лет. Среди первых сотрудников – А.М. Терпигорев, Е.М. Фаерман, Г.Д. Лидин, А.П. Судоплатов, В.И. Барановский, П.П. Нестеров и др. Круг научных проблем института – рудничная аэрология и вентиляционные процессы, механика гор-

ных пород, горная механика. Директор института А.А. Скочинский развил фундаментальные основы движения воздуха в шахтах, разработал теорию газодинамических явлений и аэродинамических режимов, предложил методы предотвращения взрывов метана и угольной пыли.

Таким образом, академиком А.А. Скочинским еще до начала Великой Отечественной войны был накоплен огромный опыт научной, научно-организационной и педагогической деятельности, который он реализовал в Сибири.

С июня 1941 г. деятельность Академии наук СССР была подчинена задачам обороны страны. Сформированная в августе-сентябре 1941 г. на базе Уральской комплексной экспедиции СОПС [10, с. 93] Комиссия АН СССР по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны страны в дальнейшем расширила деятельность и стала называться Комиссией по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны страны (далее – Комиссия). Ее возглавил президент АН СССР академик В.Л. Комаров, а местом нахождения определен г. Свердловск. Работа Комиссии была тесно увязана с подразделениями Уральского филиала АН СССР. В состав Комиссии вошли многие выдающиеся ученые, в том числе академик А.А. Скочинский. Его деятельность была связана с мониторингом работы предприятий и шахт, улучшением технологий добычи и переработки угля по всей стране. Приведем только один пример его деятельности на Урале. Бригада во главе с академиком А.А. Скочинским и Л.Д. Шевяковым, изучив способы добычи челябинских углей открытым способом, предложила меры по увеличению добычи до 20,5 тыс. т ежедневно⁴.

В Западной Сибири Комиссия развернула работу в полном объеме во второй половине 1942 г. Главные координаторы сибирского блока академики И.П. Бардин и А.А. Скочинский опирались в основном на комитеты ученых Томска, Новосибирска, других городов. Отсутствие научного центра в регионе (филиала Академии наук) затрудняло координацию на местах. Объектом особого внимания ученых являлся Кузбасс – одна из важнейших угледобывающих и металлургических баз страны в годы войны. А.А. Скочинский не раз выезжал туда как руководитель комплексных бригад Комиссии [4, с. 8–10]. Академик Л.Д. Шевяков отмечал «исключительную работоспособность, такт, выдержку, предусмотрительность и заботливость обо всех и обо всем нашего руководителя А.А. Скочинского» [11, с. 215]. При участии ученых А.Е. Пробста, А.П. Судоплатова, В.И. Белова, Н.А. Чинакала и других удалось оптимизировать работу шахт по увеличению добычи угля. Решающее значение имело применение технологии Н.А. Чинакала, которая давала возможность без закладки новых шахт увеличить добычу угля в 4–5 раз.

³ Там же.

⁴ Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 666. Оп. 1. Д. 3. Л. 15.

В первых числах марта 1943 г. во время выполнения очередного ответственного задания в Кузбассе академики А.А. Скочинский и Л.Д. Шевяков совместно с томскими профессорами Н.А. Чинакалом и Д.А. Стрельниковым пришли к выводу о необходимости создания Сибирского филиала Академии наук СССР. Академик Л.Д. Шевяков записал в своем дневнике: «22 марта акад. А.А. Скочинский, я и В.М. Гальперин посетили председателя Новосибирского облисполкома т. Гришина и кратко рассказали ему о работах Академии наук по Сибири. Затем мы поставили вопрос об учреждении Сибирского филиала Академии, который по существу должен обслуживать все (или некоторые) сибирские области. Главная задача филиала – изучение производительных сил Сибири и координация научных сил» [12, с. 168–169]. 20 апреля 1943 г. после обсуждения вопроса о переводе Комиссии из Свердловска в Москву бюро Комиссии приняло решение: «Работу по Западной Сибири считать необходимым проводить на основе организации базы Академии наук в одном из промышленных центров Западной Сибири (Сталинске или Кемерово). Просить Президиум Академии наук возбудить перед СНК СССР ходатайство об организации в составе Академии наук базы по Западной Сибири»⁵.

Вопрос о местонахождении академического центра и его статусе оставался какое-то время дискуссионным. Основная борьба развернулась между Томском и Новосибирском, которые предприняли несколько обращений в центральные инстанции, чтобы решить вопрос в свою пользу [8]. В итоге предпочтение было отдано Новосибирску [9]. Вопрос о филиале в Западной Сибири ставился и ранее, но именно в годы войны академик А.А. Скочинский, корифей отечественной горной науки, в 1943 г. являвшийся заместителем председателя Комиссии, вместе с коллегами смог найти весомые аргументы в пользу его организации. Реализовать проект филиала помогло и то обстоятельство, что в Сибири работала большая группа ученых (как в составе бригад Комиссии, так и эвакуированных) из центральных учреждений страны. При их непосредственном участии были выработаны основные направления исследований первого академического центра Сибири.

21 октября 1943 г. СНК СССР постановил организовать Западно-Сибирский филиал Академии наук СССР в Новосибирске. Для решения организационных проблем филиала Президиум АН СССР назначил комиссию по главе с академиком А.А. Скочинским, которая провела мониторинг потребностей региона в изучении производительных сил и наличия необходимых специалистов. Определены приоритетные направления научной работы будущего филиала. Объектами изучения были названы: уголь, черная и цветная металлургия, химия, геология, транспортное и энергетическое освоение, растительность и животный мир Сибири. 8 января 1944 г. на расширенном заседании

комиссии А.А. Скочинского в Новосибирске утверждены проекты документов для представления их в Президиум АН СССР. Сформулированы направления деятельности, подготовлены планы НИР и смета расходов филиала на 1944 г., определен круг ученых для вхождения в состав Совета и Президиума филиала, Ученых советов институтов⁶.

8 февраля 1944 г. Президиум Академии наук СССР одобрил работу комиссии под руководством А.А. Скочинского и принял постановление «Об организации Западно-Сибирского филиала АН СССР»⁷. Председателем Президиума ЗСФ назначен академик А.А. Скочинский, который руководил филиалом в течение восьми лет и сочетал эту работу с множеством других ответственных поручений. Поскольку он не мог постоянно проживать в Новосибирске, научно-организационную деятельность помогали выполнять его заместители К.Н. Шмаргунов и А.Т. Логвиненко, ученый секретарь филиала Г.В. Малкин. Первыми директорами Транспортно-энергетического (ТЭИ), Медико-биологического (МБИ), Горно-геологического (ГГИ), Химико-металлургического (ХМИ) институтов назначены, соответственно, профессор Томского университета И.Н. Бутаков и В.В. Ревердатто, профессор Томского политехнического института Н.А. Чинакал, профессор Сибирского металлургического института Ю.В. Грдина. Кадрами для филиала поделились вузы, НИУ, различные организации, половина специалистов работала на условиях совместительства. В конце 1944 г., согласно данным Совета филиалов и баз АН СССР, общая численность кадров в филиале составляла 145 чел., в том числе 88 научных и 25 научно-технических работников⁸.

Со временем воплотилась мечта А.А. Скочинского создать родственник московскому Институт горного дела в Сибири. Горно-геологический институт на первом этапе состоял из двух секторов – горного и геологического. В состав Ученого совета ГГИ входили академики А.А. Скочинский и В.А. Обручев. В начале 1957 г. на основе этих секторов были созданы два самостоятельных института: Геологии и Горного дела. И если Институт геологии вошел в Институт геологии и геофизики СО АН СССР (1958 г.), то сибирский Институт горного дела сохранил самостоятельный статус и ныне носит имя своего основателя Н.А. Чинакала.

Направления исследований филиала не только определялись экстремальными условиями военного времени, но и отразили ведущие тенденции в области изучения естественных производительных сил. На филиал возлагались задачи изучения и освоения природных ресурсов Западной Сибири, внедрения в практику достижений науки и техники. Для выполнения этих задач филиал координировал свою деятельность с другими ведомствами, а для консультаций привлекал институты Академии наук. В сферу влияния филиала

⁶ НАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–2.

⁷ Там же. Д. 2. Л. 5–5 об.

⁸ АРАН. Ф. 188. Оп. 1. 1941–1945. Д. 85. Л. 76.

⁵ АРАН. Ф. 666. Оп. 1. Д. 49. Л. 12.

входили Алтайский и Красноярский края, Кемеровская, Новосибирская, Омская, Томская и Тюменская области, общая площадь которых составляла более 20 % всей территории СССР⁹.

В 1944 г. академик А.А. Скочинский опубликовал статью о филиале в журнале «Вестник Академии наук СССР». Создание академического центра он расценил как «большое событие для обширного и чрезвычайно богатого края» и предположил, что «филиал должен не только оказать мощное научное содействие освоению природных богатств Западной Сибири и подъему культурного уровня ее населения, но и способствовать правильному разрешению важных для этого края проблем транспорта и энергетики» [13, с. 54–55].

Академику А.А. Скочинскому выпала чрезвычайно сложная задача – сформировать научно-технический потенциал филиала в условиях военного и послевоенного времени. Постепенно преодолевались кадровый дефицит и территориальная разобщенность учреждений, была организована система подготовки специалистов, налажено материально-техническое снабжение лабораторий и т.п. В течение 1945 г. в основном укомплектован штат персонала, учреждена аспирантура и сокращено число совместителей. Отремонтирован и введен в эксплуатацию главный корпус филиала в Новосибирске, десятки сотрудников получили квартиры. Многие вопросы А.А. Скочинский решал, обращаясь в советские и партийные органы Новосибирска, Совет филиалов и баз АН СССР (в 1946–1952 гг. он являлся заместителем и исполняющим обязанности председателя Совета).

10–13 мая 1945 г., сразу после окончания войны, ЗСФ АН СССР провел первую научную сессию, посвященную 220-летию юбилею Академии наук. Ее открыл академик А.А. Скочинский, который в своем докладе сделал обзор работ, проведенных Академией наук в Сибири. Он высоко оценил государственную поддержку по организации ЗСФ в годы войны: «Это решение правительства, прежде всего, указало на то, что необходимость организации филиала для Западной Сибири уже назрела, и что для успеха дальнейшей работы имеются все предпосылки. Вместе с тем, это знаменательное решение правительства свидетельствовало о той неиссякаемой силе и мощи нашей страны, которая позволила на третьем году ожесточенной войны организовать новое научное учреждение»¹⁰.

Научная сессия явилась смотром достижений сибирских ученых. Прозвучали доклады по таким направлениям, как обоснование перспектив нефтеносности Сибири (проф. М.К. Коровин), исследования в области металлогении Западной Сибири (проф. Ф.Н. Шахов), изучение новых лекарственных растений (проф. В.В. Ревердатто) и др.¹¹. На научных сессиях филиала в 1947–1948 гг. обсуждались актуальные вопросы развития производительных сил региона с

привлечением широкой общественности. На повестку дня выносились в основном результаты исследований ученых филиала. Горно-геологический институт изучал угольные месторождения Кузбасса, сырьевую базу для черной металлургии, нефтеносность Западной Сибири; Химико-металлургический – сырьевые ресурсы для алюминиевой и силикатной промышленности, соляные ресурсы Кулунды; Транспортно-энергетический – размещение транспортных и энергетических систем в Западной Сибири, освоение ресурсов для энергетики и транспорта; Медико-биологический – флору и фауну Сибири. Академик А.А. Скочинский, хорошо представляя тематику исследований Академии наук СССР, обеспечил координацию работ сибирских ученых с европейскими коллегами. В послевоенные годы сотрудники филиала участвовали в разработке перспективных планов развития экономики областей Западной Сибири, провели ряд конференций и совещаний по развитию производительных сил региона, приняли участие в работе СОПС по изучению района Южного Енисея и др.¹²

Развивалась структура филиала, что выразилось в создании новых лабораторий в имеющихся институтах, а также подразделений при Президиуме ЗСФ. После выступления А.А. Скочинского на заседании Президиума АН СССР в марте 1946 г. было принято решение организовать в составе ЗСФ сектор физики, сектор почвенно-мелиоративных исследований, бюро экономических исследований, Ботанический сад¹³. Организованы библиотека и издательство филиала. Результаты исследований публиковались в журнале «Известия Западно-Сибирского филиала АН СССР» и сборниках «Труды институтов ЗСФ». При филиале развернули деятельность отделения Химического общества им. Д.И. Менделеева, Географического, Ботанического и других обществ. Ученые активно пропагандировали достижения науки: выступали с лекциями по радио, в вузах и организациях, а во время экспедиций – перед населением самых отдаленных уголков Сибири¹⁴, публиковали научно-популярные статьи в прессе. Огромной популярностью пользовалась организованная Ботаническим садом выставка сибирского садоводства (1947 г.), которую в течение десяти дней посетили свыше 15 тыс. чел.¹⁵

В связи с переизбранием руководителя филиала на новый срок в 1948 г. партбюро ЗСФ подготовило характеристику за подписью секретаря М. Колобкова. В документе отмечалось: «за время работы в Западно-Сибирском филиале АН СССР акад. А.А. Скочинский показал себя высококвалифицированным руководителем, уделяющим постоянное внимание вопросам как общего научного руководства тематикой филиала и его институтов, так и вопросам укомплектования ведущими

⁹ НАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 905. Л. 3.

¹⁰ Там же. Д. 24. Л. 6.

¹¹ Там же. Л. 2.

¹² Там же. Д. 145. Л. 7, 13.

¹³ В Президиуме Академии наук СССР // Вестник АН СССР. 1946. № 5–6. С. 117.

¹⁴ НАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 145. Л. 10.

¹⁵ Там же. Л. 15.

ми научными кадрами, оснащения лабораторий новейшим оборудованием. В среде ученых филиала и научно-технической общественности акад. Скочинский пользуется авторитетом»¹⁶. Такие слова подтверждались делом. К 1953 г. в ЗСФ работали 416 чел., а среди 174 научных сотрудников было 12 докторов и 70 кандидатов наук¹⁷. В институтах сформировались коллективы ученых, достижения которых стали известны далеко за пределами Сибири.

К сожалению, в ходе идеологических кампаний в конце 1940-х – начале 1950-х гг. ЗСФ не смог избежать кадровых потерь. В рамках «красноярского дела» осужден заведующий лабораторией ГГИ Ф.Н. Шахов. Во время «кадровой чистки» уволены директора институтов – В.В. Ревердатто (МБИ), Т.В. Заболоцкий (ХМИ), М.П. Пахомов (ТЭИ), директор Ботсада З.В. Бениаминов, несколько руководителей лабораторий и отделов ЗСФ¹⁸. Академику А.А. Скочинскому удалось отстоять некоторых ученых, в частности, директора ГГИ профессора Н.А. Чинакала [6, с. 115].

Чтобы понять, фигура какого масштаба являлась организатором первого академического центра в Сибири, достаточно привести свидетельства признания заслуг А.А. Скочинского. За внедрение новых технологий безопасности в угольной промышленности и отдельно за учебник «Рудничная вентиляция» он удостоен звания лауреата Сталинской премии I степени (1950 и 1951 гг.), звания Героя Социалистического Труда (1954 г.), награжден пятью орденами Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, медалями.

27 апреля 1951 г. академик А.А. Скочинский освобожден от должности председателя Президиума ЗСФ АН СССР по личной просьбе. Президиум АН СССР выразил ему благодарность за организацию и руководство Западносибирским филиалом АН СССР¹⁹. Ученый сосредоточился на работе директора Института горного дела АН СССР в Москве и организации научных мероприятий в европейской части страны. В 1959 г. после объединения ИГД АН СССР и Всесоюзного научно-исследовательского угольного института А.А. Скочинский назначен директором Института горного дела. Первоначально ИГД вошел в систему Госплана СССР, а затем в Министерство угольной промышленности СССР [3, с. 630]. В 1960 г., после ухода из жизни академика А.А. Скочинского, Институту горного дела присвоено его имя.

ЗСФ АН СССР за 15 лет своей деятельности вырос в крупный академический центр страны. По ряду научных направлений он координировал исследования не только в Западной Сибири, но и в Академии наук СССР. В 1957 г. в составе ЗСФ находились шесть институтов (Транспортно-энергетический, Радиофизики и электроники, Геологии, Горного дела, Химико-металлургический, Биологический), два отдела и Бота-

нический сад. Деятельность Академии наук СССР по освоению ресурсного потенциала Сибири в годы войны стала тем фундаментом, на основе которого в послевоенные годы развернулось дальнейшее индустриальное освоение региона. Оно выразилось в том числе и в создании региональных отделений АН СССР. Потенциал ЗСФ послужил развитию Сибирского отделения АН СССР / РАН, в составе которого до сих пор работают институты, организованные по инициативе и при участии академика А.А. Скочинского.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лидин Г.Д.* Александр Александрович Скочинский (1874–1960). М.: Наука, 1969. 232 с.
2. *Мельников Н.В.* Горные инженеры. М.: Наука, 1981. 272 с.
3. *Трубецкой К.Н.* Выдающийся ученый и педагог: К 125-летию со дня рождения академика А.А. Скочинского // Вестник РАН. 1999. Т. 69, № 7. С. 627–631.
4. *Зворыгин Л.В., Курленя М.В.* Летопись Института горного дела Сибирского отделения РАН. Люди, события, даты. 1943–2000. Новосибирск: АНО Изд. дом «Новосибирский писатель». 2004. 640 с.
5. *Чемезов Е.Н.* Герой Социалистического Труда академик А.А. Скочинский // Наука и техника в Якутии. 2011. № 1(11). С. 70–73.
6. *Красильников С.А.* «Дело профессоров-вредителей» как часть «Шахтинского дела» // Личность. Культура. Общество: сб. науч. стат. к 85-летию проф. В.Л. Соскина. Новосибирск: НГУ, 2010. С. 103–116.
7. *Осташко Т.Н.* Наука и ученые Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: НГУ, 2002. 154 с.
8. *Куперитох Н.А.* Западно-Сибирский филиал Академии наук СССР: проекты и реалии первой половины XX века // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2014. № 2 (28). С. 32–40.
9. *Куперитох Н.А.* Новосибирск – первый академический центр Сибири // Современный город: социальность, культуры, жизнь людей: материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. Екатеринбург, 2014. Т. 2. С. 235–239.
10. Хроника // Вестн. АН СССР. 1941. № 9–10. С. 93–95.
11. Люди науки на Урале в дни войны: Дневник академика Л.Д. Шевякова (1941–1943) // Исторический архив. 1961. № 3. С. 201–224.
12. Люди науки на Урале в дни войны: Дневник академика Л.Д. Шевякова (1941–1943) // Исторический архив. 1961. № 4. С. 159–181.
13. *Скочинский А.А.* Западносибирский филиал Академии наук СССР // Вестник Академии наук СССР. 1944. № 4–5. С. 50–55.

REFERENCES

1. Lidin G.D. Aleksandr Aleksandrovich Skochinskij (1874–1960). M.: Nauka, 1969. 232 p. (In Russ.)
2. Melnikov N.V. Mining engineers. M.: Nauka, 1981. 272 p. (In Russ.)
3. Trubetskoy K.N. An outstanding scholar and teacher: on the 125th anniversary of Academician A.A. Skochinsky. *Vestnik RAN*. 1999. V. 69, no 7, pp. 627–631. (In Russ.)
4. Zvorygin L.V., Kurlenya M.V. Annals of the Institute of Mining of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. People, events, dates. 1943–2000. Novosibirsk: Novosibirskij pisatel, 2004. 640 p. (In Russ.)
5. *Chemezov Ye.N.* Hero of Socialist Labor Academician A.A. Skochinsky. *Nauka i tekhnika v Yakutii*. 2011, no 1(11), pp. 70–73. (In Russ.)
6. *Krasilnikov S.A.* «Causa of professors-wreckers» as part of the “Mining affair”. *Lichnost. Kultura. Obshchestvo: sb. nauch. stat.*

¹⁶ Там же. Д. 1073. Л. 4 об.

¹⁷ Там же. Д. 913. Л. 8.

¹⁸ Там же. Д. 579. Л. 4–6.

¹⁹ Там же. Д. 1073. Л. 9.

k 85-letiyu prof. V.L. Soskina. Novosibirsk: NGU, 2010, pp. 103–116. (In Russ.)

7. *Ostashko T.N.* Science and scientists in Siberia during the Great Patriotic War. Novosibirsk: NGU, 2002. 154 p. (In Russ.)

8. *Kupershtokh N.A.* West Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences: projects and realities of the first half of the XX century. *Vestn. Tom. gos. un-ta. Istoriya*. 2014. no 2 (28), pp. 32–40. (In Russ.)

9. *Kupershtokh N.A.* Novosibirsk is the first academic center of Siberia. *Sovremennyy gorod: sotsialnost, kultura, zhizn lyudej: materialy XVII Mezhdunar. na-uch.-prakt. konf.* Yekaterinburg, 2014. T. 2, pp. 235–239. (In Russ.)

10. Chronicle. *Vestn. AN SSSR*. 1941. № 9–10, pp. 93–95. (In Russ.)

11. Men of science in the Urals during the war: Academician L.D. Shevyakov diary (1941–1943). *Istoricheskij arkhiv*. 1961. no 3, pp. 201–224. (In Russ.)

12. Men of science in the Urals during the war: Academician L.D. Shevyakov diary (1941–1943). *Istoricheskij arkhiv*. 1961. no 4, pp. 159–181. (In Russ.)

13. *Skochinskij A.A.* West Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. *Vestnik Akademii nauk SSSR*. 1944. no 4–5, pp. 50–55. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 07.04.2015

УДК 621.039(571.6)

И.М. САВИЦКИЙ

МОБИЛЬНОСТЬ ДИРЕКТОРСКОГО КОРПУСА ПРЕДПРИЯТИЙ ОБОРОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

Иван Михайлович Савицкий,
д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН
630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8
e-mail: politik@history.nsc.ru

В статье рассматривается механизм подбора, назначения и отстранения от должности директоров оборонных предприятий в Западной Сибири. Отмечается, что на должность директора завода подбирались опытные специалисты в абсолютном большинстве с высшим техническим образованием, соответствовавшим производственному профилю предприятия. Изучены основные требования к директорам, особенно ведущих предприятий, производивших боеприпасы, самолеты, танки и другие виды вооружения. Исследованы причины, влиявшие на отстранение от должности директоров, которые были связаны с неспособностью в условиях войны оперативно воссоздать материально-техническую базу, разместить эвакуированное оборудование и организовать производство. Отмечается, что более устойчивой была работа директоров – высококвалифицированных специалистов, имевших большой опыт организации производства еще с довоенного времени.

Ключевые слова: оборонная промышленность, предприятие-завод, директор, механизм назначения и отстранения от должности, причины, устойчивая работа, результаты.

I.M. SAVITSKY

MOBILITY OF THE DEFENSE ENTERPRISES MANAGERIAL STAFF IN WESTERN SIBERIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Ivan M. Savitsky,
Doctor of Historical Sciences
Institute of History of SB RAS,
8 Nikolaev St., Novosibirsk, 630090
e-mail: politik@history.nsc.ru

Before World War II the Novosibirsk region was the most industrialized region beyond the Urals. That is why the majority of evacuated defense enterprises producing various types of ammunition and weapons were concentrated in Novosibirsk along with Kemerovo, Novokuznetsk, Tomsk,

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14–18–01725).

Omsk, Barnaul and other cities. Based on the equipment and personnel of evacuated plants more than 60 enterprises of various defense Narkomats were re-established in West Siberia. Their directors were appointed from among the evacuated managerial staff. The latter was also used to form the pool of candidates for director posts.

The mechanism of directors selection, appointment and dismissal was developed at the central and local government levels. The majority of directors were specialists with higher technical education, experienced in organization of production and personnel management. They were expected to meet the highest requirements, especially during the first year and a half of the war, when the state reserves of ammunition and weapons were exhausted. Directors were removed from their positions if their enterprises failed to complete the State Defense Committee's task of supplying the front with ammunition and weapons.

By the second half of 1942 enterprises had completed the reconstruction of technological processes, their personnel had been formed, while directors had gained experience in organization of production and guiding the work of thousands of employees. Factories began to work steadily, achieving their plan targets and better supplying the front with ammunition and armament, so the directors turnover reduced.

On the whole the war period was marked by a high mobility of managerial staff, especially at the enterprises subordinated to Commissariats of ammunition, aircraft and tank industries, as well as some enterprises of the People's Commissariat of Weapons.

Key words: defense industry, enterprise-plant, director, mechanisms of appointment and dismissal from the office, causes, stable operation, results.

В начале Великой Отечественной войны в Сибирь было эвакуировано 322 предприятия промышленности, из них в Западную Сибирь 244 и в Восточную Сибирь – 78. На основе прибывшего оборудования и кадров в Западной Сибири были значительно укреплены три недостроенных действовавших завода оборонной промышленности и воссоздано 58 новых предприятий, в т. ч. 16 – Наркомата боеприпасов, 14 – Наркомата вооружения, 10 – Наркомата авиапромышленности, 14 – Наркомата минометного вооружения, 2 – Наркомата танковой промышленности и 2 – Наркомата судостроения¹ [1, с. 13].

Директорами заводов в основном были те, кто сопровождал их во время эвакуации. Поскольку из двух и более эвакуированных предприятий создавалось одно, бывшие директора, не назначенные на эту должность, составляли резервный фонд.

Директора заводов на основе принципа единоначалия несли полную ответственность за обеспечение кадрами и производственную деятельность предприятий по снабжению фронта боеприпасами и вооружением. К ним предъявлялись очень высокие требования, особенно в 1941 и 1942 гг., когда завершалось использование государственных резервов и воюющая Красная армия испытывала недостаток боеприпасов и вооружения. Если предприятие не выполняло плановые задания, то его директор не мог быть его руководителем.

На всех заводах оборонной промышленности работали партторги ЦК ВКП(б), которые наряду с контрольными функциями оказывали предприятиям помощь в решении назревших проблем в центральных органах партии и государства. Наркоматы оборонной промышленности в Западно-Сибирском регионе имели своих представителей на уровне заместителей наркомов, которые оказывали предприятиям всемерное содействие по всем вопросам, но особенно по технологическим, кадровым проблемам и касающимся организации производственных процессов.

¹ Расчеты произведены по данным: ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 503а. Л. 161–166; Д. 503б. Л. 55–56, 81, 103–104, 125, 156–157; Д. 503в. Л. 48, 164; Оп. 7. Д. 514. Л. 25–26, 64; Д. 526. Л. 52, 69–72; Оп. 34. Д. 116. Л. 59–60; Д. 147. Л. 176–182.

Механизм подбора, назначения директоров предприятий и их смещения с занимаемой должности был отработан на уровне центральных и местных органов управления, и конечное решение принималось наркоматами. Но при этом отстранение директоров от занимаемой должности первоначально, как правило, рассматривалось на заседаниях бюро обкомов ВКП(б), на которых при обсуждении вопросов деятельности предприятий давалась оценка их работы и в случае необходимости принималось решение о смещении с занимаемой должности.

На всех заседаниях бюро обязательно присутствовали и принимали участие в обсуждении партторги ЦК ВКП(б), а зачастую заместители наркомов соответствующих отраслей. Они ставили в известность отдел оборонной промышленности ЦК ВКП(б), наркоматы и согласовывали кандидатуры на должности директоров. Все вновь назначенные руководители предприятий утверждались на бюро обкомов ВКП(б), а ведущих, выпускавших для фронта чрезвычайно значимую продукцию, – в ЦК ВКП(б).

На второй день начавшейся войны, 23 июня 1941 г. СНК СССР ввел в действие план производства боеприпасов. А Государственный Комитет Обороны в своем постановлении от 22 августа 1941 г. отменил, что предприятия, производившие боеприпасы и элементы к ним, должны снабжаться оборудованием, рабочей силой и материалами в первую очередь².

На далеко не достроенный комбинат № 179 прибыло оборудование шести достаточно крупных заводов. По производственной мощности он мог выпускать примерно 40 % наиболее ходовых снарядов Наркомата боеприпасов. Но руководство комбината и его управление строительства не могли оперативно подготовить технологические процессы к выпуску продукции. Поэтому комбинат не выполнял плановые задания по выпуску боеприпасов. 3 июля 1941 г. Новосибирский обком ВКП(б) на заседании бюро за обеспечение руководства эксплуатацией заводов комбината его директора И.А. Якушева освободил от занимаемой должности и назначил Г.С. Шар-

² ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 503а. Л. 75–88; Д. 503б. Л. 40–41, 157; Оп. 34. Д. 118. Л. 12–15.

кова, который руководил комбинатом менее четырех месяцев.

23 октября 1941 г. бюро обкома партии рассмотрело постановление ГКО о создании в Новосибирске нового производства реактивных снарядов для «Катюш» и о начале выпуска их с 1 ноября 1941 г. При этом основная нагрузка по изготовлению снарядов планировалась на комбинате № 179 и Киселевском заводе № 605. Это решение ставило комбинат в еще более трудное положение. В начале ноября 1941 г. И.В. Сталин позвонил первому секретарю Новосибирского обкома ВКП(б) М.В. Кулагину и задал вопрос: «Когда комбинат № 179 будет работать на войну?» В этой сложной обстановке директором комбината был назначен А.С. Новиков, которого в конце 1941 г. сменил М.С. Клавсутъ, ранее работавший главным инженером³.

По предложению первого секретаря обкома партии М.В. Кулагина и решению ГКО в течение мая-сентября 1942 г. из состава комбината выделены и стали самостоятельными пять заводов и ТЭЦ-3. И после разукрупнения комбинат № 179 оставался крупнейшим предприятием Наркомата боеприпасов, но более управляемым. Его возглавил бывший директор Казанского завода № 184 А.В. Саханицкий, а М.С. Клавсутъ утвержден начальником Главного управления наркомата. С этого времени началась устойчивая работа комбината и его директора⁴.

Очень трудная ситуация складывалась на комбинате № 392 в Кемерово, который изготавливал порохи и взрывчатые вещества. До войны в Наркомате боеприпасов было восемь таких предприятий, а в результате эвакуации осталось три, в т. ч. этот комбинат. ГКО потребовал от его руководства увеличить к августу 1942 г. выпуск порохов с 55 до 255 т в сутки. Это задание не было выполнено. Но в связи с форсированием производства возросла его взрывоопасность, которая привела к нескольким пожарам и взрывам с человеческими жертвами. По этим причинам в 1942 г. были уволены с должности директора комбината Б.Л. Горский и З.М. Галицкий и назначен Н.И. Гречищев [2, л. 169–174].

Такая же обстановка по взрывоопасности возникла на единственном в Западной Сибири заводе № 635 в Новосибирске, который производил снаряжение взрывчатыми веществами снарядов, изготовленных в регионе. Были смещены с занимаемой должности два директора – К.С. Самарский и Шейко. На пиротехническом заводе № 386 в Новосибирске по причине взрывоопасности производства были сняты два директора – А.М. Пискарев и Д.Р. Барский.

В связи с тем, что положение с взрывобезопасностью производства на этой группе предприятий не улучшалось, нарком боеприпасов Б.Л. Ванников приказом от 18 августа 1943 г. ввел на них военное положение. Нарушителей техники безопасности – рабочих, служащих, инженеров и техников – в порядке

административного ареста содержали на гауптвахте [3, с. 165–180].

В сложных условиях 1941–1942 гг. работали все предприятия Наркомата боеприпасов. В основном за невыполнение плановых заданий на комбинате № 179 сменили четырех директоров, на комбинате № 392 и трех заводах – по два.

Во время войны в Западной Сибири размещался достаточно мощный центр Наркомата авиационной промышленности. Крупнейшими его предприятиями являлись Авиационный завод № 153 им. В.П. Чкалова и Авиамоторный завод № 29 им. П.И. Баранова в Омске. На площадку завода им. В.П. Чкалова прибыло оборудования пяти эвакуированных предприятий. Это создало большие трудности с его установкой, организацией производства и выполнением плановых заданий. За плохую организацию трудового коллектива, слабую дисциплину на заседании бюро обкома партии 3 сентября 1941 г. был снят с работы директор завода М.И. Маланьин и назначен П.С. Романов. Однако положение не улучшалось.

Приезд заместителя наркома авиапромышленности А.С. Яковлева, курировавшего авиапромышленность Сибири, сыграл большую роль в организации выпуска самолетов на заводе, тем более что в производство внедрялась машина, разработанная под его руководством. На совещании руководящего состава, в том числе эвакуированных заводов, было решено в интересах дела создать единое руководство завода. Одновременно обновлялся состав главных специалистов. А директору завода П.С. Романову указано на недопустимую мягкотелость в организации работы трудового коллектива.

В 1942 г., хотя с большими трудностями, заводской коллектив наращивал производство самолетов-истребителей. Однако в первом квартале 1943 г. было сорвано задание по выпуску и отправке самолетов на фронт. Кроме того, в апреле 1943 г. на предприятие поступили рекламации в связи с разрушением деревянных конструкций самолетов. Все это было причиной увольнения П.С. Романова с поста директора и назначения на эту должность В.Н. Лисицина, работавшего ранее заместителем начальника Главного управления наркомата⁵ [4, с. 306–311].

Авиамоторный завод № 29 им. П.И. Баранова в Омске с первых дней возглавлял М.М. Лукин, прибывший с эвакуированным оборудованием и кадрами. 19 сентября 1941 г. бюро Омского обкома ВКП(б) рекомендовало директору ускорить монтаж оборудования и подготовить производство к серийному выпуску нового двигателя, который был испытан 7 ноября 1941 г. Но освоение авиамотора М-82 велось неудовлетворительными темпами, и ГКО 24 августа 1942 г. потребовал от нового директора Борисова его ускорить.

Авиационный завод № 166, состоявший из двух эвакуированных и трех местных недостроенных пред-

³ Там же. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 503. Л. 93–101, 165; Д. 276. Л. 20, 27–28; Д. 736. Л. 15–25.

⁴ Там же. Ф. П-4, Оп. 33. Д. 503г. Л. 61–62.

⁵ Там же. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 116. Л. 53–54.

приятый, возглавил один из первых в стране Героев Советского Союза А.В. Ляпидевский. Но 22 сентября 1941 г. ГКО принял постановление, в котором начались меры по немедленной организации производства и скорейшему выпуску самолетов-истребителей «Яковлев». Директором завода № 166 был назначен наркоматом Соколов, а А.В. Ляпидевский переведен его заместителем. Аналогичная ситуация сложилась на Агрегатном заводе № 20 в Омске. Им руководили в эти годы три директора – Гальченко, Борисов, переведенный на завод № 29, и Ермоленко.

Танковый завод № 174 в Омске был создан на основе пяти эвакуированных и одного местного предприятия. Начав выпуск танков Т-34 в июне 1942 г., завод в значительной мере не выполнял задания ГКО. 13 сентября 1942 г. Наркомат танковой промышленности освободил от должности директора завода З.М. Кацнельсона и назначил М.М. Пасинского. Но и под руководством нового директора завод не справлялся с плановым заданием. Поэтому наркомат в начале 1943 г. отстранил от должности директора М.М. Пасинского и назначил К.А. Задорожного – бывшего директора Сталинградского тракторного завода [2, с. 37–57, 61–75, 123–130].

Очень сложное положение было на заводе № 188 Наркомата вооружения в Новосибирске, который должен был обеспечивать фронт миллионами патронов разного калибра. В этой продукции очень нуждались войска. Завод работал неустойчиво, не выполнял установленные задания. По этой причине наркомат в декабре 1942 г. отстранил от должности директора И.А. Штанина и назначил бывшего наркома машиностроения В.К. Львова. Но и при нем завод не сумел преодолеть отставание, не выполнял производственную программу. В сложившихся условиях наркомат перевел В.К. Львова директором на строящийся Юргинский машиностроительный завод, а утвердил в этой должности инженера-полковника В.П. Белянского, работавшего ранее главным инженером⁶.

В Западной Сибири в годы войны начали действовать предприятия Наркомата электропромышленности, которые выпускали различного назначения радиостанции – от небольших для самолетов, танков и войсковых соединений до крупных, размещавшихся на трех автомобилях, которые обеспечивали связь правительства, Генштаба Красной армии. Причем некоторые их виды изготавливались только на этих заводах в стране.

Завод «Электросигнал» № 590 в Новосибирске до мая 1942 г. преодолел первоначальные трудности и в дальнейшем смог наращивать выпуск радиостанций – авиационных, танковых, общевойсковых и морских. В 1942 г. его директора К.Н. Мещерякова назначили заместителем наркома электропромышленности и наградили орденом Ленина. Директором завода был

утвержден Г.С. Проскурин, которого несколько позднее наркомат выдвинул на более значимую должность⁷.

Самые высокие требования по выполнению плановых заданий предъявлялись к ведущим предприятиям наркоматами боеприпасов, авиапромышленности, танковой промышленности и вооружения и их директорам, которые в основном решали проблему обеспечения фронта боеприпасами и вооружением. Но в связи с затягиванием размещения эвакуированного оборудования, слабой организацией производства и неподготовленностью кадров заводы в 1941–1942 гг. в большинстве своем не выполняли плановые задания по выпуску и поставке боеприпасов и вооружения на фронт. По этой причине в основном и отстранялись от должности директора. Так, из 21 предприятия указанных наркоматов на 13 ведущих заводах сменилось 29 директоров. Причем в большей мере снимались с должности директора заводов наркоматов боеприпасов и авиапромышленности.

Во второй половине 1942 г. на большинстве предприятий завершилось создание необходимой материально-технической базы, сформировались кадры, а директора приобрели опыт организации производства, управления многотысячными коллективами. С конца 1942 г. в целом в стране и в Западной Сибири предприятия оборонной промышленности в более полной мере обеспечивали фронт боеприпасами и вооружением, что способствовало коренному изменению обстановки в войсках – враг был остановлен, армия перешла в наступление. Заводы преимущественно стали выполнять плановые задания, сменяемость директоров резко ограничилась.

Из 27 предприятий всех наркоматов в Западной Сибири в 1943 – первой половине 1945 г. на 24 предприятиях директора работали уверенно, их сменяемость произошла только на трех предприятиях. Особенно на ведущих заводах руководителями назначались высококвалифицированные специалисты, хорошие организаторы производства и многотысячных коллективов. Их предприятия сыграли очень важную роль в обеспечении фронта боеприпасами и различными системами вооружения.

На 36 предприятиях оборонной промышленности (немногим более половины) Западной Сибири в годы войны работало по одному директору. В основном это предприятия наркоматов вооружения, электропромышленности, минометного вооружения и судостроения. В большинстве своем среди них были первоклассные специалисты, которые приобрели опыт организации производства и управления заводскими коллективами в довоенные годы, поэтому оперативно организовали технологические процессы после эвакуации и выдавали фронту планируемую продукцию.

Среди этих руководителей: А.С. Котляр – директор Особого приборостроительного завода № 69 им. В.И. Ленина, который производил уникальную оп-

⁶ Там же. Ф. П-4, Оп. 33. Д. 165г. Л. 96–99; Д. 665а. Л. 119–125; Д. 503г. Л. 130–131; Оп. 8. Д. 499. Л. 73–76, 151–152; Д. 736а. Л. 23–25.

⁷ Там же. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 452. Л. 50, 210; Д. 422. Л. 65, 113; Д. 420. Л. 167, 187.

тико-механическую аппаратуру для большинства видов вооружения; Ш.И. Ступельман – директор завода № 350, выпускавший также оптико-механические и другие приборы; И.Н. Гуданис – директор завода № 208 им. Коминтерна, изготовивший радиостанции, которые обеспечивали связью Главнокомандующего, Правительство, Генеральный штаб, фронты и другие соединения Красной армии и Военно-морского флота; А.Л. Эстрин, возглавлявший единственный в стране завод № 644 крупного прожекторного машиностроения; Н.А. Жук – директор завода № 617, изготовивший 7090 электроламп для радиостанций различного назначения.

Таким образом, мобильность директорского корпуса предприятий оборонной промышленности Западной Сибири была очень высокой, особенно в первые полтора года. На должности директоров назначались специалисты в подавляющем большинстве с высшим техническим образованием, имеющие опыт организации производства и управления трудовыми коллективами. В начале войны директорами было направлено два бывших партийных работника, не имевших специального технического образования, они не смогли справиться с поставленными задачами и были быстро заменены специалистами.

Оценка работы директоров зависела от ряда обстоятельств, но главной причиной отстранения их от должности было невыполнение руководимыми ими предприятиями плановых заданий, которые определялись ГКО. Более высокие требования предъявлялись директорам ведущих предприятий, на которых работали многотысячные коллективы, вносящие основной

вклад в обеспечение фронта боеприпасами и вооружением. С конца 1942 г. предприятия стали устойчиво выпускать планируемую продукцию и поставлять ее в большом количестве на фронт. Соответственно сменяемость директоров резко снизилась. Фронт в более полной мере обеспечивался боеприпасами и вооружением. Это в значительной мере способствовало развитию наступательных операций Красной армии и победе над врагом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шуранов Н.П. Оружие Сибири – фронту // Сибирь – фронту. Кемерово, 2000. 219 с.
2. Шуранов Н.П. Создание оборонной промышленности в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Кемерово, 2004. 175 с.
3. Савицкий И.М. Важнейший арсенал Сибири. Развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 2005. 448 с.
4. Яковлев А.С. Цель жизни (записки авиаконструктора). 2-е доп. изд-е. М., 1968. 510 с.

REFERENCES

1. Shuranov N.P. Siberian weapon for front. *Sibir – frontu*. Kemerovo, 2000, 219 p. (In Russ.)
2. Shuranov N.P. The defense industry creation in West Siberia during the Great Patriotic War. Kemerovo, 2004, 175 p. (In Russ.)
3. Savitskij I.M. The most important Siberian arsenal. The defense industry development in Novosibirsk region during the Great Patriotic War. Novosibirsk, 2005, 448 p. (In Russ.)
4. Yakovlev A.S. The purpose of life (aircraft designer's notes). 2nd ed. Moscow, 1968, 510 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 05.05.2015

УДК 94(470.41) «1941/1945»

М.В. ШИЛОВСКИЙ

СОВЕТСКИЕ АСЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941–1945 гг. (ЧАСТЬ 1)

Шиловский Михаил Викторович,
д-р ист. наук, заведующий сектором,
Институт истории СО РАН
630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8
e-mail| kapital@historu.nsc.ru

Статья основана на сведениях, собранных и систематизированных М.Ю. Быковым в справочнике «Асы Великой Отечественной войны...», о 1114 летчиках-истребителях советских ВВС, участвовавших в Великой Отечественной войне. Эта элитарная группа анализируется с позиций участия в боевых действиях и количества сбитых фашистских самолетов. Устанавливаются типы как отечественных истребителей, так и полученные от союзников по ленд-лизу. Все поименованные в источнике родились в первой четверти XX в. и находились во время войны в возрасте до 40 лет. Их вклад в завоевание господства в воздухе составил 23 974 индивидуально и 3315 коллективно сбитых самолетов противника, всего 27 289 боевых машин (24,5 на каждого), или 48 % от общего количества уничтоженных на советско-германском фронте. Из 1114 чел. 579 стали Героями Советского Союза, в т. ч. 58 (каждый десятый) посмертно. Безвозвратные потери в изучаемой совокупности составили 243 чел., или примерно треть (29 %). Собственное производство стало материальной основой завоевания советскими ВВС господства в воздухе.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941–1945 гг., летчик-истребитель, ас, господство в воздухе, государственные награды, воинские звания, ВВС РККА, истребительный авиаполк, количество индивидуально и коллективно (в группе) уничтоженных самолетов противника.

M.V. SHILOVSKIY

SOVIET ACE PILOTS IN THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941-1945

Mikhail V. Shilovsky,
Doctor of Historical Sciences, Head of Department
Institute of History of SB RAS,
8 Nikolaev St., Novosibirsk, 630090
e-mail| kapital@historu.nsc.ru

The article presents data on 1,114 fighter pilots of the Soviet Air Forces compiled and systematized in the reference book «Aces of the Great Patriotic War» by M.Yu. Bykov. The paper «The Most Successful Ace Pilots in 1941-1945» (2007) analyzes the elite group of ace pilots in terms of their age, military ranks, time of their participation in combat operations, a number of downed Nazi aircrafts, government awards. The author defines types of Soviet fighters as well as aircrafts supplied under Lend-Lease by the allies on the anti-Hitler coalition. All ace pilots mentioned in the reference book were born in the early XX century and during the war were younger than 40 years old. Their contribution to the air space conquest was 23,974 (individually) and 3,315 (collectively) shot down enemy planes, in total 27,289 combat vehicles (24.5 each), or 48% of the number of downed hostile aircrafts at the Soviet-German front. 579 of 1,114 aces were honored the title of Hero of the Soviet Union, while 58 of them (every tenth) were awarded posthumously. Irrecoverable losses in the group under study totaled 243 men (29%) or about one third. At the beginning of the war the Soviet pilots flew I-15bis, I-16, I-153, MiG-3, LaGG-3 fighters. Since the summer of 1942 they had been replaced by Yak (Yak-1, -7, -9, -3) and La-5, 7 modifications. Domestic production provided the material basis for conquering air superiority by the Soviet Air Force. Only a small part (2%) of fighters used by the Soviet aces in the aircraft fleet was supplied under Lend-Lease.

Key words: Great Patriotic War of 1941-1945, fighter pilot, ace, air supremacy, government awards, military ranks, Red Army Air Forces, fighter wing, number of aircraft downed individually and collectively (in the group).

Плодотворное изучение самой масштабной войны XX в. в 70-ю годовщину ее победоносного завершения невозможно без оценки качественных показателей эффективности ведения боевых действий противоборствующими сторонами на суше, в воздухе и на море. К настоящему времени в основном восстановлена общая картина боевых действий, определены количественные показатели привлеченных к участию в стратегических операциях военнослужащих, боевой техники, а также их потери. Вместе с тем продолжает преобладать «валовый» подход по принципу «и мы в конце картины победим!». Из издания в издание, например, сообщается о 57 тыс. немецких самолетов, уничтоженных советскими летчиками в 1941-1945 гг. [1, с. 438; 2, с. 148]. Подобная практика, в свою очередь, ведет в немецкой и западноевропейской историографии к искаженному представлению об уровне квалификации советских истребителей. Поэтому Крисс Бишоп следующим образом характеризует ситуацию начального периода Великой Отечественной войны: «Если машинам все же удавалось подняться в воздух, то у русских пилотов не было ни мастерства, ни самолетов, которые могли бы бросить вызов “Мессершмитту” Bf 109, и количество побед немецких летчиков-истребителей начало достигать невероятных значений» [2, с. 78].

Постепенно этот перекоп в освещении истории начинает преодолевать, в том числе благодаря воспоминаниям выдающихся отечественных воздушных бойцов И.Н. Кожедуба, А.И. Покрышкина, Е.Я. Савицкого, И.А. Вишнякова и др. Исключительное, на

мой взгляд, значение, в плане оценки эффективности боевых действий советских летчиков-истребителей в избранный период имеют материалы справочника, подготовленного М.Ю. Быковым о воздушных боях, «чей документально подтвержденный счет составляет 10 и более личных подтвержденных побед» [3, с. 11], и кто, по западноевропейской терминологии, отнесен к категории асов, т. е. лучших летчиков. Кстати, и ВВС Красной армии приблизительно с середины 1943 г. пилоты, сбившие 10 самолетов противника и более, отдельно учитывались, и штабы истребительных авиаполков ежемесячно составляли отчеты о результатах их боевых усилий.

Автор-составитель в ходе многолетней поисковой работы собрал и систематизировал сведения о 1114 летчиках-истребителях. С этой целью им были использованы материалы более 800 фондов (949 ед. хранения) только Центрального архива Министерства обороны (ЦАМО) РФ, включая исторические формуляры, оперативные сводки, приказы, журналы учета сбитых самолетов противника, штатно-должностные и алфавитные книги учета личного состава, книги учета личного состава, награжденного орденами и медалями, а также книги и журналы учета безвозвратных потерь личного состава авиационно-истребительных частей (полков, дивизий, корпусов, воздушных армий). Выборка представляется репрезентативной, хотя не исчерпывает всей совокупности авиаторов, одержавших 10 и более побед, которая, по оценке М. Ю. Быкова, охватывает приблизительно 1200 чел.

О каждом респонденте (есть и исключения) в справочнике содержатся следующие данные: год рождения, гибели или смерти, воинское звание на начало и конец боевой деятельности или по состоянию на 9 мая 1945 г., перечисление авиачастей (истребительно-авиационных полков (иап)), в которых воевал летчик, перечень документально подтвержденных воздушных побед, сведения об общем количестве лично и коллективно сбитых самолетов противника, количество выполненных боевых вылетов и проведенных воздушных боев, список наград (орденов).

Используя эти данные и в минимальной степени привлекая другие источники, постараюсь в самых общих чертах составить картину боевой деятельности советских асов Великой Отечественной войны.

Итак, начнем с общих установочных сведений. В источнике отсутствуют данные о национальном составе респондентов, но можно предположить о подавляющем преобладании среди них славян (русские, белорусы и украинцы) при доминировании русских. Судя по фамилиям, именам и отчествам, доля представителей других этносов не превышала 3–5 %: грузины Бенделиани Чичико Кайсарович, Джабидзе Давид Васильевич, Калаберидзе Александр Николаевич, Кирия Шалва Нестерович, Мерквиладзе Гарри Александрович, Сирадзе Александр Михайлович; армяне Бурзаян Сергей Авдевич, Манукян Акоп Балабекович, Оганесов Вазген Михайлович; татары Амет-Хан Султан, Канкошев Ахметхан Талович; евреи Левитан Владимир Самойлович, Микитянский Гедалий Давыдович, Мордухович Павел Яковлевич, Рейдель Исаак Давыдович.

Были среди них представители и других национальностей, но только в начале 1944 г. один из них – майор Сергей Викторович Адольф – сменил фамилию и отчество на Сергея Ивановича Киселева (с. 275). Чем был продиктован этот поступок, не совсем понятно, можно предположить, что носитель одиозной фамилии, ставший тогда Героем Советского Союза, по совету окружающих, прежде всего командиров и политработников, сменил фамилию на более благозвучную. Такого рода случаи, хотя и достаточно редкие, имели место в изучаемый период. Наиболее примечательный из них связан с командующим 66-й (5-й гвардейской) армии, отличившейся в Сталинградской битве, – генералом А.С. Жидовым, фамилия которого не понравилась Верховному Главнокомандующему. И Военный совет армии, после обсуждения ситуации, предложил «сохранить фамилию в своей основе и заменить лишь букву “и” на букву “а”... В донесении, направленном утром 25 ноября [1942 г.] командующему фронтом, я просил впредь мою фамилию читать – Жадов. Через несколько дней мне вручили резолюцию Верховного Главнокомандующего: “Очень хорошо. И. Сталин”. Этот документ у меня сохранился» [4, с. 61].

Вообще-то, на мой взгляд, во время войны 1941–1945 гг. национальный момент в деле консолидации советских людей на отпор врагу отступил на второй план, а на первый выступил фактор межнационального единства и сотрудничества. Родившийся на Украине и укра-

инец по национальности И.Н. Кожедуб по этому поводу заметил: «Наше село стоит на севере Украины, на слиянии Сумской, Курской и Брянской областей. Говор у нас смешанный: в украинскую речь вплетаются русские, а иногда и белорусские слова и обороты. Смешаны и обычаи – так ведется испокон веков» [5, с. 26].

Все поименованные в справочнике родились в первой четверти XX в. в интервале 1905–1924 гг. Самым «старым» среди советских асов стал уроженец 1905 г. майор В. П. Широков, сбивший свой первый фашистский самолет в сентябре 1943 г. в звании лейтенанта и возрасте 38 лет. Еще двое родились в 1906 г. Среди них Герой Советского Союза подполковник П.А. Пилотов, участник боев на Хасане (1938 г.) и Советско-финляндской войны 1939–1940 гг., лично сбивший 14 немецких самолетов. Основную массу составили родившиеся в 1918–1922 гг. – 628 чел. (55,7 %), т. е. более половины выдающихся летчиков-истребителей советских ВВС к маю 1945 г. были в возрасте 23–27 лет! Самыми молодыми стали три уроженца 1924 г., в том числе Герой Советского Союза старший лейтенант А.Ф. Мухин (19 лично сбитых самолетов) и старший лейтенант А.Т. Овчаренко (13 самолетов). Таким образом, все представители элиты летчиков-истребителей находились в расцвете творческих сил, в возрасте до 40 лет.

Из 1114 летчиков-истребителей 579 чел. за подвиги, совершенные во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., в основном за сбитые вражеские самолеты, было присвоено звание Героев Советского Союза, в т. ч. 58 (каждому десятому) – посмертно. По времени награждения они распределились следующим образом (в знаменателе посмертно): 1941 г. – 2, 1942 г. – 29/8, 1943 г. – 181/21, 1944 г. – 146/12, 1945 г. – 144/13, 1946 г. – 58/3, 1948 г. – 9, 1951 г. – 2, 1965 г. – 3, 1978 г. – 1, 1991 г. – 4/1. К ним нужно добавить подполковника А.Д. Якименко, которому в августе 1939 г. это высокое звание было присвоено за 7 сбитых японских самолетов во время конфликта на Халхин-Голе. Уже во время Великой Отечественной он совершил 244 боевых вылетов и лично сбил еще 15 самолетов противника. Кроме того, в число награжденных вошли два трижды Героя Советского Союза: А. И. Покрышкин (25.05.1943 г. первое награждение) и И.Н. Кожедуб (04.02.1944), а также 23 дважды Героя: А.В. Алелюхин (24.08.1943), Амет-Хан Султан (24.08.1943), А.В. Ворожейкин (04.02.1944), Д.Б. Глинка (24.04.1943), Н.Д. Гулаев (28.09.1943), К.А. Евстегнеев (02.08.1944), В.А. Зайцев (05.09.1942), П.М. Камозин (01.05.1943), А.Т. Карпов (28.09.1943), А.Ф. Клубов (13.04.1944), А.И. Колдунов (02.08.1944), М.В. Кузнецов (08.09.1943), П.С. Кутахов (01.05.1943), В.Д. Лавриненков (01.05.1943), С.Д. Луганский (02.09.1943), П.А. Покрышев (10.02.1943), В.И. Попков (08.09.1943), Г.А. Речкалов (24.05.1943), А.К. Рязанов (24.08.1943), Е.Н. Савицкий (11.05.1944), Н.М. Скоморохов (22.02.1945), А.С. Смирнов (28.09.1943), И.Н. Степаненко (01.03.1944).

Приведенные выше данные о присвоении высших воинских наград по годам войны свидетельствуют также о том, что временем достижения коренного перелома

ма в ней и господства советских ВВС в воздухе стали 1942–1943 гг. Количество награжденных в 1942 г. не так уж велико – всего 29, но каждый четвертый удостоен награды посмертно. В 1943 г. был достигнут максимальный показатель по количеству ставших героями, в т. ч. посмертно, но доля последних снизилась до 11,5 % от числа награжденных.

После провозглашения суверенитета Российской Федерации звание Героя РФ было присвоено еще 12 бывшим авиаторам, упомянутым в справочнике. Так, в 1996 г. награждается майор В.М. Афонин, на счету которого имелось 14 личных и 3 групповые победы, за что он в ходе боевых действий был награжден тремя орденами Боевого Красного Знамени, а также Отечественной войны 1-й и 2-й степени. В том же году звание Героя РФ присваивается президентским указом капитану В.С. Елисееву, сбившему лично 14 и в группе 7 самолетов. Его тогда наградили орденами: Боевого Красного Знамени (3), Александра Невского, Красной Звезды (2). Всего – 591 чел. (53 % от изучаемой совокупности) был награжден «высшими степенями отличия» в советской и российской наградных системах «за личные или коллективные заслуги, связанные с совершением героического подвига» [6, с. 4]. Много ли это, можно судить по тому факту, что за время Великой Отечественной войны 2424 воина-авиатора стали Героями Советского Союза, или 20,3 % от общего числа удостоенных этого звания [6, с. 223]. Соответственно, доля асов среди товарищей по оружию составила 24,38 %.

Вклад изучаемой группы будет выглядеть более весомо, если учесть, что больше всего награжденных среди авиаторов высшей воинской наградой Советского Союза пришлось на долю летчиков-штурмовиков – 860 чел, а среди истребителей таковых оказалось 810 чел. [4, с. 223]. Следовательно, в своей «корпорации» представители нашей группы абсолютно преобладали – их доля составила 73 %.

Данный показатель свидетельствует также о завершении в изучаемый период процесса специализации в военной авиации на истребительную, штурмовую, бомбардировочную, разведывательную и военно-транспортную. Уже в предвоенные годы, по мере увеличения количества самолетов и летчиков, происходила трансформация ВВС из рода войск в вид Вооруженных Сил. Поэтому к июню 1941 г. в советских Вооруженных Силах соотношение отдельных видов выглядело следующим образом: сухопутные войска – 79,3 %, военно-воздушные силы – 11,5, военно-морской флот – 5,8, противовоздушные войска – 3,4 % [7, с. 245].

Во время войны эта тенденция закрепляется и, как можно судить по материалам справочника, более 95 % упомянутых в нем военнослужащих в течение всего периода участия в боевых действиях являлись летчиками-истребителями. Лишь незначительная часть их пришла в истребительные авиаполки из других подразделений ВВС РККА – подобно майору В.Н. Барсукову, который с июля 1941 г. по октябрь 1943 г. воевал в составе штурмового авиаполка. И меняли свою фронтową специализацию они, как правило, после тяжелых ранений, как, на-

пример, старший лейтенант Н.В. Глазов, переведенный из-за потери глаза в конце 1944 г. из истребительного в транспортный авиаполк (с. 50–51, 132–133).

За участие в боевых действиях, проявленные при этом мужество и героизм, прежде всего за уничтоженные самолеты противника, на основании Положения о наградах и премиях для личного состава Военно-Воздушных сил Красной армии, Авиации дальнего действия, истребительной авиации ПВО, ВВС Военно-Морского Флота за боевую деятельность и сохранение материальной части от 30 сентября 1943 г. летчики награждались орденами и медалями, а также денежными премиями в размере 1 тыс. руб. за сбитый истребитель и 2 тыс. руб. за бомбардировщик.

Практически все респонденты справочника, за исключением 56 чел., на которых отсутствуют соответствующие сведения, были награждены орденами Советского Союза. Самым распространенным среди них был орден Боевого Красного Знамени, учрежденный декретом ВЦИК от 16 сентября 1918 г. Индивидуальное награждение им производилось, в частности, «за особо значительные подвиги, совершенные в боевой обстановке с явной опасностью для жизни» или «за особые мужество и отвагу, проявленные при выполнении специального задания».

Всего из 1114 респондентов орденом Боевого Красного Знамени наградили 882 чел. (78,1 %). Дважды удостоились этой воинской награды 290 чел., трижды – 267, четыре раза – 83, пять раз – 25, шесть раз – 9 и семь раз – 2 чел. Таким образом, в общей сложности советские асы-истребители были награждены за время войны 1558 орденами Красного Знамени. Среди удостоенных шестью орденами были: капитан П.Я. Головачев, майор С.Я. Жуковский, майор А.И. Колдунов, старший лейтенант В.И. Колядин, майор В.Н. Кубарев, майор А.С. Куманичкин, майор В.Д. Лавриненков, подполковник Д.А. Медведев, майор П.Ф. Шевелев. Семь раз эту награду получили майоры С.Д. Горелов и И.Н. Кожедуб.

Что касается ордена Ленина, учрежденного в мае 1930 г. и являвшегося «высшей наградой СССР за особо выдающиеся заслуги», в т. ч. «в защите социалистического отечества, укреплении обороноспособности Союза ССР», то им награждали индивидуально, а также вручали «лицам, удостоенным звания Героя Советского Союза». Всего вместе с Золотой Звездой Героя орденом наградили 595 чел., индивидуально еще 127 чел. Больше всех, четырех орденов Ленина, удостоился во время войны подполковник, Герой Советского Союза (1943) П.А. Пилотов (с. 492). Кроме того, военнослужащие ВВС РККА награждались другими, уже военными («за заслуги в защите социалистического Отечества») орденами, прежде всего Красной Звезды, Отечественной войны 1-й и 2-й степени.

Отдельно хотелось бы выделить «полководческие» награды, учрежденные во время Великой Отечественной войны для поощрения лиц начальствующего состава РККА, т. е. офицеров. Первое место среди них применительно к изучаемой группе занимает орден Александра Невского (318 награжденных). Согласно

статуту им награждали командиров дивизий, бригад, полков, батальонов, рот и взводов. Впервые отдельным пунктом специально оговаривалась возможность поощрения им начальствующего состава ВВС «за командование авиаподразделением или частью, настойчиво и успешно совершившими ряд боевых вылетов, нанесшими жестокий урон живой силе и технике противника и без потерь вернувшимися на свою базу». В ходе войны, особенно после учреждения полководческих орденов Суворова, Кутузова, орденом Александра Невского стали награждать командиров в звене рота–полк. Соответственно в авиации их удостоивались командиры звеньев, эскадрилий, полков и командный состав штабов полков и авиадивизий. Единственный из летчиков-истребителей, сбивших 10 и более самолетов, дважды этой награды был удостоен Герой Советского Союза, кавалер шести орденов Боевого Красного Знамени, майор В.Н. Кубарев.

Что касается других «полководческих» наград, то в изучаемой совокупности было осуществлено 24 награждения орденом Суворова 3-й степени, пять – Суворова 2-й степени, восемь – орденами Кутузова 2-й и 3-й степени. Как правило, ими поощрялись командиры эскадрилий, полков, дивизии в звании от капитана до генерал-майора. В частности, подполковник, Герой Советского Союза Л.И. Горегляд стал кавалером двух орденов Суворова 2-й степени, таким же количеством этих орденов был награжден полковник, командир истребительной авиадивизии А.И. Покрышкин. Ордена Кутузова 2-й степени удостоен полковник Г.А. Лобов. Специально для поощрения «отличившихся в боях за освобождение советской земли от немецких захватчиков» 10 октября 1943 г. учреждается орден Богдана Хмельницкого трех степеней, низшая (третья) степень которого предназначалась для награждения «рядового, сержантского, старшинского и офицерского состава до

командира батальона и ему соответствующих». Среди наших респондентов орденом Богдана Хмельницкого 2-й степени наградили дважды Героя Советского Союза, полковника М. В. Кузнецова и 3-й степени капитанов И.К. Сомова и А.К. Фокина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1968. 450 с.
2. Бишоп К. Эскадрильи Люфтваффе 1939–1945. Краткий справочник-определитель самолетов. М.: Эксмо, 2007. 192 с.
3. Быков М.Ю. Асы Великой Отечественной. Самые результативные летчики 1941–1945 гг.: Справочник. М.: Яуза; Эксмо, 2007.
4. Жадов А.С. Четыре года войны. М., 1978.
5. Кожедуб И. Верность Отчизне. Ищущий боя. М.: Яуза; Эксмо, 2006.
6. Герои Советского Союза. Историко-статистический очерк. М.: Воениздат, 1984. 288 с.
7. Шумихин В.С. Советская военная авиация 1917–1941. М.: Наука, 1986. 286 с.

REFERENCES

1. Soviet Air Force in World War II 1941-1945. M.: Voenizdat, 1968, 450 p. (In Russ.)
2. Bishop K. Air Squadrons of Luftwaffe, 1939–1945. Quick Reference-Guide to Aircrafts. M.: Eksmo, 2007, 192 p. (In Russ.)
3. Bykov M.Yu. Aces of the Great Patriotic War. The most productive pilots, 1941-1945: Reference. M.: Yauza; Eksmo, 2007, 192 p. (In Russ.)
4. Zhadov A.S. Four years of war. M., 1978. (In Russ.)
5. Kozhedub I. Loyalty to Motherland. Seeking a battle. M.: Yauza; Eksmo, 2006. (In Russ.)
6. Heroes of the Soviet Union. A historical-statistical essay. M.: Voenizdat, 1984, 288 p. (In Russ.)
7. Shumikhin V.S. Soviet military aviation. M.: Nauka, 1986, 286 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 08.05.2015

УДК 94(47+571).084.8

Р.Е. РОМАНОВ

ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ РАБОТНИКОВ НОВОСИБИРСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945)*

Роман Евгенийевич Романов,
канд. ист. наук,
научный сотрудник Института истории СО РАН
630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8
e-mail: rromanov1981@mail.ru

В статье проанализирован уровень доступности жилищно-коммунального обслуживания для работников промышленных предприятий Новосибирска в годы Великой Отечественной войны. Показаны степень охвата заводского жилфонда водопроводом, канализацией,

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00068.

центральным отоплением, электроосвещением, а также соотношением между среднемесячной заработной платой производственного персонала и общей стоимостью данных услуг. Сделан вывод о том, что расходы на их оплату составляли малую долю заработка рабочих, ИТР и служащих. Вместе с тем отмечено, что дешевизна коммунального обслуживания имела важное значение лишь для незначительной части производственного персонала.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Новосибирск, промышленные предприятия, работники, жилищно-коммунальное обслуживание, водопроводные, канализационные, отопительные и электрические сети, стоимость коммунальных услуг.

R.Ye. ROMANOV

HOUSING AND UTILITIES OF THE NOVOSIBIRSK ENTERPRISES EMPLOYEES DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945)

Roman Ye. Romanov,
Candidate of Historical Sciences, Researcher
Institute of History of SB RAS,
8 Nikolaev St., Novosibirsk, 630090
e-mail: rromanov1981@mail.ru

The article is devoted to identifying the level of conveniences and costs of municipal housing that affected the availability of services provided for the production personnel of enterprises in the city of Novosibirsk – the largest industrial center in the Siberian home front. It characterizes the scope and practice of solving the housing problem, which determined the electric, water-supply, sewerage and heating networks coverage of urban housing stock, including the housing at disposal of the local and evacuated factories. In particular, the author marks unevenness and overall insufficient electricity, water, and heating supply, improper disposal of sewerage in houses and hutments based on statistical data of a diversified group of civil and defense enterprises in Novosibirsk. The article shows that all these conveniences were enjoyed mostly by the families of those employees and specialists who belonged to the middle and older generations. Besides, the ratio between the workers' wages and the cost of beds in factory dormitories, which also included tariffs for public utilities, is estimated. The author considers the practice of benefit payments for these conveniences provided at some enterprises for the low-paid staff. In general, expenses for usage of water supply system, sewerage, central heating and electrical lighting accounted for a very small share of employee average wages. However, cheapness of public utilities was of great importance only for a negligible part of industrial personnel accommodated in the most comfortable, according to wartime standards, dwellings.

Key words: Great Patriotic War, Novosibirsk, industrial plants, production personnel, housing and utilities, water supply, sewerage, heating and electrical networks, utilities cost.

В годы Великой Отечественной войны одним из направлений государственной политики по закреплению кадров в тыловых районах СССР являлись мероприятия по организации и развитию социальной инфраструктуры промышленных предприятий. Социальная инфраструктура играла существенную роль в жизнеобеспечении работников и их семей, в том числе в создании для них приемлемых жилищно-бытовых условий. Показателем наибольшего благоустройства жилья служила оснащенность жилплощади водопроводом, канализацией, центральным отоплением и электросетями. В условиях военного времени особое значение приобрела проблема доступности данных жизненных благ, косвенно влиявшая на заинтересованность рабочих в занятости на производстве. В частности, изучение данного аспекта осуществляется на примере предприятий Новосибирска, являвшегося ведущим центром развития сибирской оборонной индустрии и смежных с ней гражданских отраслей.

На сегодняшний день в отечественной историографии основательно исследованы лишь те сферы городской повседневности советского тыла, которые имели ключевое значение для выживания персонала ведущих отраслей военной экономики. До начала 1990-х гг. преимущественно разрабатывались проблемы оплаты труда,

жилищного и продовольственного обеспечения рабочего класса в СССР в целом [1] и в Сибири в частности [2]. В последние два десятилетия данная тематика была существенно расширена за счет изучения этих сторон повседневной жизни на примере тружеников оборонной промышленности восточных районов страны [3; 4; 5; 6; 7]. При этом в отдельных исследованиях приводятся отрывочные данные о работе различных бытовых учреждений новосибирских предприятий [5]. Вместе с тем, остаются открытыми важные с точки зрения жизнеобеспечения рабочих вопросы об уровне охвата коммунальными сетями заводского жилфонда и размещенных на его площадях жильцов, а также о соотношении заработной платы и затрат трудящихся на оплату услуг.

В начале 1940-х гг. в условиях массовой эвакуации предприятий в глубокий тыл Новосибирск стал крупнейшим за Уралом военно-промышленным мегаполисом. В это время в городе было существенно расширен выпуск самолетов и боеприпасов, создано с нуля оптико-механическое и электротехническое производство. Укрепилась довоенная база машиностроения и цветной металлургии, появились чернометаллургическая и химическая отрасли, работавшие в кооперации с «оборонкой». Интенсивное развитие новосибирской промышленности привело к росту численности в ней

рабочих: с 36,2 тыс. в середине 1941 г. до 97,6 тыс. в 1943 г. [5, с. 413]. Большая часть дополнительных трудовых ресурсов была привлечена на производство за счет населения, эвакуированного из прифронтовой полосы или мобилизованного из других городов и сельских районов Новосибирской области. В связи с этим одной из задач заводского руководства стало обеспечение новых работников и их семей жильем.

В военные годы отраслевые наркоматы и дирекции заводов принимали неотложные меры по возведению или изысканию жилплощадей для размещения рабочей силы. В 1941 – первой половине 1945 г. в Новосибирске было введено в эксплуатацию 374 тыс. м² жилья, в частности, на предприятиях – 254,8 тыс. В промышленности боеприпасов общая площадь вступивших в строй жилых объектов составляла 138,5 тыс. м², авиационной – 56,5 тыс., станкостроительной и инструментальной – 15,9 тыс., вооружения – 15,3 тыс., радио- и электротехнической – 12,9 тыс., металлургической – 4,4 тыс., химической – 0,45 тыс.¹ На промышленные отрасли приходилось 68 % нового жилья, в т. ч. на оборонные – около 60, гражданские – 8,5 %. Такое соотношение объясняется, прежде всего, достигнутым наибольшим масштабам жилищного строительства на авиазаводе № 153 (им. В.П. Чкалова) и снарядном комбинате № 179 («Сибметаллстрой»).

Особенности формирования жилфонда крупных предприятий оказывали существенное влияние на организацию коммунального обслуживания рабочих, ИТР, служащих и членов их семей. В 1940 г. в городах СССР электроснабжением был охвачен 91 % жилплощади, в 1945 г. – 88, водопроводом – 47 и 45 %, канализацией – 40 и 41, центральным отоплением – 18 и 18 %². В начале 1941 г. в Новосибирской области данными коммуникациями было оборудовано соответственно 97, 31, 20 и 10 % городского жилья [2, с. 49]. В Новосибирске ими комплексно оснащались лишь многоэтажные дома, возведенные в центре и «соцгородах» завода им. В.П. Чкалова и комбината «Сибметаллстрой». В военное время в связи с форсированным строительством землянок, барачных и одноэтажных домов уровень коммунального благоустройства жилых помещений стал еще ниже. Несмотря на рост с 1943 г. каменного и деревянного домостроения, сокращение объемов ввода в строй нового жилья также не способствовало увеличению доли жилфонда, обеспеченного тепло-, водоснабжением и канализацией. В 1945 г. данный показатель по Новосибирску по-прежнему оставался более низким, чем в целом по городам СССР.

Охват жилых кварталов заводов коммунальными сетями зависел и от наличия или отсутствия довоенной инфраструктурной базы, возведения жилья временного или постоянного типа, что влияло на условия предоставления коммунальных услуг. Об этом

свидетельствуют документы новосибирских предприятий наркоматов авиационной промышленности (НКАП), боеприпасов (НКБ), электропромышленности (НКЭП), станкостроения (НКСС) и химической промышленности (НКХП).

Накануне войны собственные жилые помещения имели действовавшие в Новосибирске комбинат № 179 НКБ, заводы № 153 НКАП и им. XVI партсъезда НКСС. В начале 1941 г. в распоряжении комбината «Сибметаллстрой» находилось 209,8 тыс. м² жилья [8, с. 518], завода им. XVI партсъезда (с декабря 1941 г. – № 230) – около 0,6 тыс. м²³. Жилфонд данных предприятий состоял из домов и барачных. В условиях эвакуации и трудовой мобилизации населения на производство барачное строительство существенно активизировалось. В 1941–1943 гг. на заводе № 153 доля барачных и землянок в новом жилье достигла 72,1 % [6, с. 246]. В 1943–1944 гг. на комбинате № 179 этот показатель составил более 90 %, на заводе № 230 – 76,3 %. Однако удельный вес временных построек в общей жилплощади предприятий был значительно ниже из-за наличия возведенных в мирное время капитальных зданий, отчасти подключенных к коммуникациям городского коммунального хозяйства (горкомхоза). На 1 января 1945 г. общая площадь жилфонда комбината «Сибметаллстрой» составляла 105,2 тыс. м², в т. ч. домов – 60,5 тыс. (59,2 %), завода им. XVI партсъезда – 1,3 и 0,75 тыс. (56,8 %) ⁴. Более половины жилья завода им. В.П. Чкалова также состояло из благоустроенных домов «соцгорода».

Эвакуированные предприятия промышленности боеприпасов, электротехнической и химической промышленности вообще не располагали пригодной для размещения рабочей силы жилплощадью. Ее отсутствие побуждало руководителей производства находить жилье различными путями. Например, на заводе № 635 НКБ, размещенном в районе ст. Заводская (20 км от центра Новосибирска) барачные помещения были оборудованы в хозяйственных корпусах. В конце 1941 – начале 1942 г. расположенные на его территории артиллерийские склады были перестроены под бараки, составлявшие около 80 % заводского жилья⁵. В более благоприятной ситуации оказался выделенный в 1942 г. из комбината «Сибметаллстрой» завод № 556. Его руководству удалось получить в распоряжение не только бараки, но и дома с центральным отоплением. Что касается самостоятельного возведения или изыскания капитальных строений с инженерными коммуникациями, то здесь в качестве примера можно привести электровакуумный и химический заводы. В 1942–1944 гг. на заводе № 617 НКЭП удельный вес домов во введенной в строй жилплощади достиг 100 %, на заводе № 759 НКХП – 80 %⁶. В 1945 г. на этих пред-

¹ ГАНО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 1770. Л. 144.

² Справка ЦСУ СССР Л.М. Кагановичу о состоянии городского жилищного фонда в 1940–1952 гг. // Исторические материалы. URL: <http://istmat.info/node/18429> (дата обращения: 10.01. 2015).

³ ГАНО. Ф. Р-1606. Оп. 1. Д. 83. Л. 15.

⁴ ГАНО. Ф. 11. Оп. 4. Д. 141. Л. 12; Ф. Р-1606. Оп. 1. Д. 83. Л. 15.

⁵ Там же. Ф. Р-1117. Оп. 1. Д. 43. Л. 13.

⁶ Там же. Ф. Р-1425. Оп. 1. Д. 8. Л. 19; Д. 17. Л. 15; Д. 24. Л. 17; Ф. Р-1750. Оп. 1. Д. 5. Л. 44; Д. 18. Л. 64.

приятных львиная доля жилых сооружений была предназначена для длительной эксплуатации.

В конце войны на ряде новосибирских предприятий более половины работников и членов их семей, получивших заводское жилье, проживали в зданиях постоянного типа. В данном случае уровень коммунального благоустройства жилплощади превосходил среднегородские, а в отдельных случаях – общесоюзные показатели (табл. 1). По сведениям на 1 января 1945 г. на заводах № 153, 230, 617, 759 и комбинате № 179 электроосвещением обеспечивались все жилые помещения, что было нехарактерно для страны и города в целом. Нетипичной являлась и более высокая оснащенность жилищ (кроме завода № 230) центральным отоплением. Кроме того, дома завода № 759 превышали общегородской уровень по водопроводным коммуникациям, комбината № 179 – водопроводным и канализационным. В то же время канализацией не были оборудованы жилые постройки заводов № 153 и 759, водопроводом и канализацией – заводов № 230 и 617. В целом обеспеченность заводских домов водой, теплом и бытовыми стоками варьировалась от отсутствия данных благ до охвата ими более половины общей жилплощади. Удельная величина этого охвата, а также особенности расселения тружеников и иждивенцев обуславливали их различный доступ к коммунальным удобствам. С учетом данных факторов абсолютно распространенным являлось лишь электрическое освещение. Отоплением пользовалась только часть персонала, поселенного в домах всех пяти предприятий, водопроводом – трех, канализацией – одного. Минимальный уровень коммунального обслуживания имел место на заводе № 230, максимальный – на комбинате № 179. В последнем случае полный комплекс услуг получали меньше половины тружеников предприятия и их семей (см. табл. 1).

Руководство предприятий предоставляло благоустроенное жилье кадровым рабочим, ИТР и их близким родственникам, семьям фронтовиков, инвалидам войны, выпускникам ремесленных училищ и школ ФЗО. Например, на заводе № 635 НКБ квартиры в домах с отоплением, водопроводом и канализацией получили 619 чел. из среды управленцев, специалистов и стахановцев. Основная масса заводского коллектива (3 931 чел.) была расселена в домах и бараках, обеспеченных лишь электроосвещением. На заводе № 556 НКБ в домах с центральным отоплением размещались 2 794 чел., бараках с печным отоплением – 1 462 чел. В помещениях постоянного типа проживали 1937 взрослых работников, членов их семей (94,4 %) и 857 юных тружеников (38,9 %), временного типа – 115 (5,6 %) и 1 347 (61,1 %) ⁷. Следовательно, дирекция предприятия обеспечивала жилплощадью с отдельными удобствами прежде всего семьи рабочих и специалистов среднего и старшего возрастов.

⁷ Оборонная промышленность... С. 442–443; ГАНО. Ф. Р-1117. Оп. 1. Д. 43. Л. 13.

В условиях войны уровень доступности коммунального обслуживания зависел также от соотношения между его ценой и реальной заработной платой работников. В 1940 г. в СССР рабочая семья ежемесячно платила за жилище и услуги ЖКХ в среднем 21 руб., или 3,7 % от общего заработка, в т. ч. отопление, водопровод, освещение и газ – 9 руб. 70 коп., или 1,7 % ⁸. В 1944 г. расходы семей трудящихся Новосибирска по этим статьям составляли 16 руб. (2 %) [9, с. 115]. На комбинате № 179 при средней зарплате персонала в 428 руб. койкоместо в общежитии стоило не менее 35 руб. Четверть этой суммы составляли сборы за воду, канализацию, свет и тепло в размере 8 руб. 90 коп. Последние достигали 2 % от среднемесячного заработка, а все жилищно-коммунальные платежи – свыше 8 % (табл. 2). При более высоких расходах на проживание в общежитиях затраты работников комбината на пользование сетями горкомхоза были ниже их довоенного уровня по стране.

Согласно действовавшему законодательству ⁹ об оплате жилья при ее взимании на предприятиях учитывались трудовые доходы рабочих и служащих. В феврале 1944 г. в общежитиях завода № 230 при средней зарплате персонала в 469 руб. цена койкоместа на одного человека составляла от 43 руб. 73 коп. до 47 руб. 44 коп. (табл. 3). Более половины ее размера приходилось на бытовые, санитарные и амортизационные услуги. Цены на отопление и электроосвещение были ниже и составляли от одной десятой до одной шестой общей стоимости коммунальных благ. В абсолютном выражении они достигали от 4 руб. 42 коп. до 7 руб. 38 коп. (от 0,9 до 1,6 % от заработка). Трудящиеся с номинальной зарплатой до 150 руб. полностью освобождались от жилищных платежей, от 150 до 300 руб. – вносили 25 % их суммы, от 300 до 500 руб. – 50 %, от 500 руб. и выше – 100 % ¹⁰. Каждый «льготник» платил за тепло и свет от 1 руб. 10 коп. до 3 руб. 69 коп. В целом низкооплачиваемый персонал расходовал на эти виды обслуживания от 0,4 до 1,2 % реального заработка, а на весь комплекс услуг – от 6 до 10 %. У тружеников со средней зарплатой последний показатель составлял от 9,3 до 10,1 %. Благодаря льготным тарифам работники предприятия с низкими заработками имели равные возможности по оплате коммунальных услуг.

В годы войны одним из направлений социального развития предприятий Новосибирска являлось расширение или формирование с нуля собственной жилищно-коммунальной инфраструктуры. Ее неотъемлемым элементом были инженерные коммуникации, которые обеспечивали размещенных в заводском жилье работ-

⁸ Справка ЦСУ СССР Л.П. Берия о размерах квартирной платы в СССР в 1940 г., 1949–1951 гг. // Исторические материалы. URL: <http://istmat.info/node/18428> (дата обращения: 10.01. 2015).

⁹ См. Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 4 июня 1926 г. «О квартирной плате и мерах по регулированию пользования жилищами в городских поселениях» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2922.htm (дата обращения: 10.01. 2015).

¹⁰ ГАНО. Ф. Р-1606. Оп. 1. Д. 78. Л. 35.

Т а б л и ц а 1

**Охват городскими коммунальными сетями жилфонда промышленных предприятий Новосибирска
на 1 января 1945 г.***

Тип жилья	Предприятие, отрасль									
	завод № 153 НКАП**		комбинат № 179 НКБ		завод № 617 НКЭП		завод № 230 НКСС		завод № 759 НКХП	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Дома (м ²)	100 400	67,8	60 516	57,5	6680	90,5	750	56,8	2409	100,0
в т.ч. обеспеченные водопроводом канализацией	35 900	24,3	43 410	41,3					1137	47,2
центр. отоплением	50 500	34,1	51 845	49,2	3220	43,6	97	7,3	1296	53,8
электроосвещением	100 400	67,8	60 516	57,5	6680	90,5	750	56,8	2409	100,0
Число жильцов, чел.	14 300	71,5	7724	44,0	1284***	85,2	218	68,6	565***	100,0
Баракы (м ²)	47 600	32,2	44 741	42,5	700	9,5	571	43,2		
в т.ч. обеспеченные электроосвещением	47 600	32,2	44 741	42,5	700	9,5	571	43,2		
Число жильцов, чел.	5700	28,5	9811	56,0	222***	14,8	100	31,4		
Всего жилья (м ²)	14 8000	100,0	105 207	100,0	7380	100,0	1321	100,0	2409	100,0
Всего жильцов, чел.	20 000	100,0	17 535	100,0	1506***	100,0	318	100,0	565***	100,0
Производственный персонал****			21245		2803		559		ок. 800	

*Составлена по: *Савицкий И.М.* Важнейший арсенал Сибири. Развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 2005. С. 344; ГАНО. Ф. 11. Оп. 4. Д. 141. Л. 12; Ф. Р-1606. Оп. 1. Д. 83. Л. 15; Ф. Р-1750. Оп. 1. Д. 18. Л. 64; Ф. Р-1425. Оп. 1. Д. 24. Л. 17.

**Данные на 1 января 1946 г.

***Данные на 1 января 1944 г.

****Среднегодовые данные за 1944 г.

Т а б л и ц а 2

Среднемесячные сборы с койкоместа в общежитиях комбината № 179 в 1944 г.*

Виды услуг	Сборы, руб.		% к реальному заработку рабочего
	абс.	%	
Водоснабжение и канализация	1,21	3,4	0,3
Освещение	1,20	3,4	0,3
Отопление	6,49	18,3	1,5
Бытовое обслуживание	0,54	1,5	0,1
Капитальный ремонт	10,77	30,4	2,5
Прочее	15,71	44,0	3,7
Всего	35,43	100,0	8,3

*Составлена по: ГАНО. Ф. 11. Оп. 4. Д. 141. Л. 12.

ников и их семьи электрическим светом, водой, теплом и отводом бытовых стоков. В частности, жилплощадь, находившаяся в ведении ряда крупных заводов оборонного значения, на фоне города, а иногда и страны в целом отличалась более высоким уровнем оснащенности различными сетями. Вместе с тем, за исключением электроснабжения, остальные виды коммунального обслуживания охватывали, как правило, менее половины жилфонда промышленных предприятий. В

связи с этим большинство трудящихся, особенно рабочая молодежь, не могли воспользоваться водопроводом, канализацией и центральным отоплением.

При наличии таких возможностей, которые получали в основном семейные работники, возникал вопрос о финансовой доступности коммунального обслуживания. В военное время при относительно высокой (по сравнению с 1940 г.) доле совокупных жилищно-бытовых расходов в зарплате цены на электро-, водо- и

Стоимость коммунальных услуг в общежитиях завода № 230 на 15 февраля 1944 г.*

Виды услуг	Общежитие					
	Бердский переулок, 1		Большевицкая, 133		Тракторная, 73 а	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Отопление	4,30	9,8	6,50	14,2	7,00	14,8
Освещение	0,12	0,3	0,33	0,8	0,38	0,8
Очистка выгребных ям	1,60	3,7	1,60	3,5	1,60	3,4
Радиообслуживание	0,20	0,5	0,20	0,4	0,20	0,4
Амортизация постельных принадлежностей	8,08	18,5	8,08	17,7	8,08	17,0
Амортизация инвентаря	1,20	2,7	1,20	2,6	1,20	2,5
Стирка белья	15,50	35,4	15,50	33,9	15,50	32,7
Текущий ремонт	2,20	5,0	2,20	4,8	2,20	4,6
Санобработка	9,00	20,6	9,00	19,7	9,00	19,0
Содержание помещений	0,51	1,2	0,83	1,8	0,56	1,2
Содержание территории					0,50	1,1
Административно-управленческие расходы	0,94	2,1	0,94	2,1	0,94	2,0
Непредвиденные расходы	0,28	0,6	0,28	0,6	0,28	0,6
Итого	43,73	100,0	45,66	100,0	47,44	100,0

* Составлена по: ГАНО. Ф. Р-1606. Оп. 1. Д. 78. Л. 36, 38, 39.

теплоснабжение, канализацию в заводских общежитиях составляли ее малую удельную величину. Невысокая стоимость этих услуг и установление льгот в оплате жилья для рабочих и служащих с низкими заработками способствовали тому, что потенциально каждый труженик мог воспользоваться коммунальными благами без существенных денежных затрат. Однако в действительности их дешевизна имела важное значение лишь для незначительной части производственного персонала предприятий Новосибирска, размещавшейся в наиболее комфортных по меркам военного времени жилых помещениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Митрофанова А.В. Рабочий класс Советского Союза в годы Великой Отечественной войны. М., 1971. 525 с.
2. Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1984. 376 с.
3. Шумилов В.Н. Создание оборонной промышленности Новосибирской области. Новосибирск, 2000. 204 с.
4. Шуранов Н.П. Создание оборонной промышленности в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Кемерово, 2004. 220 с.
5. Савицкий И.М. Важнейший арсенал Сибири. Развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 2005. 449 с.
6. Шевченко В.Н. Сибирский арсенал Победы: становление и развитие оборонной промышленности Сибири в годы Великой Отечественной войны. Красноярск, 2008. 447 с.
7. Савицкий И.М., Романов Р.Е. Рабочие, инженеры и техники оборонной промышленности Западной Сибири – фронту (1941–1945). Новосибирск, 2014. 412 с.

8. Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): сб. док. Новосибирск, 2005. 873 с.

9. Букин С.С. Бюджеты рабочих семей Сибири в годы Великой Отечественной войны // Социально-демографическое развитие Сибири в XX столетии: сб. статей. Новосибирск, 2004. Вып. 2. С. 104–129.

REFERENCES

1. Mitrofanova A.V. The working class of the Soviet Union during the Great Patriotic War. M., 1971. 525 p.
2. The working class of Siberia during the consolidation and development of socialism. Novosibirsk, 1984. 376 p.
3. Shumilov V.N. Creation of the defense industry of the Novosibirsk region. Novosibirsk, 2000. 204 p.
4. Shuranov N.P. Creation of the defense industry in Western Siberia during the Great Patriotic War. Kemerovo, 2004. 220 p.
5. Savitsky I.M. The most important arsenal of Siberia. Development of the defense industry of the Novosibirsk region during the Great Patriotic War. Novosibirsk, 2005. 449 p.
6. Shevchenko V.N. Siberian Arsenal Wins: formation and development of the defense industry in Siberia during World War II. Krasnoyarsk, 2008. 447 p.
7. Savitsky I.M., Romanov R.E. Workers, engineers and technicians of the defense industry in Western Siberia – Front (1941–1945). Novosibirsk, 2014. 412 p.
8. Oboronnaja promyshlennost' Novosibirskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945): sb. dok. Novosibirsk, 2005.
9. Bukin S.S. Budgets of working families in Siberia during the Great Patriotic War. *Sotsialno-demograficheskoe razvitie Sibiri v XX stoletii*: sb. statey. Novosibirsk, 2004, Vyip. 2. S. 104–129.

Статья принята редакцией 15.04.2015

УДК 002: 2(571): 355

С.Н. ЛЮТОВ, Е.Н. САВЕНКО

КНИГОИЗДАНИЕ В СИБИРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Сергей Николаевич Лютов,
д-р ист. наук, профессор,
заведующий лабораторией книговедения
Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН
г. Новосибирск, ул. Восход, 15
Елена Нальевна Савенко,
канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник
Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН
г. Новосибирск, ул. Восход, 15
e-mail: knigoved@spsl.nsc.ru

В статье представлены результаты исследований, отражающих региональную специфику книжного дела в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на примере Сибири. В работе сибирских издательств проявились как общие закономерности издательской практики тех лет (увеличение выпуска книг военной тематики), так и особенности, обусловленные тыловым положением региона, перемещением из западных районов страны издательских учреждений и типографий, притоком в числе эвакуированных творческой интеллигенции. Приведенные примеры книг и брошюр отражают основные тематические направления в региональном книгоиздании военного периода. Вновь выявленные статистические показатели по выпуску военных изданий Красноярским отделением Военного издательства в 1941–1944 г., которые не учитывались ранее в книгоиздательской статистике региона, дают основания для ее уточнения в сторону увеличения.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Сибирь, история книги, книжное дело, региональное книгоиздание, военная книга.

S. N. LYUTOV, Ye.N. SAVENKO

BOOK PUBLISHING IN SIBERIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Sergey N. Lyutov
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Head of Laboratory of Bibliology,
State Public Scientific-Technological Library of SB RAS (SPSTL SB RAS)
15 Voskhod St., Novosibirsk, 630200
Elena Nalyevna Savenko
Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher
State Public Scientific-Technological Library of SB RAS (SPSTL SB RAS)
15 Voskhod St., Novosibirsk, 630200
e-mail: knigoved@spsl.nsc.ru

Each next anniversary of the Victory in the Great Patriotic War gives reason for presenting the new research findings that reveal previously unknown pages of the War and don't let the memory of the past century's greatest tragedy fade away. As fewer and fewer war veterans and eyewitnesses remain alive, the value of documentary sources increases, because they contain important information about the War. Among these «history keepers» the most accessible are the books published during the war, which, in turn, deserve special study.

The purpose of this article is to summarize the materials reflecting regional aspects of the history of Siberian book publishing industry in 1941-1945. The research findings introduced into scientific circulation confirm that the book industry in the region worked together with the rest of the country in a joint effort to do «Everything for the front, everything for victory!». During the War specifics of publishing activities in the region were determined primarily by the changing subject matter of printed materials, as well as by evacuation of publishing agencies and houses from the country's western regions, along with the influx of evacuated intellectuals. The paper analyzes specific features of Siberian book publishing during the war; traces the book production dynamics during that time; reviews sample editions reflecting main thematic focuses.

The author identifies new statistical data on military editions issued by the Krasnoyarsk branch of the Military Publishing Office in 1941-1944. These data haven't been previously taken into account and suggest upward revision of statistics on the regional book publishing.

Key words: Great Patriotic War, Siberia, the history of books, regional book publishing, military book.

Первые научные публикации о книгоиздании в годы Великой Отечественной войны появились в середине 1960-х гг. и были приурочены к 20-летию Победы. В сборнике «Книга. Исследования и материалы» опубликованы статьи Г.Д. Комкова [1; 2], в журнале «Полиграфия» напечатана статья Е.Л. Немировского о книгоиздании и полиграфии военных лет [3]. Поскольку книговедение в СССР переживало в 1960-е гг. период своего «второго рождения» после негласного запрета в 1930-е гг., то данные публикации стали своеобразным идеологическим и методологическим ориентиром в изучении истории книги и книжного дела периода Великой Отечественной войны. Позднее, в 1970–1980-е гг., диапазон исследований расширился за счет публикаций по истории отраслевого книгоиздания (техническая книга, военная книга, медицинская книга, академическая книга) и книжного дела отдельных территорий.

Комплексный подход к изучению сибирского книгоиздания военных лет был положен в основу исследования Е.Н. Савенко «Книжное дело в Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)» [4], подтвердившей, что Сибирь в период войны была одним из ведущих центров книгоиздания. Однако по причине ограниченного доступа к архивным документам военного ведомства в исследование не вошли сведения о деятельности в Красноярске одного из тыловых отделений Военного издательства. Выявленные позднее документы о работе этого отделения указывают на то, что масштабы его издательской деятельности были сопоставимы по показателям с результатами местных издательств. Введение в оборот новых сведений позволяет существенно дополнить написанную в начале 1990-х гг. историю книжного дела Сибири в годы Великой Отечественной войны.

Начальный период войны продемонстрировал специфику перевода издательской практики в тыловом регионе на режим военного времени. В то время как общие показатели выпуска печатной продукции в целом по стране существенно снизились, в восточных областях они возросли. Доля областных отделений в общем производстве книг ОГИЗ за полтора года войны увеличилась более чем в 2 раза: с 34 % в 1941 г. до 78 % в 1942 г. [1, с. 68]. За 1941–1942 гг. издательствами Сибири было выпущено более 1 тыс. книг и брошюр общим тиражом около 10 млн экз., что почти в 1,3 раза превышало показатели выпуска довоенных лет по названиям и в 1,5 раза – по тиражам [5, с. 90].

Необходимости в какой-либо структурной перестройке местных издательств в Сибири с началом войны не было. Перед ними стояла задача – наряду с увеличением выпуска печатной продукции, отвечавшей условиям военного времени, оказать помощь в размещении и налаживании работы эвакуированных издательств и полиграфических предприятий. В 1941 г. в распоряжение новосибирского Полиграфиздата поступило оборудование Московского полиграфкомбината им. Молотова и Московской типографии «Красный пролетарий». Из Полтавы в Но-

восибирск был эвакуирован шрифтолитейный завод «Словолитня» – крупнейшее предприятие страны этого профиля. Красноярск стал местом размещения одного из тыловых отделений Военного издательства Наркомата обороны СССР и Первой образцовой типографии из Москвы. Томская типография «Красное знамя» печатала заказы о размещенных в городе издательствах Медгиз, Музгиз, «Физкультура и спорт». В Омске с 1942 г. функционировало Издательство Наркомзема СССР.

Наиболее показательным примером организации работы на новом месте Красноярского отделения Воениздата [6]. Приказ наркома обороны СССР о создании тыловых отделений в Казани и Красноярске был подписан 2 августа 1941 г.¹ Приказ по Управлению Военного издательства о назначении начальником Красноярского отделения военинженера 2-го ранга А.А. Цыгулева датирован 6 августа 1941 г.², а уже 9 августа 1941 г. им был подписан приказ № 1 по Красноярскому отделению Воениздата, которым он объявлял о том, что «сего числа прибыл в Красноярск, совместно с выпускающим инженером А.А. Однодворцевым, и приступил к выполнению заданий»³. На формирование отделения ушло не более 10 дней. 17 августа 1941 г. из Москвы во главе со старшим лейтенантом В.И. Хабаловым, назначенным старшим редактором отделения, прибыло семь сотрудников Воениздата. Вспомогательный персонал был укомплектован из местных жителей. Приказ по Красноярскому отделению № 2 от 20 августа 1941 г. гласил: «С сего числа Красноярское отделение Военного издательства НКО СССР считать сформированным и приступившим к реализации заданий начальника Управления Военного издательства НКО СССР»⁴. К концу сентября коллективом отделения было подготовлено к сдаче в производство 26 трудов общим объемом 67,5 печатных листов⁵. Первые заказы на выпуск печатной продукции были размещены в типографиях «Красноярский рабочий» и «Полиграфкнига».

Для создания собственной типографии отделения Воениздата часть оборудования отгружалась из Москвы Первой Образцовой типографией, для размещения которого в Красноярске решением крайисполкома и бюро крайкома ВКП(б) от 5 сентября 1941 г. был выделен подвал дома № 104 по ул. Сталина. Но этого оборудования было недостаточно, и начальником отделения принимались меры по привлечению местных типографий для выполнения заказов Воениздата. В Красноярске и Новосибирске было задействовано: линотипов – 15, литографских машин – 5, плоскопечатных машин – 17, фальцевальных машин – 2, швейных машин – 4, тачалок – 8, резальных машин – 7⁶. Большие объемы

¹ ЦАМО. Ф. 106. Оп. 12556. Д. 368. Л. 6.

² Там же. Д. 6. Л. 7.

³ Там же. Д. 367. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 2–3.

⁵ Там же. Л. 12.

⁶ Там же. Д. 6. Л. 14, 17.

работы вынуждали начальника отделения ставить вопрос о бронировании новосибирских и красноярских типографий за Воениздатом и до 1942 г. не загружать эти типографии другими заказами⁷.

Благодаря хорошо налаженному взаимодействию с местными типографиями Красноярскому отделению Воениздата удалось до конца 1941 г. выпустить 60 брошюр (53 специально-военных, 7 военно-политических), 1 листовку, 14 лозунгов, 15 плакатов – всего 90 названий печатной продукции общим тиражом 5 млн 446,6 тыс. экз. [7, с. 117]. Выпускаемая продукция распространялась в основном в воинских частях и учреждениях Сибирского, Забайкальского, Среднеазиатского военных округов и Дальневосточного фронта.

Дальнейшее наращивание выпуска печатной продукции военного назначения осуществлялось в основном за счет более активного использования возможностей местной полиграфической базы. Красноярским отделением Воениздата была освоена полиграфическая база шести сибирских городов с расчетными производственными возможностями не менее 8 млн листов-оттисков в месяц⁸. Это позволило не только выпускать печатную продукцию по заданиям Управления Воениздата, но и исполнять заказы крайкомов и обкомов ВКП(б), окружных штабов и политуправлений.

Принимавшиеся меры позволили значительно увеличить выпуск печатной продукции. По обобщенным сведениям, в 1942 г. Красноярским отделением Военного издательства было выпущено: специальной военной литературы 180 названий, тиражом 11 536,5 тыс. экз.; военно-политической литературы – 108 названий в количестве 6520,5 тыс. экз.; листовок, лозунгов, плакатов – 201 название тиражом 9319,2 тыс. экз. Общий результат составил 489 названий печатной продукции с суммарным тиражом 27 376,2 тыс. экз. [8, с. 95].

По мере того как критическая ситуация первых военных лет была преодолена, положение в книгоиздании с 1943 г. стало постепенно меняться. Весной 1943 г. Совнарком РСФСР принял постановление об обязательном выделении полиграфического оборудования для освобожденных районов. Исполняя это решение, Новосибирский полиграфиздат передал предприятиям западных районов 12 типографских машин⁹. Одновременно началась реэвакуация полиграфических предприятий из Сибири в места прежнего базирования. Снизились нормы снабжения типографий печатной бумагой. В 1943 г. областные отделения ОГИЗа получили лишь 50 % количества бумаги, необходимого для выполнения плана¹⁰. Однако благодаря экономии бумаги, уменьшению формата и объемов книжных изданий среднегодовой выпуск книг в большинстве издательств Сибири сохранился на довоенном уровне.

Лишь в издательствах автономных образований из-за сокращения выпуска книг на национальных языках показатели книгоиздания снизились [9, с. 49]. Выпуск продукции Красноярским отделением Воениздата также сократился: в 1943 г. было выпущено 124 названия печатной продукции, в 1944 г. – 86. В августе 1944 г. отделение Воениздата в Красноярске прекратило свою деятельность.

В условиях войны произошли существенные изменения в тематике книжной продукции. В основу отбора произведений для печати в первую очередь легли интересы обороны страны. Ведущее место в книжной продукции занимала общественно-политическая литература, игравшая особую роль в мобилизации народа на отпор врагу. В 1941 г. в издательствах региона вышел в свет ряд оригинальных брошюр, разоблачавших идеологию нацизма: «Расовые бредни фашизма» сибирского историка К.П. Абросенко (Красноярск), «Расовая теория в свете археологических памятников Сибири» археолога-палеонтолога И.В. Арембовского (Иркутск), «Расовый бред германского фашизма» (Омск), автором которой был эвакуированный в Сибирь академик Б.М. Заводовский.

Оперативно освещали издательства региона боевые подвиги воинов сибиряков. Новосибиргиз в 1942 г. опубликовал книги «Сибиряки на фронте», «Сибиряки на защите Сталинграда», «Богатыри Отечественной войны». Красноярское краевое издательство в годы войны выпустило в свет серию брошюр «Красноярцы – герои Отечественной войны».

С первых дней войны в регионе значительно увеличился выпуск книг о героическом прошлом России. В Новосибирске были изданы брошюры профессора Томского университета Э.Н. Ярошевского о великих борцах за русскую землю. В издательствах автономных республик Сибири были опубликованы переведенные на национальные языки работы отечественных историков об освободительных войнах русского народа: «Ледовое побоище» А. Казаченко (1941), «Поучительный урок прошлого» (1942) В. Введенского – на бурятском языке [10, с. 41], «Отечественная война 1812 года» Н. Коробкова, «Куликовская битва» Б.Ф. Федорова, «Ледовое побоище» С. Глязера – на якутском языке. Многие книги и брошюры, изданные в регионе, освещали воинскую доблесть предков на примерах сибиряков. Омгиз выпустил в 1942 г. книгу В.И. Стрельского «Сибирь в Отечественной войне 1812 г.», в которую вошли не публиковавшиеся ранее документы об участии сибиряков в войне с Наполеоном. Значительный вклад в формирование патриотизма внесли и работы других историков региона, раскрывавшие истоки героизма сибирских воинов: «Боевые традиции сибиряков» В.И. Дулова и Ф.А. Кудрявцева (Иркутск, 1942), «Боевые традиции бурят-монгольского народа» Ф.А. Кудрявцева (Улан-Удэ, 1942).

Начало войны и масштабные мобилизационные мероприятия по формированию новых частей для фронта потребовали большого количества военных изданий – уставов, наставлений, инструкций, описа-

⁷ Там же. Л. 44.

⁸ Там же. Д. 31. Л. 14.

⁹ Там же. Ф. 117. Оп. 9. Д. 194. Л. 188.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 4851. Оп. 1. Д. 1219. Л. 39; Д. 1248. Л. 25; Д. 1249. Л. 151.

ний военной техники и оружия, памяток о действиях в различных видах боя и т. п. Основным поставщиком печатной продукции военного назначения стало Красноярское отделение Военного издательства. Наряду с выпуском большими тиражами уставов и наставлений РККА сотрудниками отделения в 1941 г. сверх производственного задания было разработано несколько оригинальных изданий по освоению боевого опыта фронтовых частей и действиям зимой. В числе таких изданий – брошюры «Чему учит боевой опыт фронта», «Как действовать на лыжах», «Как действовать бойцу зимой», «Как окапываться в бою», «Укрепление местности зимой», «Маскировка бойца зимой», «Как предупредить обморожение» и др. Такие пособия были очень актуальны для подготовки и действий войск в условиях суровой зимы 1941–1942 гг. [8, с. 96].

Местные сибирские издательства также выпускали книги и брошюры военно-прикладного характера. Новосибиргиз опубликовал в 1941 г. брошюру «Чему учит боевой опыт» И.М. Некрасова, удостоенного звания Героя Советского Союза за бои под Ельней. В Якутгосиздате в 1941 г. вышло в свет 21 пособие для призывников тиражом более 116 тыс. экз. [11, с. 2]. Учитывая многонациональный характер населения Сибири, часть военно-прикладной литературы издавалась на языках коренных народов. В 1941 г. на алтайском языке была напечатана брошюра «Будь готов к ПВХО», на бурятском – «Уничтожай танки врага», «Как стрелять из винтовок и ручных пулеметов по вражеским самолетам и парашютам» И.А. Виноградова. На тувинском языке за годы войны вышло 16 книг военно-прикладного характера [12, с. 92].

Взросшее экономическое значение сибирского региона обусловило увеличение выпуска производственной литературы, прежде всего сельскохозяйственной тематики. За два первых военных года выпуск книг указанной тематики Новосибирским областным издательством увеличился в 2,5 раза по названиям и более чем в 5 раз — по тиражам [13, с. 148.]. Более миллиона книг и брошюр сельскохозяйственной тематики напечатал за годы войны Омгиз [14, с. 128]. Сельскохозяйственная литература военных лет была максимально приближена к задачам, стоявшим перед регионом. Из 101 сельскохозяйственной книги, вышедшей в Новосибирске за три года войны, лишь 24 были перепечатками; остальные – самостоятельными изданиями по актуальным проблемам сельского хозяйства¹¹.

В годы войны местные издательства значительно расширили выпуск производственно-технической литературы. К 1942 г. число книг, освещающих актуальные проблемы промышленного производства, выросло по сравнению с довоенным периодом почти в 4 раза¹². Но основными пропагандистами технических достижений по-прежнему оставались издающие организации, на долю которых приходилось более 55 % выпуска технической литературы. Например, размещенный

в 1941 г. в Томске Институт технико-экономической информации Госплана СССР за годы пребывания в Сибири выпустил в свет почти три десятка книг и брошюр из серии «Стахановская библиотека» [15, с. 95]. Новосибирский авиационный завод им. В.П. Чкалова публиковал для служебного пользования брошюры с описанием различных модификаций самолета ЯК¹³. Эвакуированный в Омск Гидрографический институт обеспечивал ВМФ СССР картографической продукцией, выпустил за годы войны 900 карт и 20 атласов рек [16, с. 165].

Выраженный прикладной характер носила издаваемая в регионе медицинская книга. Книжные издательства Сибири выпускали различные медицинские инструкции для призывников: «Умей оказать первую помощь», «Самопомощь в бою при ранениях» В.А. Рыбасова и т. д. Издания медицинских институтов, управлений эвакогоспиталей были посвящены конкретным проблемам военной медицины. Томский медицинский институт, например, издал работы В.Г. Вагралика «Стимуляция заживления ран» и «Очерк функциональной патологии боевой травмы».

Особое место в мобилизации духовных сил народа на отпор врагу заняла художественная литература. Более 63 % всех вышедших в стране художественных книг издавалось провинциальными издательствами [17, с. 99]. Увеличение масштабов выпуска художественной литературы в Сибири произошло благодаря оживлению литературной жизни в результате эвакуации в регион большого количества писателей из центральной части страны. Во многих сибирских городах возобновился выпуск литературно-художественных альманахов. В Новосибирске выходил альманах «Огневые дни», в Омске – «Омский альманах», в Красноярске – «Енисей», в Иркутске – альманах «Новая Сибирь», на страницах которого было опубликовано 200 произведений о войне и сибирском тыле [18, с. 348]. Увеличилось количество художественных произведений, публикуемых отдельными книгами. Большинство художественных произведений принадлежали перу сибирских литераторов. С июня 1941 г. по июль 1944 г. Новосибиргиз выпустил 33 книги местных авторов¹⁴. Более 40 книг красноярских писателей издало в годы войны Красноярское книжное издательство [19, с. 188].

Тема защиты Родины, ставшая основным лейтмотивом художественной литературы, находила отражение преимущественно в поэтической форме. В 1941 г. в сибирских отделениях ОГИЗа вышло 16 поэтических сборников о войне: «За Родину» (Омск), «Моя Родина непобедима», «За Родину, за честь, за свободу», «Бомба и знамя» (Иркутск), «Победа будет за нами» (Новосибирск). Было издано также большое количество авторских поэтических сборников о войне: «За Родину» Л. Мартынова, «В боевом строю», «Мое оружие» Л. Черноморцева, цикл стихов А. Смердова

¹¹ ГАНО. Ф. Р-1432. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.

¹² ГА РФ. Ф. 4851. Оп. 1. Д. 50. Л. 318.

¹³ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 9. Д. 195. Л. 74.

¹⁴ Там же. Ф. Р-1432. Оп. 1. Д. 33. Л. 6.

о бесстрашном и находчивом бойце Тарасе Клинкове и др. Бурмонгиз выпустил в годы войны 25 книг поэзии бурятских авторов: Б. Базарона, Д. Дамдинова, С. Дунаева, Ц. Галсанова, А. Уланова и др. [20, с. 95]. Якутское государственное издательство опубликовало книги стихов С. Васильева, К. Урастырова, С. Элляя. Были изданы произведения национального фольклора народов Сибири: героические эпосы бурят «Гэсэр» и «Шоно-Батор», «Военные легенды якутов» и др.

Заметное развитие получила в военный период публицистика. Отдельными книгами вышли произведения о трудовом героизме сибиряков: «Лето на полях», «Наши земляки» А. Коптелова, «Сибиряки» С. Кожевникова, «Моя Родина непобедима» и «Тыловые рассказы» Г. Кунгурова и др.

Вклад той или иной отрасли в достижение победы традиционно подтверждается количеством продукции, выпущенной во время войны. Подсчеты по материалам «Книжной летописи» за 1941–1945 гг. и архивным документам показали, что в военный период сибирскими издательствами было выпущено более 2,2 тыс. книг и брошюр общим тиражом свыше 16,5 млн экз. В приведенной статистике не были учтены сотни книг ведущих издательств страны, отпечатанных в типографиях сибирского региона. Работа с архивами Военного издательства позволяет причислить к указанным показателям печатную продукцию Красноярского отделения Воениздата – 789 названий книг, брошюр, листовок и плакатов, суммарный тираж которых составил более 30 млн экз. Это является еще одним подтверждением того, что сибирские издательства и типографии, оказывая помощь эвакуированным издательствам, общими усилиями способствовали приближению Великой Победы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Комков Г.Д. Советское книгоиздательство в годы Великой Отечественной войны // Книга. Исследования и материалы. М., 1963. Сб. 8. С. 66–81.
2. Комков Г.Д. Книга в годы Великой Отечественной войны // Книга. Исследования и материалы. М., 1967. Сб. 15. С. 105–117.
3. Немировский Е.Л. Книгоиздательство и полиграфия в годы Великой Отечественной войны // Полиграфия. 1965. № 5. С. 8–11.
4. Савенко Е.Н. Книжное дело в Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1993. 20 с.
5. Пайчадзе С., Лютов С., Савенко Е. Военная книга в Сибири и на Дальнем Востоке: история издания и социальные функции (1917–1945 гг.). Новосибирск, 1998. 160 с.
6. Лютов С.Н. Красноярское отделение Военного издательства НКО СССР в годы Великой Отечественной войны (публикация документов) // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 3. С. 31–36.
7. Лютов С.Н. Перестройка деятельности Военного издательства в первом периоде Великой Отечественной войны // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2011. № 1. С. 114–120.
8. Лютов С.Н. Воениздат на фронте и в тылу // Книга: Исследования и материалы. М., 2011. Сб. 94, ч. 2. С. 91–103.
9. Грошева Е.Н. Книгоиздание на бурятском языке (XIX – начало XXI в.). Улан-Удэ, 2008. 123 с.
10. Кучмурукова Е.А. История книгоиздания Бурятии (вторая половина 1930-х – 1991 гг.). Улан-Удэ, 2002. 208 с.
11. Степанов П.Д. Слово партии в далеком тылу. Якутск, 1975. 84 с.
12. Маадыр М.С. Книжное дело Тувы в 1941–1945 годы. Армия и книга. Новосибирск, 1995. С. 91–94.
13. Савенко Е.Н. Сельскохозяйственная литература в Сибири в годы Великой Отечественной войны // Региональные проблемы истории книги в Сибири и на Дальнем Востоке: сб. стат. Новосибирск, 1985. С. 147–156.
14. Жданов С.И. 25 лет советского книгопечатания в Омске // Омский альманах. 1945. Вып. 5. С. 128–134.
15. Александрова Н.О. Техническая книга в Сибири в годы Великой Отечественной войны // Книжное дело Сибири и Дальнего Востока в годы строительства социализма: сб. стат. Новосибирск, 1984. С. 90–105.
16. Понов П.Г. Омск и ученый-гидрограф А.М. Лавров // Памятники истории и культуры Омской области. Омск, 1989. Вып. 1. С. 164–166.
17. Иванова Л.В. Издание художественной литературы в годы Великой Отечественной войны // Книга: Исследования и материалы. М., 1987. Сб. 55. С. 94–114.
18. Богдашина Ю.В. Вклад художественной интеллигенции Иркутской области в победу над фашистской Германией // За советскую социалистическую Сибирь (к 60-летию освобождения Восточной Сибири от белогвардейцев и интервентов): материалы конф. Иркутск, 1982. Ч. 2. С. 55–60.
19. Семизук З.И. Родине. Фронту. Победе // Связь времен. Красноярск, 1987. С. 174–189.
20. Одорова Т.Л. Книга в Бурятии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 годы) // Армия и книга. Новосибирск, 1995. С. 94–97.

REFERENCES

1. Komkov G.D. Soviet book publishing in the great Patriotic war. *Kniga. Issled. i materialy*. M., 1963, Sb. 8, pp. 66–81 (In Russ.)
2. Komkov G.D. The book is in the Great Patriotic war. *Kniga. Issled. i materialy*. M., 1967, Sb. 15, pp. 105–117. (In Russ.)
3. Nemirowskij E.L. Publishing and printing in the Great Patriotic war. *Poligrafija*. 1965. no 5, pp. 8–11. (In Russ.)
4. Savenko E.N. Book publishing in Siberia during the great Patriotic war (1941–1945): author. dis. ... candles. East. Sciences. Novosibirsk, 1993, 20 p. (In Russ.)
5. Pajchadze S., Ljutov S., Savenko E. Military book in Siberia and the far East: the publication history and social function (1917–1945). Novosibirsk, 1998. 160 p. (In Russ.)
6. Ljutov S.N. The Krasnoyarsk branch of the Military publishing house of the NGOs of the USSR in the Great Patriotic war. (Publication of documents). *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2010, N 3, pp. 31–36. (In Russ.)
7. Ljutov S.N. The restructuring of the activities of the Military publishing house in the first period of the great Patriotic war. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Problemy poligrafii i izdatel'skogo dela*. 2011, N 1, pp. 114–120. (In Russ.)
8. Ljutov S.N. Voениzdat on the front and rear. *Kniga: Issled. i materialy*. M., 2011, Sb. 94, Ch. 2, pp. 91–103. (In Russ.)
9. Grosheva E.N. Book publishing in the Buryat language (XIX – beginning of XXI centuries). Ulan-Udje, 2002, 208 p. (In Russ.)
10. Kuchmurukova E.A. History book of Buryatia (the second half of the 1930–1991). Ulan-Udje, 2002, 208 p. (In Russ.)
11. Stepanov P.D. The word party in the distant rear. Jakutsk, 1975, 84 p. (In Russ.)
12. Maadyr M.S. Book publishing Tuva in 1941–1945. *Armija i kniga*. Novosibirsk, 1995, pp. 91–94. (In Russ.)
13. Savenko E.N. Agricultural literature in Siberia during the great Patriotic war. *Regional'nye problemy istorii knigi v Sibiri i na Dal'nev Vostoke*: sb. stat. Novosibirsk, 1984, pp. 90–105. (In Russ.)
14. Zhdanov S.I. 25 years of the Soviet publishing in Omsk. *Omskij al'manah*. 1945. Vyp. 5, pp. 128–134. (In Russ.)

15. *Aleksandrova N.O.* Technical book in Siberia during the great Patriotic war. *Knizhnoe delo Sibiri i Dal'nego Vostoka v gody stroitel'stva socializma*: sb. stat. Novosibirsk, 1984, pp. 90–105. (In Russ.)

16. *Popov P.G.* Omsk and scientist hydrograph A.M. Lavrov. *Pamjatniki istorii i kul'tury Omskoj oblasti*. Omsk, 1989, vyp. 1, pp. 164–166. (In Russ.)

17. *Ivanova L.V.* The publication of fiction in the Great Patriotic war. *Kniga: Issled. i materialy*: M., 1987, Sb. 55, pp. 94–114. (In Russ.)

18. *Bogdashina Ju.V.* The contribution of the artistic intelligentsia of the Irkutsk region in the victory over fascist Germany. *Za sovetskiju*

socialisticheskiju Sibir': (K 60-letiju osvobodzhenija Vost. Sibiri ot belogvardejcev i interventov): materialy konf. Irkutsk, 1982, Ch. 2, pp. 55–60. (In Russ.)

19. *Semiguk Z.I.* The homeland. Front. Victory. *Svjaz' vremen*. Krasnojarsk, 1987, pp. 174–189. (In Russ.)

20. *Odorova T.L.* Book in Buryatia in the Great Patriotic War (1941–1945 years). *Armija i kniga*. Novosibirsk, 1995, pp. 94–97. (In Russ.)

Статья принята редакцией 08.04.2015

УДК 94(470+571)

А.А. БУРМАТОВ

СМЕРТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ В 1941–1945 гг.

Александр Анатольевич Бурматов,
канд. ист. наук, доцент

Куйбышевский филиал Новосибирского педагогического университета
632382, Новосибирская область, г. Куйбышев, квартал 10, д. 7, кв. 79
e-mail: al-burmatov@yandex.ru

Целью статьи является рассмотрение смертности населения в Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Новосибирская область в предвоенных границах включала Кемеровскую и Томскую области, поэтому ситуация в ней являлась определяющей для всего населения Западной Сибири. В статье, написанной на основе материалов, использованных ранее «для служебного пользования», предпринимается анализ тенденций смертности населения Новосибирской области в указанный период, причин ее эволюции, освещение роли властных структур и органов здравоохранения в борьбе за снижение смертности. Воспроизведены динамические ряды смертности.

Ключевые слова: Новосибирская область, Великая Отечественная война, население, смертность, младенческая смертность, заболеваемость, инфекции.

A.A. BURMATOV

MORTALITY IN A POPULATION OF THE NOVOSIBIRSK REGION IN 1941-1945

Alexander A. Burmatov,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Department of Pedagogy
Kuibyshev Branch of Novosibirsk Teachers Training University
Apt. 79, Building 7, Block 10, Kuibyshev town, Novosibirsk region, 632382
e-mail: al-burmatov@yandex.ru

The aim of the article is to examine mortality in the Novosibirsk region during the Great Patriotic War. The Novosibirsk region in the pre-war borders included Kemerovo and Tomsk regions, so the situation in there was determinative for the entire West Siberian population. This problem has been understudied by the historians, as the subject was tabooed by the Soviet regime. Publications haven't been numerous covering the demographic issues only partially without presenting a coherent picture. These works were censored and could not present a detailed solution of this problem. In the post-Soviet period researchers focused mostly on studying population in Siberia as a whole or in its Western part. Works on the Novosibirsk region population and its development during the war were rare. As we approach the 70th anniversary of the Victory it is necessary to take a closer look at the region's population.

The article is based on the materials previously used “for official usage only”. It analyzes mortality trends in the Novosibirsk region during the Great Patriotic War. In the first war period there was a sharp deterioration in morbidity and mortality rates. It was a naturally determined phenomenon. The year of 1942 was marked by the first signs of the situation improvement. In 1943-1945 this positive trend stabilized. The biggest drop was seen in infant mortality rate. Mortality tendencies and evolution reasons were examined. The author notes the role played by the local and health authorities during the Great Patriotic War in reduction of mortality. Analysis of archival materials allowed reevaluating the time series of mortality including the infant mortality rates in 1941-1945. The author concludes that the new medicines greatly contributed to the reduction of mortality during the war.

Key words: Novosibirsk region, Great Patriotic War, population, mortality, infant mortality, morbidity, infections.

Цель статьи – рассмотрение смертности населения в Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Новосибирская область в предвоенных границах включала в себя Кемеровскую и Томскую области, поэтому ситуация в ней являлась определяющей для всей Западной Сибири. Данный вопрос мало изучен в исторической науке. Тема была табуирована советским режимом. Отдельные вопросы освещались фрагментарно [1; 2]. В монографии В.В. Алексеева и В.А. Исупова, посвященной населению Новосибирской области, специально данная тема не изучалась [3; 4]. В дальнейшем население Сибири характеризовалось в трудах В.А. Исупова [4; 5; 6]. А.А. Бурматов проанализировал демографическую ситуацию на примере г. Куйбышева Новосибирской области. В его работах приведены данные ежемесячной смертности в городе на основе регистрации органов ЗАГС [6; 7]. Основным источником для написания данной статьи являются фонды Государственного архива Новосибирской области (ГАО), использовавшиеся ранее только «для служебного пользования».

В начале 1941 г. отмечалось значительное снижение смертности населения, особенно детей до 1 года. В первую половину 1941 г. смертность младенцев в городах СССР была ниже, чем в 1940 г., на 20 %. В селах в первом квартале 1941 г. она была несколько выше, чем в предыдущем году, но во втором квартале снизилась на 16 %. Повышение смертности стало отмечаться с сентября 1941 г. [2, с. 50]. В Новосибирской области уже в июле 1941 г. смертность стала возрастать (табл. 1). В 1941 г. она составила 23 % (в городах – 21, в селах – 24 %). Уровень младенческой смертности повысился до 231 % (в городах – 177, в селах – 238 %)¹.

В первом квартале 1941 г. показатель смертности достиг 3,9 % (в городах – 4,6, в селах – 3,5 %). Младенческая смертность составляла соответственно 153,7, 185,0 и 131,8 ‰². Экстраполировав показатели смертности первого квартала на весь год, получим: общая смертность – 15,6 ‰, в городах – 18,4, в селах – 14,0 ‰. Принимая во внимание возможный недоучет и сезонный подъем младенческой смертности (май–сентябрь), а также подъем смертности от инфекционных заболеваний в летний период, можно констатировать, что общая смертность составила по области 19 ‰. Следовательно, в начальный период войны произошло значительное повышение смертности.

Рост смертности отмечается с июля 1941 г. По отношению к июню этого года смертность увеличилась на 19,3 %. В городах прирост составил 22,7 %, в селах – 14,6 %. В августе–декабре 1941 г. смертность продолжала возрастать, достигнув максимума в декабре 26 ‰. Для городов было характерно почти постоянное увеличение смертности (в августе–сентябре произошло некоторое снижение). В декабре смертность в городах достигла 33,1 ‰. В селах подъем смертности пришелся на июль и август, когда ее показатель достиг 24,4 ‰. После этого отмечается ее снижение. В ноябре–декабре показатель был выше, чем в мае, на 22,2 ‰. В городах прирост составил 44,5 %.

Исследователи отмечают закономерность для Сибири военного времени: чем крупнее город, тем выше уровень смертности. В мирное время прослеживается обратная зависимость. Повышенная смертность в городах сохранялась в течение всей войны. В 1941 г. она превышала уровень смертности в селе на 22,3 %, в 1942 г. – на 39 %, в 1943 г. – в 2 раза³. В начале войны повышение уровня смертности было закономерным,

Т а б л и ц а 1

Сезонные колебания смертности в Новосибирской области в 1941 г., ‰*

Месяц	Все население	Городское	Сельское
Январь	17,7	19,9	16,1
Февраль	16,2	18,1	14,9
Март	18,3	20,1	17,0
Апрель	19,6	22,2	17,7
Май	19,9	22,9	17,8
Июнь	18,7	21,1	17,1
Июль	22,3	25,9	19,6
Август	23,8	22,9	24,4
Сентябрь	21,6	22,0	21,4
Октябрь	23,5	23,9	23,3
Ноябрь	23,6	27,3	20,9
Декабрь	26,0	33,1	20,9

* ГАО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 607. Л. 2, 8, 11, 25, 35, 49, 51–53.

¹ ГАО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 607. Л. 51.

² Там же. Л. 8.

³ Там же. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 183. Л. 130, 131.

особенно у детей до одного года. Р.И. Сифман писала, что в 1941 г. в городах в ноябре и декабре младенческая смертность вдвое превысила уровень этих месяцев 1940 г. [2, с. 48, 49].

После начала военных действий резко ухудшилось положение населения тыловых районов. Об этом свидетельствуют данные о вкладах населения в фонд обороны. Запасы населения быстро истощались. В 1942 г. общий вклад облигациями и деньгами оказался ниже, чем в 1941 г. В 1943–1944 гг. пожертвования снизились в несколько раз. Население вносило в фонд обороны деньги, ценные бумаги, вещи, золото, серебро, сельхозпродукты, пушнину и т. д. [1, с. 256].

На рынке взлетели цены. В Куйбышеве ведро картофеля стоило 300 руб., булка хлеба с отрубями – 200, пучок спичек в 10 штук – 10, одна карамель из заменителя – 1 руб. На рынке господствовал простой продуктообмен. У горожан не было денег, чтобы выкупить хлебный паек. Хлеб не выпекали по 6–9 дней подряд [7, с. 78, 79].

Заболеваемость резко возросла. В декабре 1941 г. в области число больных брюшным тифом увеличилось (по сравнению с декабрем 1940 г.) в 1,7 раза, паратифом – в 2, сыпным тифом – в 4, дизентерией – в 2,4, корью – в 1,9, скарлатиной – в 2,3, дифтерией – в 1,8, коклюшем – в 2,6 раза. Появились паротит и цинга [5, с. 98, 99]. В этих условиях произошел структурный сдвиг в причинах смертности. В возрасте до года во второй половине 1941 г. от желудочно-кишечных инфекций скончалось 33 % от числа умерших детей, от воспаления легких – 28,2 %. Значительно уменьшилась доля детских инфекций в структуре смертности – до 9,5 %. Одновременно повысились показатели смертности от врожденной слабости и пороков развития. В 1941 г. от дизентерии скончалось 12 138 детей, а в 1940 г. – 5170⁴.

Резкий скачок заболеваемости отмечался во второй половине 1941 г.⁵ Среди ее причин были названы неполное участковое обслуживание, а также порочная процедура ведения приема (больных и здоровых принимали вместе)⁶. В Куйбышеве горсовет не организовал хлорирование воды, в Искитиме бездействовали очистные сооружения и водопровод. В ряде местностей была обнаружена холера⁷. Работа медицинских служб во многих городах области (Новосибирск, Искитим, Куйбышев, Татарск) была признана неудовлетворительной. Власти понимали всю опасность сложившегося положения, однако в первые месяцы войны их усилия не могли дать результатов. Перед медицинскими работниками была поставлена задача – «лучше лечить и не допустить инфекционных заболеваний» среди населения⁸.

Огромное количество беженцев и эвакуированных осложнило обстановку. Не хватало самых элементарных вещей и лекарств. У многих эвакуированных не было ни одежды, ни белья, ни обуви. Среди местного населения организовывался сбор вещей и продуктов. Возможности такой меры были крайне ограничены⁹. В отчетах эвакуационных пунктов часто отмечалось, что эшелон отправлен «без кормления из-за отсутствия продуктов»¹⁰.

О трудностях работы эвакуационных пунктов свидетельствует ситуация в Барабинске. Часто эшелоны задерживались на станции из-за несвоевременной подачи транспорта. В конце августа – начале сентября 1941 г. три эшелона из Ленинграда были задержаны на 8–11 дней. Эвакуированным выдавался хлеб. Ленинградцам дополнительно формировался сухой паек, в который входили хлеб, масло, сахар, для детей организовывались спецобеды. У эвакуационного пункта не было своего помещения, и медицинская помощь оказывалась вокзальным здравпунктом. Санобработку проходили только эвакуированные, которые размещались в Барабинском и Здвинском районах. Из Барабинского эвакуационного пункта было распределено: в Каргатский район – 1200 чел., в Барабинский – 1070, в Коченевский – 1800, в Здвинский – 1000, Чулымский – 1200 чел. В Куйбышевский район направлялись 820 эвакуированных и 360 переселенцев из Курской области. В другие районы было отправлено 1400 чел.¹¹

Власти эвакуационного пункта г. Барабинска практически не занимались. В августе 1942 г. он был выселен из вокзального помещения, и эвакуированных стали принимать на улице. В середине ноября помещение было предоставлено, но не отапливалось из-за отсутствия угля. В январе 1943 г. председатель Барабинского горисполкома Белоусов прекратил отпуск угля. Отапливаться приходилось дровами с перебоями в 2–3 дня¹². Меню было однообразное (суп-лапша, лапша отварная, манная каша, манный суп, овощи не выдавались)¹³.

С первых дней войны контроль за передвижением людей был слабым. Противоэпидемические службы оказались не готовы к войне. В отчете Госсанинспекции по Новосибирской области сообщалось: «большинство эшелонов... прошедших через узловые станции, не проходили санобработки в местах формирования... и на крупных станциях в пути» [4, с. 99]. Не соблюдались нормы санитарии и гигиены при размещении эвакуированных. С большими трудностями приходилось сталкиваться при размещении рабочих в лесхозах и на заготовках. Свидетели этого – акты санитарных обследований 1941 г.¹⁴

⁴ Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 244. Л. 8.

⁵ Там же. Л. 9.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Д. 355. Л. 3, 6, 12 об.

⁸ Сборник материалов по проведению противоэпидемических мероприятий на сельском врачебном участке / отв. ред. Н.А. Баран. М.: Медгиз, 1943. С. 3.

⁹ ГАНО. Ф. 1030. Оп. 1. Д. 207. Л. 1.

¹⁰ Там же. Д. 279. Л. 32, 33.

¹¹ Там же. Д. 279. Л. 7–9, 14, 32, 33.

¹² Там же. Л. 17, 18.

¹³ Там же. Л. 21–24, 43–47.

¹⁴ Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 233. Л. 15.

Т а б л и ц а 2

Число умерших по месяцам в 1942 г. в Новосибирской области (в границах 1942 г.), чел.*

Месяц	Область		Город		Село	
	Всего	В т. ч. до одного года	Всего	В т. ч. до одного года	Всего	В т. ч. до одного года
Январь	7840	1892	4266	1033	3574	859
Февраль	7702	1842	4013	920	3689	923
Март	8886	2206	4446	1110	4440	1096
Апрель	8723	2083	4383	1017	4340	1066
Май	8560	2109	4536	1114	4024	995
Июнь	9110	2582	4706	1314	4404	1268
Июль	9447	3441	4886	1665	4561	1776
Август	9476	3395	4593	1382	4883	2013
Сентябрь	7462	2172	3451	761	4011	1411
Октябрь	6770	1505	3380	562	3390	943
Ноябрь	5996	1042	2979	409	3017	633
Декабрь	5502	774	3154	414	2348	360
Всего:	95 474	25 044	48 793	11 701	46 681	13 343

* ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 73. Л. 2, 3.

В такой обстановке показатели заболеваемости и смертности повысились. В 1942 г. летальность от скарлатины по отношению к 1940 г. возросла на 9,7 %, от дифтерии – на 24,8, от кори – на 5,8 %. Доля умерших от скарлатины в городах Сибири выросла в 2 раза, от дифтерии – в 1,8, дизентерии – в 2,5, от тифов – в 3 раза. В 1942 г. уровень смертности в области оставался высоким – 24,8 % [3, с. 118]. О ее тенденциях в том году можно судить по ежемесячной численности умерших. Всего была учтена смерть 95 474 чел. До одного года не дожили 25 044 ребенка (26,2 % от всех умерших)¹⁵.

Число умерших младенцев в декабре 1942 г. по сравнению с январем того же года уменьшилось в 2–2,5 раза (табл. 2). Это было вызвано существенным сокращением числа родившихся. До июня в городах и до августа в селах число умерших возрастало. Во второй половине года оно пошло на убыль. Сокращение смертности в декабре по сравнению с январем (на 2 338 чел.) было обеспечено на 47,8 % за счет уменьшения смертности младенцев. Последних умерло на 1 118 чел. меньше. В городах сокращение числа умерших до 1 года обеспечило 55,7 % снижения смертности, в селах – 40,7 %.

Летом проявился пик смертности младенцев. Так, с мая по июль число умерших до одного года увеличилось на 1332, т. е. на 63,1 %. Всего умерло за этот период на 887 чел. больше. Рост общей смертности в летний период обеспечивался за счет усиления смертности детей. Без увеличения последней произошло бы сокращение общей смертности. В городах увеличение

числа смертей продолжалось с мая по июль – 63,7 %. В селах оно было большим и продолжительным – с мая по август, число умерших младенцев выросло в 2,1 раза. В городах в августе отмечалось снижение смертности детей, пик младенческой смертности пришелся на июль-август¹⁶.

Тенденция снижения смертности более ярко проявилась в 1943 г. (табл. 3). Значительное снижение умерших в 1943 г. по сравнению с 1942 г. частично объясняется выделением из состава Новосибирской области Кемеровской. Смертность в последней была выше. Численность новорожденных и детей до одного года значительно сократилась. В городах за 1943 г. родилось 5376 чел., в селах – 18 802 чел. Число смертей существенно превышало число рождений. Естественная убыль населения в селах составила 3035 чел., в городах – 3609 чел. В сентябре–октябре 1943 г. стал отмечаться естественный прирост¹⁷. В городах число умерших значительно сократилось. Положительная динамика показателей смертности отмечена в 1944 и 1945 гг. В 1945 г. умерло 2608 младенцев (в городах – 1365, в селах – 1243 чел.) (табл. 4). Показатели младенческой смертности оказались в 2–2,8 раза ниже, чем в 1940 г.¹⁸

Таких успехов можно было добиться, только используя новые эффективные лекарственные препараты. После 1942 г. в практику лечения ряда заболеваний стал широко внедряться метод антибиотикотерапии.

¹⁵ Там же. Л. 2, 3.¹⁷ Там же. Д. 871. Л. 25–26.¹⁸ Естественное и механическое движения населения Новосибирской области. Новосибирск, 1968. С. 17.¹⁵ Там же. Ф. 11. Оп. 2. Д. 736. Л. 1.

Т а б л и ц а 3

Число умерших по месяцам в 1943 г. в Новосибирской области (в границах на конец 1943 г.), чел.*

Месяц	Область		Город		Село	
	Всего	В т. ч. до одного года	Всего	В т. ч. до одного года	Всего	В т. ч. до одного года
Январь	2727	248	935	57	1792	191
Февраль	2653	702	502	53	2151	249
Март	3225	336	1022	97	2203	239
Апрель	2796	286	710	66	2086	220
Май	3060	284	926	36	2134	248
Июнь	2984	378	761	76	2223	302
Июль	2785	325	791	65	1994	260
Август	2509	365	694	77	1815	288
Сентябрь	2136	317	689	62	1447	255
Октябрь	2017	189	746	56	1271	133
Ноябрь	2266	217	731	38	1535	179
Декабрь	1664	155	478	30	1186	125
Всего:	30 822	3402	8985	713	21 837	2689

* ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 871. Л. 25–27.

Т а б л и ц а 4

Естественное движение населения Новосибирской области в 1945 г.*

Регион	Рождаемость		Смертность		Естественный прирост	
	абс.	‰	абс.	‰	Абс.	‰
Город	15 581	18,6	8946	12,3	6635	6,3
Село	16 756	16,8	9740	13,6	7016	3,2
Область	32 337	17,7	18 686	13,0	13 651	4,7

* Естественное и механическое движения населения Новосибирской области. Новосибирск, 1968. С. 1, 2.

Значительные партии лекарственных средств стали поставляться в СССР по ленд-лизу из США. Применение пенициллина и сульфаниламидных препаратов сыграло решающую роль в снижении летальности от инфекционных, желудочно-кишечных и легочных заболеваний. С 1943 г. производство препаратов было налажено в СССР. Это хронологически совпадало с переломом в тенденции смертности в годы войны. Одновременно существенно расширилось количество лечебных учреждений, что позволяло госпитализировать вновь заболевших. За годы войны количество мест в инфекционных больницах увеличилось для взрослых в 3,8 раза, для детей – в 11,6 раза. Это позволило в 1943 г. госпитализировать 99,7 % заболевших брюшным тифом, 99,5 % – паратифом, 100 % – возвратным тифом [4, с. 93–148].

Если в первый период войны увеличилась экзогенная, т. е. вызванная внешними причинами смертность, то во второй половине войны смертность от таких причин снизилась.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Докучаев Г.А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1973. 423 с.
2. Сифман Р.И. К вопросу о причинах снижения детской смертности в годы Великой Отечественной войны // Продолжительность жизни: анализ и моделирование: сб. стат. / под ред. Е.М. Андреева, А.Г. Вишневецкого. М.: Статистика, 1979. С. 50–60.
3. Алексеев В.В., Исупов В.А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1986. 231 с.
4. Исупов В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению. Конец 30-х – конец 50-х. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 291 с.
5. Исупов В.А. Главный ресурс победы. Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Новосибирск: Сова, 2008. 378 с.
6. Население Западной Сибири в XX веке / отв. ред. Н.Я. Гушин, В.А. Исупов. Новосибирск, 1997. 171 с.
7. Бурматов А.А. Демографическая история Каинска–Куйбышева и его округа. Новосибирск: НГПУ, 1997. 162 с.
8. Бурматов А.А. Население города Куйбышева в годы Великой Отечественной войны // Западная Сибирь в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.): сб. науч. тр. / отв. ред. В.А. Исупов. Новосибирск: Наука-Центр, 2004. С. 144–157.

REFERENCES

1. *Dokuchaev G.A.* Working class of Siberia and the Far East during the Second World War. Nauka, Moscow, 1973, 423 p. (In Russ.)
2. *Sifman R.I.* Concerning the reasons for the decline in child mortality in the years of the Great Patriotic War. *Prodolzhitel'nost' zhizni: analiz i modelirovanie*: collection of articles / ed. of E.M. Andreev, A. Wisniewski. M.: Statistica, 1979, pp. 50–60. (In Russ.)
3. *Alekseev V.V., Isupov V.A.* The population of Siberia during the Great Patriotic War. Novosibirsk: Nauka, 1986, 231 p. (In Russ.)
4. *Isupov V.A.* The urban population of Siberia: from disaster to recovery. The end of the 30's – late 50's. Novosibirsk: Nauka, 1991, 291 p. (In Russ.)
5. *Isupov V.A.* The main resource of victory. Human capacity in Western Siberia during the Second World War (1939–1945). Novosibirsk: Sova, 2008, 378 p. (In Russ.)
6. The population of Western Siberia in the twentieth century / ed. N.Y. Gushchin, V.A. Isupov. Novosibirsk, 1997, 171 p. (In Russ.)
7. *Burmatov A.A.* The demographic history of Kainsk–Kuibyshev and its surroundings. Novosibirsk: NGPU, 1997. 162 p. (In Russ.)
8. *Burmatov A.A.* The population of Kuibyshev during the Great Patriotic War. *Zapadnaya Sibir v Velikoi Otechestvennoi Voine (1941–1945)*: collection of scientific papers / ed. V.A. Isupov. Novosibirsk: Nauka-Center, 2004, pp. 144–157. (In Russ.)

*Статья принята
редакцией 10.03.2015*

УДК 93/94 (57)

М.М.-Б. ХАРУНОВА

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА ФРОНТОВИКОВ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД В АВТОНОМНЫХ ОБЛАСТЯХ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Марианна Монге-Байыровна Харунова,
канд. ист. наук, директор,
Тувинский институт гуманитарных исследований (ТИГИ),
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, 4
e-mail: ondar18@mail.ru

В статье рассмотрены основные законодательные акты, регулировавшие социальную поддержку фронтовиков и семей военнослужащих в первые послевоенные годы. Освещена деятельность органов исполнительной власти и органов соцобеспечения в Ойротской, Хакасской и Тувинской автономных областях по трудоустройству, профессиональному обучению фронтовиков, оказанию им помощи в решении жилищного вопроса, предоставлении льгот по налогам и выплатах пособий и пенсий, материальной помощи. Даны статистические сведения о численности фронтовиков, охваченных помощью государства. Отмечены трудности и разного рода нарушения в реализации государственной политики по отношению к демобилизовавшимся воинам, а также развитие особых форм помощи, таких как организация хлебных фондов, колхозных касс взаимопомощи и др. Выявлены общие проблемы по обустройству демобилизованных в автономных областях Южной Сибири, отмечены причины их слабого в целом трудоустройства.

Ключевые слова: фронтовики, законы, указы, постановления, демобилизация, трудоустройство, жилищно-бытовые условия, довольствие, льготы, автономная область.

M. M.-B. KHARUNOVA

THE STATE SUPPORT OF WAR VETERANS IN THE AUTONOMOUS REGIONS OF SOUTH SIBERIA DURING THE EARLY POST-WAR PERIOD

Marianna M.-B. Kharunova,
Candidate of History,
Director, Tuvan Institute for the Study of Humanities
4, Kochetov St., Kyzyl, 667000, Republic of Tyva
ondar18@mail.ru

After the end of World War II, the USSR, along with many other important objectives faced the task of providing social support to for the veterans returning from combat duty. Main guidelines of social policy in this sphere were defined in the Law “On Demobilization of the Older Military Personnel of the Acting Army”; Decrees of the USSR Supreme Soviet “On Demobilization of the Second Term Personnel of the Red Army” of September

25, 1945, "On Demobilization of the Third Term Personnel of the Army and Air Force" of March 20, 1946, "On Regular Demobilization of Army Personnel" of October 22, 1946 and "On Regular Demobilization of Armed Forces Personnel" of February 4, 1947; Resolution "On Measures to Be Undertaken to Provide Ex-Servicemen, Families of Fallen Soldiers, Disabled War Veterans and Families of Servicemen with Help and Assistance". It was not an easy task to provide former frontline soldiers with necessary assistance in the regions of South Siberia – Altai, Tuva, Khakasia – due to a difficult social-economic situation in these regions. The responsibilities of republican, territorial, regional, municipal and district military commissariats and social security agencies were to help the discharged servicemen with registration, documents preparation so that they could obtain passports and ration cards, employment, housing, professional training, pecuniary aid, tax remissions, social benefits, pensions and many others. The government supported the families of war veterans, including families and children of the perished soldiers. Though the executive authorities and social security agencies tried to do their best, implementation of the state policy towards the ex-servicemen encountered certain difficulties, particularly with respect to their employment, which, unfortunately, were typical of the whole country.

Key words: war veterans, laws, decrees, resolutions, demobilization, employment, living conditions, benefits, autonomous region.

Одной из главных задач социальной политики в послевоенный период являлась необходимость устроения жизни и быта фронтовиков. 23 июня 1945 г. на XII сессии Верховного Совета СССР был принят Закон «О демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии»¹. Дальнейшие этапы демобилизации осуществлялись на основе Указов Президиума Верховного Совета СССР: «О демобилизации второй очереди личного состава Красной Армии» от 25 сентября 1945 г.², «О демобилизации третьей очереди личного состава сухопутных войск и военно-воздушных сил» от 20 марта 1946 г.³, «Об очередной демобилизации личного состава сухопутных войск» от 22 октября 1946 г.⁴ и «Об очередной демобилизации личного состава Вооруженных Сил» от 4 февраля 1947 г.⁵

Демобилизация началась 5 июля 1945 г. Работа по организации встречи демобилизованных фронтовиков возлагалась на республиканские, краевые, областные, городские и районные военкоматы. В круг их обязанностей входила постановка прибывших на учет, оформление документов на получение паспортов, продовольственных карточек, талонов на дрова и оказание помощи в трудоустройстве и обеспечении жильем⁶.

Совет народных комиссаров СССР 21 сентября 1945 г. принял Постановление № 2436 за подписями И. Сталина – председателя СНК СССР и Я. Чадаева – управляющего делами СНК СССР «О мероприятиях по оказанию помощи демобилизованным, семьям погибших воинов, инвалидам Отечественной войны и семьям военнослужащих»⁷.

¹ <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=16017;fld=134;from=17288-68;rnd=0.4965994714293629> Закон от 23 июня 1945 г. «О демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии» (дата обращения: 09.05.2015).

² <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=15843;fld=134;from=17288-68;rnd=0.47396249370649457> Указ Президиума Верховного Совета СССР: «О демобилизации второй очереди личного состава Красной армии» от 25 сентября 1945 г. (дата обращения: 09.05.2015).

³ http://pamyat.kurganobl.ru/pages_doc/8.pdf Усманов В. «Зовущий колокол, огнем горящий меч» (дата обращения: 09.05.2015).

⁴ Там же.

⁵ <http://elib.uraic.ru/bitstream/123456789/3206/1/0009351.pdf> «Большевик». Орган Режевского райкома ВКП(б) (дата обращения: 09.05.2015).

⁶ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 49. Д. 3741. Л. 30–32. 60.

⁷ http://ru.wikisource.org/wiki/Постановление_СНК_СССР_от_21.09.1945_№_2436 Постановление СНК СССР № 2436 «О

Согласно данному постановлению с семей, потявших на фронте кормильца, а также имеющих инвалидов Отечественной войны I–II групп, списывались недоимки прошлых лет по сельскохозяйственному налогу, по обязательному окладному страхованию, по обязательным поставкам сельскохозяйственных продуктов государству и штрафы. Освобождались от платы за обучение дети военнослужащих рядового, сержантского, старшинского и офицерского составов, погибших на фронтах Отечественной войны, а также дети инвалидов Отечественной войны I–II групп. Освобождались от сельскохозяйственного налога и обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству хозяйства инвалидов Отечественной войны I–II групп при наличии в семье только одного трудоспособного; семьи при одном трудоспособном, если имелись дети в возрасте до 8 лет, а также семьи инвалидов Отечественной войны I или II группы при наличии двух трудоспособных членов семьи, если имелось 5 детей и более в возрасте до 16 лет.

Несколько пунктов постановления касалось обеспечения жильем: предусматривалась выдача ссуд на строительство и восстановление жилых домов от 5 до 10 тыс. руб. со сроком погашения от 5 до 10 лет, выделение лесосеки на заготовку строительного леса и продажа по установленным ценам местных строительных материалов. Наркоматы и ведомства обязывались выделять 10 % всей жилой площади во вновь выстроенных и восстановленных домах семьям погибших воинов, инвалидам Отечественной войны и нуждающимся семьям военнослужащих.

Народным комиссарам и руководителям ведомств разрешалось при необходимости организовывать на предприятиях производственное обучение демобилизованных, не имеющих специальности, как в порядке индивидуально-бригадного ученичества, так и через организацию краткосрочных курсов. «Работающим на предприятиях и в учреждениях сохранялась выплата пенсий независимо от размера заработной платы, а работающим в колхозах – независимо от размера их дохода, пособия по временной нетрудоспособности выплачивались независимо от стажа непрерывной работы в размере 100 % заработной платы. Инвалиды Ве-

мероприятиях по оказанию помощи демобилизованным, семьям погибших воинов, инвалидам Отечественной войны и семьям военнослужащих» (дата последнего обращения на сайт: 09.05.2015 г.).

ликой Отечественной войны освобождались от оплаты за обучение в техникумах и вузах» [1, с. 82].

Для детей погибших воинов, инвалидов Отечественной войны, а также для нуждающихся детей военнослужащих и демобилизованных в сентябре 1945 г. Наркомторгом СССР обеспечивалась единовременная выдача продуктов: муки, крупы, сахара, кондитерских изделий. Кроме того, организовывалась выдача семьям промышленных товаров.

Мероприятия по встрече и устройству фронтовиков постоянно контролировались местными областными комитетами ВКП(б). Так, в июле 1945 г. заведующий военным отделом Усть-Канского РК ВКП(б) докладывал Ойротскому областному комитету ВКП(б) о результатах своей деятельности: об организации перевалочного пункта, подготовке двух агитаторов и выделении специального помещения для встреч с фронтовиками, об организации столовых⁸.

В информации военного отдела Чойского РК ВКП(б) Ойротскому обкому ВКП(б) сообщалось: на запрос от 13.10.1945 что «за период демобилизации воинов Красной Армии первой очереди в наш аймак прибыло 73 чел., из них 70 мужчин, женщин 3 чел. На 15/X с/г из всех прибывших трудоустроено 57 чел. Еще не приступили к работе 16 чел., из них по болезни не работает 1 и четыре чел. выбыли из пределов Чойского аймака по семейным обстоятельствам»⁹. Из прибывших 27 чел. устроились работать в колхозы, один из них – председателем колхоза. 5 чел. трудились в промартелях и 25 в различных учреждениях и на предприятиях.

Была создана комиссия для организации вечеров встречи с фронтовиками с последующей их доставкой до места жительства. Им выделялась материальная помощь продуктами питания (хлеб, масло, мед, сыр, яйца, картофель), промышленными товарами (мануфактура, импортные вещи), денежными выплатами, а нуждающимся хозяйствам выдавался скот¹⁰. Всего к 12 сентября 1945 г., как докладывал облвоенком Киреев, Ойротским райвоенкоматом было принято на учет 796 фронтовиков, из них 708 мужчин и 88 женщин¹¹. В октябре 1945 г. их насчитывалось 1368 чел., в т. ч. 1243 мужчин и 125 женщин. Из них 821 чел. получил работу: 229 чел. устроились в госучреждения, 121 чел. – в сельскохозяйственном производстве и 60 чел. – в промышленности. Жилье предоставили лишь 65 фронтовикам в трех аймаках: 5 чел. – в Усть-Коксинском, 21 чел. – в Чойском, 11 чел. – в Ойрот-Турском и 28 чел. – в г. Ойрот-Тура. Им выделили 909 м³ дров (в Усть-Коксинском, Чойском аймаках и г. Ойрот-Тура), 235 кг продуктов (в Чойском аймаке) и 100 голов скота (в Усть-Коксинском, Турачакском, Чойском аймаках и в г. Ойрот-Тура)¹².

⁸ Отдел хранения спецдокументов Государственной архивной службы Республики Алтай (ОХСП ГАС РА). Ф. 1. Оп. 2. Д. 413. Л. 5.

⁹ Там же. Л. 9.

¹⁰ Там же. Л. 9.

¹¹ Там же. Л. 12.

¹² Там же. Л. 18.

Несмотря на проводившиеся мероприятия, трудности в приеме и трудоустройстве фронтовиков не были преодолены. В частности, на заседании бюро Алтайского краевого комитета ВКП(б) от 17 ноября 1945 г. отмечалось, что по данным на 1 ноября 1945 г. по краю не было трудоустроено 11 300 чел., и это, по мнению членов бюро, свидетельствовало «о полнейшем самотеке в работе по трудоустройству демобилизованных»¹³. Секретари горкомов, райкомов партии, Ойротского обкома ВКП(б) обязывались рассмотреть вопрос о приеме и трудоустройстве демобилизованных второй очереди и принять меры.

Заведующий военным отделом обкома ВКП(б) Ешов докладывал помощнику первого секретаря ОК ВКП(б) Чернову о том, что в ходе проверки выяснилось, что горисполком и горком ВКП(б) и Ойрот-Турский РК ВКП(б) и райисполком самоустранились от работы по встрече демобилизованных. Большая часть фронтовиков вынуждены были самостоятельно заниматься трудоустройством. Плохо был организован проезд людей до места жительства. Несмотря на то, что фронтовикам предоставлялись квартиры и производился ремонт жилья, в целом их материально-бытовое обеспечением райкомы партии занимались крайне неудовлетворительно¹⁴.

Руководство аймаков, колхозов и совхозов пыталось своими силами помочь людям. Создавались хлебные фонды, собирались подарки для демобилизованных воинов. Нередко отсутствие должного контроля со стороны местных советов приводило к тому, что материальная помощь не доходила до нуждающихся, попадая в руки вполне обеспеченных семей, знакомых тех или иных чиновников. Такого рода нарушения выявлены в Усть-Канском, Усть-Коксинском, Чойском и Онгудайском аймаках.

Особое внимание уделялось демобилизовавшимся коммунистам. Массово-разъяснительная работа проводилась на совещаниях, в индивидуальных беседах в отделе кадров ВКП(б). Материальная помощь оказывалась через отдел гособеспечения, горторготдел и через предприятия, на которых работали коммунисты¹⁵.

Всего за 1945 г. и начало 1946 г. в Ойротской автономной области в порядке оказания материальной помощи фронтовикам выдали 2832 комплекта разной обуви и одежды, 6618 импортных вещей, выдано и продано 2085 голов скота, в том числе 1324 коровы. Кроме того, 7489 хозяйствам были предоставлены льготы по денежным налогам и госоставкам сельхозпродукции¹⁶.

К 25 мая 1946 г. в Ойротскую автономную область прибыло 4369 фронтовиков, из них было трудоустроено 3991 чел., отправлено на учебу 65 чел. Среди прибывших – 1061 коммунист, 16 чел. работали председателями сельсоветов, а 59 чел. – председателями колхозов¹⁷.

¹³ Там же. Л. 24.

¹⁴ Там же. Л. 32.

¹⁵ Там же. Д. 446. Л. 25.

¹⁶ Там же. Д. 434. Л. 156.

¹⁷ Там же. Л. 16.

Как отмечает в своем исследовании Н.В. Белоусова, некоторые фронтовики поступали в высшие учебные заведения региона. Так, в 1946 г. в Томском университете из 550 поступивших 15 % являлись участниками Великой Отечественной войны. В Новосибирском институте инженеров транспорта из 379 первокурсников – 17 % составляли фронтовики [2, с. 10].

За 1946–1948 гг. в Ойротской автономной области инвалидам войны выдали пособий на сумму 33 млн 400 тыс. руб., пособий семьям бывших военнослужащих – на 20 млн 900 тыс. руб. [3, с. 68].

В своем письме Ойротский обком ВКП(б) от 17 мая 1946 г. обращал внимание райкомов партии и аймакисполкомов на принятие необходимых мер по завершению трудоустройства демобилизованных первой и второй очередей и организации приема и устройства демобилизованных третьей очереди¹⁸.

Исполком Хакасского областного Совета 25 января 1945 г. принял решение «О трудоустройстве и трудоустройстве инвалидов Отечественной войны и работе касс взаимопомощи»¹⁹. Отмечалась недостаточная работа райгорсобесов по трудоустройству инвалидов войны – на 1 января 1945 г. по г. Абакану было трудоустроено 56 %. Работа 44 организованных в области колхозных касс взаимопомощи признавалась недостаточной. Для улучшения ситуации заведующие облсобесом и заведующие райсобесов обязывались организовать сплошную проверку бытовых условий инвалидов войны и колхозных касс взаимопомощи к 25 февраля 1945 г.

Органами прокуратуры проверка проводилась в отделах социального обеспечения в связи с реализацией постановления ЦК ВКП(б) от 22 января 1943 г. «О мерах улучшения работы советских органов по оказанию помощи семьям военнослужащих», Закона «О демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии» и Постановления ЦК ВКП(б) от 25 августа 1945 г. «О работе местных, партийных и советских органов по устройству демобилизованных из действующей армии»²⁰. В результате проверки установлено, что из 507 инвалидов войны было трудоустроено 393, из них 47 – по специальности, 346 – без специальностей. Часть нетрудоустроенных инвалидов занималась спекуляцией на базаре. На учебу отправлено 45 чел. из рядового состава и 8 из офицерского. За июль–сентябрь 1945 г. из-за отсутствия древесины ремонт в квартирах инвалидов не был сделан. Не решались в полной мере и вопросы обеспечения топливом.

На 1 октября 1945 г. на учете состояло 318 красноармейцев, численность семей военнослужащих достигала 4726 чел. В сентябре было трудоустроено 20 чел. О трудоустройстве остальных не известно. Никаких данных о состоянии квартир фронтовиков и нужде в стройматериалах не имелось. 131 чел. выдано

165,5 м³ дров, 41 чел. – 169 м мануфактуры, 9 пар обуви. 20 семей военнослужащих получили 11 т угля, 96 семей – 86,5 м³ дров. Кроме того, выдавались кожаная обувь и валенки. В июле 1945 г. семьи военнослужащих получили 20 800 руб., в августе – 20 000 руб. Какой-либо иной помощи не оказано²¹.

Отдельным вопросом являлось обеспечение детей военнослужащих, погибших на фронте. На 1 октября 1945 г. опекунов учреждено над 84 детьми. Однако точное количество таких детей не было установлено. В г. Черногорске столкнулись с аналогичными проблемами.

В докладной заведующему военным отделом Хакасского обкома ВКП(б) Баинову по итогам совещания 7 апреля 1946 г. по вопросам материального и бытового обслуживания семей военнослужащих, инвалидов войны и демобилизованных в Аскизском районе признавалось серьезное отставание в трудоустройстве людей. В райкоме, райвоенкомате и исполкоме не велся точный учет по данному вопросу²².

На 1 января 1947 г. из 24 879 семей военнослужащих, стоявших на учете в Хакасском областном отделе социального обеспечения, семей офицерского состава насчитывалось 1610, семей Героев Советского Союза – 15, семей офицерского состава, получавших пенсии райвоенкомата, – 1110, эвакуированных семей – 296²³. Из них получали пособия 5529 семей. Над 343 семьями организовано шефство, 1325 семей выведены из состояния остро нуждающихся, в том числе 841 семья погибших военнослужащих. Отремонтированы 1182 квартиры из 1399 подлежащих ремонту. Топливом обеспечено 5986 семей, 135 семьям выдан скот. В фонд помощи семьям военнослужащих собраны деньги – 693 302 руб., зерно и хлеб – 221,7 пуд., овощи и картофель – 6926 пуд., одежда – 23 492 ед., обувь – 4070 пар, мануфактура – 14 147 м, шерсть – 1537 кг (из нее изготовлено 1212 пар валенок), овчин – 4198 шт. (из них изготовлено 2801 полушубков).

Особое внимание в Хакасии уделялось вопросам трудоустройства. К началу 1947 г. было трудоустроено 2537 чел. из 3205 нуждавшихся в работе. Обучены специальностям 816 чел., повысили квалификацию 599 чел. На курсах счетоводов обучились 75 чел., трактористов – 87, комбайнеров – 113, бригадиров – 36, шоферов – 19, председателей – 8, полеводов – 37 чел.

Государство также взяло на себя заботу о детях военнослужащих. Указом Президиума Верховного Совета от 14 марта 1945 г. детям предоставлялось право на получение пенсии за погибшего на фронте отца, с которым мать не находилась в зарегистрированном браке. Такой ребенок имел право на пенсию по случаю потери кормильца наравне с детьми, родившимися в зарегистрированном браке, при соблюдении двух условий: 1) если он родился до Указа от 8 июля 1944 г.; 2) в книге актов гражданского состояния имелась за-

¹⁸ Там же. Л. 16.

¹⁹ Национальный архив Республики Хакасия (НА РХ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1158. Л. 5.

²⁰ Там же. Д. 1159. Л. 1.

²¹ Там же. Л. 2.

²² Там же. Д. 1233. Л. 65.

²³ Там же. Д. 1160. Л. 50.

пись об отце ребенка [4, с. 61]. Указ от 8 июля 1944 г. предусматривал наличие в паспорте обязательной записи о зарегистрированном браке с указанием фамилии, имени, отчества и года рождения супруга, места и времени регистрации брака [4, с. 60]. Как отмечает в своей статье О.В. Папина, в послевоенные годы велась целенаправленная работа по поддержке семьи, что выражалось в оказании финансовой и иной материальной помощи, ужесточении процедуры развода в целях сохранения семьи и брака в интересах детей [5, с. 68]. По данным архивных материалов, в детские дома было устроено 4057 детей военнослужащих, патронировано и передано на опеку – 621, усыновлено 122 ребенка, 986 детей посещали детские сады. Организовано 17 инициативных детдомов с охватом 1951 чел. Несмотря на проводимые мероприятия, в 1947 г. в области еще 578 сирот нуждались в опеке, 519 детей не посещали школу из-за материальных трудностей²⁴.

Льготы по военному налогу в Хакасии получили 3816 семей, по сельскохозяйственному – 3557, по сельхозпоставкам – 3655, по прочим налогам (с холостяков, со строения, земельная рента) – 11 034, по квартплате – 1 658, по оплате обучения – 310 семей.

Итоги деятельности по оказанию помощи участникам Великой Отечественной войны в Тувинской автономной области обсуждались в ходе областной партийной конференции, состоявшейся 24–27 ноября 1945 г. По данному вопросу докладывала Х.А. Анчима – заведующая облсобесом. Отмечалось, что в годы войны государством оказывалась помощь семьям военнослужащих, мобилизованных в Красную армию, в виде денежных выплат, льгот по сельскохозяйственному налогу и обязательным поставкам хлеба государству, а также в плане трудоустройства инвалидов, материально-бытового обслуживания. До октября 1945 г. пенсий и пособий выплатили на сумму 1 млн 500 тыс. руб.²⁵

Отмечалось, что областные и районные финансовые органы допускали ошибки в организации денежной помощи. Так, в начале 1945 г. в Тандинском районе незаконно было перечислено 24 тыс. руб. пенсий и пособий, в Каа-Хемском районе переплачено 16 тыс. руб. А в некоторых районах (Тес-Хемском, Эрзинском, Барун-Хемчикском и Овюрском) обнаружили факты невыплаты пенсий и пособий инвалидам войны и семьям военнослужащих²⁶. Иногда отпущенные для семей военнослужащих и инвалидов войны промтовары не доходили до них, а выдавались людям, имевшим лимитные книжки, а порой лежали без движения²⁷.

Подчеркивались также проблемы с трудоустройством инвалидов Великой Отечественной войны. Отмечались случаи грубого обращения с инвалидами, отказа в приеме их на работу. В августе 1945 г. тру-

доустроились 86 % инвалидов войны – 14-е место по РСФСР²⁸.

Партконференция, указав на необходимость усиления внимания к инвалидам и участникам войны, улучшения обеспечения их одеждой, своевременного устройства на подходящую работу, обязала «обком, горком, райкомы ВКП (б) и совет депутатов трудящихся проявлять постоянную заботу о воинах, возвращавшихся из армии домой, об инвалидах и детях-сиротах, считая это дело важнейшей обязанностью советских, профсоюзных, комсомольских организаций и хозяйственных руководителей»²⁹.

Х.А. Анчима, ознакомившись с бытом 13 семей фронтовиков и 7 семей инвалидов Великой Отечественной войны, проживавших в г. Кызыле, отметила недостаточное их обеспечение промышленными товарами и продуктами питания. В г. Кызыле проживало на тот момент детей и нетрудоспособных родителей демобилизовавшихся из армии – 986 чел., инвалидов войны – 230 чел.³⁰

На одном из заседаний Тувинского обкома ВКП(б) было решено создать специальные фонды промтоваров и продуктов питания в г. Кызыле и промтоваров в райцентрах Тандинского, Улуг-Хемского, Пий-Хемского и Каа-Хемского районов. Облпотребсоюз совместно с облсобесом должны были разработать систему снабжения инвалидов войны и семей фронтовиков.

Ситуация по обустройству демобилизованных фронтовиков и семей военнослужащих в Ойротской, Хакаской и Тувинской автономных областях отражала трудности и проблемы, общие для страны в целом. Так, заместитель председателя комитета по учету и распределению рабочей силы при Совете министров СССР Л. Погребный в своей докладной записки В.М. Молотову от 20 марта 1946 г. сообщал: «С момента издания закона о демобилизации старших возрастов личного состава действующей Армии от 23 июня 1945 г. и Указа о демобилизации второй очереди личного состава Красной Армии от 25 сентября 1945 г. прибыло в города и сельские местности 5314,7 тыс. чел. демобилизованных, из них в города – 1771,5 тыс. чел. и остальные 3543,2 тыс. чел. – в сельские местности.

На 15 февраля 1946 г. в городах трудоустроено 1286,5 тыс. чел. и поступило на учебу 41,9 тыс. чел., что составляет 75 % к числу прибывших. Из этого количества 531,7 тыс. чел. трудоустроено городским бюро по учету и распределению рабочей силы и 754,8 тыс. чел. устроились самостоятельно.

Из 443 тыс. чел. нетрудоустроенных 147 тыс. прибыло к месту жительства в течение последнего месяца и используют полагающийся им отпуск.

Многие возвратившиеся из Красной Армии длительное время от 3-х до 4-х месяцев не поступают на работу, мотивируя необходимостью устройства своих квартирных и домашних дел, часть демобилизованных

²⁴ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1160. Л. 50 об.

²⁵ Центр архивных документов партии и общественных организаций Центрального государственного архива Республики Тыва (ЦАДПОО ЦГА РТ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 4. Л. 127.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Л. 129.

²⁸ ЦАДПОО ЦГА РТ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4. Л. 128.

²⁹ Там же. Л. 213–214.

³⁰ Там же. Д. 1. Л. 173.

не хотят возвращаться на производство для работы по своей специальности и требуют предоставления административно-хозяйственной работы»³¹.

Как видно из документа, задача по трудоустройству вернувшихся фронтовиков решалась в стране не просто. Представлены в основном данные о трудоустройстве демобилизованных в городах, хотя подавляющее большинство фронтовиков жили в сельской местности.

Тот факт, что многие демобилизовавшиеся длительное время не поступали на работу, И.В. Пелих в своем исследовании также объясняет условиями труда и его оплаты. «Крайний низкий уровень заработной платы привел к тому, что на январь 1946 г. только 71,1% демобилизованных приступил к труду, несмотря на стремление правительства задействовать как можно большее число рабочих рук» [6, с. 31]. По сведениям ЦСУ СССР в докладной записке на имя Л.П. Берия, только за июнь 1946 г. полностью получили заработную плату 24 млн из 30,5 млн рабочих и служащих. Из этого числа 5,6 % получили до 100 руб., 9,2 % – от 101 до 150 руб., 10,7 % – от 151 до 200 руб., 8,8 % – от 201 до 250 руб., и 8,7 % – от 251 до 300 руб. Причем 43 % рабочих и служащих страны жили впроголодь, так как почти половина заработка расходовалась на оплату питания³².

Дифференциация доходов населения напрямую зависела от карточной системы, введенной в начале войны. Количество находившихся осенью 1946 г. на карточном снабжении хлебом по городским нормам составляло 58,8 млн чел., т. е. на 6 млн чел. больше, чем в 1945 г. К моменту отмены карточной системы, к декабрю 1947 г., гарантированному снабжению подлежало 55,3 млн чел., а 1 млн городских жителей снабжался хлебом в закрытых учреждениях³³.

После окончания Второй мировой войны в СССР одной из важнейших задач являлось обустройство демобилизовавшихся воинов. Основные направления социальной политики в данном вопросе определялись законом «О демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии» и Постановлением «О мероприятиях по оказанию помощи демобилизованным, семьям погибших воинов, инвалидам отечественной войны и семьям военнослужащих».

Забота государства и общества о воинах-победителях проявлялась в их торжественной встрече, обеспечении транспортом, доставлявшим их до места жительства. Выдавалось единовременное денежное вознаграждение за каждый год службы в армии в период Великой Отечественной войны в зависимости от воинского звания и родов войск.

Советы народных комиссаров союзных и автономных республик, исполнительные комитеты краевых и областных Советов депутатов трудящихся, руководители предприятий, учреждений и организаций,

несмотря на многочисленные трудности объективного и субъективного характера, в условиях послевоенной разрухи содействовали скорейшему трудоустройству фронтовиков, обеспечению их жильем, необходимым лечением, продуктами питания и промышленными товарами, контролировали своевременность выплат денежных пособий и пенсий, предоставление льгот, на селе способствовали обзаведению хозяйством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Попов А.В. Социальное обеспечение инвалидов и семей военнослужащих в годы Великой Отечественной войны (на примере Ойротской автономной области) // Этносоциальные проблемы регионов Сибири: сб. науч. тр. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2010. С. 81–86.
2. Белоусова Н.В. Деятельность вузов Западной Сибири по организации набора и сохранению контингента студентов в 1946–1950 гг. // Исторический вестник: сб. науч. тр. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2008. С. 8–20.
3. Социальная история Горного Алтая в документах и материалах. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2010. С. 67.
4. Кискидосова Т.А. Социальная семейная политика в городах Хакасии в годы Великой Отечественной войны // Урал – Алтай: через века в будущее: Материалы Всерос. науч. конф. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2014. С. 59–69.
5. Папина О.В. Основные направления государственной политики в отношении охраны семьи, материнства и детства в 1945–1953 гг. // Актуальные проблемы истории и культуры Саяно-Алтая: сб. науч. тр. Абакан: Хакас. гос. ун-т, 2012. Вып. 13. С. 65–69.
6. Пелих И.В. Социальная политика СССР в 1945–1953 гг. (на материалах Краснодарского края): дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 194 с.

REFERENCES

1. Popov A.V. Social security for invalids and families of servicemen during Great Patriotic war (on example of Oiroi Autonomous Oblast). *Etnosotsial'nye problemy regionov Sibiri: sbornik nauchnykh trudov*. Gorno-Altai: RIO GAGU, 2010, pp. 81–86. (In Russ.)
2. Belousova N.V. Measures undertaken by institutions of higher learning of Western Siberia on enrolment and maintenance of the number of enrolled students at an appropriate level in 1946–1950. *Istoricheskii vestnik: sbornik nauchnykh trudov*. Gorno-Altai, RIO GAGU, 2010, pp. 8–20. (In Russ.)
3. Social history in documents and materials. Gorno-Altai, RIO GAGU, 2010, p. 67. (In Russ.)
4. Kiskidosova T.A. Social family policy in cities and towns of Khakasia during Great Patriotic war. *Ural – Altai: cherez veka v budushchee: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii*. Gorno-Altai: Gorno-altaiskaya tipografiya, 2014, pp. 59–63. (In Russ.)
5. Papina O.V. Main areas of state policy in relation to family, maternity and childhood care from 1945 to 1953. *Aktual'nye problemy istorii i kul'tury Sayano-Altaya: sbornik nauchnykh trudov*. Abakan: Khakasskii gosudarstvennyi universitet, 2012, issue 13, pp. 65–69. (In Russ.)
6. Pelikh I.V. Social policy in the USSR from 1945 to 1953 (on materials of Krasnodar Krai): Candidate's Degree Thesis. Moscow, 2005, 194 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 10.05.2015

³¹ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 49. Д. 3741. Л. 30–32, 60.

³² Там же. Л. 28.

³³ Там же. Л. 32.

АРХЕОЛОГИЯ

УДК 902/903

К.А. КОЛОБОВА, А.И. КРИВОШАПКИН, Т.И. НОХРИНА

ПРОБЛЕМЫ ВЫДЕЛЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР В КАМЕННОМ ВЕКЕ*

Ксения Анатольевна Колобова,
д-р ист. наук, ст. науч. сотрудник,
Институт археологии и этнографии СО РАН
kolobovak@yandex.ru;
Андрей Иннокентьевич Кривошапкин,
д-р ист. наук, вед. науч. сотрудник,
Институт археологии и этнографии СО РАН
krivoshapkin@mail.ru;
Татьяна Ивановна Нохрина,
канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник
Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Лаврентьева, 17, 630090, Новосибирск
petrin@ngs.ru

Понятие «археологическая культура» – одно из основных в археологии. Практика выделения локальных культур в отечественном палеолитоведении имеет длительную историю, начиная с работ В.А. Городцова и П.П. Ефименко. В середине XX в. была развернута дискуссия о соотношении стадиялизма и локальных культур в палеолите. Впоследствии стадияльная парадигма уступила позиции партикуляристской модели. В современной литературе существует два основных подхода к объяснению природы археологической культуры – одонтологический и эпистемиологический. Исследователи, специализирующиеся на изучении палеолита, выделяли и выделяют археологические культуры, сохранив некоторые ограничения на использование данного термина при изучении памятников раннего и среднего палеолита. В статье освещаются узловые, наиболее дискуссионные моменты выделения археологических культур применительно к памятникам каменного века.

Ключевые слова: каменный век, археологическая культура, одонтологический, эпистемиологический подходы, этносы, стадиялизм.

K. A. KOLOBOVA, A. I. KRIVOSHAPKIN, T. I. NOKHRINA

ARCHAEOLOGICAL CULTURES OF THE STONE AGE: THE PROBLEM OF DEFINITION AND IDENTIFICATION

Kseniya A. Kolobova,
Doctor habilis, senior science master,
Institute of Archaeology & Ethnography SB RAS
Andrei I. Krivoshapkin,
Doctor habilis, leading scientist,
Institute of Archaeology & Ethnography SB RAS
Tatyana I. Nokhrina,
Candidat of Historical Sciences, senior science master,
Institute of Archaeology & Ethnography SB RAS,
17, Lavrentieva Ave., 630090, Novosibirsk

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 14-50-00036.

The article reviews the existing historiographic approaches to definition and identification of archaeological cultures in the Stone Age. For a bout a century researchers have been using the concept of “archaeological culture” – a major concepts in archaeology. However, until now no unambiguous definition of this concept has been given. The role of a particular archaeological culture in the archeological research practice has not been well defined either. Currently the relevant objective is systematization of the available concepts.

The author of the present review applied the comparative-historical and historical-genetic methods, as well as the method of sources criticism. This approach makes it possible to compare various viewpoints on the development of archaeological ideas; to identify common and specific features in the lithic industries evolution, and to consider formation of theoretical ideas and approaches to the term “archaeological culture” in dynamics.

The paper characterizes the most topical aspects of this problem. The definition of “archaeological culture” is examined based on the viewpoints of V.A. Gorodtsov, L.S. Klein, M.V. Anikovich and others. Considering the nature of archaeological culture the authors deal with two main approaches: odontological (V.M. Masson, V.P. Lubin, Y.F. Buryakov et al.) and epistemological (N.N. Kradin, A.L. Mongait et al.). The historiographic analysis shows a huge variety of scientists’ views on determining the place of an “archaeological culture” in practical archaeological studies and relationships between the archaeological cultures and ethnoses. An overview of the most debatable concepts defining a notion of “archaeological culture” and identifying archaeological cultures of the Stone Age shows that these problems should be addressed both from general scientific and specific archaeological perspectives.

Key words: Stone Age, archaeological culture, odontologic approach, epistemological approach, ethnoses, stadialism.

Понятие «археологическая культура» восходит к работам Г. Чайлда и Г. Коссины [1; 2] (другую версию см.: [3]). В русскоязычной литературе впервые определение археологической культуре дал В.А. Городцов в 1924 г., понимая ее как «некий организм, подлежащий изменению во времени и пространстве, который складывается из вещественных памятников домашнего быта, искусства, культы и знания» [4, с. 18]. Следом за ним В.С. Жуков уже характеризует археологическую культуру «как сочетание и изменчивость типичных элементов» [5, с. 34].

Почти на всем протяжении XX в. велись дискуссии относительно дефиниции и принципов выделения археологических культур (см., напр.: [6; 7; 8]). В 1968 г. проводилась отдельная дискуссия о понятии «археологическая культура» [9], которая, однако, не ответила на вопрос о методах выбора определения понятия и об условиях, которым должен отвечать этот выбор.

В настоящее время существует множество дефиниций археологической культуры, а следовательно, и различных критериев для ее обоснования. Известно большое количество специальных работ, в которых достаточно полно рассматриваются теоретические и историографические аспекты применения данного понятия [3; 10; 11; 12; 13]. Поэтому мы осветим узловые, наиболее дискуссионные моменты, применительно к памятникам каменного века.

Наиболее информативной нам представляется классификация определений и подходов к выделению археологических культур, предложенная Л.С. Клейном, который выделяет шесть основных версий понятия «археологическая культура» [3]. Его определение близко точке зрения И.С. Каменецкого [14, с. 29]. Общим для обоих авторов в определении является отношение к культуре как к системному явлению. Такой подход в своей основе оперирует системой признаков, что потребовало разработки особой методики выделения культур, что и было продемонстрировано в монографическом исследовании Л.С. Клейна [3]. Системного подхода к определению и анализу археологической культуры придерживался и М.В. Аникевич [15, с. 41; 16, с. 26; 17, с. 25]. В последней своей работе он предлагает вариант системного анализа

верхнепалеолитических каменных индустрий, основанный на применении типологического метода, подразумевающего использование равноуровневых типологических таксонов и построение специальных тип-листов [17].

В современной литературе существует два основных подхода к объяснению природы археологической культуры – одонтологический и эпистемологический. Приверженцы первого считают, что археологическая культура является отражением или материальным выражением реально существовавших социальных групп, т. е. является объективной реальностью [4; 5; 9; 10; 14; 18; 19; 20; 21, 22]. В основе эпистемологического подхода лежит постулат, что «археологическая культура» – это понятие, которое служит лишь для классификационных целей и не имеет прямой связи с реальностью [2; 9; 23].

Независимо от подходов к интерпретации природы понятия «археологической культуры», его основополагающий для исторических реконструкций статус никогда не подвергался сомнению. Однако относительно его места в практике археологического исследования среди исследователей также нет единства. Одни исследователи помещают археологическую культуру на первый, классификационный уровень [3; 9; 20], другие рассматривают ее как интерпретационную единицу [18]. Например, А.Е. Матюхин рассматривает археологическую культуру на аналитическом уровне, а на классификационном выделяет только сходные в технико-морфологическом отношении группы изделий [24].

Одна из основных теоретических дискуссий в отечественной археологической науке XX в. разгорелась при обсуждении вопроса об ассоциации археологической культуры и этноса. Сторонники соответствия этносоциальной действительности содержанию археологической культуры пытались в археологическом материале выделить этнодиагностирующие признаки и на их основе определить этническую специфику археологических культур (см., напр.: [25; 26; 27; 28; 29; 30; 31]). Обычно принимался ограниченный набор таких признаков, а зачастую только один – керамическая

орнаментация, техника выделки керамики, каменные орудия труда, произведения искусства, устройство жилищ или способ погребения. При этом авторами признавалось, что ареалы различных типов артефактов внутри археологических комплексов могут не совпадать [27].

Противники подобного прямого сопоставления указывали, что понятие «этнос» является чрезвычайно неопределенным, но по существующим канонам ни один из признаков этноса не совпадает с элементами культуры [10; 14; 15; 17; 22; 24]. Ю.Н. Захарук предпринял попытку обойти проиллюстрированные противоречия, выделив археологический комплекс памятников [28; 29]. При этом он делает допущение, что форма человеческих общностей может быть только этнической, в результате его построения были подвергнуты критике [3]. Предпринятые в недавнее время этноархеологические исследования показали, что ареалы специфичных артефактов не соответствуют границам отдельных этносов [2].

Многие исследователи не признавали возможности существования культурных образований в древнем каменном веке, поскольку отрицалось существование этносов в палеолите [26; 32; 33] (противоположное мнение см. [34]). Другие считали возможным говорить об этническом характере культур верхнего и среднего палеолита [35]. Главное препятствие для широкого выделения археологических культур в каменном веке – ограниченность круга артефактов (каменные и костяные изделия, предметы искусства, а в отдельных случаях поселенческие сооружения), на основании специфики которых было возможно выделение отдельных культурных единиц. В связи с этим исследователи, особенно специализирующиеся на изучении более поздних эпох, первоначально отрицали возможность выделения археологических культур, датирующихся самым ранним периодом [25]. Впоследствии эта тенденция претерпела изменения [35].

Несмотря на указанную полемику, практика выделения локальных культур в палеолите имеет длительную историю [35] (другую версию см.: [17]). В 1950-е гг. развернулась дискуссия о соотношении стадиялизма и локальных культур в палеолите. С одной стороны выступали сторонники выделения локальных культур [36]. А другие исследователи, в соответствии с принятой парадигмой стадияльности, выделяли в каменном веке крупные культурные области [25; 37; 38; 39; 40; 41]. Впоследствии стадияльная парадигма уступила позиции партикуляристской модели, основанной на понятии цельной археологической культуры [36]. Для демонстрации сходства палеолитических индустрий часто использовались различные замещающие термины, такие как «локальные различия», «путь развития», «фация» и т. д. [20; 33; 42; 43], в конечном итоге по своему содержанию являющиеся эквивалентами выделяемых археологических культур.

Несмотря на имеющиеся трудности и противоречия, исследователи, специализирующиеся на изуче-

нии палеолита, выделяли и выделяют археологические культуры (см. [3; 10; 17; 19; 20; 24; 33; 43]), при этом, однако, сохраняя некоторые ограничения на использование данного понятия при изучении памятников раннего и среднего палеолита.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лебедев Г.С.* История отечественной археологии. 1700–1971 гг. СПб: Изд-во СПб. гос. ун-та, 1992. 464 с.
2. *Крадин Н.Н.* Археологические культуры и этнические общности // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Азбука, 2009. Вып. 5. С. 9–19.
3. *Клейн Л.С.* Археологическая типология. Л., 1991. 448 с.
4. *Городцов В.А.* Археологическая классификация // Никольский В.К. Очерк первобытной культуры. М.; Пг.: Френкель, 1924. С. 5–18.
5. *Жуков В.С.* Вопросы методологии выделения культурных элементов и групп (По материалам волго-финских погребенных культур) // Культура и быт населения Центрально-промышленной области. М.: Музей Центр.-пром. обл., 1929. С. 31–35.
6. *Спицин А.А.* Расселение древнерусских племен по археологическим данным // Журн. Мин-ва народного просвещения. 1899. № 8. С. 301–340.
7. *Третьяков Н.П.* Расселение древнерусских племен по археологическим данным // СА. 1937. № 4. С. 33–51.
8. *Ариховский А.В.* В защиту летописей и курганов (ответ на статью Н.П. Третьякова) // СА. 1937. № 4. С. 53–61.
9. *Клейн Л.С., Миняев С.С., Пиотровский Ю.Ю., Хейфец О.И.* Дискуссия о понятии «археологическая культура» в проблемном археологическом семинаре Ленинградского университета // СА. 1970. № 2. С. 298–302.
10. *Клейн Л.С.* Проблема определения археологической культуры // СА. 1970. № 2. С. 37–51.
11. *Ганжа А.И.* Историография проблемы «археологической культуры» в отечественной науке: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1988. 18 с.
12. *Пряхин А.Д.* Археологические культуры и их осмысление в советской археологии конца 30-х – второй половине 60-х гг. // Археологические культуры и культурная трансформация. Л., 1991. С. 29–30.
13. *Ковалевская В.Б.* Археологическая культура – практика, теория, компьютер. М.: Изд-во НПБО «Фонд археологии», 1995. 192 с.
14. *Каменецкий И.С.* Археологическая культура – ее определение и интерпретация // СА. 1970. № 2. С. 18–36.
15. *Аникович М.В.* Археологическая культура: определение понятия и процедура исследования // Археологические культуры и культурная трансформация. Л., 1991. С. 40–48.
16. *Аникович М.В.* Методология археологии и новые подходы к изучению верхнего палеолита Евразии. Новосибирск, 2010. 56 с.
17. *Аникович М.В.* Опыт структурного анализа археологических культур эпохи верхнего палеолита // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: К 70-летию академика А.П. Деревянко. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. С. 24–36.
18. *Массон В.М.* Феномен культуры и культурогенез древних обществ // Археологические культуры и культурная трансформация. Л., 1991. С. 5–10.
19. *Коробкова Г.Ф.* Изучение каменной индустрии и проблема выделения культур и локальных вариантов (по материалам мезолита и неолита Средней Азии) // Каменный век Средней Азии и Казахстана. Ташкент: ФАН, 1972. С. 48–54.
20. *Любин В.П.* К вопросу о локальных различиях в нижнем палеолите (по материалам Кавказа) // Каменный век Средней Азии и Казахстана. Ташкент: ФАН, 1972. С. 15–21.

21. Буряков Ю.Ф., Радилловский В.В. Исходные принципы теоретического рассмотрения археологической культуры // Археологические культуры и культурная трансформация. Л., 1991. С. 31–40.
22. Массон В.М. Понятие культуры в археологической систематике // Каменный век Средней Азии и Казахстана. Ташкент: ФАН, 1972. С. 9–11.
23. Монгайт А.Л. Археологические культуры и этнические общности // Народы Азии и Африки. 1967. № 1. С. 53–69.
24. Матюхин А.Е. К постановке проблемы теории первобытной культуры // Археологические культуры и культурная трансформация. Л., 1991. С. 19–28.
25. Брюсов А.А. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 263 с.
26. Формозов А.А. Спорные проблемы в этнокультурной истории каменного века // Каменный век Средней Азии и Казахстана. Ташкент: ФАН, 1972. С. 11–15.
27. Фосс М.Е. Древнейшая история севера европейской части СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 278 с. (МИА; № 29).
28. Захарук Ю.Н. Проблемы археологической культуры // Археология. 1964. № 17. С. 12–42.
29. Захарук Ю.Н. Об одной концепции археологической культуры // Первобытная археология – поиски и находки. Киев: Наук. думка, 1980. С. 240–252.
30. Окладников А.П. Проблемы древнейших культурных и этнических связей Средней Азии и Сибири // Каменный век Средней Азии и Казахстана. Ташкент: ФАН, 1972. С. 5–8.
31. Генинг В.Ф. Проблема соотношения археологической культуры и этноса // Вопросы этнографии Удмуртии. Ижевск: Удм. НИИ истории, экономики, лит. и яз., 1976. С. 3–37.
32. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 412 с.
33. Григорьев Г.П. К методике установления локальных различий в палеолите // Успехи среднеазиатской археологии. Л.: Наука, 1972. Вып. 2. С. 14–19.
34. Алексеев В.П. О самом раннем этапе расообразования и этногенеза // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М.: Наука, 1982. С. 32–55.
35. Васильев С.А. Изучение палеолита в России: прошлое, настоящее и перспективы на будущее // Stratum plus. 1. 2001–2002. С. 21–170.
36. Брюсов А.А. Проблема происхождения культур каменного века в северной части Европейской территории СССР // СА. 1968. № 4. С. 3–15.
37. Замятин С.Н. // Происхождение человека и древнее население человечества. М., 1951. С. 89–152. (Тр. ИЭ АН СССР; новая серия, Т. 16).
38. Окладников А.П. Развитие первобытно-общинного строя. Поздний древнекаменный век (верхний палеолит) // Всемирная история. М.: Госполитиздат, 1955. Т. I. С. 76–88.
39. Формозов А.А. Этнокультурные области на территории европейской части СССР в каменном веке. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 124 с.
40. Ранов В.А. О связях культур палеолита Средней Азии и некоторых стран зарубежного Востока. М.: Наука, 1964. 10 с.
41. Окладников А.П. Палеолит и мезолит Средней Азии // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л.: Наука, 1966. С. 3–76.
42. Григорьев Г.П. Эпохи палеолита как показатель развития // Закономерности развития культур на территории Франции и Восточной Европы: тез. докл. к российско-французскому симпозиуму. Л.: Наука, 1988. С. 13–15.
43. Ранов В.А. К проблеме выделения локальных культур в Средней Азии // Каменный век Средней Азии и Казахстана. Ташкент: ФАН, 1972. С. 34–47.
2. Kradin N.N. Archaeological cultures and ethnic communities // Teorija i praktika arheologičeskikh issledovanij. Barnaul: Azbuka, 2009, Vol. 5, pp. 9–19. (In Russ.)
3. Klejn L.S. Archaeological typology. L.: AN USSR, 1991, 448 p. (In Russ.)
4. Gorodcov V.A. Archaeological classification // Nikol'skij Oчерk pervobytnoj kul'tury. St.P.: Izd-vo L.D. Frenkelja, 1924, pp. 5–18. (In Russ.)
5. Zhukov V.S. Methodological issues selection the cultural elements and groups. Kul'tura i byt naselenija Central'no-promyshlennoj oblasti. M.: Muzej Central'no-promyshlennoj oblasti, 1929, p. 34. (In Russ.)
6. Spicin A.A. Settling the ancient Russian tribes by archaeological data. Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija. 1899, N 8, pp. 301–340. (In Russ.)
7. Treťjakov N.P. Settling ancient tribes by archaeological data. SA. 1937, N 4, pp. 33–51. (In Russ.)
8. Archikovskij A.V. In defense of the chronicles and barrows (Answer to the article NP Treťjakov...). SA. 1937, N 4, pp. 53–61. (In Russ.)
9. Klejn L.S., Minjaev S.S., Piotrovskij Ju.Ju., Hejfec O.I. The debate about the concept of «archaeological culture» in the problem out archeological seminar Leningrad University. SA. 1970, N 2, pp. 298–302. (In Russ.)
10. Klejn L.S. The problem of determining archaeological culture. SA. 1970, N 2, pp. 37–51. (In Russ.)
11. Ganzha A.I. Historiography of the problem of «archaeological culture» in domestic science: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Kazan', 1988, 18 p. (In Russ.)
12. Prjabin A.D. Archaeological cultures and their understanding in Soviet archeology late 30 – second half of the 60s. Arheologičeskie kul'tury i kul'turnaja transformacija. L., 1991, pp. 29–30. (In Russ.)
13. Kovalevskaja V.B. Archaeological culture. Praktika, teorija, komp'juter. M.: Izd-vo NPBO «Fond arheologii», 1995, 192 p. (In Russ.)
14. Kameneckij I.S. Archaeological culture – its definition and interpretation. SA. 1970, N 2, pp. 18–36. (In Russ.)
15. Anikovich M.V. Archaeological culture: definition and treatment research. Arheologičeskie kul'tury i kul'turnaja transformacija. L., 1991, pp. 40–48. (In Russ.)
16. Anikovich M.V. The methodology of archeology and new approaches to the study of the Upper Paleolithic of Eurasia. Novosibirsk, 2010, 56 p. (In Russ.)
17. Anikovich M.V. Experience in structural analysis of archaeological cultures of the Upper Palaeolithic. Fundamental'nye problemy arheologii, antropologii i jetnografii Evrazii: K 70-letiju akademika A.P. Derevjanko. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i jetnografii SO RAN, 2013, pp. 24–36. (In Russ.)
18. Masson V.M. The phenomenon of culture and cultural genesis of ancient societies. Arheologičeskie kul'tury i kul'turnaja transformacija. L., 1991, pp. 5–10. (In Russ.)
19. Korobkova G.F. The study of the stone industry and the problem of cultures attribution and local variants (based on the Mesolithic and Neolithic of Central Asia). Kamennyj vek Srednej Azii i Kazahstana. Tashkent: FAN, 1972, pp. 48–54. (In Russ.)
20. Ljubin V.P. On the issue of local differences in the Lower Paleolithic (based on the Caucasus). Kamennyj vek Srednej Azii i Kazahstana. Tashkent: FAN, 1972, pp. 15–21. (In Russ.)
21. Burjakov Ju.F. Radilovskij V.V. Basic principles of theoretical consideration of archaeological culture. Arheologičeskie kul'tury i kul'turnaja transformacija. L., 1991, pp. 31–40. (In Russ.)
22. Masson V.M. The concept of culture in archaeological systematics. Kamennyj vek Srednej Azii i Kazahstana. Tashkent: FAN, 1972, pp. 9–11. (In Russ.)
23. Mongajt A.L. Archaeological cultures and ethnic communities. Narody Azii i Afriki. 1967, N 1, pp. 53–69. (In Russ.)

REFERENCES

1. Lebedev G.S. History of Soviet archeology. 1700–1971. St.P.: Izd-vo SPb. gos. un-ta, 1992, 464 p. (In Russ.)

24. Matjuhin A.E. By the formulation of the problem of the theory of primitive culture. *Arheologicheskie kul'tury i kul'turnaja transformacija*. L., 1991, pp. 19–28. (In Russ.)
25. Brjusov A.Ja. Essays on the history of the tribes of the European USSR in the Neolithic period. M.: Izdatel'stvo Akademii Nauk USSR, 1952, 263 p. (In Russ.)
26. Formozov A.A. Controversial issues in ethno-cultural history of the Stone Age. *Kamennyj vek Srednej Azii i Kazahstana*. Tashkent: FAN, 1972, pp. 11–15. (In Russ.)
27. Foss M.E. Ancient History of the European part of the USSR. *MLA*. 1952, N 29, 278 p. (In Russ.)
28. Zaharuk Ju. N. Problems of archaeological culture. *Archaeology*. 1964, N 17, pp. 12–42. (In Russ.)
29. Zaharuk Ju. N. About one archaeological culture concept. *Pervobytnaja arheologija poiski i nahodki*. Kiev: Nauk. dumka, 1980, pp. 240–252. (In Russ.)
30. Okladnikov A.P. Problems of ancient cultural and ethnic interactions in Central Asia and Siberia. *Kamennyj vek Srednej Azii i Kazahstana*. Tashkent: FAN, 1972, pp. 5–8. (In Russ.)
31. Gening V.F. The problem of correlation of archaeological cultures and ethnicities. *Voprosy jetnografii Udmurtii*. Izhevsk: Udm. NII istorii, jekonomiki, lit. i jaz., 1976, pp. 3–37. (In Russ.)
32. Bromlej Ju. V. Essays on the theory of ethn. M.: Nauka, 1983, 412 p. (In Russ.)
33. Grigor'ev G.P. The method of establishing local differences in the Paleolithic. *Uspehi sredneazijskoj arheologii*. L.: Nauka, 1972, Vol. 2, pp. 14–19. (In Russ.)
34. Alekseev V.P. On the very early stage of race formation and ethnogenesis. *Jetnos v doklassovom i ranneklassovom obshhestve*. M.: Nauka, 1982, pp. 32–55. (In Russ.)
35. Vasil'ev S.A. The study of the Paleolithic in Russia. *Past, Present and Future Prospects. Stratum plus*. 2001–2002, Vol. 1, pp. 21–170. (In Russ.)
36. Brjusov A.Ja. The origin of the Stone Age cultures in the northern part of the European USSR. *SA*. 1968, N 4, pp. 3–15. (In Russ.)
37. Zamjatin S.N. The occurrence of local differences in Paleolithic cultures. *TIJe*. 1951, Vol. XVI, pp. 89–152. (In Russ.)
38. Okladnikov A.P. The development of the primitive communal system. Late Old Stone Age (Upper Paleolithic). *Vsemirnaja istorija*. M.: Gospolitizdat, 1955, Vol. I, pp. 76–88. (In Russ.)
39. Formozov A.A. Ethno-cultural regions in the European part of the USSR in the Stone Age. M.: Izd-vo AN USSR, 1959, 124 p. (In Russ.)
40. Ranov V.A. On the connections Paleolithic cultures of Central Asia and some countries of the East. M.: Nauka, 1964, 10 p. (In Russ.)
41. Okladnikov A.P. Palaeolithic and Mesolithic of Central Asia. *Srednjaja Azija v jepohu kamnja i bronzy*. M.; L.: Nauka, 1966, pp. 3–76. (In Russ.)
42. Grigor'ev G.P. Paleolithic epoch as an indicator of development. *Zakonomnosti razvitija kul'tur na territorii Francii i Vostochnoj Evropy*. Tezisy dokladov k rossijsko-francuzskomu simpoziumu. L.: Nauka, 1988, pp. 13–15. (In Russ.)
43. Ranov V.A. To the problem selection of local cultures in Central Asia. *Kamennyj vek Srednej Azii i Kazahstana*. Tashkent: FAN, 1972, pp. 34–47. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 16.03.2015

УДК 902/903

С.В. ШНАЙДЕР

ИЗУЧЕНИЕ РАННЕГОЛОЦЕНОВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ОБЗОР КОНЦЕПЦИЙ*

Светлана Владимировна Шнайдер,
м.н.с., Институт археологии и этнографии СО РАН,
м.н.с. Новосибирского национального исследовательского
государственного университета,
м.н.с. Алтайского государственного университета
e-mail: sveta.shnayder@gmail.com

На территории западной части Центральной Азии прослеживается культурное многообразие раннеголоценовых археологических комплексов. На настоящий момент в историографии сформировано несколько культурно-хронологических интерпретаций, объясняющих данную ситуацию. Согласно точке зрения таких исследователей, как А.П. Окладников, В.А. Ранов, Т.Г. Филимонова, на данной территории в раннеголоценовое время существовало два технологических комплекса (мезолит и эпипалеолит), имеющих различный генезис и различные характеристики каменного инвентаря. Г.Ф. Коробкова, У.И. Исламов, Ф. Брюне предлагали все раннеголоценовые индустрии относить к мезолиту. В данной статье дан подробный анализ обозначенных построений и рассмотрены основные их положения.

Ключевые слова: западная часть Центральной Азии, мезолит, эпипалеолит, история исследования, культура, геометрический микролит.

* Работа выполнена при поддержке Минобрнауки РФ (постановление № 220, проект № 2013-220-04-129), РФФИ, проект № 15-36-20820 мол_а_вед, РГНФ, проект № 15-31-01000 (а1).

S.V. SHNAIDER

STUDYING THE EARLY HOLOCENE ARCHAEOLOGICAL COMPLEXES IN WESTERN CENTRAL ASIA: CONCEPTS REVIEW

Svetlana V. Shnaider,

Junior Reseacher,

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk

Novosibirsk State University National Research

Altai State University, Barnaul

e-mail: sveta.shnayder@gmail.com

The article's objective is to review the existing cultural-chronological concepts explaining the diversity of lithic industries in Western Central Asia. Currently, there are several main contradictory hypotheses on the development of lithic industries in western Central Asia in the early Holocene. For instance, A.P. Okladnikov, V.A. Ranov and T.G. Filimonova argued that two technological complexes had existed in this region during the early Holocene. These two Mesolithic and Epipaleolithic complexes originated from different traditions with diverse features of stone tools. G.F. Korobkova, U.I. Islamov and F. Brunet suggested to attribute the whole early Holocene archaeological industries to the Mesolith. The situation requires a thorough analysis of proposed interpretations of the early Holocene industries development and chronological assessments in the region. The research is based on the following approaches: comparative-historical, historical-genetic and sources criticism. These approaches make it possible to compare various viewpoints on the archaeological developments and identify common and specific features in the evolution of the lithic industries; to examine the process of development of theoretical concepts and approaches concerning the Central Asian archaeology.

The paper presents a detailed review of proposed hypotheses main points. The author highlights the problem topics in western Central Asian Mesolithic studies:

1. Elaborating a common and uniform terminology;
2. Detecting possible interrelations between the local synchronous lithic industries and different technical-typological features attributed to different development trends (Mesolithic and Epipaleolithic) of the early Holocene;
3. Clarifying the local early Holocene industries genesis and their subsequent development;
4. Developing a more representative base for absolute dating of the early Holocene complexes in the region.

Key words: western Central Asia, Mesolithic, Epipaleolithic, history of research, culture, geometric microliths.

Начало изучения мезолита западной части Центральной Азии связано с именем А.П. Окладникова. Им в 1930–1950-х гг. были обследованы обширные районы Таджикистана и Узбекистана, выявлено более десятка раннеголоценовых стоянок. Уже тогда им были определены генеральные направления в интерпретации каменных индустрий раннего голоцена. А.П. Окладников предлагал подразделять их на две технологические линии, поставил вопрос об употреблении терминов «мезолит» и «эпипалеолит» для их разграничения [1]. Для памятников первой технологической линии (мезолит), располагающихся на территории Прикаспия и бассейна Аму-Дарьи (Джебел, Дам-Дам-Чешма, Дам-Дам-Чашма-2, Чиль-Чор-Чашма), характерно использование микропластинчатой технологии первичного расщепления, а в орудийном наборе – доминирование геометрических микролитов (прямоугольников, сегментов, трапеций), скребков и микроскребков. Согласно построениям исследователя эти индустрии входят в круг микролитических культур с орудиями геометрических форм, распространенных на юге Азии, а также в Европе, Африке и Австралии. Источником для формирования первого варианта развития послужил «капсийский» палеолит Северной Африки [2].

По мнению А.П. Окладникова, наиболее ранние мезолитические индустрии в регионе представлены нижними слоями грота Дам-Дам-Чашме, где распро-

странены острия с затупленной спинкой в виде удлиненных узких сегментов. Следующий этап развития мезолитических комплексов маркируют находки из нижних отложений гротов Кайлю и Дам-Дам-Чешме-2, где в орудийном наборе отмечается наряду с сегментовидными остриями с затупленной спинкой асимметричные трапеции со слегка вогнутыми боковыми гранями. Дальнейшая эволюция мезолитических индустрий представлена вышележащими слоями Дам-Дам-Чешме-2 и слоями 8–4 грота Джебел, в орудийном ансамбле которых представлены асимметричные удлиненные треугольники и трапеции. Согласно гипотезе А.П. Окладникова, с течением времени трапеции становятся миниатюрными и симметричными. «Появление таких трапеций всюду, где встречаются микролитические изделия, определяет конец мезолитического времени и переход к неолиту. О наступлении позднего мезолита свидетельствуют прогрессирующее измельчение орудий геометрических форм и уменьшение их количества, что также характерно и для позднейших мезолитических памятников Европы, Южной Азии и Африки» [2, с. 63]. Согласно этому предположению материалы Чиль-Чор-Чашмы были отнесены А.П. Окладниковым к позднему мезолиту [2, с. 67].

Ко второй технологической линии (эпипалеолиту) А.П. Окладниковым были отнесены стоянки, располагающиеся в горных областях Тянь-Шаня и Памира

(Ош-Хона, Каратумшук, Куй-Бульён), для индустрии которых характерно преобладание призматических нуклеусов, чопперов, а в орудийном наборе – доминирование скребков на отщепках. По мнению археолога, данная культура генетически связана с культурой чопперов Центральной и Восточной Азии [2].

Построения А.П. Окладникова позднее были дополнены В.А. Рановым, который также выделял на территории западной части Центральной Азии два варианта развития каменных индустрий раннего голоцена – эпипалеолит и мезолит.

Эпипалеолит, согласно гипотезе В.А. Ранова, подразделяется на маркансуйскую (Ошхона, Каратумшук) и бешкентскую (Бешкентские стоянки) культуры. Индустрия маркансуйской культуры характеризуется сочетанием «галечной индустрии» с микропластинчатой техникой расщепления, представленной призматическими и торцовыми ядрищами для мелкопластинчатых заготовок. В орудийной коллекции отмечается доминирование прямых и выпуклых скребел, выемчатых пластинок, проколов, миниатюрных наконечников стрел [3]. Относительно генезиса маркансуйской культуры исследователь затруднялся дать однозначную оценку [4].

Первичное расщепление бешкентской культуры было направлено на получение пластинок и микропластин с призматических, торцовых и клиновидных нуклеусов. В орудийной коллекции доминируют выемчатые изделия на пластинках, концевые скребки, пластинки с ретушью [5]. Генезис бешкентской культуры связывался с миграцией носителей аккупрукской культуры (Афганистан) [4; 5].

Мезолит региона В.А. Ранов подразделял на два варианта – мезолит Восточного Туркменистана (Дам-Дам-Чешме-1, 2, Джебел) и мезолит Южного Таджикистана (Туткаул, Дарай-Шур, Оби-Киик, Чиль-Чор-Чашма). Индустрия первого характеризуется наличием различных типов геометрических микролитов – прямоугольников, сегментов, трапеций и различных типов острий. Данный комплекс, по мнению исследователя, генетически близок с индустриями Северного Ирана (Белт, Хоту) [6].

В мезолите Южного Таджикистана В.А. Ранов выделил два этапа развития. К первому относились микропластинчатые индустрии, в орудийном наборе которых доминировали орудия геометрических форм в виде прямоугольников и высокие концевые скребки (Туткаул гор. 3, Чиль-Чор-Чашма). Вторым этапом представлен индустрией гор. 2а Туткаула, Дарай-Шура и Оби-Киика. Данные индустрии характеризуются сочетанием «галечного элемента» с микропластинчатой техникой расщепления, представленной торцово-клиновидными, призматическими и конусовидными нуклеусами, в орудийном наборе отмечено преобладание сегментов и острий туткаульского типа. Схожие индустрии встречены в Истыкской пещере (Памир), гроте Ташкумыр (Ферганская долина) [6].

Изначально В.А. Ранов предполагал, что формирование мезолита Южного Таджикистана происходи-

ло под влиянием миграционных процессов с территории Ближнего Востока и технологических традиций, которые отражены в коллекции горизонта 2 Шугноу. В частности, им отмечалось присутствие в орудийном наборе острий с ретушью притупления по одному продольному краю, которые типологически близки к остриям туткаульского типа. Позже В.А. Ранов указывал, что данные аналогии не могут свидетельствовать о влиянии локальных верхнепалеолитических традиций на формирование мезолита, поскольку во временном интервале между существованием индустрии горизонта 2 Шугноу и мезолита отсутствуют свидетельства применения техники притупления края. Исследователем была предложена гипотеза о миграционном происхождении мезолита Южного Таджикистана – с территорий Ближнего Востока и Северной Африки [7]. Локальные верхнепалеолитические индустрии не рассматривались в качестве возможного источника для формирования мезолитических комплексов, поскольку основными чертами регионального верхнего палеолита являлись:

- мозаичность, препятствующая выделению культур;

- общий архаичный облик индустрий с преобладанием среднепалеолитических типов орудий, в первую очередь, галечных вариантов скребел и рубящих орудий;

- непластинчатый характер первичного расщепления;

- отсутствие в верхнепалеолитических наборах орудий на пластинках / микропластинах и изделий геометрических форм, а также форм инвентаря, изготовленных посредством ретуши притупления [8, 9].

Аналогичные построения по мезолиту Южного Таджикистана предложила Т.Г. Филимонова [10]. Она выделяет два этапа в развитии мезолитической эпохи – ранний и развитый (именует его вахшским локальным вариантом). На генезис раннего этапа, представленного коллекцией Туткаула (горизонт 3), оказали влияние средиземноморские комплексы, в индустрии которых широко представлены геометрические микролиты в виде прямоугольников. Формирование вахшского локального варианта, который отражает развитый этап мезолитической эпохи, происходило под влиянием культурной диффузии ближневосточных индустрий с геометрическими микролитами и местных финальнопалеолитических индустрий, представленных в комплексах Сай-Саеда (горизонт 3), Кулисуфиена-4, Челондары-4. Влияние локальных индустрий прослеживается на основе применения галечной техники расщепления, наличия кареноидных скребков и единичных экземпляров сегментов (в коллекциях Кулисуфиена-4 и Челондары-4) [10].

Г.Ф. Коробкова выделяет на территории Южного Таджикистана туткаульскую и вахшскую мезолитические культуры и два комплекса – обикиикский и шугноуский. Она не оговаривает критериев, по которым она различает эти культуры и комплексы. Туткаульская культура представлена индустрией горизон-

та 3 Туткаула, слоя 6 Ак-Таньги, Ташкурган 40 и Чиль-Чор-Чашмой, вахшская культура – коллекциями горизонта 2а Туткаула, слоя 3 Сай-Саеда и Дарай-Шура. В обикиикий комплекс включены материалы стоянок Оби-Киик и Куй-Бульон, материалы слоя 0 Шугноу составили отдельный шугноуский комплекс.

Туткаульская культура, по мнению Г.Ф. Коробковой, характеризуется прямоугольными геометрическими микролитами и высокими концевыми скребками, при этом отмечается практически полное отсутствие других форм микролитов. Исследователь предлагает разделять культуру на два периода – ранний и поздний. По ее мнению, ранний период представлен в материалах горизонта 3 Туткаула, поздний – в материалах стоянки Чиль-Чор-Чашма. Г.Ф. Коробкова предполагает, что данная культура существовала на территории Южного Таджикистана с 11 по 8 тыс. л. до н. э. По сходству с ближневосточными комплексами, где также широко представлены геометрические орудия в виде прямоугольников и высокие концевые скребки, было высказано предположение, что исходным пластом туткаульской культуры выступили комплексы типа геометрического Кебарана [11].

Особенностью вахшской культуры является сочетание пластинчатой и галечной технологий расщепления, среди орудий преобладают сегменты и острия туткаульского типа. Среди ядрищ доминируют призматические и конусовидные. На основании технико-типологического анализа и абсолютной даты, полученной для нижней части вышележащего неолитического горизонта 2 Туткаула, в 6070 ± 170 л. до н. э., исследователь датирует культуру 7–8 тыс. л. до н. э. Г.Ф. Коробкова предполагала, что генезис вахшской культуры в первую очередь связан с верхнепалеолитическими комплексами Самаркандской стоянки, где также представлена галечная технология расщепления [11].

К обикииக்குму культурному комплексу Г.Ф. Коробкова отнесла материалы памятников Оби-Киик и Куй-Бульён (Таджикистан). В орудийном наборе этих комплексов широко представлены выемчатые изделия, сегменты, асимметричные треугольники, удлиненные острия с ретушью притупления, нанесенной на продольный край заготовки (типа острия шательперрон), единичные концевые скребки и резцы. На основании аналогий с горизонтом 2а Туткаула, проявившихся прежде всего в наличии сегментов, она относит обикиикий комплекс к 7–8 тыс. л. до н. э. Генезис комплекса Г.Ф. Коробкова связывает с эпипалеолитическими индустриями Среднего Востока (культура Зарзиан) [11].

Четвертый комплекс, по мнению Г.Ф. Коробковой, представлен материалами горизонта 0 стоянки Шугноу. В первичном расщеплении здесь преобладают плоскостные многоплощадочные и дисковидные нуклеусы, основными заготовками орудий выступают крупные отщепы, а в орудийном наборе преобладают скребки и выемчатые изделия, единичным экземпляром представлена остроконечная пластинка с притупленным краем [11].

У.И. Исламов в своем диссертационном исследовании, посвященном мезолиту Узбекистана, предлагает выделять три мезолитических комплекса: ферганский, сурхандарьинский и ташкентский.

Ферганский комплекс исследователь предлагает подразделять на две индустрии – равнинную и горную. К горным индустриям он относит стратифицированные памятники Обишир I, V, Ташкумыр, к равнинным – переотложенные стоянки, расположенные в Центральной Фергане. Равнинные индустрии характеризуются нуклеусами плоской и карандашевидной формы для микропластинок, среди орудий преобладают микропластинки с ретушью и концевые скребки, единичными являются сегменты и трапеции. В горных индустриях преобладают призматические, конусовидные, клиновидные и дисковидные ядрища. В орудийной коллекции доминируют концевые скребки и микропластинки с ретушью, единичны орудия типа чопперов и чоппингов. Исследователь на основе аналогий с ближневосточными и североафганскими комплексами предполагает, что горные индустрии предшествуют равнинным, первые датируются 8 тыс. л. до н. э., вторые – 7–6 тыс. л. до н. э. [12]. Генезис ферганского комплекса исследователем усматривался в позднеплейстоценовых индустриях Самаркандской стоянки и Ходжа-Гора.

Ташкентский комплекс представлен материалами памятника Кушилиш, где первичное расщепление представлено конусовидными и биплощадочными призматическими ядрищами. В орудийном наборе отмечаются концевые скребки и асимметричные треугольники. У.И. Исламов на основе геологических данных и технико-типологических аналогий с ближневосточными комплексами Гар-И-Камарбанд, Пелегавра, Шанидар V предлагает датировать индустрию Кушилиша 10–9 тыс. л. до н. э.

К сурхандарьинскому комплексу отнесены позднемезолитические материалы пещеры Мачай. Среди ядрищ преобладают призматические, торцовые, конусовидные и бесформенные. Среди орудий отмечены скребки и скребла. Специфический облик индустрии придают многочисленные отбойники, наковальни, песты, терочники, гладилки, а также костяные изделия [12].

В 2002 г. по мезолитическим и неолитическим комплексам западной части Центральной Азии была защищена диссертация Ф. Брюне, в которой автор изложила свое видение развития пред- и раннеголоценовых индустрий региона. Она предлагает отказаться от использования термина «эпипалеолит», и все раннеголоценовые индустрии, предшествующие неолиту, именовать мезолитом. Ф. Брюне рассматривает индустрии в рамках следующих регионов: восточный предкаспийский, плато Устюрт, Южный и Восточный Таджикистан, Ферганская долина и Восточный Казахстан, район р. Аму-Дарья [13, 14].

Происхождение восточных предкаспийских комплексов Дам-Дам-Чешме-1, -2, Джебел и др., по мнению Ф. Брюне, следует связывать с триалетской культурой,

распространенной на Кавказе (Грузия) и в Загросе (Иран). В мезолитическое время комплексы плато Устюрт образуют одну культуру с такими зауральскими индустриями, как Долгий Ельник и Янгелька.

Мезолит Ферганской долины и Восточного Казахстана, по мнению Ф. Брюне, имеет неместное происхождение, но конкретные генетические истоки его пока не известны.

Индустрии Южного и Восточного Таджикистана (Туткаул, Ош-Хона, Бешкентские стоянки) Ф. Брюне предлагает рассматривать вместе. Она считает, что в данных комплексах культурозначимыми являются нуклеусы для мелкопластинчатых заготовок, которые она предлагает сравнивать с нуклеусами «юбетсу». В результате Ф. Брюне предлагает свое объяснение появлению в регионе данной техники – как проявление прямых миграций либо процесс культурной (технологически инновационной) диффузии, направленной с территорий Монголии, Южной Сибири и Синьцзяня. Что касается происхождения геометрических микролитов, то она предполагает четыре возможных варианта: а) изменения климата; б) специализированная направленность данного типа инвентаря для выполнения конкретных трудовых операций; в) техническая традиция; г) контакты с другими группами. Появление их с территорий Ближнего и Среднего Востока исследователь считает недостаточно обоснованным.

Орудийный набор индустрий восточного Аму-Дарьинский региона схож с комплексами Таджикистана, но Ф. Брюне отмечает, что здесь применялись различ-

ные техники расщепления и между ними нет генетического родства [13; 14].

Таким образом, в интерпретации раннеголоценовых комплексов западной части Центральной Азии до сих пор ряд вопросов остается открытым. Во-первых, это разработка единого терминологического аппарата (таблица). Некоторые исследователи для обозначения раннеголоценовых индустрий предлагают использовать один термин «мезолит», который несет прежде всего хронологическую нагрузку. Другие археологи считают правомерным для обозначения раннеголоценовых комплексов использовать оба термина – мезолит и эпипалеолит, которые несут не только хронологическую, но и культурную нагрузку. Во-вторых, это выяснение характера взаимодействия между эпипалеолитическими и мезолитическими индустриями, которые, по мнению исследователей, существовали синхронно. В-третьих, прояснение вопросов о генезисе и дальнейшем развитии раннеголоценовых комплексов региона. В-четвертых, на настоящий момент для раннеголоценовых индустрий региона имеется недостаточная база для определений абсолютного возраста, хронологические рамки существования мезолитических и эпипалеолитических индустрий устанавливались преимущественно на основе относительных датировок, полученных путем корреляции с синхронными комплексами Ближнего и Среднего Востока. Пересмотр имеющегося археологического материала и проведение новых полевых исследований позволят прояснить обозначенные выше вопросы.

Разночтения в дефинициях раннеголоценовых комплексов западной части Центральной Азии

Памятник	А.П. Окладников	В.А. Ранов	Г.Ф. Коробкова	У.И. Исламов	Т.Г. Филимонова	Фр. Брюне
Туткаул (гор. 3, 2а)	–	Мезолит	Мезолит	Мезолит	Мезолит	Мезолит
Оби-Киик	–	Мезолит	Мезолит	Мезолит	Мезолит	Мезолит
Дарай-Шур	–	Мезолит	Мезолит	Мезолит	Мезолит	Мезолит
Чиль-Чор-Чашма	Мезолит	Мезолит	Мезолит	Мезолит	–	–
Ак-Таньги (гор. 6)	–	Мезолит	Мезолит	Мезолит	–	–
Бешкентские стоянки	–	Эпипалеолит	Мезолит	–	Эпипалеолит	Мезолит
Шугноу (гор. 0)	–	Эпипалеолит	Мезолит	–	Эпипалеолит	Мезолит
Обишир I, V	–	Эпипалеолит	Мезолит	Мезолит	Эпипалеолит	Мезолит
Ташкумыр	–	Мезолит	Мезолит	Мезолит	–	–
Мачай	–	Эпипалеолит (?)	Неолит	Мезолит	–	–
Кушилиш	–	Мезолит	Мезолит	Мезолит	–	–
Каратумшук	Эпипалеолит	Эпипалеолит	–	–	–	–
Куй-Бульен	Эпипалеолит	Эпипалеолит	Мезолит	–	–	–
Ош-Хона	Эпипалеолит	Эпипалеолит	Мезолит	Мезолит	Эпипалеолит	Мезолит
Истыкская пещера	–	Мезолит (гор. 3, 4) Эпипалеолит (гор. 1, 2)	Мезолит	Мезолит	Мезолит (гор. 3, 4) Эпипалеолит (гор. 1, 2)	Мезолит
Джебел	Мезолит	Мезолит	Мезолит	Мезолит	Мезолит	Мезолит
Дам-Дам-Чашма	Мезолит	Мезолит	Мезолит	Мезолит	Мезолит	Мезолит
Дам-Дам-Чашма-2	Мезолит	Мезолит	Мезолит	Мезолит	Мезолит	Мезолит
Сай-Сайод (гор. 3)	–	Эпипалеолит	Мезолит	–	Верхний палеолит	–

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Окладников А.П.* К вопросу о мезолите и эпипалеолите в Азиатской части СССР // У истоков древних культур. Эпоха мезолита. М.; Л., 1966. С. 213–223.
2. *Окладников А.П.* Палеолит и мезолит Средней Азии // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. Ташкент, 1966. С. 11–75.
3. *Ранов В.А.* Каменный век Таджикистана: обобщ. докл. по работам, представленным к защите на соискание ученой степени канд. ист. наук. Душанбе, 1963. 33 с.
4. *Ранов В.А., Каримова Г.Р.* Каменный век афгано-таджикской депрессии. Душанбе, 2005. 252 с.
5. *Амосова А.Г.* Каменный век Бешкентской долины: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985. 20 с.
6. *Ranov V.A., Davis R.* Toward a new outline of Soviet Central Asian Paleolithic // *Current Archeology*. 1979. Vol. 20, N 2. P. 249–262.
7. *Ранов В.А.* Могут ли геометрические микролиты быть показателем миграционных процессов в средней Азии // *Древности*. 1991. № 19. С. 25–27.
8. *Колобова К.А., Флас Д., Деревянко А.П., Павленок К.К., Исламов У.И., Кривошапкин А.И.* Кульбулакская мелкопластинчатая традиция в верхнем палеолите Центральной Азии // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2013. № 2 (54). С. 3–54.
9. *Шнайдер С.В., Хошимов Х.Б.* Изучение палеолита на территории Западного Памиро-Тянь-Шаня: обзор концепций // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: история, филология*. 2013. Т. 12, вып. 7: *Археология и этнография*. С. 18–27.
10. *Филимонова Т.Г.* Верхний палеолит и мезолит афгано-таджикской депрессии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Душанбе, 2007. 24 с.
11. *Коробкова Г.Ф.* Мезолит Средней Азии и Казахстана // *Мезолит СССР*. 1989. С. 149–174.
12. *Исламов У.И.* Обиширская культура. Ташкент, 1980. 147 с.
13. *Brunet F.* La neolithisation en Asie Centrale: un etat de la question // *Paleorient*. Paris. 1999. Vol. 24/2. P. 27–48.
14. *Brunet F.* Asie Centrale: vers une redefinition des complexes culturels de la fin du Pleistocene et des debuts de l'Holocene // *Paleorient*. Paris. 2002. Vol. 28/2. P. 9–24.

REFERENCES

1. *Okladnikov A.P.* On the question of the Mesolithic I Epipaleolite v Azian part of USSR. *U istokov drevnih kul'tur. Epoha Mezolita*. M.; L., 1966, pp. 213–223. (In Russ.)
2. *Okladnikov A.P.* Paleolit i Mesolit of Central Asia. *Srednjaja Azija v epohu kamnja i bronzy*. Tashkent, 1966, pp. 11–75. (In Russ.)
3. *Ranov V.A.* Stone Age of Tajikistan. Obobshhajushhij doklad po rabotam, predstavlenym k zashhite na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Dushanbe, 1963, 33 p. (In Russ.)
4. *Ranov V.A., Karimova G.R.* Stone Age of the Afgan-Tajik depression. Dushanbe, 2005, 252 p. (In Russ.)
5. *Amosova A.G.* Stone Age of the Beshkent valley: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. L., 1985, 20 p. (In Russ.)
6. *Ranov V.A., Davis R.* Toward a new outline of Soviet Central Asian Paleolithic. *Current Archeology*. 1979, Vol. 20, N 2, pp. 249–262. (In Russ.)
7. *Ranov V.A.* Can geometric microliths be indicative of migration in Central Asia? *Drevnosti*. 1991, N 19, pp. 25–27.
8. *Kolobova K.A., Flas D., Derevjanko A.P., Pavlenok K.K., Islamov U.I., Krivoschapkin A.I.* The Kulbulak bladelet tradition in the Upper Paleolithic of Central Asia. *Arheologija, jetnografija i antropologija Evrazii*. 2013, N 2 (54), pp. 3–54. (In Russ.)
9. *Shneider S.V., Hoshimov H.B.* The study of the Paleolithic in the West Pamir-Tien Shan: a review of concepts. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta: Serija istorija, filologija*, 2013, T. 12, Vyp. 7: *Arheologija i jetnografija*, pp. 18–27. (In Russ.)
10. *Filimonova T.G.* Upper Paleolithic and Mesolithic Afghan-Tajik depression: Cand. histor. sci. syn. diss. Dushanbe, 2007, 24 p. (In Russ.)
11. *Korobkova G.F.* Mesolithic Central Asia and Kazakhstan. *Mezolit SSSR*, 1989, pp. 149–174. (In Russ.)
12. *Islamov U.I.* Obishir culture. Tashkent, 1980, 147 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 14.04.2015

УДК 902

А.В. ТАБАРЕВ, Ю.В. ТАБАРЕВА, Д.А. ИВАНОВА

**В ПОИСКАХ ФОРМЫ:
ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ДРЕВНЕЙШИХ ЖИЛИЩ КУЛЬТУРЫ ДЗЕМОН
(по материалам памятника Уэнохара-4, Кюсю)***

Андрей Владимирович Табарев,
д-р ист. наук, заведующий сектором зарубежной археологии,
Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Лаврентьева, 17, 630090, Новосибирск
e-mail: olmec@yandex.ru
Юлия Валентиновна Табарева,
вед. художник,
Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Лаврентьева, 17, 630090, Новосибирск
e-mail: olmec1@yandex.ru

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00017.

Дарья Александровна Иванова,
аспирант,
Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Лаврентьева, 17, 630090, Новосибирск,
e-mail: nightliro@bk.ru

Статья посвящена одной из наиболее сложных проблем в археологической науке – реконструкции жилищ и жилищных конструкций. В центре внимания – древние культуры Тихоокеанского бассейна (12–5 тыс. л. н.) Работа основана на анализе широкого круга научной литературы и на материалах поездок в Японию и Южную Америку. Наиболее ранние следы оседлости в Японии зафиксированы на Кюсю (12,6–7,4 тыс. л. н.). Особый интерес представляет памятник Уэнохара. Экспонируемые в Музее Уэнохара реконструкции жилищ представлены каркасными конструкциями в форме купола и покрытия из сухой травы. Эта модель очень близка к этнографическим вариантам, например жилищам индейцев модок (Северная Калифорния). Поразительные аналогии обнаруживаются и в культурах тихоокеанского побережья Южной Америки (7,8–5,3 тыс. л. н.). Такие поселения, как Палома, Эль-Порвенир и Риаль-Альто, демонстрируют остатки небольших жилищ куполообразной формы без центрального опорного столба и внутренних очагов.

Ключевые слова: Японский архипелаг, Кюсю, Дземон, Уэнохара, поселение, керамика, жилища, форма, реконструкция.

A.V. TABAREV, Yu.V. TABAREVA, D.A. IVANOVA

SEARCHING FOR THE FORM: AN EXPERIENCE OF JOMON CULTURE ANCIENT DWELLINGS RECONSTRUCTION (on the data of Uenohara-4 Site, Kyushu)

Andrey V. Tabarev,
PhD, Division of Foreign Archaeology, Head, Institute of Archaeology and Ethnography,
17, Lavrentieva Ave., 630090, Novosibirsk,
e-mail: olmec@yandex.ru

Julia V. Tabareva,
illustrator, Institute of Archaeology and Ethnography,
17, Lavrentieva Ave., 630090, Novosibirsk,
e-mail: olmec1@yandex.ru

Darya A. Ivanova
graduate student, Institute of Archaeology and Ethnography,
17, Lavrentieva Ave., 630090, Novosibirsk,
e-mail: nightliro@bk.ru

The article is devoted to one of the most interesting and complicated problems in archaeology, which is reconstruction of dwellings and dwelling constructions. It is focused on the ancient cultures of the Pacific basin (tropical and subtropical zones) dated to the period from the late Pleistocene to Holocene optimum (12000–10000 BP to 6000–5000 BP). The work is based both on the author's personal travels to Japan and South America and a wide range of scientific publications. The earliest postulated sedentary villages in Japan have been found in southern Kagoshima Prefecture, Kyushu Island. Such early pottery sites as Sojiyama, Kakoinohara, Shikazegashira, Higashi Kurotsuchida, Maebaru, Okunonita and Uenohara are dated from the incipient to the early Jomon period (12600–7400 BP). The sedentism development is associated with climatic warming, when coniferous forests were replaced by deciduous forests with dominant nut producing plants. Archaeologists also have postulated that at that time the ancient population experienced certain stress caused by transition from hunting for large Pleistocene animals to small mammals and gathering. The Uenohara site is one of the best known and recently discovered Jomon sites from Kagoshima Prefecture. Fifty-two pit dwellings, thirty-nine stone clusters (hearths), and 260 storage pits were discovered in Section 4. The reconstructed dwellings exposed at the Uenohara Museum are represented by light constructions with dome-shaped wooden carcasses and thatched covering. This model is very close to some dwellings known from various ethnographical data, for example, Modoc Indians in Northern California. In order to find more archaeological analogies the authors put attention to materials of the ancient cultures of the Pacific coast of South America (7800–5300 BP). Such pre-pottery and early pottery settlements as Paloma (Central Peruvian coast), El Porvenir (Northern Peruvian coast), and Real Alto (Ecuadorian coast) demonstrate the remains of small-size (not more than 18 m²) dwelling constructions with dome-shaped roofs, without central poles and inner hearths. This set of elements is recognized by the authors as the common pattern for the early Pacific cultures.

Key words: Japanese Archipelago, Kyushu, Jomon, Uenohara, settlement, pottery, dwellings, shape, reconstruction.

Реконструкция различных элементов систем жизнеобеспечения и жизнедеятельности в древних культурах – одна из интереснейших и сложнейших задач археологической науки. Особое место в этом ряду занимают изучение и реконструкция жилищ, их разме-

ров, формы и конструктивных деталей, связанных как с условиями климата, так и социально-экономическими особенностями конкретных культур.

Данная статья является частью целого блока исследования древних социумов Тихоокеанского бас-

сейна, относящихся к периоду от плейстоцено-голоценового рубежа (12–10 тыс. л. н.) до голоценового (атлантического) оптимума (6–5 тыс. л. н.) и связанных как с высокоэффективными моделями присваивающего хозяйства (Японский архипелаг), так и с раннеземледельческими культурами (побережье Перу и Эквадора). В основу статьи положены как анализ обширной литературы, так и собственные наблюдения, почерпнутые во время поездок в Японию и Южную Америку.

Следы наиболее ранних жилищных конструкций, свидетельствующих о формировании полуоседлого и оседлого образа жизни обитателей Японского архипелага, зафиксированы археологами в южной части о-ва Кюсю. Это целая группа стоянок культуры Дземон: Соджияма (12 600 л. н.), Какоинохара (12 600 л. н.), Шикасегашира (14 000–13 500 л. н.), Хигаши Куротсучида (13 400–13 100 л. н.), Маебару (13 500–11 000 л. н.), Окуноита (13 500–10 000 л. н.), Какурияма (10 300–9 800 л. н.) и Уэнохара (13 000–7 400 л. н.). Все они относятся к начальному и раннему Дземону [1].

Особый интерес представляют материалы памятника Уэнохара, на месте которого сегодня развернут крупный музейный комплекс с экспозициями и реконструкциями жилищ.

Памятник обнаружен в 1986 г., широкомасштабные раскопки на нем проводились с 1992 по 1996 г. Площадь поселения составляет 13 тыс. м², в ходе исследований она была разделена на четыре сектора (1–4). На основе полученных материалов сектор 4 (северо-восточная часть памятника) датируется первой половиной раннего Дземона (12 800 л. н.), а сектор 3 (юго-восточная часть) – последней половиной раннего Дземона (с 9 500 до 8 250–7 400 л. н.) [2, р. 239].

Всего на памятнике обнаружено 52 неглубоких котлована от жилищ. Все они квадратной или прямоугольной формы с закругленными углами, площадью от 2×1,5 м до 4,4×3,5 м, т. е. от 3 до 16 м². Только у десяти из них площадь превышала 10 м². Примечательно, что в котлованах отсутствовали стационарные очаги. В свою очередь, в межжилищном пространстве зафиксировано 39 открытых очагов с каменными обкладками и значительное количество (около 260) хозяйственных ям. Вероятно, приготовление пищи происходило вне жилищ, чтобы избежать его чрезмерного задымления.

Анализ различных прослоек вулканического пекла в жилищных западинах показал, что поселение Уэнохара заселялось, как минимум, четыре раза в разные периоды. Землянки 1-й группы перестраивались минимум 1 раз, 2-й и 3-й групп – не перестраивались, землянки 4-й группы – 3 раза. По оценке японских археологов, одно жилище существовало на протяжении примерно 47–50 лет (два поколения) [2, р.247].

В отличие от широко распространенных в Северной и Центральной Японии каркасно-столбовых конструкций с опорными столбами, помещенными внутрь строения, ямки от опорных столбов жилищ памятника Уэнохара были расположены снаружи по кругу. Таким образом, по версии японских специали-

тов, при отсутствии центрального несущего столба наземная часть конструкции, скорее всего, имела форму купола.

В значительной степени эта реконструкция связана с обращением к этнографическим аналогиям. В японской литературе наиболее яркий пример такого подхода продемонстрирован еще в фундаментальной работе Х. Ватанабэ, посвященной анализу типов жилищ у народов северной части Тихоокеанского бассейна [3].

Автор приводит обширнейшую информацию по публикациям российских (В.В. Антропова, В. Богораз, П.И. Борисковский, В. Иохельсон, С.П. Крашенинников, А.П. Окладников, Л. Шренк), а также североамериканских (Ф. Боас, Ф. Дракер, А. Кребер, Д. Стюарт) этнографов и археологов, а также предлагает дробную классификацию типов жилищ в зависимости от особенностей конструкции (наземная или углубленная, с опорным столбом или без), покрытия (земля, органика) и расположения входа (через стенку или через крышу). В классификации Х. Ватанабэ конструкции без внутреннего опорного столба округлой формы с боковым входом (dome-shaped house, wigwam) иллюстрируются на примере жилищ индейцев модок (северная часть Калифорнии) [3, р. 12]. Отметим также, что в классификации Х. Ватанабэ фигурируют в основном жилища северной части Тихоокеанского бассейна, сооружаемые с учетом холодных и ветреных сезонов. Нас же интересуют конструкции тропической и субтропической зон.

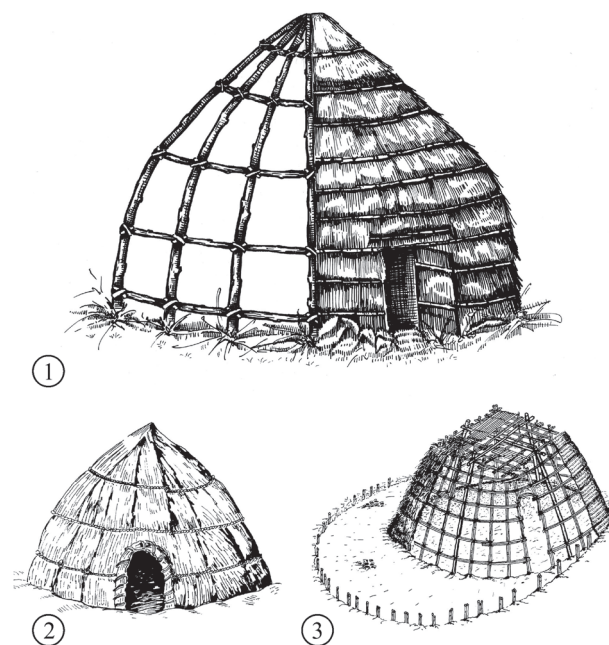

Рис. 1. Реконструкции жилищ, куполообразная модель. 1 – памятник Уэнохара, Япония (графическая реконструкция Ю.В. Табаревой); 2 – памятник Паломо (Центральное побережье Перу) (по: Quilter, 1989); 3 – памятник Чилка 1 (Центральное побережье Перу) (по: Quilter, 1989).

Поскольку органика (несущие конструкции, покрытие) в кислотных почвах Японского архипелага практически не сохраняется, предложенная японскими специалистами для памятника Уэнохара реконструкция является условной и оставляет поле для дискуссии. Например, по нашему мнению (рис.1, 1), внутренний каркас должен был быть укреплен серией дополнительных поперечных стяжек, чтобы выдержать травяное или дерновое покрытие.

Любопытные археологические аналогии раннедземонским жилищам обнаруживаются на Тихоокеанском побережье Южной Америки. Наиболее ранние из них известны на поселения прибрежных собирателей-рыболовов Палома (7800–4700 л. н.) и Чилка 1 (5700–5400 л. н., докерамический период) в центральной части перуанского побережья. Расположение ямок от опорных столбов и частично сохранившиеся перекрытия позволили специалистам предложить, как минимум, два варианта реконструкций – «в форме купола», очень близкую к модели жилища на памятнике Уэнохара (рис.1, 2), и полуконическую, с плоской крышей (рис.1, 3). Примечательно и то, что площадь реконструированных жилищ также не превышает 8–9 м², а очаги находятся в подавляющем большинстве за пределами жилой зоны [4, p. 17].

Следующие аналогии прослеживаются по группе памятников в департаменте Тумбес (северная часть перуанского побережья) – Эль-Порвенир (6300–6000 л. н.), Санта-Роса (5200–5000 л. н.), Унья-де-Гато (3800–3600 л. н.), которые относятся к финалу архайического (докерамического) и началу формативного (раннекерамического) периодов. Следы округлых в плане жилищ (не более 18 м²) без центрального столба и внутренних очажных конструкций раскопаны археологами только в самых ранних горизонтах памятника Эль-Порвенир, все последующие конструкции уже связаны с более крупными сооружениями на земляных платформах [5, p. 154–155].

Наконец, последний пример – жилища ранних этапов культуры Вальдивия (т. н. Вальдивия I–II, 5500–5300 л. н.) в прибрежной части Эквадора, изученные на памятнике Риаль-Альто (провинция Санта-Элена). Ямки от опорных столбов располагались по внутреннему периметру неглубоких (10–15 см) округлых в плане котлованов (10–12 м²) под небольшим наклоном. Это обстоятельство и отсутствие центрального опорного столба позволило археологам предложить «купольную» модель жилища [6, p. 30–32]. Так же, как и на юге о-ва Кюсю и в Перу, внутри ранних вальдивийских жилищ отсутствовали стационарные очаги. Начиная с этапа III, жилища на Риаль-Альто сооружаются

на земляных платформах, увеличиваются в размерах и приобретают прямоугольные очертания.

Таким образом, в тропических и субтропических зонах Тихоокеанского бассейна на этапах перехода к полуоседлому и оседлому образу жизни у приморских охотников-собирателей и у ранних земледельцев прослеживаются общие элементы в сооружении жилищ (небольшая, рассчитанная на одну семью, легкая сферическая конструкция, без центрального опорного столба и стационарного очага).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Shinto K.* Расцвет культуры Дзёмон на юге Кюсю. Стоянка Уэнохара (Нан-Кюсю ни сакэаэта дзёмон бунка. Уэнохара исеки) // Изучение памятников. 2006. № 26. 93 с. (на яп. яз.). [Shinto K. The Heyday Jomon Culture in Southern Kyushu. Uenohara site. (Nan-Kyushu ni sakaeta Jomon Bunka. Uenohara iseki). *Izuchenie pamyatnikov*. 2006. N 26, 93 p. (na yap. yaz.).]
2. *Pearson R.* Jomon Hot Spot: Increasing Sedentism in Southwestern Japan in the Incipient Jomon (14,000–9,250 cal. BC) and Earliest Jomon (9,250–5,300 cal. BC) Periods. *World Archaeology*. 2010, N 38(2), pp. 239–258.
3. *Watanabe H.* Systematic Classification of Pit Dwellings: Habitation Ecology of Food Gatherers. *Bulletin of the Institute for the Study of North Eurasian Cultures*. Hokkaido Univ., 1981, Vol. 14, pp. 1–108.
4. *Quilter J.* Life and Death at Paloma. Society Practices in a Pre-ceramic Village. Iowa City: Univ. of Iowa Press, 1989, 185 p.
5. *Moore J.D.* Architecture, Settlement, and Formative Developments in the Equatorial Andes: New Discoveries in the Department of Tumbes, Peru. *Latin American Antiquity*. Vol. 21(2), pp. 147–172.
6. *Marco J.G.* Real Alto: La Historia de un Centro Ceremonial Valdivia Biblioteca Ecuatoriana de Arqueología. Vol. 4. ESPOL/Corporación Editora Nacional, Quito, 1988.

REFERENCES

1. *Shinto K.* The Heyday Jomon culture in Southern Kyushu. Uenohara site. (Nan-Kyushu ni sakaeta Jomon Bunka. Uenohara iseki). *Izuchenie pamyatnikov*. 2006. N 26, 93 p. (na yap. yaz.).]
2. *Pearson R.* Jomon hot spot: increasing sedentism in Southwestern Japan in the Incipient Jomon (14,000–9,250 cal. BC) and Earliest Jomon (9,250–5,300 cal. BC) periods. *World Archaeology*. 2010, N 38(2), pp. 239–258.
3. *Watanabe H.* Systematic classification of pit dwellings: habitation ecology of food gatherers. *Bulletin of the Institute for the Study of North Eurasian Cultures*. Hokkaido Univ., 1981, Vol. 14, pp. 1–108.
4. *Quilter J.* Life and death at Paloma. Society practices in a Pre-ceramic Village. Iowa City: Univ. of Iowa Press, 1989, 185 p.
5. *Moore J.D.* Architecture, settlement, and formative developments in the equatorial andes: new discoveries in the Department of Tumbes, Peru. *Latin American Antiquity*. Vol. 21(2), pp. 147–172.
6. *Marco J.G.* Real alto: la historia de un Centro Ceremonial Valdivia Biblioteca Ecuatoriana de Arqueología. Vol. 4. ESPOL / Corporación Editora Nacional, Quito, 1988.

Статья принята
редакцией. 02.02.2015

УДК 903.53

И.С. ГНЕЗДИЛОВА

**«КОФУН ДЗИДАЙ» – «ЭПОХА КУРГАНОВ» ЯПОНИИ:
ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ МЕТОДАМИ АРХЕОЛОГИИ**

Ирина Сергеевна Гнездилова,
младший научный сотрудник,
Институт археологии и этнографии СО РАН
630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17
e-mail: gnezdilova06@mail.ru

В статье на основе анализа материалов археологических исследований японских ученых рассматриваются основные направления в истории изучения периода кофун Японии – с первых археологических раскопок до настоящего времени. В разные исторические периоды акцент в изучении эпохи кофун (III–VII вв. н. э.) смещался на различные аспекты. На начальных этапах в исследованиях в основном анализировались исторические источники (летописи), затем стали предприниматься археологические раскопки курганов. В работе с археологическим материалом основным методом изучения была классификация предметов по типам, стилям и времени применения. В настоящее время на всей территории распространения курганов периода кофун проводятся обширные археологические исследования. Накоплен богатый археологический материал, который исследуется с применением новейших методов науки, а также с привлечением методов других наук.

Ключевые слова: Япония, период кофун, курганы, классификация, типология, конструкции, археология, естественные методы.

I.S. GNEZDILOVA

**“KOFUN-JIDAI” – “EPOCH OF MOUNDS” IN JAPAN:
HISTORY OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH**

Irina S. Gnezdilova,
Junior Researcher,
Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS
17 Akademician Lavrentiev Av., Novosibirsk, 630090
e-mail: gnezdilova06@mail.ru

The Kofun period in Japan dates from the III to the VII centuries. Construction of the so called “keyhole-shaped” burial mounds is considered a characteristic feature of this historic period. The article’s objective is to trace the stages in history of archeological research of the Kofun mounds; to characterize the current state of research in this field; to identify main areas of investigations at different stages; and to demonstrate the peculiarities of archaeological studies in Japan. The article is based on the analysis of archaeological and historiographic research conducted by the Japanese and Russian scholars. Specifics of these studies varied depending on the historical period. At the initial stage the research was based mostly on the written sources. Of particular interest were the antiquities found in the castles. Later on archeological methods were used to study burial mounds. The first excavations were carried out by foreign researchers. However since the late XIX century the archaeological work had been conducted by Japanese archaeologists who paid special attention to classification, systematization, and comparative analysis of the burial items. Another topic of special interest to Japanese archaeology was determining the chronology of the first keyhole-shaped burial mounds. Along with studying the burial items, external and internal structure of mounds researchers paid special attention to the problem of Haniwa – the time and causes of its origin, shape and location on mounds. Thus far, studies of this historical period have resulted in accumulation of a great amount of factual materials; burial items have been classified. Recently active archaeological excavations have been supplemented by studies on the interpretation of the materials; methods of other scientific disciplines have been applied. As for Japanese studies in Russia, the Kofun period remains understudies, especially in the field of archaeology.

Key words: Japan, Kofun period, mounds, classification, typology, constructions, archaeology, natural methods.

В истории Японии период кофун охватывает время с III по VII в. н.э. Термин «кофун» переводится с японского языка как «древний курган (насыпь)» и ис-

пользуется в названии курганов, например: Цукино-ва кофун. Погребальные комплексы, представленные курганами, являются основными источниками для

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-01-00018.

изучения периода кофун методами археологии, поскольку жилищные комплексы встречаются значительно реже.

В XIX в. японскими археологами был введен термин «кофун дзидай» – «эпоха (период) кофун» или «курганский период» для обозначения культуры, которая «обнаруживает единообразие, неизвестное до того времени на японском архипелаге» [1, с. 117].

В отечественной науке период кофун Японии, активно изучаемый японскими исследователями, нашел отражение в основном в виде общих характеристик эпохи в обзорных работах (см., напр.: [1; 2]).

На территории Японии, за исключением группы островов Рюкю и о-ва Хоккайдо, зафиксировано более 100 тыс. курганов, относящихся к эпохе кофун. Самый крупный и известный – это курган, датируемый V в. и считающийся погребением императора Нинтоку. Курган расположен в г. Сакаи (недалеко от г. Осака). Его длина – 486 м, высота насыпи – 36 м, по периметру устроен ров с водой. В разных районах Японии около 40 курганов в виде «замочной скважины» (в англоязычной литературе применяется термин *keyhole-shaped tombs*) имеют длину более 200 м. Однако около 90 % всех курганов – небольшие курганы, в основном круглые, менее 15 м в диаметре, они относятся к позднему периоду эпохи кофун [3, с. 55; 4, с. 3], (рис. 1).

В определение термина «кофун» входит понятие не только кургана с земляной насыпью, но и с на-

сыпью, сложенной из камней. Классификация курганов несколько отличается у разных исследователей, тем не менее, можно выделить некоторые основные типы: круглые, квадратные и курганы в виде замочной скважины. Среди последних выделяют подтипы: квадратный спереди и сзади, круглый в середине и прямоугольный с двух сторон, круглый сзади и с расширяющейся прямоугольной передней частью (иногда именуемые «в форме морского гребешка»), круглый сзади и прямоугольный впереди («в форме ручного зеркала») и редко встречающиеся квадратные снизу и круглые сверху [1, с. 118; 5, с. 75].

Интерес к памятникам и предметам эпохи кофун возник еще на заре письменной истории Японии, что нашло отражение в японской летописи «Нихонсеки», где имеются упоминания о сооружении царских курганов, описывается процесс строительства, погребальный инвентарь и т. п. [5, с. 73].

В XVII–XVIII вв. интерес к курганам приобретает научный характер. Японскими учеными (Мацусита Акимара, Гамоу Кумпэй и др.) была проведена работа по изучению курганов: помимо исследований исторических хроник, проводились разведочные работы на курганах (без организации раскопок) с целью выяснения мест погребения представителей императорской династии и описания курганов. В результате стало ясно, что лишь небольшую часть курганов можно отнести к «царским» [5, с. 73].

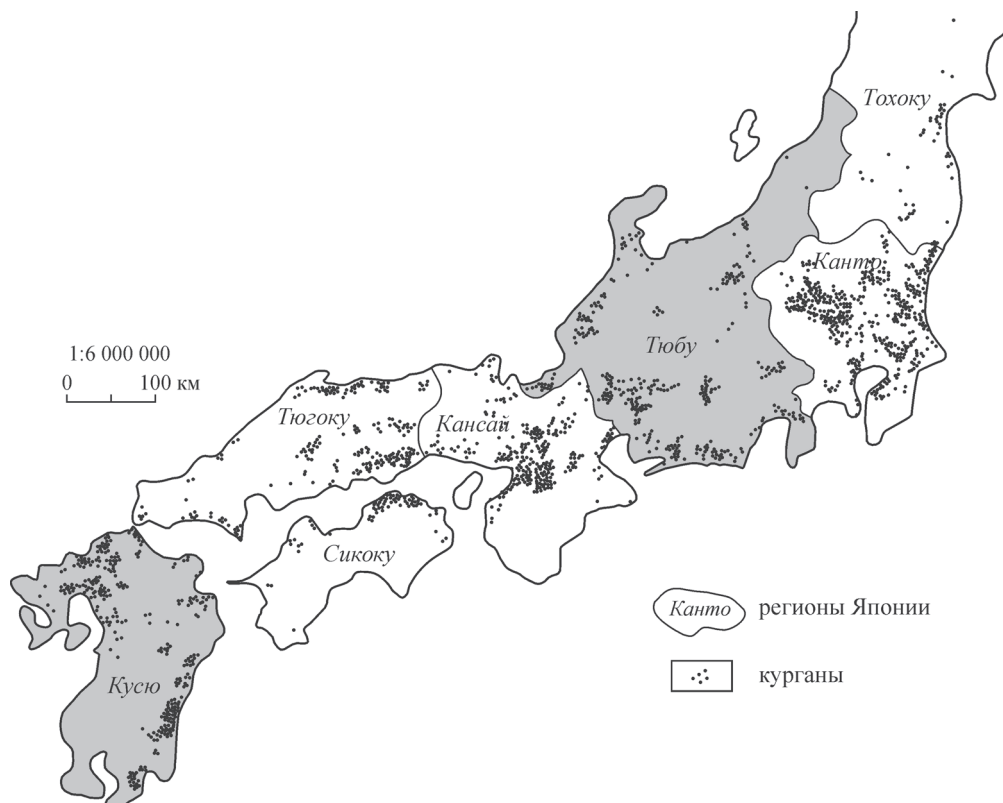

Рис. 1. Карта распространения курганов периода кофун на территории Японии

Особый интерес вызывало изучение старинных предметов, сохранившихся в замках. При интерпретации предметов использовались в основном письменные источники («Нихонсеки», «Кодзики», фудоки, китайские и корейские летописи). Особенностью изучения периода кофун на этом этапе является изолированное рассмотрение изделий, с одной стороны, и курганов – с другой, при полном отсутствии раскопок [5, с. 74].

Конец XIX в. ознаменовался началом изучения древней истории Японии методами археологии. Самые первые раскопки были проведены американцем Эдвардом С. Морзом, который раскопал раковинную кучу в Омори (район Канто). Именно он впервые провел полевые раскопки памятника каменного века, научно оценил полученный материал, ввел европейскую терминологию [5, с. 13].

Курганы эпохи кофун впервые исследовал англичанин Уильям Говланд. По приглашению правительства Мэйдзи он работал в качестве инженера-консультанта Монетного двора Японии с 1872 по 1889 г. и вместе с тем проводил раскопки курганов. Однако результаты его исследований в Японии опубликованы не были. Только по возвращении в Англию (в 1897 г.) вышла его работа «Дольмены и курганы Японии» [6, с. 48]. По мнению М.В. Воробьева, работы У. Говланда «носили отпечаток дилетантизма и пренебрежения к научной методике изучения памятников» [5, с. 74]. Тем не менее, можно говорить о начале изучения памятников эпохи кофун методами археологии именно в этот период.

Еще одним иностранцем, обратившим свое внимание на историю Японии периода кофун, был английский дипломат Эрнест Сатоу. В своей работе «Древние могильные курганы в Кадзукэ» он помимо общей характеристики курганов обратился к рассмотрению проблемы устройства цилиндрических ханива и цели их использования [7, с. 7].

Затем к археологическим исследованиям курганов приступают японские ученые. Цубои Сегоро – преподаватель Токийского государственного университета, один из основателей Токийского антропологического общества (1884 г.), провел раскопки нескольких курганов эпохи кофун на о-ве Хонсю. Результаты его раскопок были опубликованы в журнале Токийского антропологического общества. На основе данных, полученных при раскопках, и уже накопленного материала Цубои Сегоро провел сравнительный анализ погребальных камер и погребального инвентаря. Ему принадлежит и работа (вышедшая в 1901 г.), посвященная исследованиям ханива, способам установки, времени и причинам появления антропоморфных ханива и т. п. [7, с. 7].

В это же время впервые поднимается проблема определения хронологических рамок и периодизации периода кофун. Первым к этой проблеме обратился Яги Содзабуро. Однако в своей работе «Эпоха кофун Японии», опубликованной в 1897 г. в «Историческом журнале», он по-прежнему опирался в основном на исторические хроники [6, с. 49].

С одной стороны, рост интереса к предметам старины вызвал увеличение числа раскопок, проводимых с конца XIX в. [5, с. 74], а с другой – с 1874 г. решением правительства Мэйдзи запрещалось проводить раскопки курганов, считавшихся погребениями предков императорской династии [6, с. 58]. С этого времени археологические раскопки крупных курганов не проводятся, только в случае естественного разрушения извлекается погребальный инвентарь и восстанавливается изначальное строение кургана.

Вплоть до начала Второй мировой войны доминировало несколько основных направлений в изучении периода кофун. Прежде всего, активно проводились раскопки курганов по всей стране, и практически по всем раскопкам публиковались отчеты.

Так, Косаку Хамада по результатам раскопок кургана Камоинари в дер. Мидзуо района Омикуни (современная префектура Сига) опубликовал отчет, где впервые использовал для датирования европейское летоисчисление и предложил новые методы сравнительного анализа погребального инвентаря [6, с. 49].

Кроме того, продолжалось формирование источниковедческой базы, проводились работы по классификации погребального инвентаря и предметов из замков.

Работа Такахаси Кэндзи «Зеркало, меч и яшма» стала обобщающей в изучении погребального инвентаря, собранного в музеях [5, с. 74], а исследование бронзовых зеркал Томиока Кэндзо позволяло проследить смену типов орнамента и датировать курганы, основываясь на найденных в них зеркалах [6, с. 49].

Описание, интерпретация, систематизация накопленного археологического материала, прежде всего погребального инвентаря, способствовали активному развитию науки в изучении периода кофун в данное время. Помимо работ по исследованию бронзовых зеркал появились отдельные исследования оружия и доспехов, исследования каменного инвентаря и украшений [6, с. 50]. Указанные работы помогли созданию относительной хронологии памятников на основе систематизации и сравнительного анализа погребального инвентаря.

Во второй половине 1930-х гг. японские исследователи обратились и к вопросам причин и времени появления курганов в виде замочной скважины. Кобаяси Юкио (Университет Киото) посвятил несколько работ обзору раскопанных им курганов в виде замочной скважины и устройству погребальных каменных камер в курганах такого типа (1934, 1937, 1941 гг.). Одновременно появляются первые комплексные исследования групп курганов в отдельных регионах, как, например, исследования курганов района Кинки Умэхара Сюэдзи [6, с. 50].

В области изучения ханива в 1920–1930-е гг. интерес японских ученых переместился на проблему происхождения антропоморфных, зооморфных ханива и ханива в виде предметов и архитектурных сооружений (теория происхождения ханива в виде людей,

высказанная в «Нихонсеки», не имея фактического подтверждения в археологических памятниках, была подвергнута критике еще в XIX в.). Относительно происхождения антропоморфных ханива появилось две точки зрения: одни исследователи считали происхождение ханива результатом материкового влияния, другие – результатом развития местной традиции создания ханива. Изучение форм ханива позволило получить представление об одежде, жилье, пище, музыкальных инструментах периода кофун, затем ученые обратились к рассмотрению признаков социальной стратификации древнего общества, отображаемых в ханива [7, с. 8].

Следующий подъем в изучении периода кофун отмечен в 1950-х гг. Основное внимание по-прежнему уделялось раскопкам курганов, но начинают проводиться комплексные исследования и других памятников, как, например, раскопки центра древнего керамического производства Суэмуракосегун (недалеко от г. Осака) Танабэ Седзо и Накамура Хироси в 1966 г. Помимо полученного в результате раскопок материала Танабэ Седзо при изучении типов керамики использовал работы предшественников, поэтому основные его выводы по хронологии керамики не расходятся с предложенными ранее, тем не менее, он выделил еще несколько типов керамики, ранее объединенных с другими [7, с. 7].

Помимо керамики японские исследователи обратились к вопросу о появлении и распространении зеркал, изготовленных по китайским образцам (Умэхара Суэдзи, 1946), а Кобаяси Юкио в работе 1952 г. предложил вариант периодизации периода кофун на основе исследования зеркал [6, с. 51].

Именно в это время исследования отдельных типов предметов погребального инвентаря достигли своего расцвета. Результатом стало появление в каждом из 5-ти номеров «Археологического журнала» за 1965 г. обзорных статей по группам предметов периода кофун: таким, как изделия из камня, орудия земледелия, ханива, керамика и каменные саркофаги, а в 1966 г. вышли 4-й и 5-й тома «Археологии Японии», в которых обобщены материалы по истории этого периода [6, с. 51].

В конце XX в. японские ученые, имея уже достаточно мощную предметную базу, обратились к вопросам о путях распространения керамики в период кофун. Вместе с тем изучаются проблемы развития технологии производства древней керамики и изменения форм керамики различных стилей, а также взаимного влияния на развитие технологии производства каждого типа (Мориока Хидэто, 1991 г.) [7, с. 5].

Таким образом, к началу XXI в. накопленные материалы по погребальному инвентарю, раскопки курганов и остатков жилищ, центров керамического и литейного производства стали основой для проведения комплексных исследований с привлечением обширного круга источников для изучения системы хозяйствования, социальной структуры общества, взаимоотношений регионов в период кофун.

Одним из примеров является работа Наофуми Кусимото, в которой на основе анализа нескольких групп курганов автор выдвигает теорию разделения властей на светскую и сакральную, особенно в начале периода кофун. Выделяется два типа курганов: один тип – «основной» – имеет классическую форму в виде замочной скважины, длину около 280 м (200 шагов) и заметный уклон от задней круглой части кургана к передней, второй тип – «дочерний» – представлен курганами в форме ручного зеркала (по-японски «экагами», передняя часть кургана не расширяется), длиной до 200 м (140 шагов) и практически не имеющими уклона от задней части к передней. Оба типа строились примерно в одно и то же время, но в разных частях курганных комплексов. Различия в строении и составе погребального инвентаря позволили Наофуми Кусимото сделать вывод о двойственном характере власти.

По-прежнему активно проводятся раскопки курганов по всей стране, продолжают исследования ханива [Екура Масаеси, 2010], поднимаются вопросы о становлении производства каменных саркофагов и их распространении, изучаются причины и этапы перехода к курганам прямоугольной формы в поздний период кофун и т. п.

Современные исследования с привлечением методов других наук поднимают новые вопросы в исследованиях истории периода кофун, предлагаются новые теории о развитии культуры в рассматриваемый период. Так, Кодзи Мидзогути (Университет Кюсю), основываясь на данных о находках керамических сосудов различных типов, применил метод анализа социальных сетей для исследования межрегиональных связей на ранних этапах периода кофун [9].

С начала изучения истории периода кофун Японии был накоплен большой объем фактического материала как в результате находок старинных предметов в замках, так и археологических раскопок. В настоящее время продолжают раскопки памятников эпохи кофун в разных районах страны, результаты которых доступны для ознакомления и специалистов, и широкой общественности. Спецификой японской археологии является особое внимание к работам по классификации, систематизации и построению хронологии отдельных групп предметов или типов предметов. Такие работы проводились и продолжают проводиться в настоящее время и по всем типам предметов погребального инвентаря кофун. Итоги подобных исследований позволяют рассмотреть процессы эволюции в технологии производства, изменения в формах, орнаментации, появление новаций (заимствованных либо автохтонных) и т. п. Кроме того, результаты изучения отдельных типов предметов применяются в дальнейших комплексных либо сравнительных исследованиях.

Дальнейшее изучение материалов по истории периода кофун Японии позволит осветить пока мало представленные в российской археологической науке результаты исследований данного региона в соответствующий период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чан Су Бу. Период кофун Японии // Очерки тихоокеанской археологии. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1988. С. 117–138.
2. Воробьев М.В. Япония в III–VII вв. Этнос, общество, культура и окружающий мир. М.: Наука, 1980. 344 с.
3. Recent archaeological discoveries in Japan. Tokyo: Hinode Printing Co. Ltd, 1987. P. 55–71.
4. Кодама К. Исторические карты Японии. Токио: Есикавакобункан, 1977. 25 с. (на яп. яз.).
5. Воробьев М.В. Древняя Япония. М.: Изд-во вост. литературы, 1978. 181 с.
6. Фуруя Т. Исследования хронологии культуры кофун и классификация // Археологический журнал. Токио, 1997. Вып. 82, № 3. С. 48–64 (на яп. яз.).
7. Инуки Ц. Керамика и ханива // Археологический журнал. Токио, 1997. Вып. 82, № 3. С. 1–21 (на яп. яз.).
8. Kishimoto N. Dual Kingship in the Kofun Period as Seen from the Keyhole Tombs // UrbanScope (electronic journal). 2013. Vol. 4. P. 1–21. URL: <http://urbanscope.lit.osaka-cu.ac.jp/journal/pdf/vol004/01-kishimoto.pdf> (date of access: 28.10.2014).
9. Mizoguchi K. Nodes and edges: A network approach to hierarchisation and state formation in Japan // J. Anthropol. Archaeol. 2009. Vol. 28. P. 14–26.

REFERENCES

1. Chan Su Bu. Kofun period of Japan. *Ocherky Tihookeanskoj arheologii*. Vladivostok: Dalnevost. Univ. Press, 1988, pp. 117–138. (In Russ.)
2. Vorobyev M.V. Japan in III–VII centuries. Ethnos, society, culture and environment. Moscow: Publishing house «Science», 1980, 344 p. (In Russ.)
3. Recent archaeological discoveries in Japan. Tokyo: Hinode Printing Co. Ltd, 1987, pp. 55–71.
4. Kodama K. Historical maps of Japan. Tokyo: Yosikavakobunkan, 1977, 25 p. (In Japan.)
5. Vorobyev M.V. Ancient Japan. Moscow: «Oriental literature» publishers, 1978, 181 p. (In Russ.)
6. Furuya T. Chronological Studies of the Kofun Culture and Typological Studies. *Kokogaku zasshi*. Tokyo, 1997, Vol. 82, N 3, pp. 48–64 (In Japan.)
7. Inuki Ts. Earthenware and Haniwa. *Kokogaku zasshi*. Tokyo, 1997, Vol. 82, N 3, pp. 1–21 (In Japan.)
8. Kishimoto N. Dual Kingship in the Kofun Period as Seen from the Keyhole Tombs. UrbanScope (electronic journal), 2013, Vol. 4, pp. 1–21. URL: <http://urbanscope.lit.osaka-cu.ac.jp/journal/pdf/vol004/01-kishimoto.pdf> (date of access: 28.10.2014).
9. Mizoguchi K. Nodes and edges: A network approach to hierarchisation and state formation in Japan. *Journal of Anthropological Archaeology*. 2009, vol. 28, pp. 14–26.

Статья принята
редакцией 20.03.2015

УДК 904

Ю.А. ПЛОТНИКОВ

ЕЩЕ РАЗ О СКИФСКОМ АРЕСЕ

Юрий Анатольевич Плотников,
ведущий специалист,
Институт археологии и этнографии СО РАН
630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17
e-mail: kimak1960@mail.ru

Статья посвящена реконструкции фрагмента скифского эпоса на основе известного рассказа Геродота о божестве войны, почитаемом в виде древнего железного меча, который водружался поверх холма из хвороста (Herod., IV, 62). По мнению автора, применение для возведения святилища столь необычного материала может быть оправдано только исключительно важным функциональным требованием – в ходе обряда жертвенник должен был сгорать. Выдвигается гипотеза, что культ скифского божества – покровителя воинов имеет исток в почитании индоиранского бога грозы, в ритуале которого бронзовый клинок возносился к небу в пламени огромного костра. В таком случае почитаемый протоскифами громовержец позднебронзовой эпохи предстает в качестве умирающего (исчезающего) и воскресающего (возвращающегося) бога.

Ключевые слова: Геродот, скифский Арес, акинак, бог грозы, нартовский эпос, Батрадз, Индра, Веретрагна, умирающий и воскресающий бог, скифский эпос.

Yu.A. PLOTNIKOV

ONCE MORE ABOUT SKYTHIAN ARES

Yurij A. Plotnikov,
Leading Specialist,
Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS
17 Akademichan Lavrentiev Av., Novosibirsk, 630090
e-mail: kimak1960@mail.ru

The task of reconstructing some Scythian epic storylines is difficult but not hopeless. As an object for reconstruction the author has selected a famous story by Herodotus about Scythian Ares honored as an ancient iron sword put on the top of the pile of brushwood (Herodotus, IV, 62). According to the author, using such unusual material in construction of sanctuaries could be justified only by an exceptionally important functional requirement that during the ceremony the altar was to be burnt down. The Ossetian Tales of the Nart Batradz, who was considered inseparable from his sword, demonstrate the utmost similarity with the Herodotus story. The researchers convincingly trace the origin of the name of Batradz to the name of the Iranian God of Storms Verethragna-Bahram and then to the Vedic Indra. Assuming that the worship of the patron deity of warriors dates back to the steppe Bronze Age, it is concluded that there is 99 percent probability that the sword was made of bronze. As bronze has lower melting point (930–1140°C) than iron (1539°C), the bronze sword would disappear in the flaming fire, what was perceived as its ascension to heaven with a column of smoke and flame. In this case, the thunder-bearer of Late Bronze Age, honored by the Scythians ancestors, appears as a dying (disappearing) and resurrecting (returning) God. The seasonal ritual of his dying-ascension should have been necessarily paralleled by a symmetric seasonal holiday of revival-returning. An attempt to use iron weapons in the ancient ritual, undertaken by the Scythians approximately in the VIII–VII centuries B.C. led to a catastrophe – the God sharply changed his behavior. Obviously, the image of a red-hot blade was perceived as a manifestation of the deity's violent rage. The author suggests that Herodotus retold in a generalized form an etiological myth explaining the established cult practice of honoring iron sword with bloody propitiations in the early Iron Age.

Key words: Herodotus, Scythian Ares, akinak, Thunder God, Nartian Epos, Batradz, Indra, Verethragna, dying and reviving God, Scythian Epos.

«У скифов не в обычае воздвигать кумиры, алтари и храмы богам, кроме Ареса. Ему они строят такие сооружения» (Herod., IV, 59), – сообщает Отец истории, завершая немногословное описание скифского пантеона. В то же время ритуал жертвоприношений богу войны изложен в его труде достаточно подробно. «В каждой скифской области по округам воздвигнуты такие святилища Аресу: горы хвороста взгромождены одна на другую на пространстве длиной и шириной почти в 3 стадии, в высоту же меньше. Наверху устроена четырехугольная площадка; три стороны ее отвесны, а с четвертой есть доступ. От непогоды сооружение постоянно оседает, и потому приходится ежегодно наваливать сюда по полтораста возов хвороста. На каждом таком холме водружен древний железный меч. Это и есть кумир Ареса. Этому-то мечу ежегодно приносят в жертву коней и рогатый скот, и даже еще больше, чем прочим богам. Из каждой сотни пленников обрекают в жертву одного человека, но не тем способом, как скот, а по иному обряду. Головы пленников сначала окропляют вином, и жертвы закалываются над сосудом. Затем несут кровь на верх кучи хвороста и окропляют ею меч. Кровь они несут наверх, а внизу у святилища совершается такой обряд: у заколотых жертв отрубают правые плечи с руками и бросают их в воздух; затем, после заклания других животных, оканчивается обряд и удаляются. Рука же остается лежать там, где она упала, а труп жертвы лежит отдельно (Herod., IV, 62)» [1, с. 201–202].

Эти безыскусные строки завораживают уже не одно поколение исследователей. Историография вопроса весьма объемна и продолжает пополняться. (Наиболее подробный и практически исчерпывающий на год выхода работы обзор дан в книге А.В. Дарчиева [2, с. 13–64]). Тем не менее мы рискуем вновь обратиться к этой, казалось бы, уже вполне изучен-

ной теме. Хотя многие идеи, которые мы собираемся провозгласить, уже обозначены нашими предшественниками в той или иной связи, цель настоящих заметок – по-новому расставить акценты, сфокусировать внимание на нескольких моментах повествования Геродота, которые, как нам представляется, до сих пор не привлекали должного исследовательского интереса.

Методологической предпосылкой является к настоящему времени уже не вызывающее сомнений положение о том, что характерной чертой раннеисторических описаний является широчайшее использование фольклорного материала. «Именно присущая архаическим культурам тенденция к преобразованию любой информации по готовым фольклорным моделям определяет жанровую специфику источников Геродота и самого его труда и должна влиять на нашу оценку содержащихся в нем сведений» [3, с. 72]. Л.А. Лелековым и Д.С. Раевским убедительно вскрыт применяемый Геродотом прием «генерализации» фольклорных сюжетов, когда конкретный эпизод из жизни конкретного героя излагается в предельно обобщенной форме: «скифы поступают так-то» [3, с. 75 и сл.]. С принятием гипотезы о том, что в основе формирования «этнографических» сведений Геродота лежит «генерализованное» воспроизведение соответствующих фрагментов скифского эпоса, некоторые детали рассказа о скифском Аресе предстают в новом свете.

Главное, что привлекает внимание, – это даже не исполненный, воистину *эпический* масштаб как самого святилища, так и всего, что там происходит. Основной вопрос, на который предстоит ответить: почему для его сооружения был избран совершенно невероятный материал?

Размеры алтарей Ареса исследователями единодушно трактуются как безусловное преувеличение,

объясняемое использованием слухов [4, с. 326; 5, с. 44] или фольклорных мотивов [6, с. 47; 7, с. 5]. С материалом сложнее. При общем согласии, что «обстоятельства жертвоприношений мечу вряд ли можно признать соответствующим условиям безлесной европейской Скифии» [6, с. 52; 7, с. 7], объяснения этому выдвигаются самые различные: хворост использовался для скрепления земляной насыпи [4, р. 42], «сооружения, на которых водружались кумиры, в основе своей могли содержать земляную насыпь, лишь с внешней стороны покрытую хворостом» [8, с. 42], или даже совсем без всякого хвороста – просто «культ утвержденного в земле меча» [9, с. 61–61; 10, с. 185].

Исследователи, признающие использование хвороста существенной деталью ритуала, предполагают, что она могла быть привнесена из лесных областей: восточной прародины скифов [11, с. 52], Передней Азии, [7, с. 7; 12, с. 55], Фракии [13, р. 86].

«Характер жертвенного алтаря (четырёхугольная гора из хвороста) является репликой широко распространенных, в частности в иранском мире, представлений о мировой горе как аналоге мирового древа – оси, связующей и проходящей через среднюю плоскость мира (надземное, воздушное пространство) между двумя зонами космоса – небом и землей», – считает Ю.А. Алексеев [9, с. 41].

С.С. Бессонова сравнивает скифские алтари Арея с ритуальными сооружениями народов Сибири, символизировавшими шаманское дерево во время крупных камланий, поскольку «в основе тех и других сооружений лежала одна общая идея общения с верхним миром посредством вертикального столба, дерева, мировой оси» [6, с. 48; 7, с. 6]. По ее мнению, конструкцию алтарей можно возводить к почитанию священных гор, общему для индоиранского мира, или к культовым сооружениям типа *обоо* или *оваа* тюркоязычных народов Сибири, которые представляли собой кучи из камней или сухих веток, сооружаемые на вершине горы или около нее, и служили местом почитания духов [6, с. 48; 7, с. 7]. «У нас нет данных о существовании подобных сооружений у центрально- и среднеазиатского населения скифского времени, – констатирует исследовательница, – но, учитывая более чем тысячелетнюю традицию их у тюркоязычных народов, можно предположить, что традиция эта имеет древние корни и восходит к скифскому времени» [7, с. 7].

В поисках типологических параллелей алтарям Ареса уже привлекался фрагмент из Ктесия о гробнице легендарной сакской царицы Зарины [7, с. 6], дошедший до нас в передаче Диодора (Diod., II, 34, 5): «Взяв за основание треугольную пирамиду, придали каждой стороне по три стадии в длину, высотой же [одну] стадию – до сходящейся острым углом вершины. Над гробницей возвели ее колоссальную золотую стацию» [14, с. 73].

Другая аналогия сопоставимого масштаба – рассказ Диодора о строительстве святилища Гефестиона, обожествленного Александром после смерти (Diod.,

XVII, 115, 4–5). Для увековечения его памяти царь приказал снести стену Вавилона на пространстве 10 стадиев, после чего, отобрав обожженный кирпич и выровняв площадку, воздвигнуть квадратный алтарь со сторонами каждая в один стадий и высотой 130 футов. Пятиэтажная постройка, по-видимому, представляла собой ступенчатое зиккуратообразное сооружение, как, собственно, его и изображали уже на гравюрах XIX в. [15, с. 97]. «На самом вершине поместили македонское и варварское оружие (!): одно свидетельствовало о победе, другое – о поражении» [15, с. 448].

Характерно, что и автор графической реконструкции XIX в., и такие искусные знатоки эпохи Александра Македонского, как Б.Г. Гафуров и Д.И. Цибукидис, воспринимают заупокойный храм Гефестиона как *погребальный костер* [16, с. 358, 450].

В.М. Массон [17, с. 3] и Д.Г. Савинов [18, с. 174] сопоставляют устройство святилища Ареса по Геродоту – с конструкцией большого кургана-святилища Синташты, представлявшего собой девятиярусную ступенчатую пирамиду. Строили ее следующим образом: по кругу ставили клетки-срубы в 2–3 венца, в которые засыпался грунт, а промежутки между клетями на внутренней площадке заполнялись более чем наполовину сплошным настилом камыша, засыпанным сверху слоем грунта. Через какое-то время (один год?) таким же образом, на 3–4 м отступая от края предыдущего, возводился второй ярус. Девять ярусов поднимали храм на высоту более 9 м. На верхней площадке, вероятно, был выложен бревенчатый накатник и возведен круглый купол, на вершине которого, возможно, стоял крупный столб – «дерево жизни». На поверхности площадок каждого яруса тоже устанавливались столбы и, по-видимому, совершались обряды, разводились священные огни [19, с. 365–377].

«Видимо, структурно-планировочные традиции престижных сооружений бронзового века использовались в пору ранних кочевников», – предполагает В.М. Массон [17, с. 3].

Между тем надо признать, что сухие ветки – очень неудачный строительный материал, но превосходное топливо. Гора хвороста *архетипически* представляет собой костер, причем, судя по размерам, – костер до неба. И применение для возведения святилища столь необычного материала может быть оправдано только исключительно важным функциональным требованием – *в ходе обряда жертвенник должен был сгорать!*

Известны описания огненных ритуалов в культе сирийского грозного божества Сандона. На эллинистических монетах из Тарса он изображен вооруженным мечом, луком, колчаном и двуострой секирой, стоящим на льве на украшенном гиляндами постаменте, поверх которого возвышается сооружение из древесных стволов в форме пирамиды с орлом на верхушке. «В дни праздника, посвященного этому богу, аналогичное сооружение являлось костром, на котором сгорало изображение божества» [20, с. 37].

В Бамбике (Северная Сирия) в день праздника этого бога ставились два больших срубленных дерева; их обвешивали живыми жертвенными животными (козами, овцами, птицами), одеждами и разными дарами, и затем поджигали. Праздник этот был связан с наступлением весны и имел целью магически вызвать плодородие [20, с. 37].

Однако наиболее близкие сходства с рассказом Геродота демонстрирует нартовский эпос осетин. Как всесторонне показал Ж. Дюмезиль, «у героя Батрадза столько общего со скифским богом, которого Геродот называет Аресом, что это сходство черт приводит к определенному теологическому “пониманию” данного бога..., заставляет приписать ему сложную деятельность, которая более даже, чем с Аресом, сближает его с ведическим Индрой» [21, с. 13]. «Об Аресе, безусловно, существовала мифология, которая с исчезновением бога, видимо, была частично перенесена *mutatis mutandis* на героя» [21, с. 23].

«Холм, нагроможденный из ста возов древесного угля, доставленных нартами по приказу Батрадза, холм, на который всходит стальной герой осетин и с которого он спускается, чтобы во имя своего убитого отца перебить нартов, – это полный драматизма рассказ о нагромождении ста пятидесяти вязанок хвороста, которые привозили скифы одного околота, чтобы водрузить на них меч, символ своего бога, и вокруг которого толпами уничтожались пленники. Но какой образ должен был вызывать в воображении скифов этот необычный алтарь святилищ, если не то, что сродни пламени – костер?» [21, с. 22–23].

Почему же все-таки горит костер Батрадза в осетинском эпосе и не горит алтарь скифского Ареса у Геродота? Объясняется ли это только «различием уровней, на которых разыгрываются эти сцены: одна из них – культовая, поставленная с учетом климатических условий, другая – вольное образное описание?» [21, с. 22]. На наш взгляд, не только.

В геродотовом ἀκινάκης σιδήρεος ἀρχαῖος одинаково важны все три члена. Не вдаваясь в спорные вопросы хронологии скифских мечей, продолжим намеченную Ю.А. Алексеевым мысль [9, с. 42–43], что «древним железным» в эпоху Геродота мог быть только *самый древний* тип акинаков. Закономерно возникает следующий вопрос: возник ли культ бога-меча одновременно с акинаком или он был еще более древним? Иными словами, всегда ли бог-меч был *железным*?

Насколько нам известно, никто из исследователей иных вариантов не рассматривал. «Батрадз вообще олицетворял собой железный меч и железный век, – формулирует преобладающую точку зрения Л.А. Лелеков. – Это частный случай культа скифского меча, воплощения Вртрагны, что подтверждается лингвистическими и фольклорными сопоставлениями» [11, с. 185]. Применительно к осетинскому богатырю с таким мнением можно согласиться.

Но если вслед за В.М. Массоном предположить, что, «скорее всего, почитание божества-покровите-

ля воинов восходит к поре степной бронзы» [19, с. 3], мы будем вынуждены признать, что с вероятностью до 99 % меч той поры был *бронзовым*. Если принять и это допущение, в дело вступает элементарная физика: температура плавления бронзы (от 930 до 1140°C для различных видов) значительно меньше температуры плавления железа (1539°C). В пламени огромного костра бронзовый клинок исчезал, что должно было восприниматься как вознесение к небу в столбе дыма и пламени.

В таком случае почитаемый протоскифами громовержец позднебронзовой эпохи предстает в качестве умирающего и воскресающего бога (подобно угаритскому Силачу Ба'лу) [22, с. 29–36] или, по крайней мере, исчезающего и возвращающегося (как его анатолийские современники) [23, с. 164–169]. Сезонный ритуал умирания-вознесения должен был иметь обязательную параллель в симметричном сезонном празднике – возрождения-возвращения.

Индоевропейский бог грозы – персонаж весьма древний, и его оружие – шлифованный каменный топор [24, с. 71–72]. Возможность вооружить его мечом возникла не ранее второй половины II тыс. до н.э., когда, собственно, и появились вызывающие уважение бронзовые клинки. Не исключено, что хеттский бог-меч, подобный изображенному на рельефе из Язылыкая, если следовать П. Куссену, уже был железным [25, р. 119], но сколько бы то ни было массовое проникновение железного оружия за пределы Малой Азии в последние века II тыс. до н.э. крайне проблематично. Биметаллические и полностью железные мечи «киммерийского» типа распространяются в степях Восточной Европы с IX в. [26, с. 5]. Акинак – характерно скифская форма короткого железного меча с сердцевидным, почковидным или бабочковидным перекрестием и брусковидным или волутообразным навершием вырабатывается, по-видимому, не ранее VII в. до н.э. [27, с. 85–95]. Соответственно, не ранее этого времени могло оформиться и культовое использование такого оружия. Характерно, что ни термина, ни образа меча нет в Ригведе и Авесте [11, с. 185].

Попытка неких раннескифских деятелей использовать в древнем ритуале новейший реквизит привела к очевидной катастрофе – бог непредсказуемым и жутковатым способом изменил свое поведение. Как иначе можно было истолковать образ раскаленного докрасна клинка, если не проявлением безудержного гнева божества? Шокированным инноваторам поневоле пришлось в пожарном порядке разрабатывать альтернативную культовую практику с кровавыми умильстительными жертвами и сочинять под нее соответствующий этиологический миф.

Мифологический эпос, который мы условно назовем «Сказ про то, как Бог Грозы разгневался на свой народ», по-видимому, включал следующие эпизоды: причину гнева (возможно, какое-то святотатство), кары, которым подвергается народ (включая мотивы невыполнимых заданий, в разряд каковых

можно отнести сбор огромного количества хвороста в безлесной степи и отлов огромного количества пленных, по-видимому, в безлюдных краях), учреждение нового ритуала и какой-то драматический финал (возможно, как в нартовском эпосе, забрасывание меча-молнии в воду, откуда он периодически вспрыгивает на небо; в мировой сокровищнице фольклора отмечены все теоретически возможные варианты круговорота мечей «в трех средах»). Особое внимание привлекает параллелизм мотива рубки рук жертвам в нартовском эпосе [21, с. 20], рассказе Геродота и сказании о неистовстве Девы Анаст из угаритского мифолого-эпического цикла о громовержце Ба'лу [22, с. 300–301, 333–349], имеющего полное соответствие как в традиционной военной практике Ближнего Востока [28, с. 143–145], так и в скифских обычаях [5, с. 41]. Однако развивать эти многообещающие линии в рамках настоящей заметки не представляется возможным.

Возникший в эпоху поздней бронзы эпический цикл индоиранского громовержца (Индры – Веретрагны), «по архаичности сопоставимый только с Ригведой» [11, с. 185], фрагмент которого в середине V в. до н.э. был воспроизведен Геродотом как описание ритуала в честь скифского Ареса, дожил до наших дней в героических сказаниях кавказского народа, причем нартовский эпос сохранил более раннюю стадию в развитии ритуала, нежели скифский в изложении Отца истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Геродот. История: в 9 кн. Л.: Наука, 1972. 600 с.
2. Дарчиев А.В. Скифский военный культ и его следы в осетинской нартиаде. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. 308 с.
3. Лелеков Л.А., Раевский Д.С. Скифский рассказ Геродота: фольклорные элементы и историческая информативность // НАА. 1979. № 6. С. 68–78.
4. How Y.Y., Wells J. A commentary on Herodotus. Oxford: Clarendon Press, 1912. Vol. 1. 446 p.
5. Балонов Ф.Р. Святилища скифской эпохи в Адыгее (интерпретация курганов на р. Уль) // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск. 1987. С. 38–45.
6. Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. Киев: Наукова думка, 1983. 139 с.
7. Бессонова С.С. О культе оружия у скифов // Вооружение скифов и сарматов. Киев: Наукова думка, 1984. С. 3–21.
8. Ельницкий Е.А. Из истории древнескифских культов // СА. 1960. № 4. С. 46–55.
9. Алексеев Ю.А. О скифском Аресе // АСГЭ, вып. 21. Л.: Искусство, 1980. С. 39–47.
10. Болтрик Ю.В. Святилище Ареса в урочище Носаки // Археологические исследования на Украине в 1976–1977 гг. С. 61–62.
11. Лелеков Л.А. Ранние формы иранского эпоса // НАА, 1979. № 3. С. 173–188.
12. Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство на юге России. М.: Книжная находка, 2002. 160 с.
13. Minns E.H. Scythians and Greeks. Cambridge: Univ. Press, 1929. 720 p.
14. Пьянков И.В. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия. Душанбе: Дониш, 1975. 192 с.
15. О судьбе и доблести. Александр Македонский. М.: Эксмо, 2014. 480 с.
16. Гафуров Б.Г., Цибукидис Д.И. Александр Македонский. Путь к империи. М.: Вече, 2007. 480 с.
17. Массон В.М. Развитие элитарных структур как прогрессивный феномен скифской эпохи // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., 1994. С. 1–8.
18. Савинов Д.Г. Синташта и Аржан // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., 1994. С. 170–175.
19. Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1992. 408 с.
20. Флиттнер Н.Д. Сиро-хеттские памятники Эрмитажа // ТОВГЭ, т. I. Л., 1939. С. 21–43.
21. Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. М.: Наука, 1990. 229 с.
22. О Ба'лу: Угаритские поэтические повествования М.: Вост. литература, 1999. 536 с.
23. Гютербок Г.Г. Хеттская мифология // Мифологии Древнего мира. М.: Наука, 1977. С. 161–199.
24. Клейн Л.С. Индоарии и скифский мир: общие истоки идеологии // НАА. 1987. № 5. С. 63–82.
25. Couissin P. Le dieu-épée de Iasili-Kaïa et le culte de l'épée dans l'antiquité // RA. 1928. Vol. 27. P. 107–135.
26. Тереножкин А.И. Киммерийские мечи и кинжалы // Скифский мир. Киев: Наукова думка, 1975. С. 3–34.
27. Исмаилов Р.Б. Меч скифского типа: истоки происхождения // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово: КемГУ, 1980. С. 85–95.
28. Гундин Л.А., Цымбурский В.Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М.: Вост. литература, 1996. 328 с.

REFERENCES

1. Herodotus. History in nine books. L.: Nauka, 1972. 600 p. (In Russ.)
2. Darchiey A.V. Scythian military Cult and its Traces in the Ossetian Nartia. Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2008. 308 p. (In Russ.)
3. Lelekov L.A., Raevskii D.S. Scythian Herodotus: folklore Elements and historical Informative. NAA, 1979. N 6. P. 68–78. (In Russ.)
4. How Y.Y., Wells J. A commentary on Herodotus. Oxford: Clarendon Press, 1912. Vol. 1. 446 p. (In Russ.)
5. Balonov F.R. Sanctuary Scythian epoch in Adygea (interpretation of the mounds on the river Uhl). Skifo-sibirsky mir. Iskusstvo i ideologiya. Novosibirsk, 1987. pp. 38–45. (In Russ.)
6. Bessonova S.S. Religious Views of the Scythians. Kiev: Naukova Dumka, 1983. 139 p. (In Russ.)
7. Bessonova S.S. About the Scythians Cult of Weapons. Vooruzheniye skifov i sarmatov. Kiev: Naukova Dumka, 1984, pp. 3–21. (In Russ.)
8. Elnitsky E.A. From the history of ancient Scythians Cults. SA. 1960. N 4, pp. 46–55. (In Russ.)
9. Alekseev Y.A. About Scythian Ares. ASGE, vyp. 21. L.: Iskusstvo, 1980. S. 39–47. (In Russ.)
10. Boltrik Y.V. The Sanctuary of Ares in the Tract Nosaki // Arkheologicheskiye issledovaniya na Ukraine v 1976–1977 gg., pp. 61–62. (In Russ.)
11. Lelekov L.A. Early forms of the Iranian epic. NAA. 1979. N 3, pp. 173–188. (In Russ.)
12. Rostovtsev M.I. Hellenism and Iranians in southern Russia. M.: Knizhnaya nakhodka, 2002. 160 p. (In Russ.)
13. Minns E.H. Scythians and Greeks. Cambridge: University Press, 1929. 720 p. (In Russ.)
14. Piyankov I.V. Central Asia in the Proceedings of the ancient historian Ctesias. Dushanbe: Donish, 1975. 192 p. (In Russ.)
15. The fate of valor and Alexander the Great. M.: Eksmo, 2014. –480 p. (In Russ.)
16. Gafurov B.G., Tsibukidis D.I. Alexander the Great. Path to the Empire. M.: Veche, 2007, 480 p. (In Russ.)
17. Masson V.M. The Development of elite Structures as a progressive Phenomenon Scythian Epoch. Elitnye kurgany stepey Yevrazii v skifo-sarmatskuyu epokhu. SPb., 1994, pp. 1–8. (In Russ.)

18. Savinov D.G. Sintashta and Arjan. *Elitnye kurgany stepey Yevrazii v skifo-sarmatskuyu epokhu*. SPb., 1994, pp. 170–175. (In Russ.)
19. Gening V.F., Zdanowicz G.B/, Gening V.V. Sintashta. Archaeological monuments Aryan tribes Ural-Kazakhstan steppes. Chelyabinsk: Yuzhno-Uralskoye kn. izd-vo, 1992, 408 p. (In Russ.)
20. Flittner N.D. Syro-Hittite monuments Hermitage, *TOVGE*, L., 1939, Vol. I., pp. 21–43. (In Russ.)
21. Dumézil G. Scythians and Nartians. M.: Nauka, 1990, 229 p. (In Russ.)
22. Ba'lu. *Ugaritic poetic narrative*. M.: Vostochnaya literatura, 1999, 536 p. (In Russ.)
23. Gyuterbok G.G. The hittite Mythology. *Mifologii Drevnego mira*. M.: Nauka, 1977, pp. 161–199. (In Russ.)
24. Klein L.S. Indo-Aryans and the Scythian world: common origins ideology. *NAA*. 1987. N 5, pp. 63–82. (In Russ.)
25. Qouissin P. The Godsword of Iasili-Kaia and the Cult of the Sword in Antiquity. *RA*, vol. 27, 1928, pp. 107–135. (In Russ.)
26. Terenozhkin A.I. Cimmerian Swords and Daggers. *Skifsky mir*. Kiev: Naukova Dumka, 1975, pp. 3–34. (In Russ.)
27. Ismagilov R.V. The Origine of Scythian Swords. *Skifo-sibirskoye kulturno-istoricheskoye edinstvo*. Kemerovo: KemGU, 1980, pp. 85–95. (In Russ.)
28. Gindin L.A., Tymbursky V.L. Homer and the history of the Eastern Mediterranean. M.: Vostochnaya literatura, 1996, 328 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией. 07.04.2015

УДК 903.39

С.П. НЕСТЕРОВ

КОНСТРУКЦИЯ БОЛЬШОГО МОХЭСКОГО ЖИЛИЩА ИЗ ЗАПАДНОГО ПРИАМУРЬЯ

Сергей Павлович Нестеров,
д-р ист. наук, гл. науч. сотрудник,
Институт археологии и этнографии СО РАН
630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17
nesterov@archaeology.nsc.ru

В ходе археологических исследований в 2012 г. в Амурской области на раннесредневековом поселении мохэ триоцкой группы Осиновое Озеро было раскопано большое жилище 3. Его конструкция, выдержанная в традиционной строительной концепции VIII–IX вв., тем не менее, имела ряд особенностей. Это – размеры рамы-основы со стороной 7 м, облицовка стен котлована вертикальными досками, отсутствие опорных столбов под наклонные угловые стропила, несмотря на значительные размеры конструкции, и др. Они позволяют говорить о творческом подходе строителей к выработанному строительному канону при сооружении жилищ, даже на одном поселении.

Ключевые слова: триоцкая группа мохэ, Амурская область, Осиновое Озеро, жилище, каркасно-столбовая конструкция.

S.P. NESTEROV

A BIG MOHE DWELLING CONSTRUCTION IN THE WESTERN AMUR REGION

Sergey P. Nesterov,
Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Lavrentieva ave., 17, Novosibirsk, Russia, 630090
nesterov@archaeology.nsc.ru

In 2012 a big dwelling (№ 3) belonging to the early Medieval period (the Troitsk group of Mohe culture) was excavated in the Amur Province, Russian Far East. The remains of its construction comply with the building concepts of the VIII–IX centuries and have a number of interesting features. The article's objective is to introduce to scientific use the new original data on its construction. The dwelling's specific features include its dimensions exceeding 7 m in length in comparison with 5–6 m typically observed by archaeologists. Another specific feature is the carcass composed of 7-meter logs based only on 4 angle posts. The central supporting posts for sloping beams were absent. Such types of big Mohe dwellings have never been found before. Angle poles used to be dug into the ground right after preparing the surface area or after removing the humus layer. Afterward the foundation pit would be dug out bypassing angles with poles, which resulted in forming triangle bases around poles. In the Amur Region such building method also has never been discovered before. Another specific feature previously unobserved in Medieval dwellings is lining the foundation pit walls with vertical rows of wooden slabs.

So, the dwelling № 3 at Osinovoe Ozero (Lake) Site was of a frame-pillar type placed down to the foundation pit at 1.5–1.8 m. The base of the construction was composed of four logs, each over 7 m in length and 22–30 cm in diameter. Four rafters were put into the base corners, joined at the top making a rectangular chimney. The pitched roof was covered with wooden planks, filled with ground, or trimmed by divot. The entrance was located at the southern roof slope on a comfortable level for inhabitants from the surface with stairs. Such dwelling looked like a pyramid covered with grass. Its key elements are similar to the dwelling № 2 at Osinovoe Ozero (Lake) Site dated (14C) to the late IX century.

Key words: Troitsk Group of Mohe, Amur Region, Osinovoe Ozero, dwelling, frame-pillar structure.

Остатки средневекового поселка в виде 21 большой глубокой западины подквадратных очертаний находятся на северо-восточном берегу Осинового озера в Константиновском районе Амурской области. Западины вытянуты в две линии вдоль берега озера на 205 м. Наибольшая глубина поселения от озера 85 м. В 2009 г. здесь было раскопано жилище 2 [1].

В 2012 г. на поселении под западиной (6×6 м) глубиной 1,27 м раскопано сгоревшее жилище 3 (рис. 1). В результате исследования получены новые оригинальные материалы по его конструкции.

Одной из особенностей являются размеры сторон жилища, которые превысили 7 м. Внутреннее пространство по полу составило: 7,07 (северная сторона) × 7,1 (западная) × 7,17 (южная) × 7,27 (восточная) м. Другой особенностью конструкции можно считать то, что более чем 7-метровые бревна рамы-основы опирались только на четыре угловых столба. Центральные опорные столбы под угловые наклонные стропила отсутствовали (рис. 1; 2).

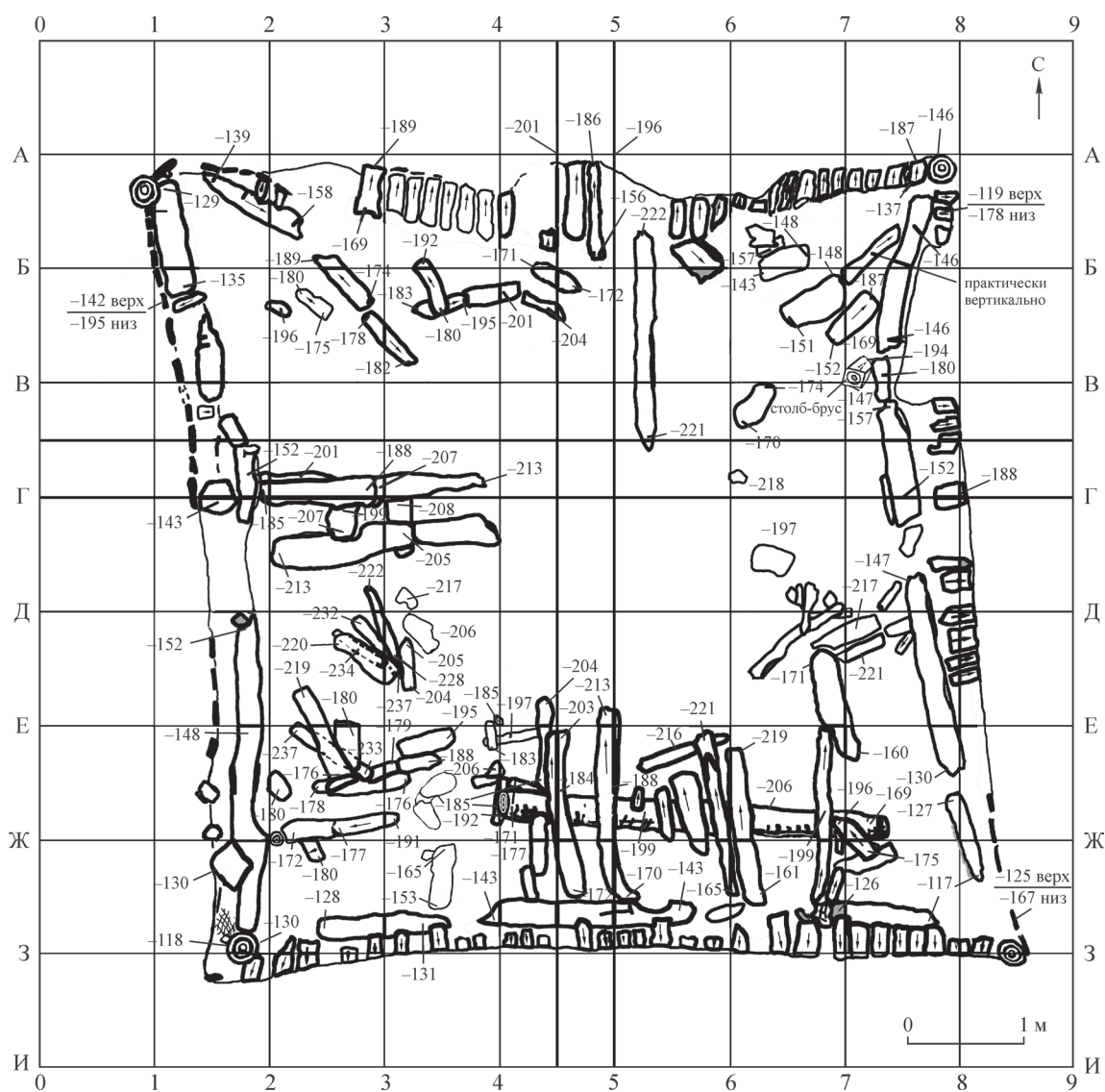

Рис. 1. План остатков деревянной конструкции жилища 3

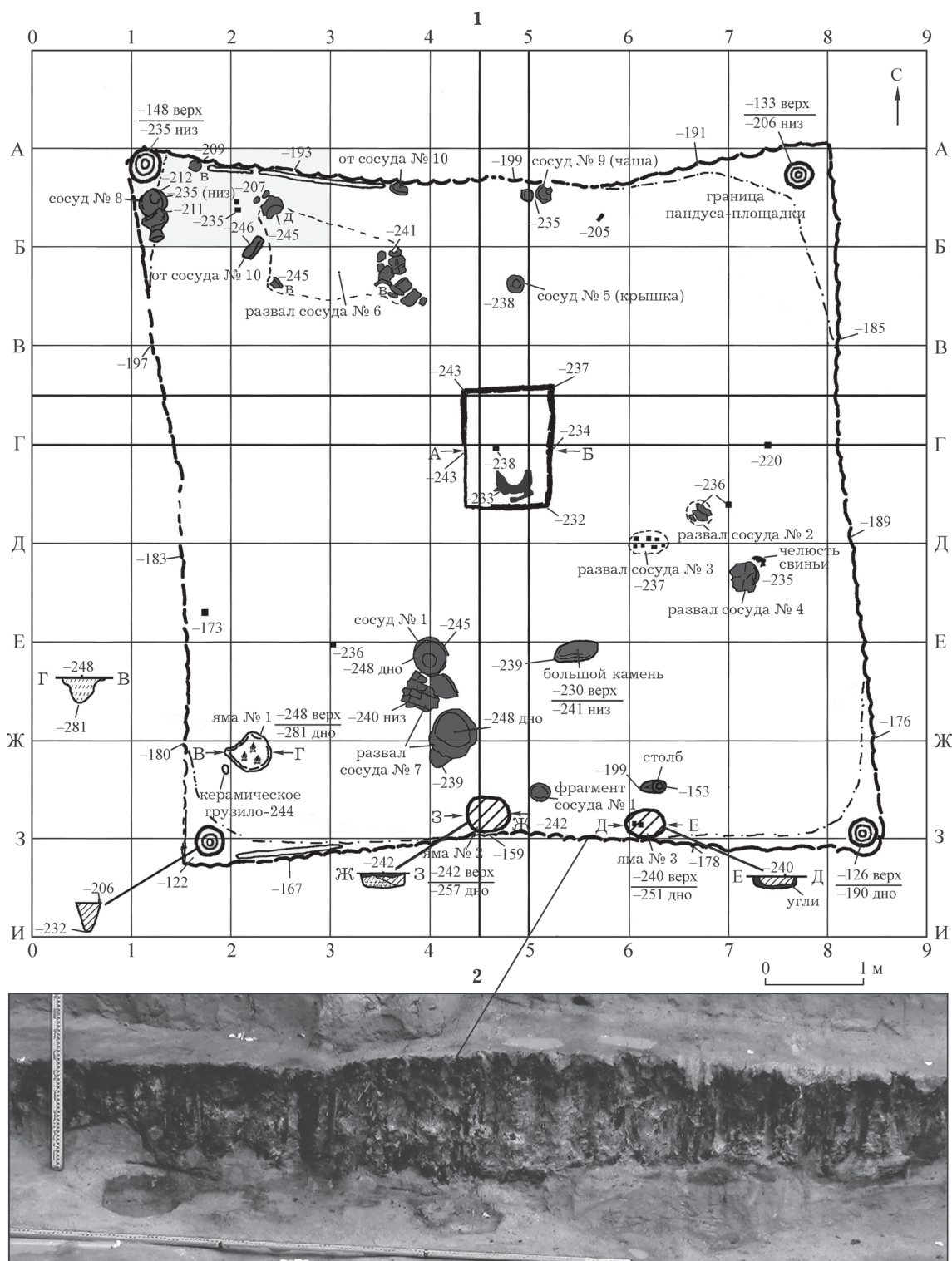

Рис. 2. План жилища 3 на уровне пола (1) и фрагмент облицовки южной стены котлована (2)

Угловые столбы, судя по наличию грунтовых баз и площадок вокруг них, вкапывались в углы котлована сразу же с поверхности размеченной площадки или после снятия с нее пласта дерна. Такой строительный

прием в Приамурье встречен впервые. Затем копали котлован, обходя углы со столбами, создавая тем самым около столбов своеобразные базы треугольной в плане формы, с сильновогнутым, судя по наличию

обмазки пола – практически вплотную к столбам, основанием. По мере углубления котлована площадка, обращенная внутрь жилого пространства, выколаживалась.

В юго-западном углу высота площадки в средней части составляла 28–36 см, однако в самом углу она была около 55 см. И если с западной стороны профиль площадки имеет длину в 1,2 м, то вдоль южной стены он пологим уклоном распространялся до ее середины на 3,5 м. Столб стоял с небольшим наклоном внутрь интерьера. Его сохранившаяся высота составила 1,1 м, диаметр 28 см. Он был вкопан на глубину 24 см в яму конусовидной формы, т.е. нижний конец столба был стесан на конус. Столб находился в 20 см от угла котлована и в 10–15 см от его стен.

В северо-западном углу высота площадки была около 10 см, при этом уровень заглубления столба высотой 86 см и диаметром 35 см, поставленного вплотную к земляным стенам котлована, практически совпадал с уровнем пола жилища.

Столб диаметром 28 см из северо-восточного угла сохранился на высоту 73 см. Его нижний конец был выше уровня пола на 70 см, т.е. вокруг столба и ниже его оставалась относительно небольшая база из материкового грунта, остальная часть площадки (наибольшая высота 20–26 см) была выложена. Столб стоял на расстоянии 30 см от угла котлована и в 15 см от прилегающих стен.

В юго-восточном углу наибольшая высота площадки от уровня пола составляла 37 см. Нижний конец углового столба высотой 70 см и диаметром 25 см располагался на 50 см выше пола и вплотную к земляным стенам котлована.

Примененный строителями способ установки и укрепления угловых опорных столбов с уровня их дневной поверхности оказался эффективным, так как при обрушении горячей крыши и смещении бревен диаметром 20–32 см, составлявших раму-основу, эти столбы сохранили свое вертикальное положение.

Проследить последовательность сборки рамы-основы не удалось, поскольку все бревна во время пожара слетели с опорных столбов. Отсутствие следов угловых остатков бревен, которые бы выступали за границу котлована, может свидетельствовать о том, что их края не выходили за диаметр опорного столба.

Западное бревно рамы-основы сохранилось в виде четырех фрагментов (длина с юга на север: 2,75–0,67–0,78–1 м). Их ширина (диаметр) в обугленном виде от 23–26 до 32 см на большей части длины. Южный конец бревна своим торцом вплотную примыкает к юго-западному угловому столбу, северный находится восточнее опорного северо-западного столба и примыкает к нему боковой стороной. Северное бревно практически полностью выгорело. Небольшой его фрагмент длиной 1 м, шириной 22 см сохранился только у северо-западного угла жилища. Восточное бревно сохранилось практически на все длину, но состоит из четырех фрагментов (длина с севера на юг: 1,4–1,1–1,78–0,73 м). Их диаметр 22–28 см. Южное бревно представлено тре-

мя фрагментами (длина с запада на восток 1,16–1,9–1,12 см). Их диаметр 20–22 см.

Если предположить, что комплекс из бревна длиной 3,3 м, диаметром 25 см и столба диаметром 15 см высотой 36 см примерно в 50 см южнее бревна связан с входом, то бревна южной и северной стороны рамы-основы были уложены первыми (рис. 1; 2, 1). Только при таком положении высота вертикальной стены жилища наименьшая. Тогда западное и восточное бревно опирались на концы северного и южного бревна. Южное бревно дополнительно было подперто двумя массивными столбами, от которых остались неглубокие ямы около южной стенки жилища (сами столбы не зафиксированы). Расстояние между ямами 1,14 м. Яма № 2 имела диаметр 43 см, глубину 13 см от уровня пола, яма № 3 – диаметр 40 см и глубину 11 см. Дно обеих ям плоское. Этот комплекс из двух ям смещен от середины южной стороны жилища на 35 см в восточном направлении (рис. 2).

Не исключено, что дополнительные подпорные столбы были поставлены в том месте, где располагался вход в жилище. Южное бревно рамы в этом месте испытывало дополнительную нагрузку. Экспериментальное жилище показало, что в месте входа на бревно рамы-основы, которое являлось верхней ступенью лестницы, была постоянная нагрузка [2]. Семиметровая длина бревна и отсутствие жесткого крепления с деревянной облицовкой стен котлована, которая к нему примыкала вплотную, его опора лишь на крайние точки не исключали того, что бревно «пружинило», когда на него наступали. Анализ жилищ, где фиксируется вход, показал, что он мог быть смещен от средней линии жилища к одной из сторон [1, с. 96, рис. 55; 3, с. 56, рис. 28; 4, рис. 45, 51, 2, 53]. Возможно, это связано с необходимостью иметь больший запас глухой стены для открывания двери, которая могла крепиться на петлях или быть внутренней сдвижной, как у нивхов Сахалина в начале XX в. [5, с. 95]. Видимо, в случае с жилищем 3, большие размеры которого позволяли расположить дверь по центру наклонного ската крыши, ее смещение в восточную сторону связано с домостроительными традициями жителей этого поселка.

Еще одной особенностью, которая для средневековых жилищ встречена впервые, является обшивка (облицовка) стен котлована вертикальными досками горбыля, поставленными *вплотную* к его земляным стенам. При этом плоская сторона доски была обращена к стенке котлована, а выпуклая – внутрь жилого пространства (рис. 2, 2). Некоторая изогнутость деревянных стен говорит о том, что они повторяли изгиб бревен рамы-основы. Бревна в ходе эксплуатации постройки могли еще более выгнуться внутрь. Для предотвращения этого в некоторых местах были дополнительно поставлены подпорные нетолстые жерди. Они имеют место недалеко от юго-западного угла у западной стороны, у северо-восточного угла восточной стенки и между серединой и юго-восточным углом южной стенки. Доски облицовки стен у

пола в некоторых местах прижимались горизонтальными жердями. Таковые обнаружены вдоль северной стенки, ближе к северо-западному углу. Длина одной – 46 см, другой – 1,26 м. Горизонтальная жердь длиной 1,22 м встречена вдоль южной стены около юго-западного угла. Наибольшая сохранившаяся высота облицовочной доски в 1,23 м зафиксирована с северной стороны, однако она должна была быть больше, так как средняя глубина котлована по стратиграфическим данным соответствует 1,5–1,8 м. К этой цифре нужно прибавить 20–50 см – высоту рамы-основы, бревна которой должны были возвышаться над дневной поверхностью, чтобы служить нижней опорой для досок перекрытия скатов кровли. Как показали экспериментальные работы по реконструкции жилища, наибольшая прочность крепления верхних концов досок, которыми обшивали стены котлована, к бревнам рамы-основы достигалась на уровне не выше его середины [2, с. 68].

Облицовка южной стены котлована состояла из 33 досок, западной – из 27, северной и восточной – из 32. Количество досок облицовки стен котлована зависело от их ширины. С северной стороны ширина досок варьировала от 14 до 26 см, с восточной – от 12 до 28 см, с южной – от 12 до 30 см и с западной – от 14 до 30 см.

Остальные остатки деревянной конструкции представлены различной длины (иногда до 100 см) и ширины обугленными досками (плахами) и жердями, сосредоточенными в основном в секторах жилища, примыкающих к его углам. Их расположение разнонаправленное, хотя в отдельных случаях наблюдается залегание в направлении от рамы-основы к середине интерьера. Это фрагменты перекрытия четырехскатной крыши. В 80 см от восточной стены, с наклоном в середину жилища стоял брус 12×12 см высотой 47 см. Его нижний конец пола не касался. В середине жилого пространства деревянные детали отсутствуют. Угловые стропила не сохранились.

Пол жилища строителями был выведен на уровень слоя аллювиального песка, покрыт слоем 2–3 см темно-серой глины и утрамбован. Он относительно ровный: уровень от условного нуля составляет -232 ~ -243 см, средний -235 ~ -237 см (рис. 2).

Очаг прямоугольной в плане формы (размеры 120×88–91 см) располагался в середине интерьера жилища, но его центр был смещен на 50 см в северном направлении. Короткие стороны очага расположены с северной и южной сторон, длинные – с западной и восточной. Расстояние до стен жилища от его периметра составило: с западной и с восточной стороны – 2,9 м, с северной – 2,1 см, с южной – 3,25 см. Анализ расположения очага по отношению к входу в жилище показал, что он располагался к нему узкой стороной и в случае смещения от центра был отодвинут от него на максимально возможное расстояние. В жилище 3 расположение очага в интерьере также свидетельствует о том, что вход находился с южной стороны. Очаг имел обкладку в виде рамы, собран-

ной из поставленных на ребро досок. Об этом свидетельствуют: с северной стороны полоса темно-серого цвета шириной около 4 см, с восточного края тонкая (~1 см) черная углистая полоса, с западной стороны аналогичная полоса имела ширину 1–2 см. С южной стороны такого следа не обнаружено. Для очага была выкопана прямоугольная яма глубиной 14 см. На ее дне, ближе к юго-западному углу, найден небольшой кусок бересты – остатки отражающего тепло экрана. Заполнение очага представлено тонкими слоями (сверху вниз): древесный уголь, зола белесого цвета, провал красного цвета и песок. Для отопления площади в 51 м² размеры очага были явно малы. Такие очаги больше характерны для жилищ с размером сторон 4–6 м [3; 6, с. 73–84].

В юго-западном углу жилища, в 66 см от опорного столба, выявлено подовальное пятно с широким углистым окаймлением. Его размеры 40 (с севера на юг) × 45 см (с запада на восток). Северо-восточный сегмент овала в плане отсутствовал. Яма № 1 под пятном была 25 см глубины и имела ступенчатый конусовидный профиль. Возможно, в нее был установлен подпорный столб для усиления юго-западного углового стропила.

На полу жилища обнаружено 10 скоплений разбитых или целых лепных и доработанных на гончарном круге керамических сосудов. Они располагались с северной (№ 5, 6, 9, 10), с восточной (№ 2, 3, 4) и южной (№ 1, 7) стороны интерьера и в северо-западном углу (№ 8) (рис. 2, 1). Кроме того, на полу обнаружен большой фрагмент лепного сосуда, большой сломанный на две части фрагмент от станкового сосуда. Керамическое грузило овальной в плане формы (5,3×3,7–3,8 см) встречено в юго-западном углу. Через узкие концы проходит сквозное отверстие диаметром 3 мм. Один фрагмент лепной керамики имеет поверхность, подвергшуюся высокотемпературному воздействию в виде расплава до стекловидного состояния. Керамические сосуды типологически разнообразны (например, встреченная впервые в жилище тройкой группы мохэ керамическая крышка и сосуд-совок).

В южной части жилища на полу лежал большой гранитный камень, ориентированный длинной стороной с запада на восток (размеры: длина – 39 см, ширина – 16–27 см, высота – 11–12 см). Сторона, обращенная к полу, плоская. Камень служил сиденьем у очага, так как лежал в 1,3 м южнее его. Пространство между очагом и западной стеной жилища (примерно 9 м²), где находок не было, возможно, связано с местом, где находились спальные места обитателей.

Таким образом, жилище 3 поселения Осинового Озеро было каркасно-столбовой конструкции, заглубленной в котлован глубиной 1,5–1,8 м. Стены котлована имели деревянную облицовку. Основу составляла рама из четырех бревен более чем 7-метровой длины и диаметром 22–30 см. В углы рамы упирались четыре угловых стропила, которые сверху соединялись между собой и образовывали четырехугольное

дымовое отверстие (как показала натурная реконструкция, прямоугольной формы [2, с. 67, 68, рис. 3]). Опорные столбы под стропила поставлены не были. Наклонные скаты кровли перекрывались досками, засыпались землей или обкладывались дерном. Выход располагался в южном скате кровли на удобном для обитателей уровне от поверхности. Вниз спускались по лестнице. В целом такое жилище внешне выглядело как пирамида, покрытая травяной растительностью.

Изучаемый комплекс предметов, планировка интерьера жилища, его конструктивные элементы имеют полные аналоги с материалами жилища 2 памятника Осинное Озеро, которое по ¹⁴C датировано концом IX в. Само поселение мохэ на берегу Осинного озера возникло не ранее последней четверти VIII в., и большинство его жилищ, учитывая топографию жилищных западин, строились практически одновременно, возможно, по определенному плану [1, с. 149–150].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Деревянко А.П., Ким Ён Вон, Нестеров С.П., Юн Кван Джин, Ли Гю Хун, Хан Джи Сон, Мыльникова Л.Н., Лоскутова Я.Ю., Шеломихин О.А., Пак Джон Сон, Ли Кён Ха. Материалы и исследования Российско-Корейской археологической экспедиции в Западном Приамурье. Тэджон: Изд-во Государственного исследовательского института культурного наследия Республики Кореи, 2010. Вып. III: раскопки раннесредневекового поселения Осинное Озеро в 2009 году. 318 с.
2. Нестеров С.П., Мыльников В.П., Волков Д.П., Наумченко Б.В. Реконструкция-имитация раннесредневекового жилища в Западном Приамурье // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 4 (60). С. 64–76.
3. Деревянко Е.И. Мохэские памятники на Среднем Амуре. Новосибирск: Наука, 1975. 250 с.

4. Деревянко А.П., Ким Бон Гон, Нестеров С.П., Чой Мэн Сик, Хон Хён У, Бён Ён Хван, Пак Джон Сэн, Хабибуллина Я.Ю. Материалы и исследования Российско-Корейской археологической экспедиции в Западном Приамурье. Тэджон: Изд-во Государственного исследовательского института культурного наследия, 2009. Вып. II: раскопки поселения Озеро Долгое в 2008 году. 286 с.

5. Крейнович Е.А. Нивхгу. Загадочные обитатели Сахалина и Амура. М.: Наука, 1973. 496 с.

6. Деревянко Е.И. Древние жилища Приамурья. Новосибирск: Наука, 1991. 158 с.

REFERENCES

1. Derevianko A.P., Kim Yong Won, Nesterov S.P., Yoon Kwang Jin, Lee Kiu Hun, Han Ji Sun, Mylnikova L.N., Loskutova Ya. Yu., Shelomihin O.A., Park Jong Seong, Lee Kyung Ha. Materials and Research of the Russian-Korean Archaeological Expedition in Western Amur Region. Tedzhon: Izdatelstvo Gosudarstvennogo issledovatel'skogo Instituta kulturnogo naslediya Respubliki Korei, 2010, Vyp. III: Raskopki rannesrednevekovogo poseleniya Osinovoye Ozero v 2009 godu, 318 p. (In Russ.)

2. Nesterov S.P., Mylnikov V.P., Volkov D.P., Naumchenko B.V. Reconstruction-imitation of the Early Medieval Dwelling in the Western Priamurie. Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii. 2014, N 4 (60), pp. 64–76. (In Russ.)

3. Derevyanko E.I. Mohe Sites of the Middle Amur Region. Novosibirsk: Nauka, 1975, 250 p. (In Russ.)

4. Derevianko A.P., Kim Bong Gon, Nesterov S.P., Choi Maeng Sik, Hong Hyung Woo, Byun Young Hwan, Park Jong Seong, Khabibullina Ya. Yu. Materials and Research of the Russian-Korean Archaeological Expedition in the Western Amur Region. Tedzhon: Izdatelstvo Gosudarstvennogo issledovatel'skogo Instituta kulturnogo naslediya, 2009, Vyp. II: Raskopki poseleniya Ozero Dolgoye v 2008 godu, 286 p. (In Russ.)

5. Kreinovich E.A. Nivhgu. Mysterious Inhabitants of Sakhalin and Amur. M.: Nauka, 1973, 496 p. (In Russ.)

6. Derevyanko E.I. Ancient Dwellings of Amur Region. Novosibirsk: Nauka, 1991, 158 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 09.02.2015

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 94(47).046/053

А.А. ЛЮЦИДАРСКАЯ

ВЛАСТЬ И СИБИРСКИЕ НОВОКРЕЩЕННЫЕ В XVII – НАЧАЛЕ XVIII в.: ПОИСКИ СОГЛАСИЯ*

Анна Алексеевна Люцидарская,
канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник
Институт археологии и этнографии СО РАН
630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17
e-mail: lucid@archaeology.nsc.ru

В статье рассматривается реакция местных сибирских властей на вовлечение аборигенного населения в жизнь сообщества колонистов-первопоселенцев. Вхождение в число подданных русского престола было в первую очередь связано с обретением православной веры. Новокрещенные могли влияться в различном статусе в служилое сословие либо попасть в холопство. В разряд зависимого населения переходили, как правило, дети, а также плененные во время военных конфликтов. Власти не препятствовали развитию этих процессов, ограничиваясь их корректировкой. Новокрещенные являлись связующим звеном между колонистами и аборигенами края, обостряя отношения с последними было политически и экономически невыгодно.

Ключевые слова: аборигены, дворовые холопы, колонизация, крещение, первопоселенцы, подданство, Российское государство, Сибирь, служилые, ясак.

A. A. LYUTSIDARSKAYA

THE POWER AND NEWLY-BAPTIZED SIBERIAN PEOPLE: SEARCHING FOR CONSENSUS

Anna A. Lucidarskaya,
Candidat of Historical Sciences, senior researcher,
Institute of archeology and ethnography of Siberian branch
of Russian academy of sciences,
630090, Novosibirsk, Lavrentiev av., 17.
e-mail: lucid@archaeology.nsc.ru

Moscovia tsarist government began to develop a huge trans-Ural territory populated by various Siberian ethnoses who were pagans from the Orthodox Russian viewpoint in the XVI century. Indigenous population of Siberia was at different stages of social development and had a mixed reaction to the advent of Russian Cossack detachments. The tsarist government faced some challenging tasks: to make the peoples of Siberia subjects of the Russian tsar, to make them pay taxes; to stop internecine clashes among different tribes, and to begin missionary work. Only efficient solution to these problems could lead to a successful colonization of the region. However, that vast area was in need of human resources, which were clearly inadequate and not sufficient. Therefore, the central government would give favorable consideration to employing those aboriginals who had been baptized into Orthodoxy. Baptized aborigines were automatically placed on the same level with the Russians regardless of their ethnic origin. In the contemporary texts such people were called “newly-baptized” (“novokreshcheny”). Newly-baptized aboriginals often achieved high positions in the military and administrative services. Most of them served as ordinary Cossacks or were engaged in economic activities while being employed in the

*Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-01-00027.

public service. Many baptized aboriginals due to the capture or sale of their children fell into servile dependence on the Russian military or commercial population. Children constituted a majority of those who were placed in a dependent position due to the fact that they were easier to adapt and to adopt new cultural traditions in the future. The Siberian authorities did not hinder these processes. Incorporation of aboriginal Christians in the state structures had a positive effect on the relationship with indigenous people, and contributed to stabilization and interpenetration of different cultures. An active penetration of the newly-baptized aboriginals into the social structures of Siberia continued up to the first third of the XVIII century, and then began to decline primarily due to the natural growth of the Russian Siberian population and migrations from different regions of Russia. The absence of serfdom and relative legal freedom made Siberia an attractive place. In general the Imperial policy towards the indigenous peoples of Siberia was that of maneuvering and searching for compromises.

Key words: aboriginals, serfs, colonization, baptism, pioneers, citizenship, Russian state, Siberia, service men, tribute.

Население Сибири после внедрения в зауральский регион русских представляло собой очень разнородное сообщество по этнической и социальной градации. Длительное время основной доминирующей силой среди колонистов оставались служилые казаки. Этот цементирующий слой первопоселенцев обладал определенными льготами, получал государево жалование в денежном и материальном выражении. Многие служилые люди имели земельные наделы, на которых организовывали свои заимки. Поверстаться в служилое сословие, попасть в казачью среду было делом выгодным и престижным. До второй половины XVII в. такая перспектива была не только заманчива, но и реально осуществима. Впоследствии в связи с естественным воспроизводством населения и притоком переселенцев приобщиться к служилому сословию становилось все сложнее.

Перспектива лучшей жизни манила и часть аборигенного населения, прошедшего обряд крещения и принявшего русское подданство. Однако осуществить подобный социальный «скачок» могли далеко не все. Как правило, вперед выдвигались представители родоплеменной верхушки – так называемые «лучшие люди».

Совершенно необходимым условием внедрения в служилую среду и вообще приобщения к новым правилам существования являлась способность к адаптации. Однако не для всех новокрещеных это оказывалось по силам. В источниках описаны случаи возвращения служилых новокрещеных к традиционным порядкам. Способность к адаптации не всегда зависела только от социального положения и сложившейся системы ценностей. Не последнюю роль играли и тип нервной системы, и характер человека. Такие индивидуальные черты, как упрямство, вспыльчивость, обидчивость, не способствовали ускорению приспособления к новым условиям существования. Традиционный жизненный уклад формировался с ранних лет, поэтому чем раньше личность освобождалась от накопленного опыта, тем проще проходила адаптация. Понимая это, сибирские власти не препятствовали, а напротив, поощряли привлечение в служилое сословие детей и подростков из аборигенной среды. Однако не всем новокрещенам удавалось поменять свой жизненный уклад. Известны попытки вернуться к родовым корням.

В случае побега к «своему роду и племени» беглеца возвращали и наказывали. Судя по отпискам в Москву, такие меры принимались, но они не имели успеха. Возвращение служилых новокрещеных к традиционному

укладу фиксируется на протяжении всего периода колонизации региона. Показателен случай, нашедший отражение в документации центральных властей начала XVII в. (1606 г.). Служилое население г. Верхотурья передало информацию в Москву о побеге новокрещенного служилого вогула (манси) Афонасия Камаева. Беглец был пойман. Из документальных источников известно, что во время побега он обитал у своего отца на Тагиле и жил привычной с детства жизнью. После поимки беглец получил наказание, применяемое в подобных случаях, и был взят на поруки; а затем приступил к службе, сохранив за собой положенное жалование. Однако отсутствие способности к адаптации взяло верх, и он все же вернулся к своему «роду и племени» [1, с. 184–188; 2, с. 18–19].

Подобные инциденты можно достаточно легко продолжить. Тяга к своим родовым корням имела место и среди гораздо более значимых личностей из числа служилых новокрещеных. Это касается красноярского сына боярского Ивана Айканова, кыргыза по рождению, и томских татар – сынов боярских Былиных [3, с. 165–166; 4, с. 217; 5, с. 80–81]. Несомненно, сыны боярские, внедрившиеся в новую среду, не могли, да и не хотели отказываться от своего нового положения и продолжали поддерживать связи со своими «языческими» соплеменниками, несмотря на общественное мнение.

Отношение русского населения к новокрещенам можно проследить по расселению последних в городах и селах Сибири. Согласно документальным материалам, жители Томска, например, жили бок о бок не только с новокрещенными, но и с «язычниками». В Томске рядом с казачьими располагались двory крещеных калмаков Алексея Гаврилова, Ивана Борцова и некрещеного «язычника» Баяна Толстого (возможно, это кличка). Береговые улицы располагались в Томске недалеко от юрт аборигенных жителей. На устье р. Ушайки проживали 4 новокрещеных калмака, причем один из них значился «отпущенником», т. е. бывшим холопом. Ставили свои двory новокрещеные в районах города, где проживал самый разный по социальной градации люд.

Сибирские духовные власти на протяжении всего XVII в. ратовали за проведение в крупных сибирских городах территориального деления для русских и татар. В своих челобитных в Москву церковники красочно описывали вред от тесного общения с язычниками. В 30-х гг. XVII в. из среды, близкой по убеждениям к тобольскому архиепископу, вышло литературное про-

изведение под названием «Повесть о Таре и Тюмени», где прокламировались подобные взгляды. Однако эта «Повесть» не получила широкого распространения, о чем свидетельствует единственный дефектный список и что убеждает в нежизнеспособности подобных начинаний, противоречивших реалиям сибирской действительности [6, с. 40–41].

Власти периода Московской Руси, составляя единое целое, все же разделялись на политическую и идеологическую составляющие. И если идеологи православия ревностно следили за соблюдением канонов, то политики под воздействием существующей обстановки все же допускали отклонения от сложившихся церковных правил. Амбивалентность правительственных властей, проявляемая во взаимоотношениях с коренным населением Сибири, была поистине безграничной. Причем вследствие огромных расстояний решения актуальных задач нередко задерживались, резолюции доходили с таким большим опозданием, что проблемы уже снимались местными воеводскими властями. Не поощряя под давлением церкви тесные контакты православных с коренным населением, власти тем не менее закрывали глаза на то, что в отдельные годы, отмеченные трудностями в поставках хлеба, красноярским заложникам-аманатам приходилось свободно ходить по дворам служилых казаков, добывая себе пропитание, и судя по всему, получая его [7, с. 77]. Это были «язычники», причем враждебно настроенные, но в любое время они могли из категории «чужих» стать «своими», приняв крещение и подданство царя. Очень показательны в этом плане обстоятельства, в которые попал новокрещеный толмач Никита Черя, вероятно, джунгар по происхождению. Он был захвачен в плен, разыгралась целая история по его освобождению. В документе, сопутствующем этому событию, отмечалось, что «...он человек русский, природный холоп твой государев...» [8, с. 148]. Ревностное отстаивание интересов толмача свидетельствует о необходимости переводческой деятельности. Без налаживания общения русских с автохтонным населением процесс вхождения Сибири в состав России значительно осложнялся и затягивался [9, с. 28]. Властям под влиянием внешних факторов приходилось идти на компромиссы, пересматривая свои же правила. Московское государство в XVII столетии было всецело государством православным. Негативное отношение к инакомыслию в религиозной сфере присутствовало постоянно и находило свои проявления в различных ситуациях.

Например, антиохийского патриарха Макария, прибывшего в Москву в середине XVII в., специально предостерегали, чтобы он «отнюдь не говорил по-турецки». «Боже сохрани, – заявил царь Алексей Михайлович, – чтобы такой святой муж осквернил свои уста и язык этой нечистой речью» (цит. по: [10, с. 336]). В этих словах звучит типичное для того времени убеждение, что невозможно прибегать к чуждым средствам выражения, оставаясь в пределах собственной идеологии.

Практика обыденной жизни медленно, но неуклонно разрушала сложившиеся представления. Нехватка людских ресурсов диктовала в Сибири свои условия.

Известен пример внедрения новокрещенного крымского татарина в служилую среду. Кузнецкий сын боярский Евтиха Савинов в своей «сказке» сообщал, что отец его выехал «из Крыма» в Москву, затем был прислан в Кузнецкий острог, где служил 30 лет в городских татарских толмачах, а после был назначен головою местных служилых татар [11, с. 284]. Подобных случаев можно отыскать довольно много. Татарам несравненно проще было усваивать схожие по структуре тюркские языки сибирских аборигенов. Между тем в Сибири русские столкнулись с неведомыми, чужими, пугающими верованиями. Колонисты встретили людей, говоривших на непонятных языках, поклонявшихся устрашающим идолам и исполнявших дикие, с христианской точки зрения, обряды. Поэтому в сибирском регионе ситуация имела свои особенности. Здесь этническое самосознание в большей степени было связано с осознанием государственной и религиозной принадлежности.

Значительная заслуга царских властей состояла в том, что они понимали необходимость находить пути сближения с местными коренными жителями Сибири и нормализовать обстановку для получения налогов в форме ясака. Один из методов налаживания контактов состоял в привлечении местной аборигенной родоплеменной верхушки на свою сторону. При этом сибирские воеводские власти учитывали личные амбиции знатных аборигенов, соблазняли их материальной выгодой. Но чтобы наладить контакты с аборигенной властью, необходимо было любым способом вынудить последних к крещению в православную веру. Сразу оговорюсь, что силовые, тем более военные методы принудительной христианизации в этом контексте не рассматриваются. Но справедливости ради надо отметить, что сибирские духовные и административные власти в XVI–XVII вв. к жестким принудительным мерам практически не прибегали. Строго говоря, местным, да и центральным властям было, в сущности, не особо интересно, кто платил в казну ясак ценной пушниной, лишь бы поступления «мягкого золота» не прекращались, а любое недовольство аборигенов сулило именно такие последствия.

Условия Сибири выдвигали иные проблемы: огромная территория и острая нехватка, особенно на первых порах, людских ресурсов. Однако, чтобы внедриться в какую-либо структуру поддерживаемого государством сообщества, необходимо было быть православным, опознавательным знаком которого служил крест на шее. Сибирские власти всячески поощряли крещение. В Западной Сибири при крещении автохтоны, как правило, получали сукно и сапоги. На первых порах осуществления колонизационного процесса достаточно было просто влиться в служилую среду. Правда, новокрещеные использовались преимущественно на вспомогательных должностях, в походах служили кашеварами, охранниками, а в городах – сторожами различных помещений, банщиками, осуществляли благоустройство городского хозяйства. Многие новокрещеные становились в городах и ближайшей сельской округе «дворовыми людьми», исполняя обязанности по хозяйству. В земледельческих

регионах дворовые новокрещены крестьянствовали наравне с хозяевами и членами их семей. К 1703 г. только в Томском уезде на заимках численность дворовых людей из числа аборигенов составляла до 70 % от их общего количества [12, с. 98–99].

В исторической науке существуют различные взгляды на попавшее в холопскую зависимость сибирское коренное население. Известный областник С.С. Шашков был прав, когда писал, что русские, привыкшие к условиям крепостного права, придя в Сибирь, не восприняли невольничество как нечто из ряда вон выходящее, а экономические потребности в рабочей силе стали восполняться за счет зависимого, холопского труда дворовых людей из числа аборигенов края. Однако в целом статья Шашкова «Рабство в Сибири», несомненно, носит односторонний характер и опирается лишь на выявленные вопиющие негативные факты, которые едва ли были характерными для массы колонистов.

Следует учесть, что большое количество дворовых ясырей оказывались в холопской зависимости, будучи детьми, и легко приспосабливались к новым жизненным условиям во дворах и на заимках новоселенцев. Вот некоторые выборочные данные на начало XVIII в. о холопах, принадлежавших томским конным казакам, которые успевали укорениться на сибирской земле и обзавестись семьями. Конному казаку Филиппу Федорову Тарабукину, проживавшему на заимке в с. Никольском, принадлежал купленный дворовый работник «калмацкой породы» 10-летний Гаврила¹; у конного же казака Прокофия Дорофеева дворовому калмацкому холопу было 13 лет²; у казака этого же чина Спиридона Дорофеева был куплен дворовый «работник калмацкой породы» в возрасте 4-х лет³. Подобный перечень можно легко продолжить. В угодах зажиточного томича сына боярского, успешно занимавшегося торговлей, кроме его многочисленного семейства числились в дворовых холопах калмаки 16-летний Стефан и 7-летний Петр⁴. Иногда на заимках служилого люда жили и работали, будучи в холопстве, полные семьи новокрещенов.

Известны случаи, когда в холопство родители продавали своих детей, как крещеных, так и не прошедших обряд крещения. Причин этого явления, по видимому, могло быть две: острая необходимость в средствах существования и желание «окунуть» своего ребенка в новый быт с надеждой, что ему улыбнется удача. Иногда ожидания родителей оправдывались. Так, в самом начале XVIII в. томскому сыну боярскому продал ясачный остяк своего сына «именем во крещении» Григорий. Цена сделки составила 10 руб. и совершалась «вечно без откупной»⁵. Еще одна запись сделки того же времени в сокращении выглядит так: «...Пеший казак Фелор Гаврилов сын Безьязыков про-

дал в Томску тобольскому жителю Василию Прокофьеву сыну Шаламову полон именем Феодосия юную свою девочку трех лет нынешнего кыргызского погрому.., взял 4 рубля...»⁶. Мрачную картину работорговли разбавляют мелькающие на страницах документов сведения о так называемых отпущенниках и вскормленниках⁷. В реальной жизни «подрощие» холопы, в т. ч. и новокрещенные, могли стать обузой для разросшихся семей. Они отпускались в «свободное плавание» и со временем внедрялись в то или иное сословие или же примыкали к определенной социальной группе. Власти достаточно индифферентно относились к подобным явлениям, не препятствуя и не поощряя их.

Факты привлечения в холопство детей вполне объяснимы, так как детей проще было крестить и они гораздо быстрее адаптировались к обстановке, в т. ч. языковой. Те же самые процессы присутствуют и в современном мире. Многие эмигранты могут годами жить в иноязычной среде, так и не научившись чужому для них языку даже на уровне общения, тогда как их дети спокойно общаются с новыми друзьями и сверстниками, порой даже на нескольких языках. В связи с этим представляет интерес факт, который впоследствии достаточно часто повторялся. В самом начале XVII в., около 1600 г. поступили сведения о крещеном косвинском вогуле (манси) Булатке Алаеве, который был причислен на Верхотурье к категории торговых людей. Б. Алаев, оставшись сиротой, попал в среду колонистов и очень быстро смог занять достойное социальное положение, начав скорее всего с выполнения обязанностей приказчика или, как говорили в XVII в., «торгового сидельца» [2, с. 15]. Действительно, подобные случаи были не редкостью в Сибири, особенно в начале периода ее вхождения в состав России. Похожим был жизненный путь ранее упомянутого Красноярского сына боярского Ивана Айканова, который рос в служилой среде [3, с. 165–166], а принявшие православие потомки мансийского князя Аблегирима достигли на государственной службе статуса сибирского дворянства [13, с. 620].

Среди дворовых новокрещенов отмечены народы южных областей Сибири, прежде всего татары, калмаки, кыргызы, буряты (браты), монголы [12, с. 87]. В северных регионах в холопство попадали чаще угры и самодийцы. Точно идентифицировать новокрещенов в этническом плане затруднительно, так как в ходу практиковалось «обобщенное» наименование, данное колонистами для народов из различных регионов. Так, всех северных народов Западной Сибири преимущественно называли остяками, южных – татарами или калмаками, или кыргызами. В официальных документах иногда указывалось самоназвание аборигенов, но при принятии крещения эти сведения, как правило, опускались.

В конце 1620-х гг. поступил указ царя Михаила Федоровича вернуть пленных ясырей, взятых во время обострения военного конфликта с енисейскими

¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1452. Л. 52.

² Там же. Л. 52 об.

³ Там же. Л. 53 об.

⁴ Там же. Л. 55.

⁵ Там же. Л. 295.

⁶ Там же. Л. 300.

⁷ Там же. Л. 303.

кыргызами. Вставал вопрос, что делать с крещеными ясырями. Принятие православия уравнивало людей различных культур. На территории Сибири это положение проступало особенно явственно. Представители сибирской администрации, в том числе тобольский воевода, приводили свои доводы: «...Полоняники крещены в православную крестьянскую веру и ис христианские веры в бусурманскую отдать их не доведетца» [8, с. 80]. Суть позиции сибирских властей была понятна – отдавать пленным не хотелось, ведь это затрагивало интересы служилого люда, который рассматривал захваченный ясырь как свою справедливую добычу. Царские власти понимали необходимость развития производительных сил на сибирских территориях, прежде всего пашенных хозяйств, для самообеспечения региона продуктами питания. При дефиците рабочих рук роль новокрещенных в качестве холопов на сельскохозяйственных работах возрастала. Поощрять же подобную практику было опасно, так как она вызывала оправданное недовольство среди аборигенов – потенциальных налогоплательщиков. В итоге, несмотря на необходимость развития производительности сельскохозяйственных угодий в Сибири, крепостное право здесь не укоренилось, иначе прекратился бы поток переселенцев из-за Урала, поскольку новая территория прежде всего привлекала своей вольницей.

Московское государство было государством православным с признаками сакрализации власти, где негативное отношение к инакомыслию присутствовало постоянно. Царь, по сути, делил власть с духовенством, прислушиваясь к их требованиям. Политические интересы правительства не всегда согласовывались с церковными мировоззренческими установками и нормами поведения. Тенденция к расширению территорий в поисках новых ресурсов ставила перед московским патриархатом новые задачи миссионерской деятельности. Позиция царских властей по отношению к «языческому» автохтонному населению Сибири отличалась двойственностью, балансируя, с одной стороны, между интересами правительства, церкви, колонистов, а с другой – коренных жителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 2. 640 с.
2. *Люцидарская А.А.* Верхотурские документы периода смутного времени: русско-угорские отношения на начальном этапе колонизации Сибири // Памяти И.Н. Гемюева: сборник научных статей и воспоминаний. Новосибирск: Изд-во ИАиЭт, 2007. С. 9–20.
3. *Бахрушин С.В.* Научные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 3, ч. 2. 299 с.
4. *Бахрушин С.В.* Научные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 4. 260 с.
5. *Люцидарская А.А.* Семьи первопоселенцев Сибири (на примере генеалогий семей г. Томска XVII – начала XVIII вв.) // Проблемы межэтнического взаимодействия народов Сибири. Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2002. С. 78–88.
6. *Куратов В.Н., Люцидарская А.А.* К вопросу об исторической психологии межэтнических контактов в Сибири XVII в. // Этническая культура Сибири. Проблемы эволюции и контактов: сб. науч. тр. Новосибирск, 1985. С. 26–46.
7. *Люцидарская А.А.* Договорные отношения в Сибири сквозь призму мировоззрения социума (XVII – начало XVIII века) // Народонаселение Сибири: Стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII – начало XX века). Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2008. С. 58–85.
8. *Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А.* Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII вв. Абакан: Хакасия, 1995. 232 с.
9. *Люцидарская А.А.* Толмачи в Сибири. Период начала колонизации территории // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3. С. 27–31.
10. *Лотман Ю.М.* Избранные статьи: в 3 т. Таллинн: Александра, 1993. Т. 3. 494 с.
11. Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археологической комиссией. СПб.: Типография Э. Праца, 1859. Т. 7. 374 с.
12. *Люцидарская А.А.* Категория населения – дворовые люди // Демографические процессы и общественно-политическая жизнь. Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2006. С. 86–109.
13. *Гемюев И.Н., Люцидарская А.А.* Служилые угры: один из аспектов русско-угорских отношений в XVI–XVII вв. // Гуманитарные науки в Сибири. 1994. № 3. С. 63–67.

REFEREMCES

1. *Miller G.F.* The history of Siberia. Moscow; Leningrad, Academy of sciences of the USSR Pub., 1941. Vol. 2. 640 p. (In Russ.)
2. *Lyucidarskaya A.A.* The Verhoturje archive of the time of troubles: Russian-Ugric relations in the beginning of Siberian colonization]. Pamjati I.N. Gemueva: sbornik nauchnyh statej i vospominanij. Novosibirsk, Institute of archeology and ethnography Pub., 2007, p. 9–20. (In Russ.)
3. *Bahrushin S.V.* The proceeding. Moscow, Academy of sciences of the USSR Pub., 1955. Vol. 3, part 2, 299 p. (In Russ.)
4. *Bahrushin S.V.* The proceeding. Moscow, Academy of sciences of the USSR Pub., 1959, Vol. 4, 260 p. (In Russ.)
5. *Lyucidarskaya A.A.* The Siberian pioneers' families (by way of example of the Tomsk genealogies of the XVII – beginning XVIII century). *Problemy mezhetnicheskogo vzaimodejstviya narodov Sibiri.* Novosibirsk, Institute of archeology and ethnography Pub., 2002, pp. 78–88. (In Russ.)
6. *Kurilov V.N., Ljucidarskaja A.A.* On the question of the historical psychology of the crossethnic interaction in Siberia in the XVIIth century. *Jetnicheskie kul'tury Sibiri. Problemy jevoljucii i kontaktov: sbornik nauchnyh trudov.* Novosibirsk, 1985, pp. 26–46. (In Russ.)
7. *Ljucidarskaja A.A.* The contract relations in Siberia in the light of social world view (XVII – the beginning of XVIII century). *Narodonaselenie Sibiri: Strategii i praktiki mezhkul'turnoj kommunikacii (XVII – nachalo XX veka).* Novosibirsk, Institute of archeology and ethnography Pub., 2008, pp. 58–85. (In Russ.)
8. *Butanaev V.Ja., Abdykalykov A.* The collection on Khakassia history. Abakan: Hakassija Pub., 1995, 232 p. (In Russ.)
9. *Ljucidarskaja A.A.* Siberian interpreters. The period of the colonization beginning. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2011, N 3, pp. 27–31. (In Russ.)
10. *Lotman Ju.M.* Selected works in three volumes. Tallinn: Aleksandra Pub., 1993, Vol. 3, 494 p. (In Russ.)
11. The addition to the historical acts. St.-Petersburg, Tipografija Je. Praca Pub., 1859, Vol. 7, 374 p. (In Russ.)
12. *Ljucidarskaja A.A.* The category of the population – house workers. *Demograficheskie processy i obshhestvenno-politicheskaja zhizn'.* Novosibirsk, Institute of archeology and ethnography Pub., 2006, pp. 86–109. (In Russ.)
13. *Gemuev I.N., Ljucidarskaja A.A.* The service Ugric population: one of the Russian-Ugric relations in the XVI–XVII centuries. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 1994, N 3, pp. 63–67. (In Russ.)

Статья принята редакцией 19.02.2015

УДК 39

А.Ю. МАЙНИЧЕВА*, А.Н. КУЛАКОВ

**ЦЕРКОВЬ ВЛАДИМИРСКОЙ БОГОМАТЕРИ В БРАТСКЕ:
АРХИТЕКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ СИБИРИ
XVII–XVIII вв.**

Анна Юрьевна Майничева,
д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник,
Институт археологии и этнографии СО РАН
630090, Новосибирск, просп. Лаврентьева, 17
e-mail: annmaini@gmail.com
Александр Николаевич Кулаков,
директор ОАО Сибирский институт «Сибспецпроектреставрация»,
Новосибирский филиал
630091, Новосибирск, ул. Потанинская, 10а
e-mail: kulakoff@mail.ru

В статье на основе определения взаимосвязи общего этнокультурного контекста Сибири XVII–XVIII вв. с конкретизацией типа и стилистики церкви, анализа источников, выделения аналогов воссозданы архитектурные особенности деревянной церкви Владимирской Богоматери в Братском остроге. Церковь отнесена к типу теплых трехчастных клетских на два яруса. Забытое впоследствии боковое завершение кафоликона было в тот период распространено как на Русском Севере, так и в Среднем Приангарье. Внушительные размеры, архитектурные конструкции и детали храма соответствуют высокому статусу Братска, ставшего к концу XVII в. торговым и ремесленным центром большого хлебопроизводящего района.

Ключевые слова: этнокультурный контекст, клетская церковь, церковь Владимирской Богоматери, архитектурные особенности, бочка, реставрация, Среднее Приангарье, Сибирь, Русский Север, Братск.

A. Yu. MAINICHEVA*, A.N. KULAKOV

**THE CHURCH OF OUR LADY OF VLADIMIR IN BRATSK:
ARCHITECTURAL FEATURES IN THE ETHNIC-CULTURAL CONTEXT
OF SIBERIA IN THE XVII-XVIII CENTURIES**

Anna Yu. Mainicheva,
Doktor istoricheskikh nauk, Leading Research Fellow,
Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (IAET SB RAS),
Novosibirsk 630090, Lavrentiev Av., 17
e-mail: annmaini@gmail.com
Aleksandr N. Kulakov,
Director of the Novosibirsk Branch of Siberian Institute «Sibspetsproektrestavratsiya»,
630091 Novosibirsk, ul. Potaninskaya, 10a
e-mail: kulakoff@mail.ru

The revival of church architecture made the researchers to readdress the task of searching for features and patterns of shaping, proportioning, and symbolics of church buildings. In such studies much attention is paid to the ethnic-cultural context, as it allows moving away from a descriptive approach to analyzing the stylistic characteristics of the building. The article deals with the results of reconstructing the appearance of the Church of Our Lady of Vladimir, which existed in the XVII-XVIII centuries in Bratsk, one of the first Russian cities in the Middle Angara region. In order to make such reconstruction scientifically valid the authors used special techniques and methods based on the sources analysis, searching for analogues, as well as on the assumption that the specific type and style of church architecture stood in close interdependence with the ethnic-cultural context

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 14-50-00036.

of Siberia in the XVII-XVIII centuries. The church reconstruction faced serious difficulties, including the lack of historical sources that could shed light on the architectural image of the church. S. Remezov's drawing is the only evidence, which allows reconstructing the architectural forms of the church in 1701. Its analysis shows the relative sizes and architectural appearance of the church. Search for analogues led to the conclusion that the most common church type in the Russian North in the XVII-XVIII centuries was a cellular church whose central part had a bochka-like cover. In the same region there were churches of a similar type – the Church of the Presentation in the Temple (1673) and that of the Kazan Icon of Our Lady (1679). The church is defined as a warm cellular one with a bochka-like cover of a catholicon and altar part. A refectory and a porch were covered with a two-sided roof. The church had a ternary structure. The church was designed with the 'Trinity scheme' in mind, which was typical of the wooden churches in the early and late Middle Ages, including the XVII century, so it determined the size of the church, forms of its parts, location and size of a porch, domes, windows, and doorways.

Key words: ethnic-cultural context, cellular church, Church of Our Lady of Vladimir, architectural features, bochka, restoration, Middle Angara region, Siberia, Russian North, Bratsk

Возрождение храмового зодчества вернуло научный интерес к поиску особенностей и закономерностей формообразования, пропорционирования, символики церковных зданий. Немалое значение в такого рода исследованиях приобретает изучение этнокультурного контекста, в котором существовала та или иная церковь, так как появляется возможность отойти от описательного подхода и рассмотрения стилевых характеристик здания. Особенно важно понимание этнокультурной специфики при реставрации и восстановлении утраченных образцов церковного зодчества прошлых эпох. В данной статье представлен опыт воссоздания облика церкви Владимирской Богоматери, существовавшей на рубеже XVII–XVIII вв. в Братске – одном из первых русских городов Среднего Приангарья. Для обеспечения научной обоснованности восстановления архитектуры храма авторы применили специальные приемы и методы, исходя из нескольких положений, среди которых можно назвать взаимосвязь общего этнокультурного контекста Сибири XVII–XVIII вв. с конкретикой типа и стилистики церкви, анализ источников, поиск аналогов.

Краеугольным камнем любой реставрации, как графической, так и натурной, является ответ на вопрос: «На какой период может быть выполнена реставрация?» Немалую роль в выборе такого периода играет наличие достоверных источников (письменных, изобразительных, археологических и пр.). Рассмотрение имеющихся сведений показало, что Братский острог был основан русскими первопроходцами в 1631 г. в устье р. Оки. Острог несколько раз переносили, пока весной 1654 г. отряд казаков под командой Д. Фирсова не поставил его на левом берегу р. Оки вблизи ее впадения в Ангару. Одновременно с острожными стенами и башнями была срублена надвратная часовня. В донесении Д. Фирсов писал: «...на воротах поставлена часовня... Острог мерою поставлен круг его 120 сажен печатных, а в работе были у острога Иван Козьмин да Василий Хорошей с товарищи» (цит. по: [1, с. 206]). Первую церковь в остроге соорудили в 1631 г. (по другим сведениям – в 1649 г.). При переносе острога на новое место, возможно, перенесли и церковь. В 1654 г. Д. Фирсов сообщал в Енисейск о заготовке леса: «нанято на церковный лес на шестьсот бревен дано тридцать рублей, да на четыреста тесниц дано двадцать

рублей...»¹. О церкви упоминается в связи с событиями лета того же года, когда произошла битва между бурятами и казаками, закончившаяся победой последних. В 1675 г. государев посланник в Китай Николай Спафарий записал: «В остроге церковь во имя Пресвятой Богородицы Владимирской» [1, с. 206]. На чертеже Семена Ремезова 1701 г. в своде Чертежной книги Сибири отчетливо читаются формы крупной церкви, занимающей почти все внутреннее пространство острога. В 1707 г. ее сменяет другая церковь, имеющая два престола: во имя Богоявления Господня в теплой части (с печью) и во имя Владимирской иконы Божией Матери – в холодной.

Можно констатировать, что реконструкция братской церкви столкнулась с серьезными трудностями, среди которых ведущую роль играет отсутствие хоть сколько-нибудь полного корпуса исторических источников, проливающих свет на архитектурный образ церкви. Описаний часовни, а затем и церкви во имя Пречистой Богородицы Владимирской, не имеется. Вместе с тем существует несколько изображений Братского острога, выполненных С.У. Ремезовым, находящихся в своде Чертежной книги Сибири, одно из которых относится к 1701 г. [1, с. 206]. На нем отчетливо читаются формы крупной двухъярусной трехчастной церкви с разновысокими объемами трапезной, кафоликона и алтаря, которая занимает почти все внутреннее пространство острога. Таким образом, чертеж С. Ремезова является единственным свидетельством, по которому можно судить о формах церкви. Авторы с доверием относятся к этому историческому документу, поскольку на многочисленных примерах доказана достоверность приводимых Ремезовым сведений об острогах и их постройках (см., напр.: [2]). Следуя принципу ориентировки на достоверные источники, авторы берут на себя смелость выполнить реконструкцию архитектурных форм церкви на 1701 г., поскольку более ранние адекватные свидетельства отсутствуют. В пользу предложенной реконструкции говорит и уже упомянутая отписка Д. Фирсова 1654 г. о количестве заготовленных на церковь бревен и тесниц, что косвенно указывает на предполагаемые размеры здания, обусловленные количеством лесоматериалов. В предложенной рекон-

¹ СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 325.

Рис. 1. Церковь Владимирской Богоматери в Братске. До 1707 г. Реконструкция А.Ю. Майничевой, А.Н. Кулакова. Компьютерная графика А.Н. Кулакова.

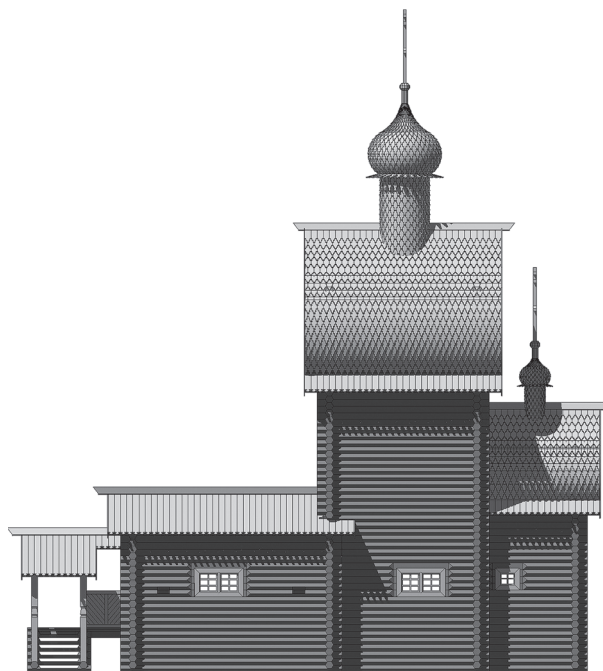

Рис. 2. Южный фасад церкви Владимирской Богоматери. Реконструкция А.Ю. Майничевой, А.Н. Кулакова. Компьютерная графика А.Н. Кулакова.

струкции здания церкви использовано именно столько материала.

Анализ чертежа С.У. Ремезова показывает не только относительные размеры церкви, но и особенности ее архитектурного облика. Структура церкви была традиционной: ее составляли анфиладно расположенные трапезная, собственно церковь (кафоликон), алтарная часть. На наличие двух ярусов кафоликона, самой высокой части, указывают два ряда окон. Алтарная часть существенно ниже его, еще более приземиста трапезная. К трапезной примыкает крыльцо со входами на обе стороны. Обращают на себя внимание покрытия. Сравнение с другими рисунками Ремезова привело к выводу о том, что крыльцо и трапезная братской церкви, несомненно, были крыты тесом на два ската. Также очевидно, что покрытие кафоликона не было скатным или шатровым.

Еще одним исходным пунктом воссоздания форм и образа зданий является поиск аналогов. Авторы придерживаются исходного посыла о том, что сибирская архитектура XVII в. органично связана с архитектурой Русского Севера. Во-первых, вследствие того, что на ранних этапах Сибирь осваивалась выходцами из северорусских территорий, приносивших свою культуру на новые земли, причем среди них были представители всех слоев населения, включая патриархов церкви; во-вторых, создание собственной архитектурно-строительной школы за краткий период первоначального освоения сибирских территорий

было невозможно; в-третьих, благодаря анализу имеющихся сохранных памятников архитектуры (как правило, подвергшихся музеефикации), письменных, изобразительных и прочих источников доказано множество совпадений в принципах построения и конструкциях зданий. Исследования последних лет также указывают на то, что во многих областях сибирской культуры сохранены северорусские черты (см., напр.: [3]). Поиск аналогов привел к тому, что выбор вариантов покрытия центральной части сузился до нескольких – клином, кубом или бочкой, которые были характерны для клетских церквей, строившихся в XVII в. Два первых были отвергнуты. Клинчатые церкви имели узкий ареал распространения, их количество исчислялось единицами, кубоватые церкви имели преимущественное распространение в более поздний период. Вместе с тем известно, что в деревянной архитектуре Русского Севера на рубеже XVII–XVIII вв. одним из распространенных типов церквей были клетские храмы, имевшие бочечные покрытия центральной части [4]. Интересно то, что они в большинстве случаев имели престолы во имя Богородицы, что согласуется и с сибирскими материалами, по которым все церкви этого типа были Богородичными. Не исключено, что для церкви Владимирской Богородицы в Братске было выбрано бочечное завершение. Дополнительным аргументом в пользу этого предположения являются покрытия бочками кафоликонов, построенных в тот же период и располагавшихся

практически в том же регионе илимских церквей – Введенской (1673 г., по другим данным 1693 г.) и Казанской иконы Божией Матери (1679 г.). Предпочтение таких стиливых особенностей может говорить о том, что в Среднем Приангарье в изучаемый период существовали региональные особенности в храмовой архитектуре, что, вероятнее всего, было связано как с конкретным мастером или «ватагой» мастеров, так и с предпочтениями главы епархии, который был выходцем с Русского Севера [5, с. 63].

Правдоподобие и отражение реальных форм в ремезовских изображениях зданий, а также аналоги позволяют выполнить натурную реконструкцию церкви Братского острога, существовавшей до 1707 г. Понятно, что такая реконструкция, как и любая другая, является гипотетической, но она имеет серьезные основания.

Одним из существенных вопросов являются размеры церкви. Хотя площадь острога была невелика, по описаниям событий 1658 г. известно, что кроме церкви там были приказная и аманатская избы [6, с. 103], поварни для курения вина, баня, которые Похабов велел построить «вплоть до церкви» [7, с. 214]. Посмотрим по аналогам, каковы могли бы быть размеры жилых и хозяйственных построек. Так, в стандартный набор построек, например, двора Тобольского архиепископа середины XVII в., по сведениям материалов переписных и копийных книг Тобольского архиерейского дома 1620–1636 гг. [8, с. 17–19], входили следующие помещения (указано одно из линейных измерений и в скобках для удобства дан перевод в метрическую систему): горница 3,5 саж. (7,5 м), комната 3 саж. (6,4 м), сени 4 саж. (8,5 м), повалуша 3 саж., келья отхожая 2,5 саж. (5,3 м), сени 3 саж., погреб и ледник по 3 саж. с погребницей и сушилом наверху, поварня 6 саж. (12,8 м), изба поваренная 3 саж., изба для певчих дьяков и подьяков 3 саж., у ворот избушка 2 саж. (4,3 м), конюшня 6 саж. Как видно, набор жилых и хозяйственных построек весьма значителен, при их сравнительно небольших размерах. Кроме того, там находились и две немаленькие деревянные церкви (Софийский собор 1621–1624 гг. имел в длину около 6 саж. (более 12 м) и в ширину, без галереи и пристроенной колокольни, 5 саж. (10,8 м), церковь Похвалы Богородицы имела ширину 5 саж. (10,8 м), ее алтари – 4 саж. (8,6 м). По росписи же размер двора составлял 30 саж. [8, с. 17–19]. Деревянные постройки Братского острога 1736 г., по свидетельству И. Гмелина, который их нашел «старыми и ветхими» (т.е. уже отслужившими более 25–30 лет, по опыту срока сохранности бревенчатых построек, т.е. построенных в конце XVII в.), размещались на территории в те же 30 саж. [9, с. 115]. Все это говорит о несомненной затесненности застройки острога, но вполне реально и размещение там церкви с длиной в 7–9 саж., шириной в 3–4 саж.

Насколько нарядной и замысловатой могла быть архитектура церкви? Ответ на этот вопрос можно поискать в сфере материального обеспечения. Как упоминалось ранее, на материалы для возведения церк-

ви в Братске давалось 30 руб. и 20 руб., а плотникам было назначена плата в 20 руб.², т.е. общая стоимость строительных работ должна была составить 70 руб. Насколько эта сумма соотносится с другими данными?

Если сравнивать уровень денежного обеспечения и стоимостей XVII в., то годовое жалованье подьячего (высокооплачиваемого чиновника в приказах и местных государственных учреждениях) составляло 25 руб. [10, с. 55]. Больше его получал только голова – 30 руб. Дети боярские в год получали жалованья по 10 руб., конные казаки по 7 руб. [9, с. 55–56]. Приведем некоторые данные о стоимости дворов с надворными постройками. Так, томский житель Иван Тихонов продал двор с подворной огородной землей со строениями (изба, против нее клеть, меж ними сени, двор в заплоте), длинник 21 саж., поперечник 3 саж., за 2 руб.³ Томский казачий сын Карп Матвеев сын Грязной поступился своим двором с пашенной своей землей за 1,5 руб.⁴ Вдова Марфа Иванова дочь Ивановская, жена Афанасьева, продала за 4 руб. двор со всяким дворовым строением и огородом. На дворе были хоромные строения: изба да клеть промеж их сени, позади огород. Мера двору 20 саж. печатных в длину, поперечнику 4 саж. Огородного места отдельно 5 саж.⁵ Пелагея Юдина дочь Петровская, жена Балахнина, за 7 руб. продала двор с хоромным строением: изба да клеть меж ними сени, изба ветхая, под ней погреб. Двор в заплоте, огород в частоколе. Длина двора составляла 18 саж., ширина 8 саж.⁶ И самая дорогая и очень редкая была продажа двора конного казака Григория – 30 руб. На дворе стояли изба, против нее клеть, меж ними сени. Двор в заплоте, огород в частоколе. Под клетью находился погреб, в огороде – баня с предбанником, амбар хлебный. Размеры участка – 35 на 11 саж.⁷

Стоимости же строительных работ и материалов были таковы. За постройку на башне колокольни плотнику Федотке Калинину с товарищи заплатили 1 руб. 16 алтын 4 деньги [10, с. 110]. За постройку коча (постройкой судов также занимались плотники) выдавали 20 руб., 8-саженного дошаника – 10 руб., барки 10-саженной – 15 руб. [11, с. 136]. Служилому человеку Ивашке Тетеркину за 40 драниц, которые были предназначены для кровли государева солодовного овина, дали 3 алтына. «Жилецким людям» Васке Кондинскому и Трофимке Федорову заплатили за сруб в двенадцать венцов для башни подгорного острога 1 руб. 26 алтын 4 деньги [10, с. 101]. Таким образом, сумма в 70 руб., включавшая стоимость материалов в 50 руб., была значительной – вполне достаточной для возведения внушительного храма.

² СПФ АРАН. Ф. 22. Оп. 4. Д. 22. Л. 325 об.

³ РГАДА СП. Оп. 5. Кн. 1452. Л. 299 об.

⁴ Там же. Л. 301 об.

⁵ Там же. Л. 310 об.

⁶ Там же. Л. 316 об.

⁷ Там же. Л. 318–318 об.

Кроме материальных возможностей для строительства, требовалось еще желание возвести здание, соответствующее представлениям о должном и достойном самих заказчиков. Поскольку согласно документам строителями церкви были служилые люди из Енисейска, следует сказать несколько слов об этом городе. По сибирским меркам недалеко от Братска находился Енисейск с многочисленными деревянными церквями, которые уже в первой половине XVIII в. были перестроены в каменные (их насчитывалось более десяти). В XVII в. Енисейск стал центром развитого пашенного земледелия и ремесленного производства, там получили развитие редкие для Сибири специальности, например, колокольное и часовое производство. Енисейский острог – важный торгово-транспортный центр, в 1640 г. по енисейской дороге из Тобольска на восток проезжало около 70 % всего торгово-промышленного «отпуска». Город уже в XVII в. стал важным культурным центром, на его рынках продавались книги, сложилась местная школа живописи, работали ювелиры и косторезы, велась городская летопись. Археологические находки свидетельствуют о том, что его жители играли в шахматы [9, с. 136]. Выходцы из Енисейска, благодаря которым была построена церковь в Братске, были не только высококультурные, но и уважающие себя и не бедные люди; они не только могли позволить себе строительство церкви в Братске, но и желали «устроить ее наилучшим образом».

Что же представлял собой Братск, выстроенный вначале как военная крепость? К концу XVII в. он стал центром большого хлебопроизводящего района. Напомним, что реконструкция церкви была выполнена на основании чертежа С. Ремезова 1701 г., значит, церковь существовала и в конце XVII в. Братск занимал выгодное географическое положение: от него шли пути к Ледовитому океану, в Якутию, к Амуру, Охотскому морю, в Даурию, Монголию и Китай. Через него проходили купеческие караваны, здесь была учреждена «государева» таможня, устроена судовой верфь. Во второй половине XVII в. были открыты богатые месторождения высококачественных железных руд. Было развито кузнечное дело, причем освоено производство замков, требующее особого мастерства. Высокого уровня достигли плотницкое дело и деревообработка [9, с. 116]. Все это свидетельствует о том, что для строительства внушительного, простого и красивого здания церкви Пречистой Владимирской Богородицы имелись и достаточные материальные, и ментальные, обусловленные этнокультурной спецификой, условия.

Учитывая этнокультурный контекст, особенности храмового зодчества, имеющиеся письменные и изобразительные источники, была предложена внутренне непротиворечивая и отвечающая всем характерным особенностям феномена сибирской архитектуры XVII – начала XVIII в. реконструкция храма. Церковь определена как теплая клетская на два яруса с бочечным навершием кафоликона и алтарной

части. Трапезная и крыльцо на два схода крыты двускатной кровлей. Структура церкви трехчастная, четырехугольные алтарная часть, собственно церковь и трапезная сочленены анфиладой. Подквадратность алтарной части связана с характерными особенностями клетских церквей, подавляющее большинство имеет такую форму плана. Метрический строй выполнен пропорционально, с соотношением частей по принципу «золотого сечения» по аналогии со Спасской церковью из Зашиверска, находящейся в Историко-архитектурном музее ИАЭТ СО РАН, единственным сохранившимся деревянным трехчастным храмом XVII в. План церкви построен с учетом «схемы Троицы», характерной для деревянных церквей раннего и позднего средневековья, включая XVII в., что определило основные размеры церкви, формы ее частей, расположение и размер глав, окон, дверных проемов, крыльца.

Таким образом, следуя логике этнокультурных особенностей Сибири в XVII–XVIII вв. и принимая во внимание все известные источники и возможные аналогии, оказалось возможным определить тип и воссоздать архитектурные особенности облика церкви Владимирской Богоматери в Братске.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Калинина И.В.* Православные храмы Иркутской епархии XVII – начало XX века: Науч.-справ. издание. М.: Галарт, 2000. 496 с.
2. *Майничева А.Ю.* Изображения русских сибирских крепостей XVII – начала XVIII // Архаическое и традиционное искусство: проблемы научной и художественной интерпретации: материалы Всероссийской (с междунар. участием) научной конференции. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2014. С. 168–172.
3. *Фурсова Е.Ф., Пермиловская А.Б., Черных А.В., Зуев А.С., Люцидарская А.А., Майничева А.Ю., Глухих Е.И., Голомянов А.И.* Сибирь и Русский Север: проблемы миграций и этнокультурных взаимодействий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2014. 296 с.
4. *Шаповалова Л.Г.* Каргопольские храмы с бочечным завершением // Материалы IX научной конференции в Каргополе «Историко-культурное наследие Русского Севера. Проблемы изучения, сохранения и использования». Каргополь, 2006. С. 204–213.
5. *Щеглов И.В.* Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. Сургут: Северный дом, 1993. 463 с.
6. *Окладников А.П.* Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Л.: Соцэкгиз, 1937. С. 428.
7. Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. Улан-Удэ, 1960. Вып. 1. 493 с.
8. *Майничева А.Ю.* Деревянные церкви Сибири XVII века: Формы, символы, образы. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии, 2000. 64 с.
9. *Резун Д.Я., Васильевский П.С.* Летопись сибирских городов. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1989. 304 с.
10. Томск в XVII веке: Документы и материалы. Приходные и расходные книги Томского города 30-х гг. XVII в. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005. 186 с.
11. *Копылов А.Н.* Русские на Енисее в XVII веке: Земледелие, промышленность и торговые связи Енисейского уезда. Новосибирск: Ред.-изд. отдел СО АН СССР, 1965. 298 с.

REFERENCES

1. Kalinina I.V. Orthodox churches of Irkutsk diocese in 17th – beginning of 20th century: scientific reference book. M.: Galart, 2000. 496 p. (In Russ.)
2. Mainicheva A.Yu. Images of Russian Siberian fortresses of 17th – beginning of 18th centuries. *Arhaicheskoe i traditsionnoe iskusstvo: problemy nauchnoy i hudozhestvennoy interpretatsii: materialy Vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoy konferentsii*. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2014, pp. 168–172. (In Russ.)
3. Fursova E.F., Permilovskaya A.B., Chernykh A.V., Zuev A.S., Liutsidarskaya A.A., Maynischeva A.Yu., Glukhikh E.I., Golumyanov A.I. Siberia and the Russian North: Migration and ethno-cultural interactions. Novosibirsk: Publishing House of the Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS, 2014. 296 p. (In Russ.)
4. Shapovalova L.G. Kargopol temples with ‘bochka’ completion. *Materialy IX nauchnoy konferentsii v Kargopole Istoriko-kulturnoe nasledie Russkogo Severa. Problemy izucheniya, sohraneniya i ispolzovaniya*. Kargopol, 2006, pp. 204–213. (In Russ.)
5. Sheglov I.V. A chronological list of the most important data of the history of Siberia: 1032–1882. Surgut: Severnyiy dom, 1993, 463 p. (In Russ.)
6. Okladnikov A.P. Essays on the History of Western Buryat-Mongol (17–18th centuries.). L.: Sotsekgiz, 1937. 428 p. (In Russ.)
7. Collection of Documents on the History of Buryatia. 17th century. Ulan-Ude, 1960. Vyp. 1. 493 p. (In Russ.)
8. Mainicheva A.Yu. Wooden churches in Siberia 17th century: shapes, symbols, images. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii, 2000. 64 p. (In Russ.)
9. Rezun D.Ya., Vasilevsky R.S. Annals of the Siberian cities. Novosibirsk: Novosib. kn. izd-vo, 1989. 304 p. (In Russ.)
10. Tomsk in the XVII century: Documents and Materials. Incoming and outgoing books of Tomsk city. 1630th. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 2005. 186 p. (In Russ.)
11. Kopylov A.N. The Russians on the Yenisei River in the 17th century: Agriculture, industry and trade ties of Yenisei County. Novosibirsk: Red.-izd. otdel SO AN SSSR, 1965. 298 p. (In Russ.)

*Статья принята
редакцией 26.02.2015*

УДК 392.81

А.А. БАДМАЕВ

СИСТЕМА ПИТАНИЯ КУДАРИНСКИХ БУРЯТ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.*

Андрей Андреевич Бадмаев,
канд. ист. наук, ст. науч. сотр.
Институт археологии и этнографии СО РАН (ИАЭТ СО РАН)
630090, Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, 17
e-mail: badmaevaa@ngs.ru

В статье рассматривается система питания кударинских бурят в конце XIX – начале XX в. Юго-Восточного Прибайкалья. Прослеживается зависимость их системы питания от структуры хозяйства, которое имело комплексный характер. Показано, что негативные последствия землетрясения 1862 г. и эпизоотия 1870 г. вызвали затяжной спад скотоводческой экономики кударинских бурят и привели к модификации структуры их питания. Изменилась структура их домашнего стада: к 1890-м гг. она приблизилась к структуре стада оседлого населения.

Система питания кударинских бурят второй половины XIX в. относилась к скотоводческо-зерновому классу – с преобладанием доли продуктов животноводческого происхождения над остальными группами пищевых продуктов. Сохраняя традиционные этнические черты, она включила и ряд заимствований из русской кухни и утвари.

Ключевые слова: буряты, Юго-Восточное Прибайкалье, этнотерриториальная группа, традиционное хозяйство, система питания

А.А. BADMAEV

THE FOOD SYSTEM OF KUDARIN BURYATS IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

Andrei A. Badmaev,
Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher
Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS (IAE SB RAS)
17 Akademician Lavrentiev Av., Novosibirsk, 630090
e-mail: badmaevaa@ngs.ru

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 14-28-00045.

Abstract. The article considers the Kударин Buryat food system of South-Eastern Pribaikalia in the late XIX - early XX centuries. It defines the dependence of their food system on the economy structure: the diversified nature of the economy allowed Buryats to provide themselves with food. The author specifies the role of a natural-geographical factor in the food system and agriculture development of this Buryat group. The negative effects of the earthquake of 1862 and epidemic of 1870 caused a lengthy decline of Kударин Buryat herding economy and modification of the diet structure. All this resulted in the domestic herd structure changed: before the earthquake it was of classical type shared by most of semi-settled pastoralists. However, by the 1890s it had transformed into a herd structure typical of a settled population.

As a result the cattle as a source of livestock products began playing an increasingly greater role in the Kударин Buryat diet, and other livestock types became less significant for food ensuring. Wild game meat was not included in the diet of the majority of the Kударин Buryats. The share of agricultural products (crops, potatoes) in the diet was subject to annual adjustments, so bread was bought and bartered for fish. Their needs for vegetables were satisfied by gathering wild plants, however their yields were negligible. Fishing played a special role in Kударин Buryats food system, providing the population with Arctic cisco, the main food fish of Baikal. It is noteworthy that the amount of consumed fish remained unchanged compared to the first half of the XIX century.

Thus, the Kударин Buryat food system of the second half of the XIX century belonged to a "livestock and grain" class: the share of livestock products prevailed over all other food groups. While preserving traditional ethnic features it also included certain borrowings from Russian cuisine and home ware.

Keywords: Buryats, South-Eastern Cisbaikalia, ethnic-territorial group, traditional economy, food system.

Удовлетворение одной из основных витальных потребностей, потребности в пище, достигается благодаря существованию такой структуры хозяйства, развитие которой позволяет наиболее полно привлекать биологические ресурсы освоенной территории. В конце XVII–XVIII в. у бурят сложились формы хозяйства, предполагающие подвижный (скотоводческий) или переходный от подвижного к оседлому (полукочевой, полуседлый) образ жизни. При этом скотоводство у них всегда дополнялось присваивающими видами хозяйства (охотой, рыболовством, собирательством), иногда земледелием.

Настоящая статья посвящена характеристике системы питания кударинских бурят во второй половине XIX в. Источниками для исследования послужили архивные, литературные и полевые материалы.

Кударинские буряты сложились как территориально-этническое сообщество в пределах Юго-Восточного Прибайкалья из числа мигрировавших групп автохтонов Предбайкалья – эхиритов и булагатов, а также вышедших из Джунгарии и Халхи монгольских родов и эвенков [1, с. 152–177]. Факт вхождения в состав данной группы разнородных этнических компонентов позволяет предполагать бытование на начальном этапе ее формирования некоторых хозяйственно-бытовых различий: большую часть кударинских бурят представляли носители полуседлых скотоводческих традиций (эхириты, булагаты); часть – полукочевой жизни (выходцы из Монголии); часть – кочевого быта (эвенки). В течение XVIII в. эти особенности стираются, а в начале XIX в. складывается единая в хозяйственном отношении этнотерриториальная общность, которая вела полуседлое скотоводство, дополнявшееся сезонным рыболовством, охотой и собирательством. К середине века у кударинских бурят стали заметны седентаризационные процессы, связанные, в частности, с культивированием земледелия и картофелеводства.

На примере кударинских бурят можно убедиться в значимости природно-географического фактора для развития хозяйства и системы питания. Дело в том, что условия Юго-Восточного Прибайкалья не благоприятствовали нормальному развитию скотоводства и

земледелия. Об этом, в частности, говорится в рапорте главного тайши Заяхана Хамаганова: местности, где «расположено Кударинское ведомство, близость устья р. Селенги, имеющей отлогие берега и часто опустошающей местность своими наводнениями, заставляют бурят выкочевывать среди лета на высокие места и даже на зимние кочевья, которые будучи поуравнены скотом во время лета, на зиму не дают подножного корма, которым здесь во всю зиму питается скот, которого по многочисленности скотоводства и малости сенокосных лугов, часто покрываемых илом от наносов р. Селенги при разливах, на прокормление недостаточно»¹. Кроме того, субрегион имел скудные почвы, был подвержен частым засухам и в целом характеризовался неустойчивым климатом. Таким образом, сложившееся у кударинских бурят многоотраслевое хозяйство было безальтернативным, так как позволяло им поддерживать необходимый пищевой баланс.

В рассматриваемое время особую негативную роль сыграл природный фактор: катастрофическое землетрясение 1862 г. привело к опущению территории т. н. Цаганской степи в воды оз. Байкал [2]; потеря части хозяйственных земель и находившегося на них недвижимого имущества сопровождалась гибелью домашнего стада (утонуло 4 276 голов разных видов скота), а также утратой значительных запасов сена и зерна (вследствие чего последовал забой и продажа необеспеченного кормового скота). Другое событие – падеж скота от эпизоотий в 1870 г., в результате на треть сократилось поголовье крупного рогатого скота у кударинских бурят. Все эти явления имели следствием ошутимое падение экономики кударинских бурят, а, следовательно, и изменение структуры их питания.

Динамика численности домашнего стада у них во второй половине XIX в. (см. таблицу) характеризуется колебаниями пропорций между разными видами скота, заметными потерями в результате землетрясения 1862 г. и постепенным восстановлением былого поголовья. При этом обращает на себя внимание рост

¹ ГА РБ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 207. Л. 11–12.

удельного веса крупного рогатого скота в стаде и его приращение в физическом выражении более чем в 1,5 раза (прежняя численность других видов скота, кроме свиней, так и не была восстановлена к началу XX в.). Очевидно, к концу столетия крупный рогатый скот как источник продуктов животноводческого происхождения стал играть все более весомую роль для питания кударинских бурят. Соответственно, другие традиционные для бурят виды скота становились менее значимыми для их продовольственного обеспечения. Этот вывод можно отнести к системе питания основной массы данного этнотерриториального сообщества – полуседлых бурят. Отметим, что в течение XIX в. доля оседлого населения среди кударинских бурят не превышала 1 % от их числа. Особенностью домашнего стада у упомянутой хозяйственно-бытовой группы было разведение, помимо традиционно-бурятских видов скота, также небольшого числа свиней, а это позволяло восполнять дефицит мяса (в отличие от полуседлых бурят, размер стада у оседлых был меньше, а кроме того, оседлые, являясь более убежденными христианами, воздерживались от потребления конины).

Из данных таблицы можно определить динамику численности скота у среднестатистической семьи (из 5 чел.) бурят Кударинского ведомства (допускается небольшая арифметическая погрешность): в 1853 г. такая семья владела домашним стадом примерно в 16 голов, куда входили 4 лошади, 5 коров, 6 овец и 1 коза; в 1871 г. – 6 голов (2 лошади, 3 коровы, 1 овца, коз нет); в 1889 г. – 14 голов (3 лошади, 8 коров, 3 овцы, коз нет); в 1902 г. – 15 голов (3 лошади, 7 коров, 4 овцы, 1 коза). Отсюда видно, что после памятного землетрясения структура стада у кударинских бурят заметно преобразовалась: если до стихийного бедствия она была классической для полуседлых скотоводов, то к 1890-м гг. приблизилась к структуре стада оседлого (земледельческого) населения (теперь более 50 % всего поголовья составлял крупный рогатый скот). Сведения за 1902 г. в целом подтверждают выявленные тенденции и указывают на стремление бурят к восстановлению поголовья мелкого рогатого скота.

Такие изменения не могли не сказаться на структуре потребляемого ими мяса: в основном они питались говядиной и, как правило, в холодное время года (это было связано с традицией массового забоя скота

на зиму). На сокращение потребления конины некоторое влияние мог оказать переход заметной части кударинских бурят в православие, повлияло и занятие извозом, являвшимся важной статьёй семейного дохода. Однако у бурят-шаманистов конина продолжала входить и в ритуальную, и в повседневную пищу (наряду с говядиной ее заготавливали в зиму). Баранина включалась в гостевые, праздничные и обрядовые трапезы. Если приблизительно оценить, сколько мяса кударинские буряты ежегодно включали в пищу, то получается, что его среднестатистическое потребление составляло около 51 кг. При этом мы исходим из принятой нормы заготовки зимнего запаса мяса на среднюю семью (1–2 головы крупного животного) и затрат на гостевые и праздничные трапезы (2 овцы) в течение календарного года. На практике потребление мяса у бурят-шаманистов было выше, и это обуславливалось проведением обрядовых трапез, на которых обязательным считалось угощение отварной кониной и бараниной.

Вследствие нестабильности развития земледельческой отрасли удельный вес ее продуктов (зерна, картофеля) в питании большинства кударинских бурят был подвержен ежегодной коррекции. В 1859–1860 гг. был достигнут максимум в годовой норме потребления хлебного зерна на душу населения – 117,1 кг, но все последующие годы ощущалась постоянная нехватка данного продовольствия; примерно так же было и с потреблением картофеля – максимальных величин в урожае (соответственно и в потреблении) удалось добиться в 1856 г., а в дальнейшем этот уровень не был достигнут [3, с. 160–162]. Отметим, что, как и у остальных групп бурят, весь выращенный картофель использовался кударинскими бурятами на собственное потребление. Подсчеты показывают, что в урожайном 1856 г. в среднем на каждого кударинского бурята приходилось 25,8 кг картофеля, а в 1866 г., когда объемы площади под эту культуру были минимальными, на одного бурята приходилось лишь 2,3 кг картофеля. К концу столетия, несмотря на то, что объемы площадей под картофель росли, рекорд 1856 г. не был превзойден (к примеру, в 1889 г. в продуктовую корзину бурята Кударинского ведомства входило всего около 11 кг картофеля). Заметим, что из земледельческих продуктов обычно восполняли нужду только в хлебе.

Динамика численности скота у кударинских бурят*

Год	Население	Лошадей		Крупный рогатый скот		Овец		Коз		Свиней	
		число	уд. вес, %	число	уд. вес, %	число	уд. вес, %	число	уд. вес, %	число	уд. вес, %
1853	4469	3610	24,46	4873	33,02	5457	36,98	806	5,46	12	0,08
1871	4997	2115	37,24	2665	46,92	810	14,26	90	1,58	–	–
1889	4520	3121	23,16	7616	56,51	2535	18,81	164	1,22	42	0,31
1902	5147	3248	20,73	7491	47,82	4072	26,0	804	5,13	50	0,32

* ГА РБ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 57. Л. 22; Оп. 1. Д. 918–920. Л. 3–3 об.; Д. 1113. Л. 6 об.; Д. 1230. Л. 19 об.

Потребность в растительной пище буряты Юго-Восточного Прибайкалья удовлетворяли также за счет сборов дикоросов, но объемы заготавливаемых луковичных растений семейства лилейных (полевого лука, красной лилии и т. д.), других съедобных трав и корней, а также ягод были незначительными.

Особое место в их хозяйстве продолжало занимать рыболовство, главным образом омулевый промысел. Добыча других видов рыб (осетра, сига, щуки и др.), кроме хариуса, была спорадической, весь улов шел на продажу. Омуль являлся основной для кударинских бурят пищевой рыбой, его часто обменивали на другие продукты, преимущественно на хлеб и мясо. Более того, в кризисные годы (например, в 1862 г.), когда резко сокращалась пищевая база, вся добытая рыба использовалась для собственного пропитания.

Чтобы понять, какое место занимал в питании омуль, обратимся к материалам Кударинской степной думы за 1852 г. Анализ показывает, что в это время его годовое потребление в расчете на одного кударинского бурята колебалось в пределах 13,1 кг. Сравнивая с 1828 г. (необходимую информацию см. [4, с. 255]), можно констатировать, что, во-первых, омуль практически стал единственной рыбой, которая употреблялась в пищу кударинскими бурятами, во-вторых, объем потребляемой ими рыбы оставался на одном уровне. Представляется, что у кударинских бурят существовал некий достаточный, по их представлениям, порог потребления рыбы, за который старались не переходить.

В рассматриваемое время охота была уделом отдельных кударинских бурят и явно находилась на стадии спада. Добывали, согласно архивным документам, преимущественно небольшого пушного зверя (лисицу, хорька, белку и др.), при этом мясо некоторых промысловых животных (зайца толай, черной белки, дикой козы) семьи охотников употребляли в пищу.

Вкратце остановимся на характеристике основного корпуса пищи у кударинских бурят. Дойное стадо у них включало коров, кобыл, овец и коз, но молоко в основном было коровье. Удои были невысокими – бурятские коровы относились к мясной породе крупного рогатого скота, а попытки улучшения породы методами народной селекции особого успеха не имели. Годовой удой с одной коровы, за вычетом той части, которая предназначалась на кормление телят, составлял около 500 л молока (опираемся на выкладки, имеющиеся в литературе [5, с. 218]). Именно поэтому буряты держали сразу несколько дойных коров. Кроме того, актуальной оставалась практика миксации молока от разных видов скота.

Молоко в чистом виде почти не употреблялось, обычно оно служило пищевой добавкой (варили зеленый чай, подбеливали черный чай, подливали его в суп, смешивали с другими продуктами). В основном оно шло на переработку, из него получали целую линейку различных продуктов, которые имели разные сроки хранения: скоропортящиеся изделия (кисломолочный напиток *хурэнгэ*, молочная водка, сметана и др.); продукты длительного хранения (творожистая

масса *аарса*, сушеные сырки, сливочное и топленое масло, пенки), которые заготавливали в пору молочного изобилия на зиму.

На основе приведенных данных можно полагать, что удельный вес мясных продуктов в пище кударинских бурят уступал молоку и молочной продукции. В изучаемое время потребление мяса у них, вероятно, было меньше, чем у других территориальных групп бурят Забайкалья. Такое предположение напрашивается из сопоставления табличных данных о приходящихся на душу населения голов скота у разных групп забайкальских бурят, приведенных в работе Д.М. Маншеева [3, с. 239–243]. Понятно, что потребность в мясе кударинские буряты частично покрывали за счет приобретения его на рынке и включения в пищу рыбы.

Способы приготовления и консервации мяса у данной группы бурят не изменились: мясо подвергали жарению, вялению, варке. Хранение больших запасов мяса забитого на зиму скота производилось в оборудованных ледниках. Мясо использовалось для приготовления супа с картофелем, супа-лапши, зернового супа; отварное мясо, сваренные кровь животных и колбасы, фаршированные внутренностями и жиром, подавали во время гостевых и праздничных угощений.

Пища из зерновых культур включала пресные лепешки и печеный хлеб, который к концу XIX в. научились выпекать многие кударинские буряты. В основном зерно и смолотая из него мука использовались в качестве субстрата различных блюд.

Из картофеля варили суп с добавлением творожистой массы, употребляли его в вареном и печеном виде.

Некоторые дикоросы добавляли в мясные, молочные и другие блюда (соленые или сушеные дикий лук и чеснок служили для заправки супов; сушеные ягоды добавлялись как ингредиенты в каши). Из некоторых трав и ягод готовили чай.

Обработка рыбы производилась посредством варки, жарения, копчения, квашения и соления. Ее готовили и как отдельное блюдо, из нее варили уху. Отваренные молоки и икру также употребляли в пищу.

Во время застолья гостей было принято угощать зеленым чаем с молоком, молочной или русской водкой, отварным и жареным мясом, рыбными блюдами и др.

К ритуальным блюдам относились молоко, салат, молочная водка, кисломолочный напиток *хурэнгэ*, сушеные сырки; обрядовыми продуктами являлись также сливочное и топленое масло, отварная конина и баранина, бараний жир, зерно. Рыба (сиг) входила в перечень обрядовой пищи (в частности, свадебной).

В рассматриваемое время на быт кударинских бурят оказала влияние русская городская культура, в частности, часть из них стали пользоваться такой посудой, как самовары, стеклянные стаканы, хрустальные рюмки, керамические тарелки и вилки². Со-

² ГА РБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1273. Л. 27.

ответственно, в их среде получили распространение традиции питья черного чая с сахаром, употребления русской водки и др.

Подводя итоги, следует констатировать, что система питания кударинских бурят второй половины XIX в. относилась к скотоводческо-зерновому классу: в ней доля продуктов животноводческого происхождения (молочных и мясных) превалировала над остальными группами пищевых продуктов. Сохраняя традиционные этнические черты, она в то же время включала ряд заимствований из русской кухни и утвари.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балдаев С.П. Предания о расселении кударинских и кабанских бурят // Записки Бурят-Монг. науч.-исслед. ин-та культуры. 1958. Т. 25. С. 152–177.
2. Бадмаев А.А. Трансформационные процессы в жилищно-поселенческом комплексе кударинских бурят во второй половине XIX – начале XX века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 5: Археология и этнография. С. 249–254.
3. Манишев Д.М. Хозяйство бурят в XIX веке: основные факторы и особенности развития. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2011. 265 с.
4. Бадмаев А.А. Система питания забайкальских бурят в первой половине XIX в. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 7: Археология и этнография. С. 250–257.
5. Крадин Н.Н. Кочевое хозяйство агинских бурят во второй половине XIX – начале XX века // Studia ethnologica Instituti Historiae Academiae Scientiarum Mongoli. Т. XII, fasc. 11. С. 213–244.

REFERENCES

1. Baldaev S.P. Legends about settling Kudrinsky and Cabanski Buryats. *Zapiski Buryat-Mongol'skogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kul'tury*. 1958. T. 25, S. 152–177. (In Russ.)
2. Badmaev A.A. Transformation processes in housing and residential complex Kudarinsky Buryats in the second half of XIX – early XX century. *Vestnik NGU. Seriya: istoriya, filologiya*. 2012. T. 11, vyp. 7: *Arkheologiya i etnografiya*. S. 249–254. (In Russ.)
3. Mansheev D.M. Agriculture Buryats in the XIX century: the main factors and features of the development. *Ulan-Ude: Izd-vo VSGTU*, 2011. 265 p. (In Russ.)
4. Badmaev A.A. The food system of the Zabaikalsky Buryats in the first half of the nineteenth century. *Vestnik NGU. Seriya: istoriya, filologiya*. 2012, t. 11, vyp. 7: *Arkheologiya i etnografiya*, s. 250–257. (In Russ.)
5. Kradin N.N. Nomadic economy Aginsky Buryats in the second half of XIX – early XX century. *Studia ethnologica Instituti Historiae Academiae Scientiarum Mongoli*, т. XII. Fasc. 11. P. 213–244. (In Russ.)

Статья принята редакцией 12.04.2015

УДК 392.3 395+397+ 398.4

В.А. БУРНАКОВ

РОЛЬ КУЛЬТОВЫХ ПРЕДМЕТОВ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ ХАКАСОВ: ПО ДАННЫМ ЯЗЫКА, КУЛЬТУРЫ И ПСИХОЛОГИИ (КОНЕЦ XIX – СЕРЕДИНА XX в.)*

Венарий Алексеевич Бурнаков,
канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник,
Институт археологии и этнографии СО РАН
630090, Новосибирск, пр. Лаврентьева, 17
e-mail: venariy@ngs.ru

В статье на основе лингвистических, исторических и этнографических сведений рассматривается феномен фетишизма у хакасов. В языке этого народа культовые предметы назывались *тӧс'ами*. В традиционной культуре данный термин обладает широким семантическим полем. Среди встречающихся значений выделяются такие понятия, как «основа», «сущность», «корень», «начало» и др. Смысловое содержание этого слова тесно связано с культом предков. Термин *тӧс* имеет древнетюркское происхождение и встречается у многих народов. В традиционной обрядовой практике хакасов *тӧс'ы* использовались в качестве семейно-родовых охранителей. В русской культуре эти сакральные для коренных жителей изделия обозначались словом «шайтаны» и связывались с «нечистой силой». В процессе этнокультурного взаимодействия русских и хакасов в лексический фонд последних вошел и термин шайтан.

Ключевые слова: хакасы, традиция, обряды, предки, фетиши, тӧс, шайтан.

* Исследование выполнено благодаря финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 14-50-00036.

V.A. BURNAKOV

**THE ROLE OF RELIGIOUS OBJECTS
IN SOCIOCULTURAL COMMUNICATIONS OF KHAKASSIA:
EVIDENCE FROM LINGUISTIC DATA, CULTURE AND PSYCHOLOGY
(THE LATE XIX – MID XX CENTURIES)**

Venaryi A. Burnakov,
Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher
Institute of Archaeology and Ethnography,
Acad. Lavrentiev Ave., 17, Novosibirsk, 630090, Russia
e-mail: venaryi@ngs.ru

The paper aims at studying a phenomenon of fetishism – so-called “tös” in Khakass. In order to achieve the stated goal the author traced the etymological origins of the term “tös”; defined the role played by fetishes in these people’s world-view and ritual practices, clarified to what extent these religious subjects were perceived by the Russian population; identified the results of Russian and Khakass cross-cultural interaction in the religious and mythological spheres. Chronological framework encompasses the late XIX – middle XX centuries. The choice of these time limits is determined, first of all, by the state of historical sources relevant to the subject being explored. Archival historical, linguistic and ethnographic materials have been used as the main sources. The work is based on an integrated systemic-historical approach to studying the past. The research technique is underlain by the following historical and ethnographic methods: scientific description, specific-historical method and method of relics. The linguistic method of etymology was used to study the word origins.

Fetishism has a special place in the Khakass culture. The sacred religious subjects were called tös. This term possesses a wide semantic field in these people’s world-view and language. Among its meanings one can find such concepts as “basis”, “essence”, “root”, “beginning”, and others. The semantic content of this word is closely connected with a cult of ancestors. The term “tös” has an ancient Turkic origin and can be found in many languages. “Töses” were used as family and patrimonial guardians in the traditional ceremonial practices of Khakass people. In Russian culture these products, sacral for aboriginals, were designated by the word ‘shaitans’ and associated with ‘evil spirits’. During the Russian and Khakass ethnic-cultural interaction the term ‘shaitan’ entered the Khakass vocabulary. Thus, the way aboriginal people used this term was very selective and peculiar.

Key words: Khakass people, tradition, fetishes, tös, shaitan, rituals, ancestors.

В мировоззрении и традиционной обрядности хакасов особое место отводилось фетишизму. Культурные предметы именовались *mös*’ами. Следует заметить, что в языке этого народа термин *mös* не ограничивается лишь обозначением фетишей. Он обладает широким семантическим полем. Под этой лексемой еще принято понимать следующее: 1) грудь, грудинка; 2) основание, подножие, корень; 2) сверхъестественные существа – духи и др. [1, с. 236; 2, с. 665]. В.Я. Бутанаев в ходе многолетних полевых этнолингвистических изысканий у хакасов дополнил семантику термина *mös* такими смысловыми категориями, как: 1) основные устои общества, 2) родительский кров, 3) духовная сила, дух народа, 4) ангел-хранитель и др. [3, с. 154].

Происхождение указанного термина, очевидно, своими историческими корнями уходит в древнетюркскую эпоху (VI–X вв. н. э.). Например, слово *töz* в значении «корень, основа, сущность» обнаруживается в «Древнетюркском словаре» [4, с. 582–583]. В «Сравнительном словаре турецко-татарских наречий» Л. Будагова эта лексема представлена в схожей трактовке – «основание, опора, начало» [5, с. 809]. Известный тюрколог С.Е. Малов, анализируя хакаские слова *mös* и *mös tün*¹, выявил родство этих слов с древнеуйгурским понятием «основа и сущность».

Э.В. Севортян в «Этимологическом словаре тюркских языков» термин *töz* также возводит к древним пластам тюркской лексики и интерпретирует его не иначе, как: «происхождение, основание, корень, начало» [6, с. 284].

Не подлежит сомнению тот факт, что именно с древнетюркского времени термин *töz* / *mös* получает широкое распространение и среди коренных народов Южной Сибири, имеющих друг с другом тесные генетические и культурные связи. Так, данная лексема с аналогичным смысловым наполнением встречается у шорцев [7, с. 55], алтайцев [8, с. 156], телеутов [9, с. 87], тувинцев [10, с. 249–251] и др. Итак, семантика слова *mös* в культуре хакасов и шире – сибирских тюрков недвусмысленно указывает на его мировоззренческую фундаментальность и тесную связь с идеей сакральности и некоего порождающего мифологического первоначала. Хакасы нередко видели в них своих духов-первопредков.

Термин *mös*, в том числе в значении – фетиш, долгое время был не известен русским, несмотря на то, что некоторые из них имели возможность видеть такие предметы в процессе коммуникации с хакасами. Отметим, что становление начального этапа межкультурного взаимодействия русского и автохтонного населения Сибири происходило в условиях обоюдного довольно слабого, поверхностного знания языков контактирующих сторон, а также разнящегося мен-

¹ СПФА РАН. Ф. 1079. Оп. 1. Д. 183. Л. 277.

талитета и существенно отличающихся религиозных ценностей. Это находило свое отражение в том факте, что восприятие духовной культуры коренных жителей Сибири русскими неизменно осуществлялось сквозь призму христианского миропонимания [11, с. 155–179; 12, с. 107–114]. Данное обстоятельство существенно затрудняло процесс точного и адекватного перевода на русский язык отдельных мировоззренческих категорий и понятий, а также названий культовых объектов сибирских народов. Многие явления традиционной культуры местного населения нередко выходили за рамки христианского мировосприятия и православных ценностей. В полной мере это относится к шаманизму и атрибутам культа *тос'ов*. Так, еще в 1730-х гг. в описании служилого атамана Мугунчакова с товарищами о хакасах было сказано, что «оной народ состоит в вере своей: ни поста, ни молитв никаких не знает, а наипаче, что навывают шайтаном, и веруют в него и шаманят по их закону» (цит. по: [13, с. 114]).

Сверхъестественные существа и олицетворяющие их фетиши сибирских народов обычно воспринимались русскими в качестве языческих идолов «нечистой силы» и обозначались словом «шайтаны» [14, с. 84; 15, с. 685; 16, с. 1488]. В связи с этим служителей культа – шаманов нередко именовали еще и «шайтанщиками» [17, с. 108]. Утверждению слова *шайтан* сначала в русскоязычной среде, а затем и в иноэтнических сообществах в немалой степени способствовало православное духовенство. Их представители в своих проповедях, в делопроизводственных документах, этнографических очерках, и, конечно же, в бытовой речи широко использовали термин *шайтан*. При этом он мог употребляться в различных вариациях, например, шайтанки, шайтанчики и др. Так, священник Усть-Фыркальской Николаевской церкви Иоанн Данилов в конце XIX в., описывая культовые изделия хакасов подведомственного ему прихода, сообщал о том, что «изображения духов-шайтанов бывают или в виде маленьких разных лоскутков холстинных, дабиных, ситцевых, шелковых, парчовых, плисовых и пр., привязанных к концу палочки толщиною в палец и длиною аршина в полтора или два в виде разных человекообразных и зверообразных фигур, нарисованных красною глиною на клочке холста, длиною четверти в полторы и шириною в четверть. Изображения эти хранятся или за чувалом, или в укромном уголке задней стены вдали от переднего угла, где стоят св. иконы»². А в отчете Красноярского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1915 г. была представлена характеристика состояния духовной жизни прихожан из числа коренных жителей. Отмечалось, что «язычества в чистом виде в приходе нет. Все инородцы крещены, хотя некоторые языческие верования еще доселе сохраняются среди стариков, у которых иногда можно бывает встретить наряду со Св. Иконами так называемые шайтанки, то есть изображения духов» [18, с. 20–21].

Между тем, несмотря на активную прозелитическую деятельность православных священнослужителей, слово *шайтан* долго приживалось среди хакасов. Даже к концу XIX в. для многих местных жителей оно оставалось новым и малоизвестным. Об этом, например, убедительно свидетельствуют полевые наблюдения Н.Ф. Катанова. Ученый констатировал факт того, что «миссионеры совершенно напрасно убеждают татар (хакасов. – *Авт.*), что не следует кланяться “шайтану”, тогда как они не только не кланяются ему, но и не знают самого слова шайтан» [19, с. 27].

Надо полагать, что выбор термина *шайтан* в качестве ключевого маркера языческих духов и идолов хакасов, как собственно и других сибирских народов, по всей видимости, был неслучаен. Само слово заимствовано русскими от тюркоязычных народов России и Центральной Азии, исповедовавших ислам, – от одной из авраамических религий, к числу которых, как известно, относится и христианство. По справедливому замечанию Э.Л. Львовой, слово «шайтан» изначально было заимствовано русскими из ислама и в дальнейшем использовалось ими для обозначения «нечистой силы» аборигенных этносов [20, с. 174]. При этом следует добавить, что непосредственно этимология этого термина восходит к арабскому *šaitān* и переводится как ‘сатана’, ‘дьявол’, ‘злой дух’, ‘черт’, ‘бес’ [15, с. 685; 16, с. 1488; 21, с. 637; 22, с. 395].

Данная лексема исторически и теологически была чрезвычайно близка библейскому образу Сатаны. В связи с этим заимствование и употребление слова *шайтан* легко и непротиворечиво вписывалось в христианское мировосприятие русских. В сознании православных верующих языческие идолы – шайтаны сибирских народов, как уже было отмечено выше, являлись материальным изображением и воплощением Вселенского зла и его слуг. Миссионеры, следуя заветам Священного Писания, в своей прозелитической деятельности должны были не только повсеместно распространять христианское вероучение, но и при этом всемерно искоренять все проявления идолопоклонства у новообращенных. Еще в начале XVIII в. в Сибири яркий пример непримиримого и воинственного отношения к «поганому язычеству» автохтонного населения активно демонстрировал митрополит Тобольский и Сибирский Филофей Лещинский. Он практиковал радикальные методы христианизации сибирских народов. Например, его личный помощник Григорий Новицкий описывает цель поездки священника к сибирским инородцам в 1712 г. следующим образом: «крепкая нечестия столпы и основание их, на чем утверждаху злочестие свое, низрынуть, разорити капища, опровергти и сокрушити вся идолы» [23, с. 71]. Миссионерская стратегия Русской Православной Церкви (РПЦ) все же не оставалась неизменной. Со временем она корректировалась, применялись иные формы христианизации. Тем не менее традиционные культовые предметы коренных жителей Сибири при возможности изымались и уничтожались. Несмотря на это, хакасы, прилагая всевозможные ухищрения, все же старались сохранить

² ГА КК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 69. Л. 6.

свои традиционные верования и культовую атрибутику. В связи с этим Д.А. Клеменц в конце XIX в. сообщал о том, что «собирать сведения о них (*тӱс'ах*. – *Авт.*) чрезвычайно трудно; благодаря энергичным преследованиям всяких остатков шаманства инородцы скрывают от глаз посторонних своих идолов и отрицают упорно всякую связь свою с шаманским культом» [24, с. 23]. Подобную же картину духовной жизни хакасов наблюдал и А.В. Адрианов. Он констатировал, что, «несмотря на полицейские мероприятия духовенства, господствующим среди инородцев остается культ шаманства. Они обоготворяют силы природы, отдельные предметы – горы, реки, камни, обоготворяют символические изображения в честь того или другого духа, от которого зависит личное благополучие» [25, с. 36].

Полную неприязнь по отношению к культовым объектам и традиционной обрядности коренных жителей Сибири демонстрировали не только представители духовенства, но и рядовые верующие. Более того, последние всегда испытывали суеверный страх перед магическими практиками, атрибутами культа и шаманами коренных народов Сибири [26, с. 459; 27, с. 127–128]. Следуя общепринятой логике, чтобы успешно бороться с врагом или полнее обезопасить себя от его негативно-го влияния, надо, по крайней мере, знать, кто он такой и как его имя. Данный стереотип мышления нашел свое яркое отражение в известной поговорке «известный черт лучше неизвестного». Перед русскими применительно к данной ситуации возникали определенные сложности. Они не имели возможностей, а зачастую из суеверных и иных соображений не испытывали желания углубляться в познание сложной инородческой демонологии. Немалые затруднения для русских вызывала, очевидно, и фонетическая специфика, а также обусловленная этим труднопроизносимость многих лексических единиц сибирских автохтонов [24, с. 25]. В связи с этим наиболее удобным и емким обозначением всей когорты всевозможных духов и соответствующих их материальных изображений оказался такой специфический «инородческий» термин, как *шайтан*. Он не вызывал никаких фонетических затруднений у русских. Необходимо заметить, что не представляется возможным с точностью определить время заимствования этого слова. При этом абсолютно не вызывает сомнений тот факт, что слово *шайтан* уже к XIX в. наряду с выражениями «идолы поганые», «особливые болванчики», «инородческие божки» получило довольно широкое распространение в обиходе русских.

Со временем лексема *шайтан* в изначальном значении – ‘сатана, дьявол, черт’ – утвердилась и в хакасском языке. Это слово бытует в адаптированной форме – *сайтан* [2, с. 434], «*сайдан / сайден*»³. Между тем обращает на себя внимание то, что в традиционной культуре хакасов, как правило, данное слово не использовалось для обозначения зловердных сверхъестественных существ, по отношению к которым заведомо употреблялось слово *айна*. Кроме того, рассматриваемые культо-

вые объекты устойчиво назывались *тӱс'ами*. Лексема *сайтан / сайдан / сайден* в народе обычно используется лишь в качестве бранного слова и ругательного возгласа и не имеет какого-либо ритуального значения.

Наряду с этим в прошлом употребление хакасами указанного термина для обозначения сверхъестественных существ и фетишей все же допускалось при определенных обстоятельствах. Однако это происходило не внутри самого этноса, а лишь при коммуникации хакасов с русскоязычными представителями – исследователями, миссионерами и др. Следует пояснить, что и к концу XIX в. подавляющее большинство коренных жителей, особенно проживающих в отдаленных подтаежных территориях, как правило, не располагало достаточным словарным запасом русского языка, а чаще и вовсе не владело им. В связи с этим в процессе межэтнической коммуникации они не всегда имели возможность сделать точный и правильный перевод на русский язык многих явлений собственной культуры. Обычно для быстроты ответа и более адекватного понимания собеседниками специфики их верований, в т. ч. и назначения соответствующих ритуальных изделий, они порой вынужденно называли их всех *шайтанами*, как явление, связанное с их духовной жизнью и мировоззрением. При этом хакасы, конечно же, вкладывали в данное наименование свое понимание, которое по своему глубинному смыслу могло полярно отличаться от привычного для русского слуха значения произнесенного ими слова. Об этом, например, убедительно свидетельствуют материалы Д.А. Клеменца. В 1883 г. во время экспедиции по Хакасии в своем полевом дневнике он записал диалог со своим проводником-хакасом, затрагивающий тему традиционных воззрений его народа. Ученый писал:

Речь как-то перешла на шаманство. – Есть в России хорошие шаманчики⁴? – неожиданно спросил татарин (хакас. – *Авт.*). Я отвечал отрицательно.

– Значит, у вас *шайтанов* нет? – последовал вопрос.

– Не знаю, прежде, говорят, были, теперь что-то не слышать.

– Нет, и у вас есть *шайтаны*, только, должно быть смиренные. Русский народ – хитрый народ, бойкий народ, сам хуже *шайтана*. Татары смиренный народ, простой: оттого и *шайтаны* у нас сердитые, с убеждением заключил мой философ.

– Нет, – продолжил он, помолчав, – нам никак нельзя без шаманчика – *шайтанов* много. В тайге *шайтан*, на горах опять другие *шайтаны*. Пришел *шайтан* в юрту, испортил человека, захворал человек, как быть без шаманчика? [28, с. 7].

Как видно из текста, информатор Д.А. Клеменца под обобщающим словом *шайтан* на самом деле подразумевал целый круг неравнозначных для коренных жителей сверхъестественных существ. Из их числа можно выделить духов-хозяев местности – *ээлері* и зловердных демонов – *айналар*, духов-помощников шамана – *тӱстер* и др. Необходимо добавить, что активное

³ Полевые материалы автора.

⁴ Шаманчики – устар. шаманы, по-хакасски – *хам*.

употребление слова *шайтан* в дальнейшем получило широкое распространение и среди обрусевших хакасов, утративших многие черты своей этнической культуры, в т. ч. знание родного языка. В их религиозном сознании уже преобладали православные установки и ценности. Поэтому в их речи эта лексема точно так же, как и у русских, использовалась для обозначения злых духов и традиционных атрибутов культа их предков.

Таким образом, представленный материал позволяет сделать вывод о том, что в культуре хакасов особое место отводилось культовым предметам – *тӧс*’ам и мифоритуальному комплексу, с ними связанному. В мировоззрении народа понятие *тӧс* наделялось полисемантическим значением. При этом исторические корни данного слова и его семантика уходят в древнетюркское время. Данный факт свидетельствует о широком распространении рассматриваемого термина среди тюркоязычных народов. В прошлом многие из них имели тесные этнокультурные контакты и генетические связи. В традиционном сознании хакасов сакральные предметы – *тӧс*’ы чаще всего мыслились в качестве семейно-родовых охранителей. Кроме того, с их образом устойчиво ассоциировалась идея мифического первоначала, связанная с культом предков.

В процессе этнокультурного взаимодействия автохтонного населения и русских в поле зрения последних нередко попадали и хакасские фетиши. В религиозно-мифологическом восприятии русского населения, исповедовавшего православное христианство, *тӧс*’ы воспринимались в качестве материальных изображений «нечистой силы» – шайтанов. Это находило свое отражение в соответствующем к ним отношении, особенно со стороны православных миссионеров. В результате межкультурного взаимодействия этих народов в духовной сфере слово *шайтан* в его адаптированной форме утвердилось в хакасском языке. Оно весьма своеобразно и избирательно использовалось в речи коренных жителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хакасско-русский словарь. М., 1953. 358 с.
2. Хакасско-русский словарь. Новосибирск, 2006. 1114 с.
3. Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан, 1999. 240 с.
4. Древнетюркский словарь. Л., 1969. 715 с.
5. Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, со включением употребительнейших слов арабских и персидских и с переводом на русский язык. СПб., 1869. Т. I. 829 с.
6. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д». М., 1980. 392 с.
7. Курпешко-Таннагашева Н.Н., Апонькин Ф.Я. Шорско-русский и русско-шорский словарь. Кемерово, 1993. 152 с.
8. Ойротско-русский словарь. М., 1947. 312 с.
9. Ромина-Сыркашева Л.Т., Кучигаева Н.А. Телеутско-русский словарь. Кемерово, 1995. 120 с.
10. Татаринцев Б.И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск, 2002. Т. II. 389 с.
11. Сагалаев А.М. О закономерностях восприятия мировых религий тюрками Саяно-Алтая // Генезис и эволюция этнических культур Сибири. Новосибирск, 1986. С. 155–179.
12. Бурнаков В.А. Эрлик-хан в традиционном мировоззрении хакасов // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 1 (45). С. 107–114.
13. Потапов Л.П. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII–XIX вв.). Абакан, 1952. 217 с.
14. Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. М.; Л., 1949. 142 с.
15. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск, 2000. 778 с.
16. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2000. 1536 с.
17. Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. III, ч. 2. 300 с.
18. Отчет Красноярского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1915. Красноярск, 1916. С. 17–23.
19. Катанов Н.Ф. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сент. 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии. Казань, 1897. 104 с.
20. Львова Э.Л. Материалы к изучению этнической истории чувльмских тюрков по данным шаманистского культа // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973. С. 174–175.
21. Даль В. Толковый словарь живого Великорусского языка. СПб.; М., 1882. Т. IV. 714 с.
22. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. IV. 864 с.
23. Новицкий Гр. Краткое описание о народе остячком. 1715. Новосибирск, 1941. 108 с.
24. Клеменц Д.А. Заметка о тюсях // Известия Восточно-Сибирского отдела ИРГО. 1892. Т. XXIII, № 4–5. С. 23–35.
25. Адрианов А.В. Очерки Минусинского края. Томск, 1904. 62 с.
26. Ядринцев М.Н. Сибирь как колония. СПб., 1892. 720 с.
27. Люцидарская А.А. Колдовство и магия в жизни колонистов Сибири XVII века // Археология, этнография и антропология Евразии, 2007. № 4. С. 124–129.
28. Клеменц Д.А. Минусинская Швейцария и боги пустыни (из дневника путешественника) // Восточное обозрение. 1884. № 5. С. 7–9.

REFERENCES

1. Khakass-Russian dictionary. Moscow, 1953, 358 p. (In Russ.).
2. Khakass-Russian dictionary. Novosibirsk, 2006, 1114 p. (In Russ.).
3. Butanaev V.Ya. Khakass-Russian Ethnographical Dictionary. Abakan, 1999, 240 p. (In Russ.).
4. Ancient Turkic dictionary. L., 1969, 715 p. (In Russ.).
5. Budagov L. Comparative Dictionary Turkish-Tatar adverbs, with the inclusion of common words in Arabic and Persian and translated into Russian. St. Petersburg, 1869, vol. I, 829 p. (In Russ.).
6. Sevortyan E.V. Etymological dictionary of Turkic languages. Common Turkic and Turkic between bases on the letters “V”, “G”, “D”. M., 1980, 392 p. (In Russ.).
7. Kurpeshko-Tannagashev N.N., Aponkin F.Y. Shor-Russian and Russian-Shor dictionary. Kemerovo, 1993, 152 p. (In Russ.).
8. Ouyrot-Russian dictionary. M., 1947, 312 p. (In Russ.).
9. Rumina-Syrkasheva L.T., Kuchigasheva N.A. Teleut-Russian dictionary. Kemerovo, 1995, 120 p. (In Russ.).
10. Tatarintsev B.I. Etymological dictionary of Tuvan language. Novosibirsk, 2002, vol. II, 389 p. (In Russ.).
11. Sagalaev A.M. On the laws of perception of the world’s religions Turks Sayano-Altai. *Genesis i evolyutsiya etnicheskikh kultur Sibiri* [Genesis and evolution of ethnic cultures of Siberia]. Novosibirsk, 1986, pp. 155–179. (In Russ.).
12. Burnakov V.A. Erlik Khan in the traditional world Khakas. *Archeologiya, Etnologiya i Antropologiya Evrasii* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia], 2011, N 1 (45), pp. 107–114. (In Russ.).

13. Potapov L.P. A Short History and Ethnography Khakases (XVII–XIX you). Abakan, 1952, 217 p. (In Russ.)
14. Preobrazhenskiy A. Dictionary of Russian language. M.; L., 1949, 142 p. (In Russ.)
15. Anikin A.E. Etymological Dictionary of Russian dialects Siberia. Borrowing from the Urals, Altai and Paleo-Asiatic languages. M.; Novosibirsk, 2000, 778 p. (In Russ.)
16. Great Dictionary of the Russian language. St. Petersburg, 2000, 1536 p. (In Russ.)
17. Bakhrushin S.V. Scientific works. M., 1955, vol. III, part 2, 300 p. (In Russ.)
18. Report of Krasnoyarsk Eparchial Committee of the Orthodox Missionary Society for 1915. Krasnoyarsk, 1916, pp. 17–23.
19. Katanov N.F. Trip report, done from May 15 to Sept. 1. 1896 Minusinsky District Yenisei province. Kazan, 1897, 104 p. (In Russ.)
20. Lvova E.L. Materials for the study of ethnic history of Turkic languages according to the shamanistic cult. *Proiskhozhdenie aborigenov Sibiri i ikh yazykov* [Origin of Siberia natives and their languages]. Tomsk, 1973, pp. 174–175. (In Russ.)
21. Dahl V. Explanatory Dictionary of Russian language. St. Petersburg; M., 1882, vol. IV, 714 p. (In Russ.)
22. Fasmer M. Dictionary of Russian language. M., 1987, vol. IV, 864 p. (In Russ.)
23. Novitsky G. Brief description of the Ostyak people. 1715. Novosibirsk, 1941, 108 p. (In Russ.)
24. Klements D.A. A note on tyusyah. *Izvestiya Vostochno-sibirskogo otdela IRGO* [Proceedings of the East Siberian department IRGO], 1892, vol. XXIII, N 4–5, pp. 23–35. (In Russ.)
25. Adriyanov A.V. Sketches of Minusinsk edge. Tomsk, 1904, 62 p. (In Russ.)
26. Yadrintsev M.N. Siberia as a colony. St. Petersburg, 1892, 720 p. (In Russ.)
27. Liutsidarskaya A.A. Witchcraft and magic in the life of the colonists Siberia XVII century. *Arkheologiya, Etnologiya i Antropologiya Evrasii* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia], 2007, N 4, pp. 124–129. (In Russ.)
28. Klements D.A. Minusinsk Switzerland and the gods of the desert (from the diary of a traveler). *Vostochnoe obozrenie* [Eastern survey], 1884, N 5, pp. 7–9. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 25.03.2015

УДК 398.3+398.4+81.411.2

О.К. АНСИМОВА, О.В. ГОЛУБКОВА*

ДУХИ ЛЕСА В РУССКИХ НАРОДНЫХ ВЕРОВАНИЯХ: НОВОЕ РЕШЕНИЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

Ольга Константиновна Ансимова
канд. филол. наук, доцент,
Новосибирский государственный технический университет
630073, Новосибирск, пр. К. Маркса, 20
e-mail: ansimova-ok@yandex.ru
Ольга Владимировна Голубкова,
канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник,
Институт археологии и этнографии СО РАН
630090, г. Новосибирск, пр. Ак. Лаврентьева, 17
e-mail: olga-11100@yandex.ru

Лесные духи (*леший* и прочие) относятся к пласту древнейших верований русского народа. Фольклорные и этнографические источники характеризуют *лешего* как хозяина леса, оберегающего свои уголья, способного менять свой облик. В современных словарях лингвокультуры мы не нашли словарной статьи *леший*. Мы предлагаем лексикографическую интерпретацию, используемую в конструируемом словаре лингвокультурной грамотности как новый метод лексикографической фиксации этнографической информации. Совокупность этнографического, фольклорного и лингвистического материалов при комплексном подходе поможет определить степень изменения мифологических образов, характерных для традиционной культуры, и выявить их роль в картине мира русского народа. Основываясь на результатах опроса и полевых этнографических материалах, мы сформировали словарную статью *Леший*, отражающую современные представления носителей языка и русской лингвокультуры об этом мифологическом персонаже.

Ключевые слова: лесные духи, леший, народные верования, славянская мифология, фольклор, традиционная культура, словарное описание, лингвокультурная грамотность, лексикография.

O.K. ANSIMOVA, O.V. GOLUBKOVA

A LEXICOGRAPHICAL SOLUTION FOR FOREST MYTHOLOGICAL CREATURES DESCRIPTION IN THE RUSSIAN FOLK BELIEFS

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 14-50-00036.

Olga K. Ansimova

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Russian Language Department
Novosibirsk State Technical University
20 Karl Marx Av., Novosibirsk, 630073
e-mail: ansimova-ok@yandex.ru

Olga V. Golubkova

Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Ethnography Department
Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS (IAE SB RAS)
17 Akademician Lavrentiev Av., Novosibirsk, 630090
e-mail: olga-11100@yandex.ru

Forest spirits (*Leshy* and others) belong to the set of ancient beliefs of Russian people. Folklore and ethnographic sources, including modern materials, characterize *Leshy* as a master of Forest, who protects his lands making people ramble in the woods, loves jokes and can change his appearance.

Images of *Leshy* are almost identical in Siberia and European part of Russia. According to present knowledge it is more correct to speak about transformation of *Leshy's* image due to changing cultural environment and mentality. However, a recent survey (317 questionnaires) conducted among urban citizens of different age and professional groups revealed that modern citizens not only easily answered the question "Who is *Leshy*?", but were able to list many of its "traditional features".

The authors note that although modern dictionaries of Linguoculture should explain semantics of such lexical unit as "*Leshy*" (as it plays a significant role in the Russian culture) such entries are lacking in them. The authors propose their lexicographical interpretation as a new method of linguo-cultural fixation of ethnographical information. The same method is used in the dictionary of linguo-cultural literacy dictionary that is being constructed. The dictionary entry reflects everyday values, most relevant to native speakers, as well as a set of ideas associated with these linguistic units.

The integrated use of ethnographic, folklore and linguistic materials helps to determine the degree of variation of mythological images typical of traditional culture and to identify their role in the Russian people's worldview. Based on the survey results and field ethnographic materials, the authors have formed the dictionary entry "*Leshy*" reflecting the modern vision of this mythological creature shared by the native Russian speakers in the context of contemporary linguoculture.

Key words: forest spirits, *leshy* (wood goblin), folk beliefs, Slavic mythology, folklore, traditional culture, verbal description, linguocultural literacy, lexicography.

С лесом и его мифическими обитателями связано немало сказок и сюжетов несказочной устной прозы. Лесные духи относятся к пласту древнейших верований славянских (и других) народов, они являются важным элементом мифологических представлений, составляющих картину мира русских. Основным лесным персонажем народной демонологии является *леший* – дух-хозяин лесных угодий. Кроме *лешего* и его ситуативных (*боровик*, *лесовик*, *моховик*) или половых (*лешачиха*) модификаций, в лесу обитают другие представители лесной нежити: *лембои*, *лешаки*, *лесные девки*; а также *русалки* и *кикиморы* – персонажи, локализация которых связана не только с лесом, но также с водоемами или домашним пространством (подробнее см.: [1, с. 277–306, 448–464]). Мы остановимся на образе *лешего*, обосновав свой выбор его достаточной распространенностью в речи (в том числе в пословично-поговорочных речениях), а также в рассказах современной устной прозы (по этнографическим и фольклорным материалам).

В народной традиции дух – «хозяин» леса имеет много наименований: *лесной дедушка*, *лесной дядя*, *лесной хозяин*, *лесной царь*, *лесной житель*, *лесной мужик*, *лесной дух*, *лесной черт*, *лесовик*, *лесак*, *леший* и др. [2, с. 530; 3, с. 6; 1, с. 283]. Согласно полевым этнографическим материалам¹, среди сельских жителей (преимущественно старшего поколения) его

часто называют *лесным хозяином*. О духе леса говорят достаточно почтительно, нередко избегая слова *леший*, чтобы избежать встречи с ним. *Нельзя помянуть нечистую силу. Вспомнишь лешего, а он тут как тут появится*². *Нехорошо про лесного хозяина говорить, он может услышать*³. *Это слово (леший) как ругательство не надо говорить*⁴. В то же время для горожан, утративших представление о лесе как о сакрально опасном месте, слово *леший* перестало быть запретным, и именно это название лесного духа является самым распространенным.

По материалам этнографии и фольклора *леший* – хозяин леса, охраняющий свою территорию. В этом состоит его основная функция, его предназначение. Именно поведение человека в лесу чаще всего определяет отношение *лешего* к людям: доброе (как правило, нейтральное) или враждебное. *Лешего* обычно не характеризуют как злобное демоническое существо, тем не менее, *леший* считается опасным для человека, нередко его причисляют к нечистой силе. Он враждебен к людям, которые не соблюдают нормы экологического поведения в лесу: мусорят, шумят, занимаются вырубкой деревьев или охотятся «сверх всякой меры». *Леший* также не любит пьяных и тех, кто относится к нему «непочтительно». *Заходя в лес, нужно поздороваться с лесным хозяином, оставить ему угощение – кусок хлеба, сало, конфетку. Тогда в лесу легко, не за-*

¹ Полевые материалы О.В. Голубковой (ПМА) ИАЭТ СО РАН, собранные в Новосибирской, Омской обл., Алтайском крае, ЯНАО, ХМАО Тюменской обл., Кировской, Вологодской, Новгородской, Псковской обл. (2000–2014 гг.)

² ПМА: Новосибирская обл., Искитимский р-н, с. Нижний Коен, 2000.

³ ПМА: Новгородская обл., дер. Пятница, 2012.

⁴ Там же.

блудисься⁵. В лесу веди себя тихо – не кричи, не свисти, чтобы не разгневать лесного хозяина. Набрал грибов, ягоды, обязательно нужно что-нибудь оставить: кусочек хлебушка или пирожок. Любое угощение или хотя бы монетку положи. Тогда он покажет грибные и ягодные места⁶.

Леший осмысливается как первопричина блуждания по лесу: человек не может выбраться на дорогу, потому что лесной хозяин «замкнул» его невидимой чертой круга [3, с. 24]. Иногда леший шутит над людьми, делая это «без всякого злого умысла». Такие шутки обычно завершаются благополучно: стоит вывернуть наизнанку одежду или переобуться, как наваждение исчезает, и человек находит дорогу домой. Здесь используется магический прием «уподобления», поскольку считается, что леший, обладая способностью перевертываться, в облике человека узнаваем по ряду признаков, в том числе: «носит одежду на выворот», его ноги «вывернуты пятками наружу», благодаря чему он «оставляет перевернутые следы – правый слева, а левый справа»⁷. Кроме этого, у лешего зеленоватый цвет бороды и волос, синяя кровь и синеватый оттенок кожи, прозрачные (стеклянные) кости; он может быть корноухим, без бровей и ресниц [1; 2; 3]. С лесными духами связаны истории о подмене детей: вместо новорожденных младенцев (до крещения или до появления первых зубов) они подкладывали чурку или своего ребенка, а замороженные родители воспитывали «обменьща» до тех пор, пока он не убежал в лес. К лесным (или водяным) духам также попадали «проклятые» своими родителями дети. По этой причине существовал строгий запрет родителям посылать своих детей к лешему или черту [1; 2; 3].

Представления о лешем у русских в Сибири во многом совпадают с мифологическими воззрениями жителей Европейской России. Локальные различия, вероятнее всего, связаны с ландшафтной средой, этнокультурным взаимодействием с соседними народами, а также с уровнем сохранности традиционной культуры. Сегодня более актуально говорить о трансформации образа лешего, связанной с изменением культурной среды, мировоззрения, процессами урбанизации и утраты традиций.

Выясним, как соотносятся народные представления обсуждаемого персонажа и его словарное описание. Для этого обратимся а) к толковым словарям (синхронным и диахронным) и б) словарям лингвокультуры.

В «Толковом словаре» В.И. Даля единица леший не имеет самостоятельной словарной статьи, ее семантизация входит в культурный комментарий статьи Лес, в которой приведено подробное описание внешности лешего и его действий, из которых понятно, что он нейтрален по отношению к человеку: «лесной дух, пу-

гало, как домового, полевой, водяной; леший поет голосом без слов, бьет в ладони, свистит, аукает, хохочет, плачет, перекидывается в мужика с котомкой, в волка, в филина, обходит путников и лесников, заставляя их плутать; избавляются от этого, надев все платье наизнанку; звери, особенно зайцы, в его ведении; их лешие проигрывают друг другу в карты и перегоняют из колка в колок. <...> Леший нем, но голосист, без шапки, волоса зачесаны налево, кафтан запахивает направо, бровей и ресниц нет. Леший подходит греться к кострам, но прячет рожу <...>» [4, с. 279]. Думается, что такие зоны словарных статей выводят толкование слова за рамки филологического в область научно-практическую.

В Толковом словаре под редакцией Д.Н. Ушакова толкование единицы леший достаточно лаконичное и абстрактное: «в русской народной мифологии – сверхъестественное существо, живущее в лесу». Здесь же приведены примеры употребления этого слова: 1) «в знач. бранного» обращения к человеку: «куда лезешь, леший?», но не описана ситуация такого употребления, и 2) «К лешему! (поди, ну тебя и т.п.; бран. прост. вульг.). Какого лешего (нужно, пришел и т.п.; бран. прост. вульг.) – что (нужно), для чего (пришел). «Какого лешего тебе еще нужно!» [5, с. 54]. С.И. Ожегов указывает на антропоморфный вид лешего и его враждебность по отношению к человеку: «в славянской мифологии: сказочное существо, живущее в лесу, дух леса, враждебный людям» и также приводит конструкции «Иди ты к лешему!» (; прост.). Какого лешего? (выражение досады; прост. бран.). Леший его знает! (кто его знает; прост.)» [6, с. 318]. В Большом толковом словаре С.А. Кузнецова достаточно большую часть статьи занимает описание лешего в русских народных поверьях: «у лешего верхняя половина тела человеческая, на голове козы уши, рога и борода; ниже пояса – козлиное туловище. Лешие – оборотни, могут являться зверем, птицей, собакой, кошкой, козлом, грибом, кустом, поводом, ящиком, стариком. Любят заманивать в лес женщин, до которых особенно охочи. Поступки лешего непредсказуемы: то украдет ребенка, то сбережет от дикого зверя. Обиженным и убогим леший обычно помогает. Леший – хозяин не только леса и лесных зверей, но и лесных избушек, в которых останавливаются путники. Между лешими и медведями установились приятельские отношения. В знакомом лесу, днем встреча с лешим почти невозможна, нельзя только кричать, свистеть и громко, вызываясь разговаривать – это привлекает внимание лешего» [7, с. 115]. В Малом академическом словаре статья Леший – одна из самых небольших по объему: леший – «дух леса, его хозяин, враждебный человеку» [8, с. 180].

В лингвострановедческом словаре «Россия», который следует считать серьезным достижением отечественной лингвокультурной лексикографии, отсутствует статья Леший (входит в статью Лес и семантизируется как «сказочное существо русской языческой мифологии, дух леса» [9, с. 323]). Между тем основанием для

⁵ ПМА: Омская обл., Тарский р-н, с. Васисс, 2005.

⁶ ПМА: Новосибирская обл., п. Мошково, 2013.

⁷ ПМА: Новосибирская, Омская, Тюменская (ЯНАО) обл., 2007, 2011.

попадания языковой единицы в словарь данного словаря, как пишут авторы, является наличие у нее национально-культурного фона (т. е. «некоторого набора дополнительных сведений и ассоциаций, связанных с национальной историей и культурой и известных всем русским» [9, с. iv]).

Таким образом, словарные статьи толковых словарей в той или иной степени отражают образ *лешего* (внешность, типичные действия, отношение к человеку), дают представление о возможном употреблении данной единицы для характеристики человека, описания ситуации. Важно отметить, что обсуждаемые словарные статьи являются своего рода «сверткой» статей специализированных мифологических словарей, поэтому будем предполагать, что они не отражают современное представление о *лешем* носителей языка, т. е. они не в полной мере решают задачу, актуальную для современного человека: не только способствовать изучению культуры, но и ориентировать пользователя словаря на коммуникацию.

В словарях лингвокультуры, которые, по нашему мнению, должны семантизировать единицу *леший* как достаточно значимую для русской культуры, мы не нашли такой словарной статьи. В связи с этим считаем возможным предложить лексикографическую интерпретацию, используемую в конструируемом словаре лингвокультурной грамотности как новый метод лексикографической фиксации этнографической информации. Словарная статья при обозначенном методе лексикографирования отражает обыденные значения, наиболее актуальные для носителей языка, а также некий комплекс представлений, связанных с этими языковыми единицами (подробнее об этой концепции, а также о разработке макро- и микроструктуры словаря см.: [10]). Так, словарная статья состоит из следующих зон. Основные: 1. Заголовочная единица; 2. Обыденное значение, наиболее актуальное для русских (★); 3. Реализация в речи (☺); 4. Распространенные ассоциации (※); 5. Минимальная справочная информация (ℹ); и дополнительные зоны: дополнительная информация (✓); иллюстрация; частотные результаты.

Обратимся к опытному лексикографированию и продемонстрируем, как может быть семантизирована единица *леший* в словаре лингвокультурной грамотности. Для того чтобы определить: а) наиболее актуальные обыденные значения предложенных единиц, б) наиболее распространенные ассоциации носителей русской лингвокультуры, связанные с данными единицами, в) те компоненты значения этих единиц, которые обычно реализуются в речи, г) ситуативную характеристику их употребления, мы провели анкетирование.

Достижение заявленной цели обусловило определенную структуру анкеты и принципы анкетирования. При характеристике респондентов необходимо обозначить границы распространения анкетирования. Они зависят от целого ряда характеристик информантов, таких, как их возраст и пол, образование, профессиональная деятельность, идентификация с определенной социальной группой и т. п. Ю.Н. Караулов при состав-

лении «Русского ассоциативного словаря» разработал требования, предъявляемые к участникам анкетирования: 1) лица, для которых язык анкетирования является родным; 2) они должны быть городскими жителями, чтобы минимизировать влияние диалектов; 3) широкий территориальный охват испытуемых; 4) основной контингент испытуемых – студенты всех специальностей из вузов России в возрасте 17–25 лет [11, с. 753].

В нашем опросе участвовали 317 чел. из разных городов России⁸: Новосибирска (37%), Москвы (22%), Санкт-Петербурга (17%), Томска (11%), Омска (6%), Барнаула (5%), Тюмени (1%), Салехарда (1%). Основываясь на мнении Ю.Н. Караулова о том, что становление языковой способности завершается к 17–25 годам [11, с. 753], мы расширили круг респондентов по возрастному и социальному признакам. Информантами стали студенты разных факультетов вузов (21%), представители разных специальностей, имеющие высшее образование (53%), и разных сфер деятельности, имеющие среднее специальное образование (19%), пенсионеры (7%). В анкете предлагалось ответить на вопросы относительно возможных ассоциаций, понимания и использования единицы *леший*. Основываясь на ответах информантов, мы выявили, какую именно информацию о единице *леший* необходимо знать носителям языка и, следовательно, включать в словарь.

Кроме того, мы сделали некоторые дополнительные выводы:

1. В реакциях информантов не зафиксированы такие единицы, как *глухомань*, *манить*, *дремучий лес*, которые, по нашему мнению, могут отражать архетипическую память о лесе как о сакрально опасном пространстве и о лесных духах. В мифологическом мировосприятии *дрема*, *морок*, *сон* – это пограничное, переходное состояние между миром живых и миром мертвых. Наименование леса «дремучим» подчеркивает его опасность и враждебность для человека, выражает причастность к *иному миру*. *Дрему* и *морок* нередко насылают мифические лесные обитатели. В лесу совершались многие языческие обряды, из леса брали магические атрибуты. Персонажем, к которому апеллировали участники ритуалов, часто оказывался *леший* [3, с. 6]. Очевидно, из этой же области представлений происходит слово *глухомань*. Оно также может быть связано с лесными демонологическими персонажами, которые заманивают людей в глушь, в дебри леса – на погибель: *леший морочит голову, заманивает в дремучую чащу*⁹.

2. Образ *лешего* отчасти утратил ряд признаков, характеризующих его как могучего лесного властелина. Наряду с другими мифологическими персона-

⁸ Достаточно широкий территориальный охват оказался возможен благодаря Интернет-ресурсам. Подобная анкета не требует обязательного присутствия и фиксированного времени. Даже, наоборот, важно, чтобы полученные ответы были продуманными, осмысленными, что не всегда можно сделать при быстром заполнении анкет в присутствии исследователя.

⁹ ПМА: Алтайский край, Заринский р-н, с. Сосновка, 2009.

жами *леший* стал героем детских сказок, фильмов, мультфильмов и т. п., в связи с чем обрел новые черты, которые не всегда соответствуют традиционным представлениям. Важно учесть, что *леший* (как и *домовой*, *русалка*, *кикимора* и другие герои сюжетов не-сказочной устной прозы) не отражен в классических русских народных сказках (в частности, в сборнике А.Н. Афанасьева). Скорее всего, этот факт можно объяснить тем, что еще в недавнем прошлом упомянутые персонажи считались не сказочными, а вполне реальными, в то время как волшебная сказка отражала более древний, ушедший в прошлое, пласт мифопоэтических воззрений. Поэтому, как показывает полевая практика, истории о *леших*, *домовых*, *водяных*, *русалках*, *кикиморах* и прочих персонажах обычно повествуются в жанрах быличек и бывальщин, претендующих на достоверность. Отголоски веры в существование *лешего* (и других персонажей) еще живы, причем достаточно широко распространены в сельской местности (за исключением *домового*, в которого по сей день верят многие горожане, оставляя ему угощение и пр.).

Согласно полевым этнографическим материалам, собранным в различных регионах России, представления о *лешем* широко распространены и достаточно популярны. За несколько лет было записано более 200 историй-быличек о *лешем*. Большинство из них повествуют о том, как *леший* водил по лесу самих информантов или их знакомых. На сибирском Севере распространен сюжет о подмене детей лесными духами. В ряде мест зафиксированы рассказы о «выкупе» заблудившейся скотины у *лешего*¹⁰. Известны былички о встречах с лешим в образе вихря, а также о знаках-пророчествах, которые *леший* подавал людям. *Дед ходил в лес, однажды рубил дрова. Вдруг поднялся сильный вихрь, кружит столбом вокруг него, мещает работать, а вокруг все тихо. Дед разозлился и кинул топором прямо в центр ветряного столба. Ему оттуда обратно топор выбросили, топор был в крови. Все прекратилось, вихрь рассыпался и кто-то рядом захохотал, но никого не видно. Дед понял, что это был леший. Вернулся домой и слег, а на следую-*

*щий день умер*¹¹. Некоторые люди и сегодня верят в существование *лешего* и, находясь в лесу, прибегают к магическим приемам обережной магии, стараются не нарушать неписанных правил «лесного царства», опасаются вспоминать *лесного хозяина*, чтобы не привлечь его внимания.

Приступая к опросу городских жителей, мы предполагали, что мифологический персонаж *леший*, переставший быть актуальным, окажется забытым или сильно измененным – под влиянием средств массовой интернациональной культуры. Однако данные опроса показали совершенно иную картину. Среди городского населения разных возрастных и социальных групп сохранилась не только память о *лешем*, но также и детали его традиционного образа. Среди них выделяются: зеленый цвет, высокий рост, представление о том, что *леший* лохматый, бородатый, обросший мхом, неопрятный (в лохмотьях), глухой, хромой, пугает страшными звуками в лесу, связан с лесом, деревом, пнем. Сохранилась память о том, что в лесу нельзя шуметь, что *леший* шутит, водит по лесу, запутывает дорогу, а также может наказывать охотников или браконьеров. В русской лексике закрепились идиоматические выражения: «Иди к лешему!», «Леший его знает!»

3. В ответах на вопросы анкеты городскими жителями не были отражены характеристики *лешего* (известные из работ В.И. Даля, С.В. Максимова, М.В. Власовой, Н.А. Криничной и других исследователей русской мифологии), такие как: громкий голос, смех, свист, хлопанье в ладоши, способность вызывать ветер и превращаться в вихрь. В то же время среди сельских жителей (согласно ПМА) все перечисленные признаки были зафиксированы неоднократно. Мы это объясняем, как уже говорилось выше, близостью сельских жителей к лесу и большей степенью сохранности традиционной культуры, включающей народные верования, в частности представления о *лесном хозяине*.

Таким образом, на основе этнографических материалов и результатов анкетирования, нами была составлена словарная статья *Леший*, которая отражает современные представления о мифическом духе леса.

ЛЕШИЙ

★ Дух, который живет в лесу и оберегает его от охотников или браконьеров, пугает тех, кто шумит. Сказочный персонаж. Хозяин леса. О заблудившихся в лесу людях говорят, что их «леший водит».

☺ Иди ты к лешему!

Леший его знает!

Обросший, как леший (о человеке с длинными волосами или бородой, который выглядит неопрятно).

✱ Лес, пень, зеленый, дедушка в лохмотьях, обросший мхом, добродушный, высокий, хромой, глуховатый, страшный.

👤 В русской мифологии – хозяин леса, покровитель диких животных и птиц. *Леший* может представлять в различных растительных, животных, человеческих и смешанных образах, может быть невидимым. *Лешему* приписываются многие лесные звуки, особенно вызываемые ветром. Он поет голосом без слов, бьет в ладоши, свищет, аукает, хохочет, плачет. *Леший* может управлять ветром, превращаться в вихрь. Отношение к *лешему* двойственно: он одновременно и нечистая сила, и справедливый дух. *Леший* любит пошутить над

¹⁰ ПМА: Омская обл., Алтайский край, 2002, 2009.

¹¹ ПМА: Новосибирская обл., г. Болотное, 2013.

людьми: пугает хохотом, сбивает с пути. *Леший* может наказать человека за ненадлежащее поведение – за шум в лесу, жадность и браконьерство. Лесные духи могут похищать людей и скот. Считалось, что от *лесного хозяина* зависит удача на охоте и благополучный выпас скота. Охотники, пастухи, лесорубы, собиратели грибов и ягод оставляли в лесу на пнях угощение для *лешего*.

✓ Рост *лешего* может меняться по его желанию или в зависимости от окружающей растительности: в лесу он растет с самые высокие деревья, а на поляне – вровень с травой.

✓ *Лешего* в образе человека можно узнать по ряду признаков: зеленый оттенок волос и бороды, зеленоватое свечение глаз, синеватый оттенок кожи (потому что у него синяя кровь), отсутствие бровей и ресниц, он может быть остроголовым и иметь только одно ухо.

✓ Заблудившиеся в лесу люди, чтобы избавиться от наваждения, переодеваются, выворачивая наизнанку одежду и меняют обувь с левой ноги на правую, с правой – на левую.

Мифотворчество, являясь живым непрерывным процессом, органично вплетается в традиционные народные верования. Мифологические образы, связанные с ними символы и сюжеты проецируются в языковые выражения, расширяя, а иногда изменяя значения слов. Речь отражает мировосприятие народа, фиксирует происходящие в нем изменения. Совокупность этнографического, фольклорного и лингвистического материалов при комплексном подходе помогает определить степень трансформации мифологических образов, характерных для традиционной культуры, и выявить их роль в современной картине мира русского народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Власова М.Н. Русские суеверия: Энцикл. словарь. СПб.: Азбука, 1998. 672 с.
2. Даль В.И. Поверья, суеверия и предрассудки русского народа. М.: Эксмо, 2008. 736 с.
3. Криничная Н.А. Лесные наваждения (мифологические рассказы и поверья о духе-«хозяине» леса). Петрозаводск: КНЦ РАН ИЯЛИ, 1993. 52 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: ТЕРРА, 1994. Т. 2: И–О. 784 с.
5. Ушаков Т.С. Толковый словарь: в 4 т. М.: ТЕРРА, 1996. Т. 2. 824 с.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1994. 928 с.
7. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. 1-е изд. / публ. в авт. ред. СПб.: Норинт, 1998. 2009. 1536 с.
8. Малый академический словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 2. 750 с.
9. Россия. Большой лингвострановедческий словарь / под ред. Ю.Е. Прохорова. М.: АСТ-ПРЕСС Книга, 2007. 736 с.

10. Ансимова О.К. Лингвокультура и ее отражение в словарях. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2014. 216 с.

11. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.

REFERENCES

1. Vlasova M.N. Russian superstition: encyclopedic Dictionary. SPb.: Azbuka, 1998, 672 p. (In Russ.)
2. Dal' V.I. Beliefs, superstition and preconceptions russian people. M.: E'ksmo, 2008, 736 p. (In Russ.)
3. Krinichnaya N.A. The forest ghosts (mythological stories and beliefs of the spirit – forest «host»). Petrozavodsk: KNCZ RAN IYALI, 1993, 52 p. (In Russ.)
4. Dal' V.I. The explanatory dictionary living Great-Russian language: in 4 vol. M.: TERRA, 1994, vol. 2: I–O, 784 p. (In Russ.)
5. Ushakov T.S. The explanatory dictionary: in 4 vol. M.: TERRA, 1996, vol. 2, 824 p. (In Russ.)
6. Ozhegov S.I., Shvedova T.YU. The explanatory dictionary Russian language. M.: AZ", 1994, 928 p. (In Russ.)
7. Great Dictionary of the Russian Language / Chief-editor S.A. Kuznecov. 1-e izd.: SPb.: Noritt, 1998. Publ. in edit. red. 2009. 1536 p. (In Russ.)
8. Small Academic Dictionary of the Russian language: in 4 vol. / editor A.P. Evgen'eva. 4-e izd., ster. M.: Rus. yaz.: Poligrafresursy', 1999, vol. 2, 750 p. (In Russ.)
9. Russia. Big Dictionary of linguistic-land studies / under the general editorship YU.E. Prohorova. M.: AST-PRESS Kniga, 2007, 736 p. (In Russ.)
10. Ansimova O.K. Language culture and its reflection in dictionaries. Novosibirsk: Izd-vo NGTU, 2014, 216 p. (In Russ.)
11. Karaulov YU.T. Russian language and linguistic identity. M.: Izd-vo LKI, 2010, 264 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 03.04.2015

УДК 39, 930

Е.Ф. ФУРСОВА

**ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ, КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ,
ЛОКАЛЬНЫХ ГРУПП СЛАВЯНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ:
МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД***

Елена Федоровна Фурсова,
д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник,
Институт археологии и этнографии СО РАН
630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17
e-mail: mfl1@mail.ru

Автор анализирует различные подходы к проблеме типологии локальных и конфессиональных групп славянских переселенцев Сибири, принимая во внимание исследования историков, этнографов, физических антропологов. Предлагает свое видение и обоснование в отношении выделения групп старожилов и переселенцев Западной Сибири с учетом их происхождения, закономерностей образования, культурно-бытовой специфики. Показывает, что этнокультурная ситуация в Западной Сибири наилучшим образом подходит для исследования природы и свойств таксономически низких подразделений этносов.

Ключевые слова: типы этнических, этнографических общностей, локальные группы, старожилы и переселенцы Сибири, конфессиональные группы.

E.F. FURSOVA

**PROBLEMS OF TYPOLOGY OF ETHNOGRAPHICAL, RELIGIOUS,
AND LOCAL GROUPS OF SLAVIC SETTLERS IN WESTERN SIBERIA:
A MULTIDISCIPLINARY APPROACH**

Elena F. Fursova,
Doctor of historical Sciences, Leading Researcher,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk 630090, prosp. ak. Lavrentiev 17
e-mail: mfl1@mail.ru

The paper analyzes various approaches to the problem of typology of *ethnographical* (cultural), *local* and *religious* groups of Slavic settlers in Siberia taking into account studies of historians, ethnographers and anthropologists of the XX – early XXI centuries. The author offers her own approach to identifying and providing justification for the Old-Believer and immigrant groups in Western Siberia in terms of their origin, mechanism of development, cultural specifics. The results of research on small ethnic units of Russian (Belarusian, Ukrainian) ethnographical (cultural) groups conducted by historians, anthropologists, and philosophers, were compared with the data obtained by the physical anthropologists who greatly contributed to justification of the ethnic groups typology.

According to the author's view the ethno-cultural situation in Western Siberia is best suited for studying the nature and properties of low taxonomic units, while the future research may reveal changes in surviving ethnographical groups, as well as discover new local and confessional communities of Old-Believers and settlers. The typology of ethnographic groups in Western Siberia must be of "essential" character based on their origins, patterns of formation, resettlement, taking into account the existing mythologem of community consciousness. Each specific ethnographic, confessional or local group has its historical context, as well as a cultural "core", which it was formed around, such as traditional cultural features for *ethnographic* groups, religions for *religious* groups (Old Believers), territorial solidarity (places of origin) for *local* groups (settlers of European Russia). Ethnographic groups may also differ geographically depending on cultural traits variation (Suzun chaldony, Kolyvan chaldony, Altai Kerzhaks and so on). Studies have shown that the majority of ethnographical groups in Western Siberia more or less possesses elements of self-consciousness. As a rule, original external and internal names of these groups are related with their origin, historical homeland, or reflect historical events (real or imagined) in the past.

Keywords: types of ethnic and ethnographic communities, local groups, Siberian Old Believers and settlers, confessional groups.

*Исследование выполнено благодаря финансовой поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 14-50-00036.

Внимание к внутренним подразделениям основных этнических общностей в плане описания их конкретных культурно-бытовых особенностей обнаружилось у отечественных этнографов еще в конце XVIII – начале XIX в. (например, труды о «каменщиках», «поляках» Алтая П. Палласа, 1786; И.П. Фалька, 1824; Г.И. Спасского, 1818; С.И. Гуляева, 1848; А. Принтца, 1867; Н.М. Ядринцева, 1880 и др.).

С 1950-х гг. в советской этнографии установилась так называемая троичная классификация основных типов этнических общностей «племя – народность – нация», а также различные модификации этой схемы. Позднее в научных изданиях, уже в 1960-х гг., появились труды, посвященные типологии, происхождению и динамике развития этнических общностей разного таксономического уровня (С.А. Токарев, 1964; Н.Н. Чебоксаров, 1967; В.И. Козлов, 1979; Н.Н. Чебоксаров, И.А. Чебоксарова, 1985). Интерес к развитию теории типов этнических общностей в то время в значительной степени подогревался стремлением рассматривать эти общности в рамках историко-стадиального подхода, с характерной для него привязкой к большим историческим эпохам, социально-экономическим формациям [1, с. 101–125]. По той же причине в литературе мало уделялось внимания внутренней дифференциации народов и наций и, следовательно, развитию синхронного направления. Поэтому первые попытки осмыслить этнические общности, их различные категории или порядки некоторыми советскими учеными стали предприниматься позднее. Общности таксономически высокого порядка было предложено называть *этнолингвистическими*, более низкого – *этнографическими* [2, с. 96]. В.И. Козлов вместе с тем справедливо считал, что еще не разработаны единые принципы выделения микроэтнических единиц, поэтому «классификация этносов по степени внутренней этнографической дробности крайне затруднительна» [3, с. 12].

Одними из первых и наиболее весомых разработок, которые легли в основу современного понимания природы этих групп, создания терминологии, были труды Ю.В. Бромлея 1980-х гг. [4; 5]. Ученый считал нужным показать классификационные различия между этническими и этнографическими общностями (группами), которые видел в наличии группового самосознания у первых и отсутствии такового у вторых. Он выделил условия, при которых возможно появление субэтносов и этнографических групп, подчеркнул динамичность тех и других [4, с. 48, 49].

Бросая взгляд из сегодняшнего дня, становится очевидным общий характерный для указанных работ того времени недоучет влияния фактора религии при формировании микроэтнических общностей. Так, в известной работе С.А. Токарева говорится о том, что религиозный признак с ходом исторического развития нарастает, а затем убывает [6, с. 45], что весьма нехарактерно для старообрядческих этнографических групп как прошлого, так и настоящего.

Неудовлетворенность существовавшей типологией этнических общностей на разных этапах развития человечества вызвала ряд критических статей в прессе (С.А. Токарев, 1964; Н.Н. Чебоксаров, 1967; В.И. Козлов, 1979) [2, с. 94–109; 3, с. 5–23; 6, с. 43–53]. В 1986 г. на страницах журнала «Советская этнография» развернулась дискуссия по поводу типологии исторических типов этнических общностей, которая была начата М.В. Крюковым [7, с. 58–69] и продолжена А.И. Першицем, Ю.И. Семеновым, С.А. Арутюновым, В.И. Козловым, Г.Е. Марковым [8, с. 151–155; 9, с. 69–72; 10, с. 12–22; 11, с. 69–73]. С.А. Арутюнов предложил подходить к типологии этносов с точки зрения интенсивности синхронных и диахронных коммуникативных информационных связей (инфосвязей). Признавая, что определить плотность инфосвязей не только абсолютно, но и даже относительно весьма сложно, он попытался построить «классификационное двухмерное пространство на основе двух переменных – плотности синхронной и диахронной информации, на котором найдут свое место любые реальные этнические общности прошлого и настоящего» [12, с. 59, 63]. Ввиду необходимости обсудить назревшие теоретические проблемы, связанные с генезисом, историческим развитием и функционированием подразделений этноса, была организована конференция «Этнические и этнографические группы в СССР и их роль в современных этнокультурных процессах», в которой приняли участие Р.Г. Кузеев, В.Я. Бабенко, А.М. Решетов, И.С. Гурвич и др. (Уфа, 1989) [8].

Если в середине XX в. советские авторы-этнографы указывали на неразработанность в зарубежной этнографической науке проблем классификации этнических общностей и их подразделений, то в настоящее время вопросы о существовании и самоидентичности этнических групп являются здесь весьма актуальными. Исследование групп мигрантов Нового Света, подвергшихся аккультурации, в форме интеграции и ассимиляции, дало основание западным специалистам отрицать объективность самого существования этноса и этнических процессов, ставя объектом изучения этничность и этнические группы, которые порой считаются тождественными понятиями [13, с. 12]. Можно согласиться с мнением польского этнолога А. Посерн-Зелинского о том, что синонимия этничности с этнической группой и с этнической идентичностью мешает установлению ее истинного места и роли в социуме [14, с. 7].

До сих пор проблема типологии внутренних подразделений этнических общностей стоит в ряду острых проблем в теории этнографической науки. В современной российской этнографической литературе под этнической *identity*, которая на русский язык переводится как «идентичность», понимается этническое самосознание, самобытность, ощущение принадлежности к определенной группе, ощущение различий с «другими» и пр. Принципиальное положение В.А. Тишкова относительно природы этничности со-

стоит в понимании последней как формы социальной организации культурных различий. Этнические общности определяются, прежде всего, по тем характеристикам, которые сами члены группы считают для себя значимыми. Причем автором признается множественность и не взаимоисключающая природа этнической идентичности. Значимость признаков может быть навязанной извне: члены группы считают своими черты, посредством которых их характеризуют представители внешнего окружения [15, с. 229–233; 16, с. 136]. Этническая идентичность обостряется в условиях конфронтации или даже просто контакта с иноэтничными общностями [17, с. 255]. Этноним-самоназвание народа справедливо признан самым ярким проявлением этнического самосознания [18, с. 32]. Аналогичные взгляды о том, что этническое сознание есть универсальная потенциальная возможность, были высказаны некоторыми зарубежными антропологами. При таком подходе этничность не есть «вещь» в себе (или для себя), но являет собой некую имманентную способность, принимающую выраженную форму в ответ на внешнее воздействие. Появляется ряд работ, в которых группируются, анализируются современные подходы к проблемам «этничности» (например, в рамках дискуссии о «примордиализме» и «конструктивизме») [19, с. 40–42].

В развернувшемся в начале 2000-х гг. обсуждении на страницах «Этнографического обозрения» И.Ю. Зариновым была высказана мысль о том, что таксономические уровни этничности, или степень этнических связей, служат единственной основой для вычленения типов этнических общностей, одной из которых является сам этнос [20, с. 12]. Этногенетические процессы, по предположению того же автора, протекали в направлении к более тесным этногенетическим связям – от суперэтнических образований к мелким этнографическим группам: именно таким образом возникли этносы, которые, в свою очередь, способны делиться на более мелкие этнические подразделения – субэтносы и этнографические группы [20, с. 12–13]. Что касается этнической группы, то ее нельзя рассматривать в качестве одного из типов этнической общности, поскольку она является «сколом» каждого из перечисленных подразделений. Была предложена корреляция разных уровней этнического самосознания и этнических общностей – от самого слабого у представителей суперэтноса до наиболее развитого в этнографической группе [20, с. 13]. В свете сказанного И.Ю. Зариновым предложена формулировка понимания этничности как групповой идентичности, базирующейся на признании отдельными индивидами реликтов своей культуры, чаще всего на мифологическом уровне [20, с. 5].

В западной литературе активизировались дискуссии по поводу понятий «этнос/народ», «этничность», которые рассматриваются как взаимно противоположные категории. По мнению же ряда российских ученых, коренные этнологические понятия «этнос» и «этничность» вполне уживаются

вместе. Этничность, по справедливому замечанию С.Е. Рыбакова, будучи имманентным качеством человека, в исторической перспективе раскрывается все же на определенном этапе его социального развития, когда общность, основанная на родовых связях, в процессе естественного популяционного разрастания постепенно превращается в общность, скрепленную осознанием его членами единого происхождения, ощущением неповторимости и исключительности своей самости через только им присущие обычаи и обряды [21, с. 11–12].

В основе общности этнографической группы, как и этноса в целом, лежат комплексные представления о «своих» и «чужих», которые включают общность происхождения и судеб, культурно-бытовых особенностей, вероисповедания (в данном случае не указываем на общность территории, языка, что само собой разумеется) [22, с. 35–36]. Не поставленной и, естественно, не решенной на сегодня проблемой является выяснение критерия, согласно которому каждая этнографическая группа идентифицирует и сохраняет себя, а также обозначает символические «границы» разделения. До сих пор четко не выяснены и не идентифицированы степени этничности, тезаурус целого ряда микроэтнических общностей, не выяснены вопросы сходства и различия таксономически разных этнографических групп. Можно также констатировать, что пока не нашли должного освещения вопросы механизмов эволюции и трансформации культур групп-мигрантов по отношению к исходной модели (первичной). Решение многих из указанных выше проблем так или иначе связано с коренными задачами этнографической науки: природы происхождения и сущности формаций «этноса» и его микро- и макроподразделений, «этничности», «идентичности» и т. п.

Свой вклад в обоснование типов этнографических групп внесли физические антропологи. Региональные антропологические типы русских на основании изучения географических вариаций признаков выделены В.В. Бунаком и впоследствии подтверждены В.П. Алексеевым в процессе анализа краниологических материалов XVI–XVII вв. [23, с. 61]. Антропологи исследовали русских старожилов Сибири в зависимости от географического принципа расселения (ангарская, енисейская, туруханская, олонская и другие группы), но с выделением отдельных компактных групп, в основе своей старообрядцев (бухтарминских кержаков, поляков, семейских Забайкалья, каменщиков Алтая). В выявленных этнографами группах старообрядцев обнаружены признаки морфологического сходства с жителями тех областей России, откуда пришли их предки [24, с. 106, 118–119]. Отдельно исследователями выделены в большей или в меньшей степени смешанные с местными сибирскими народами ангарская группа старожилов, группы олонских (читинских), кударинских казаков, проживание которых связано с Восточной Сибирью [24, с. 72, 76–77].

К настоящему времени в результате многолетних полевых исследований 1977–2002 гг. автором сделано описание ряда этнографических групп Западной Сибири. В ряде опубликованных работ были намечены и обоснованы различные этнографические подразделения сибиряков, проведен сравнительно-исторический анализ особенностей их культуры. Своеобразные экза- и эндоэтнонимы этих групп, как правило, связаны с их происхождением, исторической родиной, отражают события исторического прошлого. Как показали исследования, абсолютное большинство этнографических групп западносибирского региона в большей или меньшей степени обладают элементами самосознания. Таким образом, если *этнографическая* (вар.: *этнокультурная*) группа характеризуется присущими ей культурно-бытовыми особенностями, то имеет место и самоидентичность представителей этой группы. Соглашаясь с тем, что максимально выраженное этническое / групповое самосознание характерно именно для этнографической группы, необходимо, на наш взгляд, к этому добавить географический фактор, так как компактные этнографические группы обладают более высоким самосознанием, чем дисперсные, или рассеянные (например, ср. компактных «поляков», семейских, «курганов» и рассеянных «чалдонов»). Самосознание старожильческих групп первой трети XX в. являлось многоуровневым, сочетавшим принадлежность к единой общности «сибиряков» и одновременно к конкретным этнографическим группам. Можно указать на сходные выводы антропологов, которые свидетельствуют о том, что, несмотря на происхождение из разных мест, «общность сибиряков характеризуется некоторыми общими чертами» [24, с. 119].

Украинцы и белорусы Западной Сибири ни в период поселения начала XX в., ни в более позднее время не представляли собой организованной общности, способной к политической или другой мобилизации. Более того, различия между черниговскими и киевскими, полтавскими и гродненскими, могилевскими и минскими переселенцами были весьма заметны, как и у представителей русских этнографических групп. До 1930-х гг. старожили и переселенцы представляли собой *этнографические* общности, характеризующиеся особенностями культур и языков, диалектов (чем отличались от проживавших в иноязычном, инокультурном окружении *этнических* групп).

Типология этнографических групп Западной Сибири должна носить «сущностный» характер, опираться на их происхождение, закономерности образования, расселения, учитывать бытующую мифологию осознания общности. Каждая конкретная этнографическая группа имеет тот культурный «стержень», вокруг которого она формировалась. Если для сибиряков-старожилов, в том числе «чалдонов», важным для обозначения своей общности было сходство культурно-бытовых черт, а также представление об общности происхождения («с Дона и Чала»), то для

старообрядческих групп на первом месте стояла приверженность староверию, что было более актуально, чем этничность (предпочтение отдавалось бракам с финноязычными староверами, мордвой, а также тюркоязычными чувашами, сибирскими аборигенами, которых крестили по своему обряду, нежели с русскими сторонниками православной церкви, не желавшими переходить в староверие). Поэтому старообрядческие группы можно называть *конфессиональными* или *конфессионально-этнографическими*, принимая во внимание условность этих терминов: и приверженцы Русской православной церкви, и русские старообрядцы относятся, конечно, к одной конфессии. Российские переселенцы конца XIX – начала XX в., как правило, селились и жили своими областными, *локальными* общностями, уличными «краями», «концами» («курскими», «рязанскими», «могилевскими», «черниговскими» и пр.). В семейных отношениях, особенно при заключении браков, они ориентировались на «своих», впрочем, как и старожильческие группы чалдонов и кержаков. С этнографами солидарны антропологи, которые считают, что все старожильческие группы пережили стадию малых демов, однако непродолжительную, так как отдельные поселения все же поддерживали связи с жителями других населенных пунктов, и даже группы старообрядцев не представляли собой изолятов [24, с. 164].

Вполне очевидно, что можно говорить о протекании взаимно противоположных процессов адаптации: с одной стороны, вновь прибывшее европейское население стремилось как можно быстрее влиться в старожильческий массив, надеясь скорее приспособиться к жизни в Сибири. С другой стороны, естественным было сохранение существовавших общностей с общим культурно-бытовым укладом. Последнее объясняет тот хорошо наблюдавшийся этнографами факт, что материальная культура российских переселенцев подверглась значительным изменениям, в то время как духовная культура – календарные обычаи, фольклор – долго хранила и сохраняет до сих пор специфические черты.

Этнокультурная ситуация Западной Сибири наилучшим образом подходит для исследования природы и свойств таксономически низких подразделений этносов, а будущие исследования могут выявить изменения в сохранившихся этнографических группах, открыть новые локальные и конфессиональные общности старожилов и переселенцев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арский И.В. Вопрос о формировании национальностей в Западной Европе // Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. 1941. № 12. С. 101–125.
2. Чебоксаров Н.Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых // СЭ. 1967. № 4. С. 94–109.
3. Козлов В.И. О классификации этнических общностей (состояние вопроса) // Исследования по общей этнографии. М.: Наука, 1979. С. 5–23.
4. Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981. 389 с.

5. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 411 с.
6. Токарев С.А. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии) // Вопросы философии. 1964. № 11. С. 43–53.
7. Крюков М.В. Еще раз об исторических типах этнических общностей // СЭ. 1986. № 3. С. 58–69.
8. Ковязин С.А. Конференция «Этнические и этнографические группы в СССР и их роль в современных этнокультурных процессах» // СЭ. 1990. № 4. С. 151–155.
9. Марков Г.Е. Этнические общности как историческая категория // СЭ. 1986. № 4. С. 69–72.
10. Перишц А.И., Смирнова Я.С. Общественный быт как предмет этнографического изучения (в связи с компонентным анализом культуры) // СЭ. 1986. № 5. С. 12–22.
11. Перишц А.И. Этнические общности и формационный процесс // СЭ. 1986. № 3. С. 69–73.
12. Арутюнов С.А. Классификационное пространство этнической типологии // СЭ. 1986. № 4. С. 58–64.
13. Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга. СПб.: Изд-во Дмитрий Буланин, 1998. 301 с.
14. Posern-Zieliński A. Koncepcje etniczności studiach etnicznych // Lud. 1979. T. 63. S. 1–17.
15. Тишков В.А. Этнология и политика. М., 2001. 240 с.
16. Малахов В.С. Новое в междисциплинарных исследованиях // Общественные науки и современность. 2002. № 5. С. 131–140.
17. Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М.: Наука, 1982. 357 с.
18. Чвырь Л.А. Заметки об этническом самосознании уйгуров // ЭО. 1994. № 3. С. 31–40.
19. Комаров Д.Ж. Национальность, этничность, современность: политика самоосознания в конце XX в. // Этничность и власть в полиэтничных государствах. М., 1994. С. 35–68.
20. Заринов И.Ю. Социум – этнос – этничность – нация – национализм // ЭО. 2002. № 1. С. 3–30.
21. Рыбаков С.Е. О методологии исследования этнических феноменов // ЭО. 2000. № 5. С. 5–15.
22. Фурсова Е.Ф. Этнокультурные группы россиян Приобья: старожилы и переселенцы // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Материалы к конференции. СПб., 1993. С. 35–36.
23. Русские. М.: Наука, 1997. 828 с.
24. Русские старожилы Сибири. Историко-антропологический очерк. М.: Наука, 1973. 189 с.

REFERENCES

1. Arski I.V. Question about formation of nationalities in Western Europe. *Uchenye zapiski LGU. Serija istoricheskikh nauk.* 1941, N 12, S. 101–125. (In Russ.)
2. Cheboksarov N.N. Problems of typology of ethnic communities in works of the Soviet scientists. *Sovetskaja jetnografija.* 1967, № 4, S. 94–109. (In Russ.)
3. Kozlov V.I. About classification of ethnic communities (condition of a question). *Issledovanija po obshhej jetnografii.* M.: Nauka, 1979, pp. 5–23. (In Russ.)

4. Bromlya Yu.V. Modern problems of ethnography. M.: Science, 1981. 389 p. (In Russ.)
5. Bromlya Yu.V. Sketches of the theory of ethnos. M.: Science, 1983. 411 p. (In Russ.)
6. Tokarev S. A. Problem of types of ethnic communities (to methodological problems of ethnography). *Voprosy filosofii.* 1964, N 11, pp. 43–53. (In Russ.)
7. Krukov M.V. Once again about historical types of ethnic communities. *Sovetskaja jetnografija.* 1986, N 3, pp. 58–69. (In Russ.)
8. Kovyazin S.A. «Ethnic and Ethnographic Groups to the USSR and Their Role in Modern Ethnocultural Processes» conference. *Sovetskaja jetnografija.* 1990, N 4, pp. 151–155. (In Russ.)
9. Markov G.E. Ethnic communities as historical category. *Sovetskaja jetnografija.* 1986, N 4, pp. 69–72. (In Russ.)
10. Pershits A.I., Smirnova Ya.S. Public life as a subject of ethnographic studying (in connection with the component analysis of culture). *Sovetskaja jetnografija.* 1986, N 5, pp. 12–22. (In Russ.)
11. Pershits A.I. Ethnic communities and formational process. *Sovetskaja jetnografija.* 1986, N 3, pp. 69–73. (In Russ.)
12. Arutyunov S.A. Classification space of ethnic typology. *Sovetskaja jetnografija.* 1986, N 4, pp. 58–64. (In Russ.)
13. Ethnicity designing. Ethnic communities of St. Petersburg. SPb.: Publishing house Dmitry Bulanin, 1998. 301 p. (In Russ.)
14. Posern-Zieliński A. Koncepcje etniczności studiach etnicznych. *Lud.* 1979, T. 63. 17 p. (In Russ.)
15. Tishkov V.A. Etnologiya and policy. M., 2001. 240 p. (In Russ.)
16. Malakhov V.S. Novoye (news) in interdisciplinary researches. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'.* 2002. N 5. pp. 131–140. (In Russ.)
17. Development of ethnic consciousness of the Slavic people during an era of the early Middle Ages. M.: Science, 1982. 357 p. (In Russ.)
18. Chvyr L.A. Notes about ethnic consciousness of Uyghurs. *Jetnograficheskoe obozrenie.* 1994. N 3. pp. 31–40. (In Russ.)
19. Komaroff Dzh. Nationality, ethnicity, present: policy of self-understanding at the end of the XX century. *Jetnichnost' i vlast' v polijetnichnyh gosudarstvah.* M., 1994. pp. 35–68. (In Russ.)
20. Sarins I.Yu. Society – ethnos – ethnicity – the nation – nationalism. *Jetnograficheskoe obozrenie.* 2002. N 1. pp. 3–30. (In Russ.)
21. Rybakov S.E. About methodology of research of ethnic phenomena. *Jetnograficheskoe obozrenie.* 2000. N 5. pp. 5–15. (In Russ.)
22. Fursova E.F. Ethnocultural groups of Russians of Priobya: old residents and immigrants. *Problemy kul'turogenеза i kul'turnoe nasledie.* Materialy k konferencii. SPb., 1993. pp. 35–36. (In Russ.)
23. Russians. M.: Science, 1997, 828 p. (In Russ.)
24. Russian old residents of Siberia. Historical and anthropological sketch. M.: Science, 1973, 189 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 27.03.2015

УДК 903, 39, 303

О.А. МИТЬКО, И.В. ОКТЯБРЬСКАЯ*

**СТАНОВЛЕНИЕ МЕТОДОЛОГИИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В РОССИЙСКОЙ ЭТНОГРАФИИ И АРХЕОЛОГИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ ФЕНОМЕНА ОГНЯ В.Н. ХАРУЗИНОЙ)**

Олег Андреевич Митько,
канд. ист. наук, доцент,
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2
email: omitis@gf.nsu.ru;
Ирина Вячеславовна Октябрьская,
д-р ист. наук, доцент, зав. отделом этнографии
Институт археологии и этнографии СО РАН
630090, Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, 17
email: siem405@yandex.ru

Статья посвящена начальным этапам становления этнографии России в контексте актуализации народоведения как синтетического направления, отражающего единство географии, антропологии, археологии и этнографии в изучении древних и традиционных культур Евразии. В работе анализируется вклад В.Н. Харузиной – одного из лидеров российской этнографии конца XIX – начала XX в., в изучение почитания огня народами России, в том числе коренным населением ее азиатских провинций, Северной и Центральной Азии. Делается вывод о том, что концепты ученого выходили за рамки эволюционной парадигмы, доминировавшей в тот период в мировой науке. Методологию исследований В.Н. Харузиной определял комплексный подход, основанный на взаимосвязи этнографии, антропологии и археологии с учетом положений антропогеографии. С опорой на опыт прошлого в статье впервые дается оценка возможностей междисциплинарного подхода к проблемам изучения феномена огня в культуре по материалам современных археологических исследований.

Ключевые слова: культуры Евразии, междисциплинарный подход, почитание огня, этнография, археология, программа исследований.

MITKO O.A., OKTYABRSKAYA I.V.

**ESTABLISHING AN INTERDISCIPLINARY RESEARCH METHODOLOGY
IN RUSSIAN ANTHROPOLOGY AND ARCHAEOLOGY
IN THE LATE XIX - EARLY XX CENTURIES
(BASED ON V.N. KHARUZINA'S STUDIES ON THE FIRE PHENOMENON)**

Oleg A. Mitko,
Candidate of Historical Sciences,
associate professor in National research Novosibirsk state university
630090, Novosibirsk, Pirogova str., 2
email: omitis@gf.nsu.ru
Irina Vyacheslavovna Oktyabrskaya,
doctor of historical sciences, associate professor, head of ethnography department
in the Institute of archaeology and ethnography SB RAS
630090, Novosibirsk, Lavrentieva, 17
email: siem405@yandex.ru

This objective of the article is to reconstruct the early period of development of ethnographic knowledge in Russia in order to demonstrate the origin of interdisciplinary approach to studying the ancient and traditional Eurasian cultures. The article's problem field is shaped by the history of

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект №14-50-00036.

the Russian academic ethnography discourse in the late XIX – early XX centuries. Based on methodology and methods of historical scientific studies the authors analyze the scientific heritage of V.N. Haruzina, a leading figure in the Russian ethnography at the turn of the XX century. This research focuses on V.N. Haruzina's articles on veneration of fire among various ethnic groups in Russia. The authors emphasize fundamental characteristics of V.N. Haruzina's program, titled "For data collection about fire veneration among Russian peasants and outlanders" (1906), by analyzing its methodology and content. The research results lead to a conclusion that the structure and content of the Program provide in-depth description of different cultural elements related to fire. Methodology of such descriptions is determined by a complex approach based on ethnography, anthropology and archaeology as well as anthropogeography, which studies peoples and cultures in an inextricable relation to their environment. Such academic approach extended beyond the evolutional paradigm, which dominated the world ethnology at the turn of the XX century. In general V.N. Haruzina's statements formed the concept close to a modern interpretation of the fire phenomenon in culture. These statements predetermined the establishment of an interdisciplinary approach, which remains of vital importance for modern research of Eurasian archaic and traditional cultures. Studying the fire phenomenon in culture is one of the most important problems of modern humanitarian sciences. The further investigations in this field should include the experience of interdisciplinary approach brilliantly implemented by V.N. Haruzina.

Key words: Eurasian cultures, interdisciplinary approach, veneration of fire, anthropology, archaeology, research program.

С момента институализации в середине XIX в. отечественная этнография развивалась в рамках народоведения / отчизноведения / родиноведения в единстве с естественными науками. Идеи междисциплинарного синтеза, опирающиеся на концепции единства человека и среды его обитания, были популярны в России.

Применительно к народоведению Северной и Центральной Азии одним из первых метод синтеза знаний о природе и обществе сформулировал Г.Н. Потанин. В 1870-е гг. он предложил программу «концентрического родиноведения», где расширяющимися кругами описывались территории и их народонаселение от локального до имперского российского уровня (цит. по: [1, с. 121]). Этот подход был близок методам антропогеографии, изложенным немецким исследователем Ф. Рагцелем, который считал, что природу цивилизации следует искать в условиях приспособления к явлениям окружающей обстановки.

Антропогеографическую проблематику в России разрабатывали многие авторы. В 1894 г. в речи по поводу кончины императора Александра III вице-председатель Императорского Русского географического общества П.П. Семенов-Тянь-Шанский, характеризуя перспективы российского отчизноведения, подчеркнул, что изучение человека, находящегося «в тесной связи с природой стран, обитаемых человеком, вводит и антропологию в область земледования» (цит. по: [2, с. 195]). В 1899–1914 гг. он руководил изданием много-томного справочника «Россия. Полное географическое описание нашего отечества».

Идеи развития синтетической науки о человечестве отстаивал президент Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии Д.Н. Анучин. Он курировал выпуск в России в 1901 г. «Курса земледования» К. Риттера, который первым вписал историю народов в историю планеты. С 1894 г. под редакцией Д.Н. Анучина выходил журнал «Земледование», где в тесном единстве были представлены антропогеография, физическая география, антропология, этнография.

Развиваясь в рамках синтетического народоведения, российская этнография ориентировалась на идеи эволюционизма, включая единство человеческого рода, единообразие и однолинейность социального и культурного развития, перенесение естественнона-

торических закономерностей на развитие общества и культуры. В европейской и американской гуманитарных науках подобные идеи получили распространение во второй половине XIX в.

В 1901 г. в Москве посмертно был издан курс лекций по этнографии Н.Н. Харузина (1865–1900 гг.). Считая приоритетной систематизацию явлений народного быта, он констатировал, что этнография «...является наукой, которая, изучая быт отдельных племен и народов, стремится отыскать законы, согласно которым шло развитие человечества на низших ступенях культуры» [3, с. 37].

Большинство этнографов России рубежа веков ориентировались на эту методологию, сочетая ее с подходами антропогеографии. Вслед за Н.Н. Харузиным эти взгляды разделяли его братья М.Н. Харузин, А.Н. Харузин и сестра В.Н. Харузина, оставившие заметный след в российской этнографии. Имея купеческое происхождение и блестящее образование, вхожие в круги российской бизнес- и творческой элиты, Харузины стояли у истоков формирования московской этнографической школы. Одним из ее символов стала В.Н. Харузина (1866–1931 гг.) – первая женщина-профессор этнографии. С золотой медалью она окончила гимназию; посещала публичные лекции в Москве и Париже; в 1889, 1892 и 1901 гг. изучала этнографические коллекции в Германии, Франции, Австрии; в 1887 г. вместе с Н.Н. Харузиным совершила поездку в Олонецкую губернию и в Лапландию, позже сопровождала его в экспедициях по Сибири, Крыму, Прибалтийским губерниям и т. д.; в 1901 г. вместе с А.Н. Харузиным предприняла поездку в Словению и др. Имея широкий этнографический, культурологический и исторический кругозор в масштабах Старого Света, включая пространства Северной Азии, В.Н. Харузина подготовила несколько десятков аналитических, народоведческих и литературных работ, так или иначе связанных с этнографией, разработала лекционные курсы по этнографии для Московского университета [4].

В совершенстве владея европейскими языками, В.Н. Харузина была знакома с публикациями ведущих антропологов и этнографов мира. Большое внимание она уделяла выработке научных методов исследования. Ею были подготовлены «Программа для собирания сведений о родильных и крестильных обрядах у

русских крестьян и инородцев» [5] и программа «Для собирания сведений о почитании огня у русских крестьян и инородцев» [6].

В реализации этих проектов В.Н. Харазина учитывала опыт подобных разработок не только в Европе, но и в России, где к тому времени насчитывалось более 70 научных программ по народоведению, в том числе «Программа для собирания сведений по этнографии», опубликованная в первом выпуске журнала «Живая старина», который выходил с 1890 г. Эта программа подразумевала исследование «народного» быта, а признаками народности считались физические свойства, умственное и нравственное развитие, язык и домашний быт.

В 1906 г. в «Этнографическом обозрении» вышла обобщающая работа В.Н. Харузиной «К вопросу о почитании огня. Введение в программу для собирания сведений о почитании огня у русских крестьян и инородцев, с приложением программы». Это был первый в России опыт систематического исследования вопросов, связанных с почитанием огня у народов Евразии, который до сих пор остается наиболее фундаментальным отечественным исследованием в этой области.

Начиная с середины XIX в. европейскими, американскими и российскими учеными в рамках различных дисциплин и теоретико-методологических направлений была проведена большая работа по сбору и систематизации эмпирического материала о разнообразных способах получения огня и связанных с ними обычаях и представлениях у народов земного шара.

Сложилось множество теорий, интерпретирующих различные явления и институты в человеческой культуре, связанные с почитанием огня: солярная теория (В. Маннхардт, М. Мюллер, А.Н. Афанасьев, А.А. Потебня); почитание огня как воплощения молнии (А. Кун, В. Шварц); очистительная теория (Э. Вестермарк, Дж. Фрэнгер, Э. Роде); почитание огня в структуре культов плодородия (В. Вундт); почитание огня как проявление аграрной магии, связанное с лунным культом (Р. Бриффолт); как атрибута бога подземного мира (А. Голан) и т. д.¹

Одним из наиболее исчерпывающих к концу XIX в. являлось сочинение А. Куна «Происхождение огня и божеств» / «Die Herabkunft des Feuers und des Göttertranks. Ein Beitrag zur vergleichenden Mythologie der Indogermanen. Berlin: Dümmlers Verlagsbuchhandlung» 1859 г. Здесь была использована созданная ученым программа описания феномена почитания огня. Оценивая эту работу, а также идеи и гипотезы Э. Тайлора, В. Вахтера, Г. Шуртца, П. Эренрейха и других, В.Н. Харузина отмечала, что время для окончательных выводов еще не настало и почва для этнографического изучения огня «не вполне еще готова» [6, с. 69]. Отличительной особенностью ее ав-

торского подхода являлось единство практического и теоретического начал.

По замыслу В.Н. Харзуниной, работа «К вопросу о почитании огня» должна была стать практическим руководством для сбора конкретных полевых материалов у евразийских народов в границах России. «Наша программа, – писала она, – так же как и введение к ней имеют целью дать более или менее нужное ему орудие в руки исследователя, пожелавшего специально заняться в России одним явлением в области духовной культуры человечества: почитанием огня» [6, с. 69].

Систематизация результатов исследований, посвященных огню в мировой гуманитарной науке, определяла содержание пространного введения к программе. В нем, предлагая свои выводы, В.Н. Харузина сочетала принципы разных школ, использовала возможности не только этнографии, но и смежных дисциплин. Ее концепты выходили за рамки эволюционной парадигмы, доминировавшей в тот период в мировой науке.

«Программа» включала пять разделов: первый – «Почитание огня, как стихии. Персонификация огня. Его связь с родовым культом» (59 вопросов), второй – «Представления о солнце, молнии, блуждающих огнях и огнедышащих горах и проч.» (64 вопроса), третий – «Народные игры, словесность, искусство, орнамент» (11 вопросов), четвертый – «Представления о свойствах огня» (54 вопроса) и пятый, самый обширный – «Почитание огня» (102 вопроса).

Структура «Программы» и формулировка вопросов в ее разделах были подчинены решению основной задачи – ориентировать исследователей на необходимость всестороннего и точного описания практически всех явлений культуры, связанных с огнем. Методологию таких описаний определил комплексный подход, основанный на взаимосвязи этнографии, антропологии и археологии с учетом положений антропогеографии, рассматривающей народы и культуры в неразрывной взаимосвязи со средой обитания.

Междисциплинарный синтез был изначально близок В.Н. Харузиной. Она разделяла мнение Д.Н. Анучина, который утверждал, что «этнография не может быть наукой чисто описательной, и ее конечные задачи должны заключаться в объяснении и истолковании фактов народной жизни и взаимного отношения и распределения племен» [7, с. 28]. В качестве способа истолкования собранных данных исследователь предлагал сравнительный метод: «Отвергать всякие заимствования в духовной и внешней жизни народов также неправильно и ошибочно, как и отрицать их основное общечеловеческое сходство, не смотря на все их внешнее и внутреннее разнообразие. На этих двух несомненных положениях, на этих фактах, как на двух краеугольных камнях, опирается законность сравнительного метода в изучении параллельных и аналогичных явлений внешней и внутренней жизни всех племен и народов земного шара» [7, с. 29].

Возможности сравнительного метода Д.Н. Анучин проецировал в древность, превращая этнографию в инструмент изучения археологии культуры. Археоло-

¹ Янкевич В.В. Концепт огня в культуре: Смыслы и функции: дис. ... канд. культурологии. СПб., 2003. 196 с. URL: <http://www.dissertcat.com/content/kontsept-ognya-v-kulture-smysly-i-funktsii> (дата обращения: 20.02.2015).

лого-этнографические параллели он активно использовал в собственном исследовании «Сани, лады и кони, как принадлежности похоронного обряда», опубликованном в 1890 г.

Это произведение было посвящено анализу традиций похорон древнерусских князей, московских царей и церковных иерархов; в их структуре Д.Н. Анучин выделял древние дохристианские ритуалы и представления, сопоставимые с сакральными практиками архаичных культур Евразии [8]. В его труде ярко проявилась знаменитая «анучинская триада», – комплексное использование в изучении прошлого методов и материалов этнографии, археологии и физической антропологии. Поступательное развитие этих наук в России в конце XIX – начале XX в. сопровождалось разработкой междисциплинарных подходов.

Археологические открытия кремации в курганных и иных захоронений в те годы в России обусловили интерес к применению в погребальной обрядности огня. Поиск причин возникновения и идеологических оснований обрядов сожжений заставлял искать аналогии в живых традициях, актуализировал метод ретроспекций, а также сравнительно-исторический метод. Ими широко пользовалась В.Н. Харузина.

Ориентируясь на обоснованный Д.Н. Анучиным сравнительно-исторический метод при анализе эмпирических данных, она выступала как глубокий аналитик при освещении многих проблем, таких, например, как связь практик почитания огня с семейным и родовым культом, проявление огня как природной стихии и его персонификация, лечебные свойства огня, способы его получения и сохранения, поверья, обряды и обычаи, связанные с очагом и костром, и т. д. [6, с. 575–576]. Особо подчеркивала она необходимость изучения представлений об огне в народном творчестве народов России и символики огня в их орнаментике. Ее суждения обозначили семантический подход, позволяющий выявлять архаичные художественные элементы, свидетельствующие об охранительно-магической и продуктивной функциях символов огня.

Уровень обобщений и диапазон поставленных в программе В.Н. Харузиной задач придавал ее работе фундаментальный характер. В обзорной статье, посвященной символике огня в истории культуры, С.А. Токарев, обладавший поистине энциклопедическими знаниями, смог сделать лишь два замечания в адрес ее программы. По мнению ученого, в этой работе были обойдены вниманием формы государственного и национального культа огня (не представленные у народов России конца XIX – начала XX в.); а также лишь слегка затронуты моменты происхождения самой практики добывания огня (что трудно также было отследить по этнографическим материалам) [9, с. 36].

В целом суждения В.Н. Харузиной формировали концепт, близкий к современному прочтению феномена огня в культуре. В настоящее время проблема освоения человеком Старого Света огня, древнейшие следы которого служат прямым доказательством начала истории, продолжает сохранять актуальность и

фундаментальный характер. Параллельно с открытием новых прямых свидетельств происходит пересмотр старых данных, касающихся феномена огня в культуре человечества [10, 11]. В зависимости от постановки задач при изучении этой темы применяются типологический, технологический, функциональный, экспериментальный и семантический методы.

В рамках культурно-исторического направления выделяется экология огня как составная часть экологии культуры [12]. Ее археологический контекст включает изучение роли огня в процессе адаптации человека к окружающей среде, а также изучение природных и социально-экологических последствий ведения подсечного земледелия и ежегодных палов и пожаров на поселениях в результате военных действий или стихийных бедствий в масштабах Евразии.

Большое место изучение различных форм огня в культуре занимает в археологии повседневности; оно включает анализ огневых и осветительных приборов, отопительных приспособлений и очажных устройств. Как свидетельствует археология Северной и Центральной Азии, очажные устройства, являясь структурообразующим элементом пространства, служат средоточием жизни социума [13, с. 258–260]. При интерпретации археологических артефактов материалы, содержащиеся в программе В.Н. Харузиной, дают представление о принципах социальной и сакральной стратификации культурных пространств [6, с. 153–160].

В рамках археологии повседневности и археологии пиротехнологии изучаются приспособления для получения огня, которые служат также одним из факторов, стимулирующих эволюцию интеллекта [14, с. 247].

Оценка различных форм использования огня по археологическим данным не может быть однозначной. В настоящее время по отдельным историческим периодам и регионам Северной и Центральной Азии накоплен обширнейший материал. Однако остается неразработанным теоретико-методологическое положение об археологическом контексте проявления феномена огня в культуре. Еще в начале XX в. В.Н. Харузина подчеркивала, что он изучается поверхностно, а различные отрывочные данные рассматриваются без сопоставления с другими данными и внутренний смысл их не анализируется [6, с. 70]. В археологии такое положение сохранилось и в настоящее время.

Обзор публикаций, посвященных, прежде всего, изучению погребальных памятников, показывает, что термин «культ огня» находит при их описании чрезвычайно широкое и поверхностное употребление.

Многочисленны проявления огня в погребально-поминальных сооружениях, культовых и меморативных памятниках Старого Света, включая археологические провинции Северной и Центральной Азии. Это следы огня в насыпях, под насыпями и в связанных с ними сопутствующих сооружениях, на перекрытиях, в заполнениях и на дне могильных ям; сожжения деревянных конструкций и частичное обожжение гробов и гробовищ; символические очаги в склепах и аналоги огня (охра, уголь, зола); факельницы и курильницы.

Отдельными исследовательскими темами могут быть зольники и места кремаций; изучение процесса трупосожжения и трупобожжения тел умерших.

Порой любые следы огня (включая прокалы, угольки, обожженные стенки могильных ям – последствия проводимых в зимнее время захоронений) категорично трактуются как свидетельство существования культа огня у оставившего археологический памятник населения. Некорректное использование понятия «культ огня» в археологических исследованиях приводит к его девальвации. Согласно исследовательской программе В.Н. Харузиной, речь шла о различных формах почитания огня.

В погребальной обрядности взаимосвязь огня с посмертными ритуалами не бывает прямой и очевидной. При интерпретации погребений, совершаемых по обряду кремации, эта взаимосвязь также зачастую лишь декларируется, а не устанавливается на основе археологически фиксируемых фактов.

Изучение феномена огня в культуре продолжает относиться к числу наиболее значимых проблем современной гуманитарной науки, занимает особое место в изучении древних и традиционных культур Старого Света, включая Центральную и Северную Азию. Современный анализ различных форм использования огня не может не учитывать наработок прошлого, в том числе опыт междисциплинарных исследований, который был блестяще реализован в работах В.Н. Харузиной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шиловский М.В. «Полнейшая самоотверженная преданность науке». Г.Н. Потанин: Биографический очерк. Новосибирск: Сова, 2004. 241 с.
2. Есаков В.А. Очерки истории географии в России XIII – начало XX века. М., 1999. 240 с.
3. Харузин Н.Н. Этнография: лекции, читанные в Императорском Московском университете. СПб., 1901. Вып. I. 343 с.
4. Керимова М.М. Жизнь, отданная науке: семья этнографов Харузиных. М.: Вост. литература, 2011. 759 с.
5. Харузина В.Н. Программа для собирания сведений о родильных и крестильных обрядах русских крестьян и инородцев // Этнографическое обозрение. 1904. № 4. С. 120–156.
6. Харузина В.Н. К вопросу о почитании огня. Введение в программу для собирания сведений о почитании огня у русских крестьян и инородцев, с приложением программы // Этнографическое обозрение. 1906. № 3–4. С. 68–205.
7. Анучин Д.Н. О задачах русской этнографии // Этнографическое обозрение. 1889. Кн. 1. С. 1–35.
8. Анучин Д.Н. Сани, ладья и кони как принадлежности похоронного обряда. Археолого-этнографический этюд // Древности: Тр. Моск. археол. о-ва. М., 1890. Т. XIV. 146 с.
9. Токарев С.А. Символика огня в истории культуры // Этнографическое обозрение. 1999. № 5. 1999. С. 36–42.
10. Альперсон-Эйфил Н., Горен-Инбар Н. Овладение огнем и расселение из Африки в Евразию: материалы стоянки Гешер Бенот

Яков (Израиль) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 4 (28). С. 63–78.

11. James S.R. Hominid Use of Fire in the Lower and Middle Pleistocene // *Current Anthropological*. 1989. Vol 30. P. 1–26.

12. Caldararo N. Human ecological intervention and the role of forest fires in human ecology // *The Science of the Total Environment*. 2002. N 292. P. 141–165.

13. Нестерова М.С., Мильникова Л.Н. К реконструкции очажного устройства единцовской культуры (по материалам поселения Старый Тартас-5) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2012 г. Т. XVIII. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. С. 258–261.

14. Марков А. Эволюция человека. М.: Астрель; CORPUS, 2012. Кн. 2: Обезьяны, нейроны и душа. 512 с.

REFERENCES

1. Shilovsky M.B. «Utter selfless devotion to science». G.N. Potanin: Biographical sketch. Novosibirsk: Sova, 2004, 241 p. (In Russ.)
2. Esakov V.A. Essays on the history of geography in Russia XIII – the beginning of XX century. M., 1999, 240 p. (In Russ.)
3. Kharuzin N.N. Ethnography: lectures given at the Imperial University of Moscow. SPb., 1901, Vol. I, 343 p. (In Russ.)
4. Kerimova M.M. A life dedicated to science: the family ethnographers Kharuzin. M.: Eastern Literature, 2011, 759 p. (In Russ.)
5. Kharuzina V.N. The program for the collection of information on maternity and baptismal rites of the Russian peasants and foreigners. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1904, N 4, pp. 120–156. (In Russ.)
6. Kharuzina V.N. On the issue of the veneration of fire. Introduction to the program to obtain information about the worship of fire at the Russian peasants and foreigners, with the application program. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1906, N 3–4, pp. 68–205. (In Russ.)
7. Anuchin D.N. The Tasks of Russian Ethnography. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1889, vol. 1, pp. 1–35. (In Russ.)
8. Anuchin D.N. Sled, boat and horses as accessories funeral rites. Archaeological and ethnographic study. *Drevnosti: Trudyi Moskovskogo arheologicheskogo obschestva*. M., 1890, vol. XIV, 146 p. (In Russ.)
9. Tokarev S.A. Symbols fire in the history of culture. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1999, N 5, pp. 36–42. (In Russ.)
10. Alpersen-Eyfil N., Goren-Inbar N. Mastering the fire and moving from Africa to Eurasia: Geshar Benot materials parking Jacob (Israel). *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 2006, N 4 (28), pp. 63–78. (In Russ.)
11. James S.R. Hominid Use of Fire in the Lower and Middle Pleistocene. *Current Anthropological*. 1989, vol. 30, pp. 1–26. (In Russ.)
12. Caldararo N. Human ecological intervention and the role of forest fires in human ecology. *The Science of the Total Environment*. 2002, N 292, pp. 141–165. (In Russ.)
13. Nesterova M.S., Mylnikova L.N. To reconstruction hearth devices Odintsovo culture (based on the settlement Old Tartas-5). *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territoriy*: Materialy itogovoy sessii Instituta arheologii i etnografii SO RAN 2012, vol. XVIII, pp. 258–261. (In Russ.)
14. Markov A. Evolution of man. M.: Astrel; CORPUS, 2012, vol. 2: Monkeys, neurons and soul, 512 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 15.03.2015

УДК 069:008

О.Н. ШЕЛЕГИНА, Т.С. КУРЬЯНОВА

НАСЛЕДИЕ: ТЕОРИЯ И МУЗЕЙНАЯ ПРАКТИКА В СИБИРСКОМ РЕГИОНЕ*

Ольга Николаевна Шелегина
д-р ист. наук
Институт истории СО РАН
630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8
e-mail: oshelegina@yandex.ru
Татьяна Сергеевна Курьянова
Томский государственный университет
634050, Томск, пр. Ленина, 36
e-mail: tanytka_88@mail.ru

В статье рассматриваются мировые и общероссийские тенденции в осмыслении понятия и явления «культурное наследие». Выявлено, что «культурное наследие» – многокомпонентная, постоянно развивающаяся категория. Выделены основные направления по сохранению и актуализации культурного наследия, музеефикации и концепций культурных ландшафтов. Указанные теоретические и практические подходы применены при анализе деятельности 12 разнопрофильных музеев-заповедников Сибирского региона. Установлено, что существенная роль музеев-заповедников в освоении наследия Сибирского региона определяется позиционированием их как престижных брендовых объектов территорий, включенных в индустрию туризма, активной интеграцией науки, культуры, образования, отражающей в исторической динамике культуру жизнеобеспечения населения Сибири, использованием нематериального наследия для социокультурной адаптации населения; выделением и музеефикацией особо охраняемых территорий историко-культурного значения.

Ключевые слова: культурное наследие, актуализация, музеефикация, музеи-заповедники, музейный мир Сибири.

O.N. SHELEGINA, T.S. KURYANOVA

THE HERITAGE: THEORY AND MUSEUM PRACTICE IN SIBERIA

Olga N. Shelegina
Doctor of Historical Sciences,
Institute of History of SB RAS,
8 Nikolaev St., Novosibirsk, 630090
e-mail: oshelegina@yandex.ru
Tatyana S. Kuryanova,
Candidate of Historical Sciences,
Tomsk State University,
Str. Lenina, 36, Tomsk, 634050, Russia
e-mail: tanytka_88@mail.ru

The article considers global and national tendencies in understanding the “cultural heritage” concept and phenomenon. It is revealed that “cultural heritage” is a multi-component and constantly evolving category. The authors define basic directions of the cultural heritage preservation such as museumification and the concept of cultural landscapes. Museumification is transformation of heritage objects into the objects of museum exhibition. The second direction is based on methodology of cultural landscape viewed as a holistic cultural and natural complex. This methodology synthesizes various categories of heritage. According to the most common interpretation, the “cultural landscape” is both a specific heritage category and landscape conservative practice of cultural and natural heritage. In practice, objects created within these directions may have similar features. These theoretical and practical approaches have been applied to analyze activities of 12 Siberian museum-preserves specializing in archaeology, architecture, ethnography, ethno-ecology as well as memorial museums. The authors conclude that, as a rule, such profilisation of museums existed only at the initial stages of their formation. They underline that the heritage in Siberia, a multi-ethnic social macro-region of Asian Russia, contains a distinct ethno-cultural component and is developed in almost all Siberian museum-preserves; prove that their essential role in the heritage development of the Siberian region is determined by positioning these regional objects as prestigious brands included in the tourism industry; by active integration of science, culture, education; by representing subsistence culture of the Siberian population; and by using an intangible heritage for social and cultural adaptation of population; allocation and museumification of specially protected historical and cultural sites.

Key words: cultural heritage, actualization, museumification, museum-preserves, Siberian museum world.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00263.

Сохранение культурного наследия признается мировым сообществом первоочередной задачей в области культуры. Разнообразие трактовок дефиниции «культурное наследие» в различных областях общественного сознания, представленное в законодательных и нормативных документах, научных исследованиях, ставит на повестку вопрос о систематизации предложенных подходов и классификаций.

Понятие «культурное наследие» возникло в результате эволюционных процессов в области сохранения особо ценных объектов истории и культуры. Документом, ознаменовавшим появление данного термина, стала Конвенция ЮНЕСКО «Об охране всемирного культурного и природного наследия» (1972), в которой разработан перечень объектов, связанных с культурным материальным, движимым и недвижимым, и природным наследием (см.: [1, с. 12–18; 2, с. 22; 3, с. 75]). В Конвенции впервые приводится содержательный состав рассматриваемого понятия: «культурное наследие включает предметы материальной культуры, памятники, группы зданий и территории, обладающие различной ценностью, включая символическую, историческую, художественную, эстетическую, этнографическую или археологическую, имеющие научное и общественное значение»¹.

Конвенцией 1972 г. также вводится понятие «природное наследие». Под ним принято подразумевать природные памятники, созданные физическими и биологическими образованиями или группами таких образований; зоны, представляющие ареал подвергающихся угрозе видов животных и растений, природные достопримечательные места, имеющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения науки, сохранения или природной красоты. Введение данного термина наряду с понятием «культурное наследие» указывает на взаимнообусловленность культуры и природы и равноценность объектов культуры и природы, актуализируемую в случае угрозы их существованию.

Последующие международные соглашения – Европейская ландшафтная конвенция (2000)², Конвенция «Об охране нематериального культурного наследия» (2003)³, Хартия «О сохранении цифрового наследия» (2003)⁴, Конвенция «Об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения» (2005)⁵ – дополнили смысловое поле культурного наследия и

¹ Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (16 ноября 1972 г.) // Свод нормативных актов ЮНЕСКО: Конвенции и соглашения, рекомендации, декларации. М, 1991. С. 290–302.

² Европейская ландшафтная конвенция // Council of Europe. URL: http://www.coe.int/t/dg4/cultureheritage/heritage/landscape/default_EN.asp (дата обращения: 23.03.2015).

³ Конвенция ЮНЕСКО «Об охране нематериального культурного наследия» (2003). Париж, 17 октября 2003 г. // ЮНЕСКО. URL: www.unesco.org/bpi/rus/pdf/03-82-Russe.pdf (дата обращения: 11.09.2012).

⁴ Хартия о сохранении цифрового наследия (2003) // ЮНЕСКО. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0013/001311/131178e.pdf> (дата обращения: 15.08.2011).

⁵ Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения (2005) // ЮНЕСКО. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001429/142919r.pdf> (дата обращения: 5.05. 2012).

область его охраны новыми компонентами. В результате структура культурного наследия предстает в виде следующих компонентов: материальное, движимое и недвижимое, нематериальное, природное и цифровое наследие, а также культурный ландшафт.

В России Конвенция (1972) ратифицирована в конце 1980-х гг., вследствие чего термин «культурное наследие» вошел в российское законодательство и получил соответствующее преломление в ряде нормативно-правовых инициатив: Закон РФ от 9 октября 1992 г. № 3612-I «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», Конституция РФ (1993), Закон РФ от 15 апреля 1993 г. № 4804-I «О вывозе и ввозе культурных ценностей», Федеральный закон от 25 мая 1996 г. № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации», Федеральный закон от 15 апреля 1998 г. № 64-ФЗ «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации (с изменениями от 25 мая 2000 г.)», Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и т. д. При этом полное определение понятия «культурное наследие» содержится в Законе о культуре (1992), где оно трактуется в единстве материальной и духовной сфер⁶. В последующих законах, конкретизирующих и прагматизирующих указанный, культурное наследие рассматривается с точки зрения лишь материальных объектов, как движимых (Закон «О вывозе и ввозе культурных ценностей» и Федеральный закон № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации»), так и недвижимых (Федеральный закон № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25 июня 2002 г.).

Остальные конвенции не ратифицированы, однако незначительные соответствия все-таки встречаются в российском нормотворчестве. В частности, некоторые положения Конвенции «Об охране нематериального культурного наследия» (2003) и Конвенции «Об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения» (2005) отражены в Федеральном законе от 6 января 1999 г. № 7-ФЗ «О народных художественных промыслах», Федеральном законе от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации», Федеральном законе от 17 июня 1996 г. № 73-ФЗ «О национально-культурной автономии» (с изменениями от 21 марта 2002 г.) и т. д.

В научном дискурсе о культурном наследии появились понятия, пока не утвердившиеся в нормативно-правовой терминологии, но тем не менее весьма удобные в использовании, особенно тогда, когда нужно оттенить тот или иной аспект наследия. К таким терминам принадлежат «этнокультурное наследие», вве-

⁶ Закон РФ от 9 октября 1992 г. № 3612-I «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» // Законы РФ. URL: <http://femida.info/51/ozrfok004.htm> (дата обращения: 3.09.2014).

денное в научный оборот А.В. Смеляковой [4, с. 36], а также «музейное» и «потенциальное музейное наследие», предложенное Е.И. Каргашевой [5]. В этом ряду особо следует выделить этнокультурное наследие, поскольку оно сочетает в себе материальное, движимое и недвижимое, нематериальное и природное наследие как часть среды, в котором зародился этнос. В литературе употребляются и такие термины, как «историческое наследие», «военно-историческое», «литературное наследие», «мемориальное наследие» и проч. Данные понятия используются в соответствующих контекстах, однако не определены исследователями.

Теперь перейдем от теоретических вопросов, связанных с культурным наследием, к практическим. Процессы сохранения и актуализации культурного наследия напрямую связаны с музейной практикой и реализуются в двух направлениях – музеефикация и концепция историко-культурных территорий, или культурных ландшафтов. На практике объекты, созданные в рамках указанных направлений, могут иметь сходные черты. Под музеефикацией принято понимать преобразование объектов наследия в объекты музейного показа [6, с. 390–393]. Первоначально данный термин ассоциировался с объектами недвижимого культурного наследия. Теперь же в область музеефикации прочно вошли объекты нематериального культурного наследия и окружающая среда [7, с. 13].

Данное направление может быть реализовано на базе как традиционных музеев, так и новационных – музеев под открытым небом, средовых музеев, музеев-заповедников и т. д. Второе направление базируется на методологии культурного ландшафта как целостного естественного культурно-природного комплекса, синтезирующей категории наследия. Согласно наиболее распространенной трактовке, «культурный ландшафт» является одновременно специфической категорией наследия и ландшафтной охранной практикой культурного и природного наследия⁷. Причем на практике две интерпретации термина могут рассматриваться как единое целое.

До введения в научный оборот термина «культурный ландшафт» П.М. Шульгиным в середине 80-х гг. XX в. был предложен термин «уникальные исторические территории» – регионы с особо ценными объектами наследия, которые должны иметь особый охраняемый статус и осуществлять особую экономическую, социальную и административную политику с приоритетом сохранения и использования культурного и природного наследия [8, с. 69–77], что по сути отражает принципы ландшафтной концепции. В определении подчеркивается исторически сложившаяся взаимозависимость культурного и природного наследия на территории, которой оно принадлежит, а также необходимость ее интеграции в сферу общественно-экономических отношений.

⁷ Каганский В.Л. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // Интеллектуальная Россия. URL: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/reiting_09/material_sofiy/7853-kulturnyj-landshaft-osnovnye-koncepcii-v-rossijskoj-geografii.html (дата обращения: 12.12.2014).

Основываясь на вышеупомянутом термине, исследователь Л.В. Еремин вводит синтезирующее понятие «особо охраняемые территории историко-культурного значения» [9, с. 36], под которыми предлагает подразумевать природные территории, находящиеся в составе учреждений музейного типа и содержащие историко-культурные комплексы и объекты. Специфика данного определения состоит в том, что, во-первых, автор обозначает музейный статус территории, тем самым подтверждая ведущее значение музея в деле сохранения культурного и природного наследия. Во-вторых, гармонично соединяет в нем природу, культуру и общество в историческом развитии.

Другим направлением практического ландшафтоведения является создание имитационного культурного ландшафта. Это уже не объект наследия, а реконструкция в чистом виде. Во многом такой подход к ландшафту близок к музеефикации. В.Н. Калущков и А.Ю. Латышева [10, с. 7–15] подтипом имитационного культурного ландшафта выделяют «этническую деревню» («этнодеревню»). Контент этнодеревни может быть частично аутентичным или полностью смоделированным.

Указанные мировые и общероссийские тенденции в осмыслении понятия и явления «культурное наследие» нашли свое отражение в музейной практике Сибири. Музеи-заповедники, в силу их особого статуса, имеют важное значение для сохранения историко-культурного и природного наследия в его целостности. В современный период на территории Сибири действует 12 археологических, архитектурных, мемориальных, этнографических и этноэкологических музеев-заповедников, имеющих мировую и российскую известность и играющих существенную роль в жизни региона. Подчеркнем, что их достаточно четкая профилизация присутствовала, как правило, только на начальном этапе организации.

В 1983 г. появился первый в Зауралье археологический музей-заповедник на озере Андреевское в Тюменской области. На его территории открыто более 30 памятников: 19 поселений, 5 могильников, 6 городищ и святилище, развернута экспозиция «Археологические культуры Андреевского озера», проложена экскурсионная тропа для ознакомления с различными типами памятников, проводится мониторинг их состояния, предпринимаются охранные раскопки. Расширяется этнографическая составляющая музея – Хантыйский городок с реконструкциями жилищ, лабазов и мастерских хантов. Проводится традиционный для жителей Севера весенний «Вороний праздник». Существенную роль в освоении наследия подрастающим поколением играет детский экспедиционный лагерь «Мамонтенок».

Как археологический, с целью сохранения и популяризации памятника мировой истории и культуры «Писаные скалы» (комплекс из 300 наскальных рисунков III–I тыс. до н. э.), в 1988 г. был создан музей-заповедник «Томская писаница». В 1993 г. он уже позиционировался как многопрофильный историко-культурный и природный музей-заповедник.

В организованном в 1996 г. Хакасском республиканском национальном музее-заповеднике «Казановка» выявлено и поставлено на первичный учет более 2 тыс. памятников археологии: поселения, курганы, поминальники, могильные поля древних людей, а также результаты их деятельности (оросительные каналы, памятники горной металлургии, фортификационные сооружения), в т. ч. образцы духовной культуры (петроглифы, стелы, изваяния, предметы прикладного искусства) в весьма значительном хронологическом диапазоне – от эпохи неолита до XVII–XVIII вв. В «Казановке» на площади 18,4 тыс. га, представлены также живописные ландшафты, культура жизнеобеспечения хакасов. Важно отметить, что наследие в Сибири, полиэтносоциальном макрорегионе Азиатской России, содержит ярко выраженную этнокультурную составляющую и осваивается по мере возможности практически во всех сибирских музеях-заповедниках.

Достаточно представительной является группа сибирских музеев-заповедников архитектурного профиля. В 1961 г. на базе Тобольского музея был создан первый за Уралом Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. В него вошли единственный в Сибири Кремль, оборонительный вал XVII в., памятники архитектуры культового и гражданского назначения XVII–XVIII вв. В настоящее время заповедник располагается на площади 18 га, в его ведении находится 33 памятника федерального значения.

Ленский Государственный историко-архитектурный музей-заповедник «Дружба» начал формироваться с конца 1980-х гг., в 1992 г. был отнесен к группе особо ценных объектов национального достояния Республики Саха (Якутия). В долине р. Лены воссозданы памятники истории, культуры и деревянного зодчества Якутии XVII–XIX вв., имеется значительная парковая зона, представлены этнографические экспозиции, отражающие культуру коренных жителей Севера, проводятся адаптированные к местным природно-климатическим и этническим условиям массовые музейные мероприятия [11].

В Кемеровской области успешно функционируют три муниципальных музея-заповедника историко-архитектурного профиля: «Красная Горка», созданный в 1991 г. на территории бывшего Кемеровского угольного рудника с целью сохранения уникальных памятников горнопромышленного наследия, составляющих единый ландшафтно-градостроительный комплекс, сформировавшийся здесь в первой трети XX в.; «Кузнецкая крепость», организованный в 1991 г. для сохранения уникального памятника истории, культуры и фортификации конца XVIII – начала XIX в. – каменной Кузнецкой крепости как части Сибирской пограничной линии. Парковая территории в 21 га. Расположено более 10 военно-фортификационных и архитектурных объектов, раскопано несколько археологических памятников разных эпох. «Мариинск исторический» представляет памятники архитектуры второй половины XIX – начала XX в. Образован в 2008 г. благодаря интеграции Мариинского краеведческого музея, литературно-мемориального Дома-музея В.А. Чивилихина,

музеев «Береста Сибири», «Музея Сибирского тракта» и др., а также «Дома природы» с биологическим заказником «Арчекас» [12, с. 103–104].

Музеи-заповедники мемориального профиля в Сибирском регионе представлены пока только Всероссийским мемориальным музеем-заповедником В.М. Шукшина. Этот статус он получил в 1999 г. Создавался с 1978 г. на базе музея В.М. Шукшина на его родине – в с. Сростки Бийского района Алтайского края. В настоящее время музей-заповедник включает 23 памятных исторических и природных объекта – зоны охраняемого ландшафта, в т. ч. гору Пикет (Бикет), вошедшую в Список объектов культурного исторического наследия федерального значения, памятник В.М. Шукшину. Заповедник активно включен в сферу туризма, принимает участие в проведении Всероссийского кинофестиваля «Калина красная» [13].

Музеи-заповедники этнографического профиля, являющиеся важным средством идентификации современных этносов с их культурными традициями и природным окружением, обладают высоким адаптивным потенциалом. Это наглядно доказывает история, современное состояние и перспективы развития историко-этнографического музея-заповедника «Шушенское» (Красноярский край). Он был создан в 1993 г. посредством адаптации мемориального музея-заповедника «Сибирская ссылка В.И. Ленина» по ревитализационной модели, т. е. благодаря комплексной реконструкции средового пространства, приданию музейному объекту черт этнографических и экологических музеев, созданию условий для проведения культурно-зрелищных мероприятий. Объектом музейного документирования в «Шушенском» стало сибирское крестьянство конца XIX – начала XX в. Важное значение придается актуализации нематериального наследия (ремесленные мастерские, Детский музейный центр, фольклорный ансамбль «Плетень») [14, с. 216]. В 2011 г. был открыт архитектурно-этнографический комплекс с природно-ландшафтным парком «Новая деревня» в котором традиционная культура адаптирована к требованиям современной культуры жизнеобеспечения и направлена на развитие семейного досуга, создание комфортных условий для творчества.

К музеем-заповедникам этноэкологического профиля можно отнести «Тюльбергский городок», основанный в 2002 г. на базе уникального палеоэтнографического памятника с реконструированным Сибирским казачьим острогом и экологическими тропами. Здесь сохранены редкие виды флоры и фауны, занесенные в Красную книгу Кузбасса. К этой же группе принадлежит и организуемый с 2009 г. в Горной Шории музей-заповедник «Трехречье». В зонах его охраны на территории Шорского национального парка обустроено несколько стоянок у памятника природы – Сагинского водопада, Царских ворот, Хомутовских порогов.

Можно отметить, что в развитии музеев-заповедников Сибири наблюдается тенденция приобретения ими комплексного характера, позволяющего при сохранении профильного приоритета постепенно осваивать

все виды материального наследия. Это создает основу для многообразных форм актуализации нематериального наследия, способствующих усилению влияния музеев-заповедников на социокультурное пространство регионов, привлечению новой музейной аудитории.

Существенная роль музеев-заповедников в освоении наследия Сибирского региона определяется: позиционированием их как престижных брендовых объектов территорий, инициаторов их развития, включенных в индустрию туризма, вовлекаемых в креативную экономику, а также активной интеграцией науки, культуры, образования, направленной на отражение в исторической динамике культуры жизнеобеспечения населения Сибири, использование нематериального наследия для социокультурной адаптации населения. При этом особое значение имеет выделение и музеефикация особо охраняемых территорий историко-культурного значения в республиках Южной Сибири, включение их в перспективе в транснациональные туристические системы.

Нормативно-правовые документы международного и национального уровней, Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 года, результаты теоретических исследований в области проблем наследия, обобщение опыта реализации международного трансграничного социокультурного и научно-образовательного проекта «Актуализация наследия в странах Азии» должны стать методологической и методической основой для дальнейшего эффективного освоения регионального культурного наследия, развития музейного мира Сибири.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Курьянова Т.С. Актуализация культурного наследия коренных народов в музеях Южной Сибири: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2013. 24 с.
2. Октябрьская И.В. Концепция культурного наследия: мировой и российский опыт формирования // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, № 3. С. 20–31.
3. Любимова Г.В., Самушкина Е.В. Концепция культурного наследия в этносоциальных дискурсах Республики Алтай // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, № 3. С. 74–81.
4. Смелякова А.В. Казахские этнографические коллекции в музейных собраниях Западной Сибири: дис. ... канд. культурологии. Омск, 2008. 340 с.
5. Карташева Е.И. Потенциальное музейное наследие и проблемы его изучения в деятельности музеев // Современный музей как важный ресурс развития города и региона: тез. Междунар. науч.-практ. конф. Казань, 2005. С. 19–22.
6. Каменецкий И.С., Каулен М.Е. Музеефикация памятника // Российская музейная энциклопедия. М., 2005. С. 390–393.
7. Каулен М.Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. М., 2012. 432 с.
8. Шульгин П.М. Социально-экономические аспекты развития туризма // Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия: сб. стат. М., 1984. С. 69–77.
9. Ерёмин Л.В. Музеефикация особо охраняемых территорий историко-культурного значения в Республиках Южной Сибири: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2010. 256 с.
10. Калужков В.Н., Латышева А.Ю. «Этническая деревня» – новый тип культурного ландшафта // Теория и практика планирова-

ния культурного ландшафта: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Саранск, 2010. С. 7–15.

11. Ленский государственный историко-архитектурный музей-заповедник «Дружба». Вчера. Сегодня. Завтра: мас.-полит. изд. / сост. Г.И. Пирожкова, Т.А. Местникова. Якутск: Бичик, 2012. 108 с.

12. Кимеев В.М. Музеи-заповедники Кузбасса как ресурс регионального туризма // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 29 сент. – 3 окт. 2014 г.). Новосибирск: Автограф, 2014. С. 101–106.

13. Всероссийский мемориальный музей-заповедник В.М. Шукшина: фотоальбом. Барнаул: Алт. дом печати, 2013. 128 с.

14. Шелегина О.Н. Музейный мир Сибири: история и современные тенденции развития. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. 396 с.

REFERENCES

1. Kuryanova T.S. Actualization of the cultural heritage of indigenous peoples in the museums of South Siberia: Author. dis. ... PhD. ist. Sciences. Tomsk, 2013. 24 p. (In Russ.)
2. Ochybr'skay I.V. The concept of cultural heritage: the world and Russian experience of formation. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*. Series: History, Philology. 2013, Vol. 12, no 3, pp. 20–31. (In Russ.)
3. Lyubimova G.V., Samushkina E.V. The concept of cultural heritage in the ethnic and social discourses of the Altai Republic. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*. Series: History, Philology. 2013, Vol. 12, no 3, pp. 74–81. (In Russ.)
4. Smelyakova A.V. Kazakh ethnographic collections in the museum collections of Western Siberia: Dis. ... PhD kulturologii. Omsk, 2008. 340 p. (In Russ.)
5. Kartasheva E.I. Potential museum heritage and problems in its study of museums. *Sovremennii muzei kak vajnij resurs razvitiya goroda I regiona: tezisi megdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii*. Kazan, 2005, pp. 19–22. (In Russ.)
6. Kamenetski I.S., Kaulen M.E. Museumification monument. *Rossiiskay muzeinay enciklopedia*. M., 2005, pp. 390–393. (In Russ.)
7. Kaulen M.E. Museification historical and cultural heritage of Russia. M., 2012, 432 p. (In Russ.)
8. Shulgin P.M. Socio-economic aspects of tourism development. *Ekologicheskie problem sohranenia istoricheskogo I kul'turnogo nasledia*. M., 1984, pp. 69–77. (In Russ.)
9. Eremin L.V. Museumification protected areas of historical and cultural significance in the Republics of South Siberia: Dis. ... PhD. ist. Sciences. Tomsk, 2010, 256 p. (In Russ.)
10. Kalutskov V.N., Lатышева А.Ю. «Ethnic Village» – a new type of cultural landscape. *Teoria I praktika planirovaniya kul'turnogo landshafta: Materiali Vseros. nauch.-prakt. konf. Saransk, 2010*, pp. 7–15. (In Russ.)
11. Lena State Historical and Architectural Museum-Reserve “Friendship”. *Vchera. Segodnya. Tomorrow: mass political issue*. Compilers: Pyrozhekov G.I., Mestnikova T.A. National Publishing House (Bichik) Republic of Sakha (Yakutia). Yakutsk, 2012, 108 p. (In Russ.)
12. Kimeev V.M. Reserve museums Kuzbass as a resource for regional tourism. *Sovremennie tendencii v razvitiu muzeev i muzeevedenia: Materiali II Vserossiiskoy nauchno-prakticheskoi konferencii* (Novosibirsk, 29 Sept. – 3 Oct. 2014). Novosibirsk: Autograph, 2014, pp. 101–106. (In Russ.)
13. Russian Memorial Museum V.M. Shukshina: photo album. Barnaul: Alt. printing house, 2013, 128 p. (In Russ.)
14. Shelegina O.N. Museum world in Siberia: history and resent development trends. Novosibirsk: Publishing House of SB RAS, 2014, 396 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 26.03.2015

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 297.32

Л.Н. ДОДХУДОЕВА

**ПОСТСЕКУЛЯРИЗМ: «ТЕКУЧАЯ СОВРЕМЕННОСТЬ»,
ИНДИВИДУАЛИЗИРОВАННОЕ ОБЩЕСТВО И «НОВЫЙ ИСЛАМ»**

Лола Назаровна Додхудоева
канд. ист. наук, гл. науч. сотрудник,
Институт языка, литературы, востоковедения и письменного наследия
Академии наук Республики Таджикистан
734002, Душанбе, ул. Турсун-заде, 38/1, кв. 12
e-mail: lola.dodkhudoeva@gmail.com

Статья посвящена проблеме трансформации ислама под воздействием процесса дерегулирования социально-экономических и политических отношений, сформированных в эпоху доминирования секуляризма. Высокая степень индивидуализации обращения с сакральным, деинституционализации современной религиозности заставляют ученых оперировать скорее понятием «духовность/спиритуальность», чем «религия». Если первое подразумевает индивидуальную приобщенность к миру божественного, то второе связано с формальной принадлежностью и идентичностью, коллективными практиками служения сакральному. К концу XX в. во всех основных религиозных системах ярко проявился феномен «веры без принадлежности [к определенной церкви, общине или религии]». Исследователи отказались от распространенного ранее утверждения о том, что секуляризм ведет к упадку религии. Совершенно очевидно, что он вызвал видоизменение ее роли в современной культуре: религия ушла от церкви и сообщества избранных религиозных авторитетов в обычного человека. Этот феномен привел к столь значительному изменению облика современного мусульманства, что позволил говорить о «новом исламе».

Ключевые слова: постсекуляризм, индивидуализированное общество, «новый ислам», фрагментация авторитета, деинституционализация религиозности, спиритуальность.

L. DODKHUOEVA

**POSTSECULARISM: «FLUCTUATING MODERNITY»,
INDIVIDUALIZED SOCIETY AND «NEW ISLAM»**

Lola N. Dodkhudoeva
Ph.D. on History, Chief researcher,
Institute of Linguistics, Literature, Oriental Studies and Written Heritage,
Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan
734002, Dushanbe, Tursun-zade, 38/1, app. 12
lola.dodkhudoeva@gmail.com

The objective of this article is to show how post-secularist social and cultural realities differ from the previously known perception of religious service as a mechanism for cultural values and meanings preservation, and as a possible way for a society to acquire its identity. This phenomenon has intensified research interest in the new trends observed in the sphere of religion.

The problem field, generated by studies in desacralization of the classical Islamic socio-cultural model in a post-secular era, embraces a huge shift in understanding and interpreting the basic components of human development, such as “society”, “modernity”, “identity”, “religion”, “sacred/profane”. These changes are typical of the worldwide reality during the transition period from modern to postmodern at an escalating globalization pace. A particular attention is paid to the problem of forming the virtual reality, which is defined as a sphere of social construction of both individual and group forms of religiosity (cyber-community), which, in turn, has a special ontological status and is used for acquisition of new forms of identity.

The article's conclusions are based on studying the evolution of social construction in the sphere of the sacred Muslim texts interpretation. It is shown that the old notion of interpretation as sanctioned by a group of experts of the Holy Tradition (ulama) has been replaced by the idea that this type of activity should be viewed as an individual intellectual task performed by each Muslim. Theoretical conceptualization of this evolution has allowed the author to support the concept of emerging "new Islam" as a "modern societal phenomenon, a product and an integral part of globalization trends, in which theological component is not a producer, but a reason and means".

Key words: post-secularism, individualized society, «new Islam», fragmentation of authority, de-institutionalization of religiosity, spirituality.

Конец прошлого и начало нового столетия – время утверждения в международном социально-политическом и культурно-историческом дискурсе новых концепций и моделей выстраивания общества и государства. Они позволили высветить ценность различных мировоззренческих позиций, плюрализма и вариативность форм их актуализации, придав мощнейший импульс анализу всех преимуществ и недостатков доминировавшего ранее секуляризма и реализованного на его основе грандиозного модернизационного проекта.

Внятный, прогнозируемый мир национального государства эпохи секуляризма с его предсказуемостью и ригидностью социальных определений меняется. В эпоху постсекулярности нарастает процесс дерегулирования социально-экономических и политических отношений, происходит «усиление роли неконтролируемых человеком сил и тенденций, нарастание неуверенности и неопределенности, подавление тех проявлений человеческого духа, которые в прошлом вдохновляли людей к социальным преобразованиям» [1, с. 9]. Все больше сторонников находит утверждение Ю. Хабермаса о том, что «западноевропейский путь развития, специфический рационализм которого признавался некогда моделью для всего остального мира, представляется сегодня, скорее, исключением, чем правилом, то есть неким «девиантным маршрутом»¹.

Ученые называют современную форму социальности по-разному: «текущая», «жидкая», «распадающаяся» современность², а общество – «индивидуализированным» [2]. Сама же индивидуализация трактуется как феномен, несущий «все более широкому кругу людей беспрецедентную свободу экспериментирования» и в связи с этим выдвигающий «на повестку дня и беспрецедентную задачу борьбы с ее последствиями» [2]. Особую обеспокоенность вызывает утрата сбалансированности между общественным и частным, за счет которой в предшествующие эпохи поддерживалась устойчивость социального порядка.

Мусульманский мир также испытывает на себе колоссальные сдвиги в общественном сознании. Такой феномен эпохи секуляризма, как нарастающая фрагментация религиозного авторитета, уже внутри сообщества религиозных деятелей в исламских странах в последние тридцать лет достиг максимальных пределов [3].

На первый взгляд, парадоксально, но и количественное, и качественное приращение среды, которая может в настоящее время «говорить об исламе и за ислам», не просто связано с секуляризмом, но, более того, порождено им. Справедливо утверждение, что без секуляризма формирование такого феномена в мусульманской общественно-политичес-

кой реальности просто не могло состояться. Главный стимул к количественному увеличению этой среде придала, прежде всего, невиданная в иные исторические периоды масштабность образовательных программ, осуществленных в период доминирования секуляризма; их реализация вооружила огромное количество людей новыми знаниями и технологиями, новейшими инструментами и формами распространения и приращения знания. Однако не менее значимым оказался и качественный аспект трансформации, произошедшей в век высочайшей мобилизации интеллектуальных человеческих ресурсов. Образование и наука перестали быть привилегиями деятельности церкви или (как в исламе) признанной группы религиозных авторитетов. Отказ от веками довлевших над человеком религиозных догм сформировал такой феномен секуляризма, как когнитивную автономию человека. Это открыло совершенно новые горизонты непрерывного личностного и профессионального совершенствования, превратившись в мощнейший импульс расширения свободы выбора как основы изменения мировидения и самовосприятия человека.

Известно, что включенность в организованную религиозную систему требует наличия чувства сопричастности, субординации индивидуалов коллективу, общине. В демократиях Западной Европы индивид располагает правом суверенного автономного потребителя, который может самостоятельно выбирать понравившихся ему богов, так же как он выбирает электронику; для осуществления того или иного выбора ему больше не требуется коллективного решения.

Один из чрезвычайно важных феноменов XX в. – кардинальная трансформация, произошедшая в сознании человека по отношению к своему телу. Его блестяще описал известный российский японист А. Мещеряков [4, с. 206]. На протяжении всей истории человечества, отмечает он, во всех культурах считалось, что тело человека принадлежит не ему, а Высшей созидательной силе. Это положение, общее для всех религиозных систем, привело к закреплению фундаментальных запретов в вопросах отношения к своему телу. К нему, в частности, восходит и идея о недопустимости самоубийства, включая и аборт, как акты, нарушающие божественный замысел и выходящие за границы дозволенного человеку.

В эпоху же десакрализации / секуляризации *впервые в истории человечества* тело стало восприниматься как ответственность самого человека.

Это дало человеку право обходиться с ним так, как ему хочется, самому становиться дизайнером и менеджером всех действий, совершаемых с собственным телом / лицом. Именно этот феномен способствовал появлению идеи о возможности проведения эфтаназии, и действий, практически не имеющих границ на фоне поистине фантастических достижений медико-биологических наук, по модификации лица как части телесной сущности человека, да и самого тела. Человек конструирует себя, вплоть до операций по сме-

¹ Хабермас Ю. Против «воинствующего атеизма». «Постсекулярное» общество – что это такое? О новом европейском порядке // Русский журнал. 23.07.2008. URL: <http://www.russ.ru/pole/Protivvoinstvuyushchego-ateizma> (дата обращения: 20.04.2012).

² От англ. *liquid*.

не пола, по собственному дизайн-проекту, в котором «образ и подобие» смоделированы на основе либо его личного вкуса, либо имиджа, навязанного индустрией красоты. В свете этого феномен покрытия тела/лица женщины в мусульманских сообществах в определенной мере может трактоваться как символический акт «возврата» ее лица/тела под защиту Создателя [5, с. 240–250].

Ученые объясняют эти, да и многие другие проявления когнитивной автономии человека, грандиозным сдвигом в культуре, произошедшим в эпоху секуляризма: от культуры обязанности или долга человек перешел к культуре потребления и выбора. В целом же процесс деинституционализации современной религиозности заставил говорить о появлении феномена «веры без принадлежности (к определенной церкви, общине или религии)», («Believing without belonging») [6, p. 11].

Факты объективной реальности заставили социологов, антропологов, культурологов ввести в социологические исследования важные концептуальные изменения. В научных дискуссиях о секуляризации все ярче и чаще звучал термин не «религия», а «духовность / спиритуальность». И если понятие «религия» включало в себя представление о формальной принадлежности и идентичности, коллективных практиках и других видах *коллективного, подтвержденно-го формальным вхождением в группу*, служения сакральному, то понятие «духовность» раскрывало индивидуальную приобщенность к миру божественного, нематериального, трансцендентного по отношению к реальности. Одной из особенностей такого мировидения являлось отношение к духовному как феномену, выходящему за рамки «отфильтрованного» человеческого опыта, доступного нам в категориях культурного кода. Такой вид восприятия, по мысли исследователей, превосходит весь физический, эмоциональный и ментальный опыт [7, p. 307].

Меняющаяся реальность предоставляет ученым для осмысления все новые и новые факты. Глобальная трансформация в сфере религиозности, происходившая в XX в., выдвинула социологию религии к рубежу тысячелетий в разряд наиболее важных научных дисциплин. Взаимопересечение этих двух сфер – религиозной и социальной – создало центральное измерение проблемы «социального» в современном мире [8, p. 24].

Тридцать лет назад, с рождением Интернета, на смену индустриализационной эпохе пришла эпоха информационная. Дальнейшее развитие Интернета, воспринимаемое многими исследователями как «фазовый скачок информационной цивилизации», в свою очередь, привело к фундаментальным изменениям во всех сферах человеческой жизни.

Сформировался глобальный рынок культурных продуктов, мультинациональной, культурной, включая и религиозную, индустрии. В ряду безусловных достоинств эпохи глобализации – необычайная скорость циркуляции идей и образов на глобальном и региональном уровнях, легкость и дешевизна установления связей. Это чрезвычайно ценно для институционального контекста, в котором развиваются многие локальные или национальные культурные, и как их часть – религиозные, проекты. Поистине гигантский объем информации в необъятном киберпространстве дает возможность любому человеку сформировать свои представления

и предпочтения, в том числе религиозные, выстраивая их в любом сочетании и в любой последовательности. Совершая свой выбор, нередко составляя из отдельных фрагментов представлений и концептов различных классических религиозных учений мозаичную картину собственной религиозности, человек действует по принципу «сам себе богослов», осознает и ведет себя соответственно³.

С конца XX в. сформировались совершенно новые парадигмы духовного общения. Профессиональными лидерами в формировании мнений признаются блогеры. Многих беспокоит тот факт, что фокус внимания смещен на тех, кто *управляет* информацией и тем самым формирует конъюнктуру мнений, а не тех, кто создает и транслирует новые знания или обеспечивает работу сложных социальных и технологических систем.

Поклонники проповедей многочисленных медиа- и кибермуфтиев, как и их сверстники – последователи других религий, формируют свои сети, которые распадаются так же легко, как и возникают⁴. Церковь, Библия, Коран и другие сакральные первоисточники становятся мобильными, они помещаются в ноутбук, iPad и iPhone⁵. Два полюса – онлайн-овая и оффлайн-овая общины – могут объединять в себе одних и тех же людей, которые вправе находить в каждом из предложенных вариантов свои предпочтения и легко и просто прощаться с ними в случае, если обнаруживают в глобальной сети что-то более отвечающее их меняющимся интересам и вкусам.

Приобщенность к религии, во все времена предполагавшая *служение*, т. е. подчинение личных интересов некой коллективной сверхидее, вытекающим из нее регуляциям, обетам и жестким канонам, вековой литературной традиции, по существу, превратилась во встречи друзей, виртуальные или реальные (в парке, кафе, клубе), скорее напоминающие некую игру. Христианская церковь, мусульманские конфессии, со своей стороны, пытаются удержать паству, демонстрируя полное соответствие вызовам времени, знаковым социальным теориям. Так, исследователи отмечают, что многие положения (к примеру, запрет абортов) трактуются сегодня в христианских церквях, опираясь не на Священное писание, а на Всеобщую декларацию прав человека [8, p. 27]. Неуклонное усиление деинституционализации религий, отход от церковного, конфессионального и сектантского богослужения к индивидуальной религиозности заставляют искать новые дефиниции для наблюдаемых тенденций трансформации религиозности. В качестве определений предлагались «невидимая религия» [9], «скрытая религия» [10] «новая эра спиритуальности» [11] и др.

Важным моментом в этом бесконечном поиске своей религиозной идентичности даже в формирующихся киберобщинах и молитвенных группах является тот факт, что еди-

³ В мощный призыв к действию превратился известный слоган отца сайентологии, Роя Хаббарда: «создавай свою религию и зарабатывай на этом миллионы!»

⁴ Так, созданная в 1996 г. Lifechurchtv объединяет 46 тыс. постоянных «прихожан», являясь вторым по размеру «приходом» в США.

⁵ За пять лет существования программы перевода Библии на электронные носители эту программу скачали 69 млн чел., на планшеты – 30 млн!

нение происходит «на индивидуальный манер» (З. Бауман). Решающим для сохранения общности становится высшее проявление индивидуального выбора, не признающего никаких общих правил и регуляций и не предполагающего никакой ответственности.

Налицо девальвация представлений о церкви как социально значимой институции в христианской культуре, равно как и вычленение из социокультурной практики мусульманских стран ряда ключевых положений классической мусульманской традиции. К ним можно отнести отказ от практики иджма – совокупности приемов группы признанных мусульманских авторитетов по выработке на основе письменных сакральных первоисточников правовой нормы в решении какой-то насущной текущей проблемы. По мнению ряда мусульманских интеллектуалов, эта практика в наибольшей степени напоминала церковь, отсутствующую в исламе.

Эта выявленная на рубеже тысячелетий кардинальная трансформация практически всех признанных мировыми религиозных систем свидетельствует о том, что секуляризм ведет не к упадку религии, а к видоизменению ее роли в современной культуре: *религия ушла от церкви и сообщества избранных религиозных авторитетов в обычного человека*. А поскольку «религия в светской культуре выбирается добровольно, это явление приводит к повышению значения религии для личности» [12]. Так, отказ от концепции иджма в исламе размывает «границы» интерпретации, устанавливаемые религиозными авторитетами, выводя интерпретацию в ранг *индивидуальной задачи отдельного человека*.

Как один из наиболее ярких примеров такой свободы в мусульманском общественно-политическом дискурсе несколько лет назад приводился факт обнародования Бен Ладаном в 1996 г. знаменитой фетвы « Декларация джихада против США, оккупировавших землю Двух Святых мест [ислама]». Знатки исламской традиции объясняли свое возмущением тем, что Бен Ладан, не обладая необходимыми знаниями и статусом, не имел права на такие действия [13, р. 11]. Не так давно мощную волну негодования религиозных авторитетов ислама вызвал факт попыток лидеров ИГИЛ, не отягощенных необходимыми знаниями и навыками, «подкрепить» свои лозунги каноническими установками.

В этом – одна из особенностей современного ислама. Социум вынужден признать растущую роль новых лидеров в общественно-политической жизни мусульманского Востока, несмотря на традиционно огромное внимание к принципу традиционного образования и ценности профессиональной подготовки истинных улама как мощнейшего инструмента социального лифта. Однако при этом важно понимать, что отличие улама как от «новых исламских интеллектуалов», так и от исламистов, лежит не в образовательной сфере, а «... в характере и содержании их политического выбора, их политической линии» [13, р. 11]. Новому поколению мусульманских лидеров присуща совершенно иная форма аргументации, их стиль опирается на актуальный глобальный дискурс и вносит в него живые идеи, а не эманацию контекста ранних схоластических дебатов. Таким образом меняются и способы, и инструменты легитимации предлагаемых социально-политических моделей реальности.

Анализ особенностей этого процесса позволил ряду исследователей заявить о появлении «нового ислама» как

«современного социального феномена, продукта и составной части тенденций глобализации, в которых теологическая составляющая – не продуцент, а повод и средство». Предлагается «диагностировать» этот феномен, «исследуя не теологию, а социологию происходящего в каждом конкретном месте и в определенный период ныне развивающихся в мире процессов» [14, с. 109].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Иноземцев В.Л.* Судьбы индивидуализированного общества. Предисловие // Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ.; под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. С. 7–17.
2. *Бауман З.* Индивидуализированное общество / пер. с англ.; под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. 390 с.
3. *Zaman M.Q.* Consensus and authority in modern Islam: the discourse of the Ulama // *Speaking for Islam: Religious authorities in Muslim Societies*. G. Kramer and S. Schmidtke (eds.) / Social, economic and political Studies of the Middle East and Asia. Leiden-Boston: Brill, 2006, V. 100, pp. 153–180.
4. *Мещеряков А.* Статья японцем. Топография и приключение тела. М.: Полис, 2012. 432 с.
5. *Додхудоева Л.* От ислама к секуляризму и обратно в ислам? «Женский вопрос» в мусульманских сообществах в XX в. Душанбе: Дониш, 2013. 271 с.
6. *Voas D., Crockett A.* Religion in Britain: Neither Believing nor Belonging // *Sociology*. 2005. V. 39, no 11, pp. 11–28.
7. *Withnow R.* Spirituality and Spiritual Practice. R.K. Fenn (ed.) // Oxford: Blackwell, 2001, pp. 306–320.
8. *Turner B.S.* Introduction. Mapping the Sociology of Religion. *The New Blackwell Companion for Sociology*. 2010, pp. 1–28.
9. *Luckman Th.* The Invisible Religion. *The Problem of Religion in Modern Society*. N. Y., 1967. 261 p.
10. *Bender C.* Heaven's Living Religion and God's Love We Deliver. Chicago: Chicago Univ. Press, 2003. 192 p.
11. *Heelas S.* The New Age Movement, the Celebration of Self and Sacralization of Modernity. Oxford: Blackwell, 1996. 234 p.
12. *Безенюк Д.К.* Секуляризация: опыт систематизации подходов изучения // *Социология*. 2009. № 3. С. 98–104.
13. *Euben R.L., Zaman M.I.* Introduction // *Princeton Readings in Islamist Thought: Texts and Contexts from Hasan al-Banna to Ben Laden* / ed. and introduction of Euben R.L., Zaman M.I. Princeton: Princeton Univ. Press, 2009. P. 1–46.
14. *Кисриев Э.Ф.* Арабские революции в глобализирующемся мире и «новый ислам». Протестные движения в арабских странах, предпосылки, особенности, перспективы : Материалы «круглого стола». М.: URSS, 2012. С. 104–110.

REFERENCES

1. *Inozemtsev V.L.* Destinies of the industrialized society. Foreword. *Bauman Z. Individualized Society / per. pod red. Inozemtseva V.L.* M.: Logos, 2002, p. 7–17. (In Russ.)
2. *Bauman Z.* Individualized Society / russ. trans., ed. Inozemtsev V.L. Moscow: Logos, 2002, 390 p. (In Russ.)
3. *Zaman M.Q.* Consensus and authority in modern Islam: the discourse of the Ulama. *Speaking for Islam: Religious authorities in Muslim Societies* / G. Kramer and S. Schmidtke (eds.). Social, economic and political Studies of the Middle East and Asia. Leiden-Boston: Brill, 2006, Vol. 100, pp. 153–180.
4. *Meshcheriakov A.* Become Japanese. Topography and Adventure of a Body. M.: Polis, 2012, 432 p. (In Russ.)
5. *Dodkhudoeva L.* From Islam towards secularism and back to Islam? «Woman question» in Muslim societies in XX c. *Dushanbe: Donish*, 2013, 271 p. (In Russ.)
6. *Voas D., Crockett A.* Religion in Britain: Neither Believing nor Belonging. *Sociology*. 2005, Vol. 39, N 11, pp. 11–28.

7. *Withnow R.* Spirituality and Spiritual Practice / R.K. Fenn (ed.). Oxford: Blackwell, 2001, pp. 306–320.
8. *Turner B.S.* Introduction. Mapping the Sociology of Religion. The New Blackwell Companion for Sociology, 2010, pp. 1–28.
9. *Luckman Th.* The Invisible Religion. The Problem of Religion in Modern Society. N. Y., 1967, 261 p.
10. *Bender C.* Heaven's Living Religion and God's Love We Deliver. Chicago: Chicago Univ. Press, 2003, 192 p.
11. *Heelas S.* The New Age Movement. The Celebration of Self and Sacralization of Modernity. Oxford: Blackwell, 1996, 234 p.
12. *Bezeniuk D.K.* Secularisation: experience of systematization of the approaches to study. *Sotsiologiya*. 2009, N 3, pp. 98–104. (In Russ.)

13. *Euben R.L., Zaman M.I.* Introduction. *Princeton Readings in Islamist Thought: Texts and Contexts from Hasan al-Banna to Ben Laden* / ed. and introduction of Euben R.L., Zaman M.I. Princeton: Princeton Univ. Press, 2009, pp. 1–46.

14. *Kisriev E.F.* Arab Revolutions in Globalizing World and «New Islam». *Protestnye dvizheniya v arabskikh stranah: predposylki, osobennosti, perspektivy: Materialy «kruglogo stola»*. M.: URSS, 2012, pp. 104–110. (In Russ.)

Статья принята редакцией 01.04.2015

Шелегина О.Н. Музейный мир Сибири: история и современные тенденции развития / Отв. ред. В.А. Ламин, М.В. Шилловский. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. 396 с.

В монографии доктора исторических наук О.Н. Шелегиной представлены новые результаты, актуальные для развития отечественной и мировой науки: впервые разработан адаптационный подход в музеологии, а также создана исследовательская модель «Музейный мир Сибири». Монография отражает многолетнюю работу автора в Институте истории СО РАН, Научном совете по музеям СО РАН, а в последние несколько лет – работу в Комитете музеологии Сибири, стран Азии и Тихоокеанского региона ИКОМ ЮНЕСКО (ASPAC).

Сегодня общепризнанным является тезис о том, что музей – это тысячелетний феномен мировой истории и культуры. В монографии отмечается, что при имеющихся бесспорных достижениях истории отечественного музейного дела все же недостаточно развита связь с мировой традицией. Существенное значение для российских музеев имеют проблемы корреляции современных социально-экономических практик и освоения регионального историко-культурного наследия.

Таким образом, автор подводит читателя к выводу, что исследование истории и современных тенденций в развитии музейного мира Сибири обусловлено актуальными научными, социокультурными, музеологическими проблемами глобального и регионального уровней и направлено на формирование современной музейной парадигмы. На основе эвристического потенциала введенных ранее в научный оборот подходов к изучению музейного мира, музеев, знаний и достижений в социально-гуманитарной области, релевантного эмпирического материала автором монографии предложен новый музеологический подход – адаптационный. Он базируется на ключевом общенаучном понятии «адаптация» и позволяет рассматривать в исторической динамике систему «музейный мир» – «музей» – «социокультурное пространство» как многоуровневую адаптивно-адаптирующую систему.

Монография, вне всякого сомнения, носит междисциплинарный характер, в ней осуществлена интеграция исторического и музееведческого уровней исследований. О.Н. Шелегина изучила литературу не только отечественных, но и

зарубежных авторов, чтобы понять, в какой парадигме представить музейный мир Сибири. В результате привлечения разноплановых репрезентативных источников, в том числе впервые введенных в научный оборот, ей удалось показать в исторической динамике тенденции в развитии музейного дела в Сибири в широком социокультурном контексте.

Книга имеет важное теоретическое и научно-практическое значение для изучения истории культуры Сибирского региона, создания новой музейной парадигмы, развития региональной историографии, модернизации музейного дела в России, научно-образовательной практики, инициирования международных проектов по социокультурной адаптации населения к условиям глобализации. В данной монографии представлена и реализована новая концепция, синтезирующая теорию и практику музейного дела благодаря интеграции концепта «музейный мир», адаптационного подхода, изучения музейного мира Сибири в 1870-е – 2012 гг., обоснования проекта «Музей Сибири».

Комплексный анализ комплементарных и диффузных пространств музейного мира Сибири включал компоненты: *материальную* (историко-культурное и природное наследие, особо охраняемые территории, музеефицированные объекты, музеи и учреждения музейного типа); *интеллектуальную* (научные учреждения и учебные заведения, общественные организации, лица, занимающиеся музейной деятельностью и музееведением, музейные проекты); *коммуникационную* (средства массовой информации, экспозиционно-выставочная деятельность, информационно-телекоммуникационные сети). Это позволило выявить особенности эволюционного развития музейного мира в различные исторические периоды (например, 1870–1920-е гг.; 1960–1980-е гг.) и адаптации к кризисным явлениям и процессам глобализации в развитии социума XX в. (1930–1950-е гг., 1990–2000-е гг.).

Для первого периода эволюции музейного мира Сибири характерна организация преимущественно музеев местного края, а также появление педагогических, церковных, художественных коллекций, занявших достойные позиции в музейном мире России. Была создана основа для формирования региональной музейной сети. Существенную роль играло взаимодействие в музейной сфере Российской академии наук, сибирских отделов РГО, учебных заведений, общественных деятелей и организаций. Российскому и между-

народному признанию сибирских музеев способствовало их участие в универсальных и тематических выставках, активная публикация материалов в периодических изданиях, первом в России музейном журнале – «Ежегоднике Тобольского музея» (1893–1918 гг.). Сформировавшийся в условиях общественного подъема, музейный мир Сибири благодаря значительному адаптивному потенциалу сохранил устойчивость в период социальных катаклизмов, вызванных революциями и Гражданской войной.

Развитие музейного мира Сибири в 1960–1980-е гг. связано с диверсификацией музейной сети, организацией ведомственных и общественных музеев. На протяжении XX в. музейную политику и практику реализовывали в общероссийском контексте (с учетом региональной специфики) около 300 государственных музеев в рамках музейной сети. Важное значение для обеспечения эффективной деятельности музеев имели организация Сибирского филиала Научно-методического совета по работе музеев Министерства культуры России, представительство на международных выставках, личные инициативы ученых, представителей национальной интеллигенции.

В 1930–1950-е гг. адаптация музейного мира Сибири к новым социально-экономическим условиям и советской идеологической парадигме происходила в рамках государственной институционализации и регламентации музейного дела (нормативно-правовая база, бюджетное финансирование, научно-методические рекомендации пропагандистского характера), включения в региональную сеть значительного числа музеев историко-революционного профиля.

Период адаптации к условиям рыночной экономики, условиям глобализации социума с начала 1990-х гг. отличался поиском, разработкой и реализацией адаптационных стратегий и тактик на внешнем и внутреннем уровнях музейной коммуникации, включая информационные телекоммуникационные сети, а также сочетание традиционных и новационных адаптаций (опыт программной организации музейного дела в СО РАН, создание системы высшего музейного образования, интеграция музеев в региональные социокультурные инфраструктуры), появление паллиативных форм – учреждений музейного типа.

Механизмы адаптации музейного мира Сибири в первой половине XX в. определялись доминированием институциональных и нормативно-регулятивных средств, с начала 1990-х гг. – приоритетностью интеграционных процессов в региональном социокультурном пространстве, с 2000-х гг. – внедрением в международное музейное сообщество. Причем наиболее эффективным оказалось создание специальных интернет-проектов, посвященных культуре населения Сибири. О.Н. Шелегина отмечает, что значительные успехи в этом направлении были достигнуты в Новосибирском областном краеведческом музее. Реализация проектов виртуальных экспозиций началась в 1997 г., когда музей благодаря Институту «Открытое общество» получил доступ в глобальную информационную сеть. Интернет-проект «Аборигены Сибири», выполненный под руководством А.В. Шаповалова, можно рассматривать как интеграционный проект в сфере науки, культуры, образования.

Как выясняется из монографии, период постадаптации с 2010-х гг. демонстрирует совершенствование механизмов, средств, моделей адаптации, приобретенной на предыдущих

этапах, формирование адаптивной культуры, позволяющей переходить от адаптации и коадаптации к стратегии влияния музейного мира на социокультурное пространство региона. О.Н. Шелегина обосновывает это тем, что музейный мир Сибири занимает общественно значимую позицию, связанную с адаптацией населения к условиям полиэтнической территории, формированием, сохранением и актуализацией материального и нематериального культурного и природного наследия, его дигитализацией, включением в сферу российского и международного туризма.

В XXI в. проблема исторических экспозиций и их воздействия на общество чрезвычайно актуальна для всех музеев мира. Музей как связующее звено между наукой и социумом обладает колоссальным потенциалом воздействия на общество – информационным, воспитательным, эмоциональным. Музей становится мощным инструментом продвижения в мире положительного имиджа отдельных стран и регионов.

В условиях глобализации музейный мир Сибири может быть нацелен на реализацию адаптационной стратегии «От создания музеев Сибири к созданию Музея Сибири» – высокотехнологичного музея мирового уровня, развивающего актуальный имидж Сибирского региона. Идея создания Музея Сибири была инициирована Научным советом по музеям СО РАН, нашла поддержку музеев и музейных практиков.

Одну из ведущих тем музея можно обозначить как «Научное освоение Сибирского региона в исторической динамике: от первых академических экспедиций XVIII века до путей и результатов сибирской интеграции сибирской науки и культуры в российское и мировое научное пространство».

Другой значимой темой может стать демонстрация создания Транссиба – крупнейшей транспортной артерии России, связавшей восточные окраины Российской империи с ее европейской частью.

Современные историко-этнографические и этносоциологические исследования Сибири и ее образа в значительной степени соотносятся с вопросами региональной идентичности. Именно в настоящее время необходимо обращение к региональной сибирской идентичности как фактору культурной политики. Это, по мнению специалистов, актуализирует положительные социально-психологические черты, духовный настрой, который был всегда свойствен населению Сибири.

В Музее Сибири может быть реализовано множество направлений социально-экономической, культурной и духовной жизни региона. И это не случайно. По мнению ведущих российских ученых, в Российской Федерации нет региона, сопоставимого с Сибирью по реальному и перспективному экономико-политическому значению. О.Н. Шелегина справедливо отмечает в указанной монографии, что сибирскими гуманитариями накоплен значительный потенциал, который может быть активно востребован в деле создания Музея Сибири.

В заключение отметим, что результаты монографического исследования музейного мира Сибири, проведенного доктором исторических наук О.Н. Шелегиной, открывают новые перспективы в изучении музейного мира регионов, реализации междисциплинарных международных проектов.

Канд. ист. наук *Н.А. Куперитох*,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск

ПОЗДРАВЛЯЕМ ВАРЛЕНА ЛЬВОВИЧА СОСКИНА

24 февраля текущего года исполнилось 90 лет со дня рождения видного исследователя истории отечественной культуры и интеллигенции, доктора исторических наук, профессора Варлена Львовича Соскина.

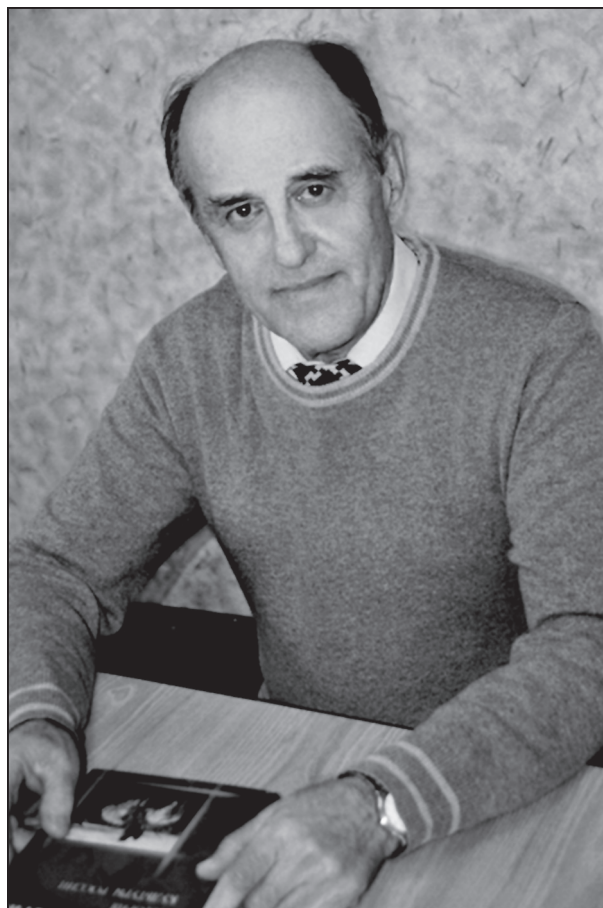
В.Л. Соскин родился в Томске в интеллигентской семье (отец – партийный работник, мать – медик). Участник Великой Отечественной войны: курсант артиллерийского училища (1943–1944), воевал в действующей армии (1944–1945), был ранен. После окончания с отличием исторического факультета ЛГУ по специальности «История» (1952) работал в образовательных учреждениях, вузах Кемерово и Новосибирска. В Сибирском отделении АН СССР/РАН трудился с 1959 г. Он – один из основателей Института истории, филологии и философии, будучи ученым секретарем пятитомного издания «Истории Сибири», внес значительный вклад в развитие координации научной деятельности историков сибирского региона.

В.Л. Соскин – основоположник научной школы в области социальной истории отечественной культуры и интеллигенции XX в. Его идеи и подходы в области исторического интеллигентоведения получили дальнейшее распространение и развитие в исследовательских центрах, сформировавшихся в 1990-е гг. в университетах Иваново, Екатеринбург, Омска.

Крупнейший исследователь истории формирования и развития научно-образовательного потенциала Сибири в XX в., он внес большой вклад в изучение данной проблемы – от зарождения первых организационных форм в начале века до становления Сибирского отделения АН СССР/РАН. Один из пионеров адаптации системного подхода к задачам исторических исследований в области культуры. Он – автор и соавтор более 400 научных работ, в том числе 10 монографий, 8 учебных пособий.

В Новосибирском государственном университете работает с 1963 г. Один из основателей исторического отделения гуманитарного факультета, профессор (с 1970) кафедры истории СССР (ныне кафедра отечественной истории). До 2014 г. читал курсы лекций по отечественной истории первой четверти XX в., по истории отечественной культуры XX в., спецкурсы по теории и истории культуры, образования и науки, интеллигенции России. Неоднократно выступал с лекциями в вузах региона (Томск, Омск, Кемерово и др.), в учебных заведениях Германии (ГДР).

Под его научным руководством с середины 1960-х гг. работал специальный семинар по истории отечественной культуры и интеллигенции, в котором подготовили дипломные работы около 100 студентов. Его учениками защищено 38 кандидатских диссертаций; пятеро защитили докторские диссертации.

В.Л. Соскин активно участвовал в научно-организационной деятельности, являясь в разные годы членом редколлегии журналов «Интеллигенция и мир» (Иваново), «Культурологические исследования в Сибири» (Омск), членом диссертационного совета при ИИ СО РАН.

Его жизненный путь отмечен боевыми наградами, в числе которых орден Отечественной войны II степени (1985), медали «За отвагу» (1945), «За победу над Германией» (1945), «За взятие Кенигсберга» (1945) и др. В 1997 г. он удостоен звания «Заслуженный деятель науки РФ», в 2012 г. – звания «Почетный профессор НГУ».

Коллеги желают Варлену Львовичу здоровья и продолжения его творческого общения с учениками, научной молодежью и студентами исторического отделения НГУ, где он продолжает трудиться.

ПАМЯТИ ВИТАЛИЯ ЕПИФАНОВИЧА ЛАРИЧЕВА

2 июня 2014 г. ушел из жизни выдающийся российский ученый, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института, академик РАН, Заслуженный деятель науки Российской Федерации Виталий Епифанович Ларичев.

Виталий Епифанович родился 12 декабря 1932 г. на хуторе Большой Лычег Березовского района Сталинградской области. В 1947 г. окончил семилетнюю школу хутора Карачев Кумылженского района, а в 1950 г. – среднюю школу в станице Глазуновская.

В.Е. Ларичев – выпускник Восточного факультета Ленинградского государственного университета и аспирантуры Ленинградского отделения Института истории материальной культуры.

Его путь ученого определялся под влиянием выдающихся российских востоковедов – В.В. Струве, В.М. Алексеева, Н.В. Кюнера, Г.В. Ефимова и Л.А. Березнова. Полученная на восточном факультете ЛГУ языковая и источниковедческая подготовка позволила в дальнейшем В.Е. Ларичеву эффективно работать с текстами китайских летописей при изучении проблем древней и средневековой истории Восточной и Центральной Азии. Затем состоялась его встреча с А.П. Окладниковым, которую сам Виталий Епифанович называл

«случайным, но счастливым совпадением». Непростые отношения между учителем и учеником в целом оказались весьма плодотворными с точки зрения истории науки.

Участие в ангарской эпопее, предварявшей строительство Иркутской ГЭС, разведка 1954 г. по забайкальским рекам Ингоде и Шилке и далее по Амуру, затем участие в раскопках на Нижнем Амуре и в Южном Приморье позволили молодому ученому сделать окончательный осознанный выбор. За этим последовали десятилетия работы в составе экспедиционных отрядов ИИФФ СО АН СССР и ИАЭТ СО РАН. В.Е. Ларичев вел полевые исследования на территории Приморья, Приамурья (раскопки поселений Осиповка и Кондон; копирование Архаринской писаницы, разведывательные работы по Амуру и Зее), в Забайкалье и Прибайкалье (раскопки неолитических поселений и могильников в районе Свирска и Рютино), в Красноярском крае (раскопки Ачинского поселения), в Хакасии (раскопки поселения Малая Сья), в Таджикистане, Узбекистане и Киргизии, а также в Монголии (в течение 19 полевых сезонов в качестве одного из ведущих сотрудников Советско-монгольской комплексной историко-культурной экспедиции) и на Алеутских островах.

Прекрасное владение как востоковедными, так и археологическими материалами и методиками позволило В.Е. Ларичеву осуществить, по сути, первое в отечественной науке монографическое изучение археологических источников с территории Китая. В 1961 г. им защищена кандидатская диссертация «Древние культуры Северо-Восточного Китая: каменный и бронзовый века». В ней была предпринята попытка осмыслить место сопредельных Сибири и Дальнему Востоку территорий Китая в контексте культурно-исторического развития Северо-Восточной Азии, показать возможное направление связей и контактов культур эпох неолита и раннего металла Забайкалья, Приамурья, Приморья и Маньчжурии. Он впервые в отечественной историографии дал всесторонний анализ результатов трудов российских, японских и китайских археологов первой половины XX в. Эта его работа стала фундаментом, на котором в последующие два с половиной десятилетия формировались представления археологов нашей страны о китайской археологии.

Многие из его книг и статей при соответствующих подсчетах вышли бы в несомненные лидеры по индексу цитирования. А его двухтомная монография «Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии» (1969 и 1972 гг.) стала классической для отечественного палеолитоведения. Внимание исследователя занимали проблемы первоначального освоения человеком территорий Китая, Монголии, Кореи, Японии, а также Сибири и Северной Америки. Он в деталях проследил процесс изучения ранних культур этих регионов Азии на протяжении около 100 лет, рассмотрел становление и развитие основных гипотез и теорий, которые разрабатывались археологами и палеоантропологами Европы, Азии и Америки на протяжении века. В поле его внимания находились также памятники и культуры эпох неолита и бронзы

Северо-Восточного Китая и Северной Кореи. В.Е. Ларичев увлеченно занимался изучением древней и средневековой истории русского Дальнего Востока и прилегающих к нему районов Северо-Восточного Китая.

Крупным явлением в отечественном востоковедении стала книжная серия «История и культура востока Азии», бессменным редактором которой он был на протяжении четырех десятилетий. Сегодня это библиотека из полусотни томов – сборников статей и монографических исследований ведущих специалистов в области археологии и истории Восточной и Центральной Азии.

Вполне закономерно, что именно В.Е. Ларичеву выпала большая честь и еще большая ответственность возглавить в 1970 г. сектор истории и археологии стран зарубежного Востока в составе Института истории, филологии и философии СО АН СССР. Это первое в Сибири востоковедное исследовательское подразделение, которое на протяжении более 30 лет занимало лидерские позиции в отечественном археологическом востоковедении.

В.Е. Ларичев – автор около 700 научных работ, в том числе более 30 монографий. В 1967–1970 гг., а затем в 1975–1991 гг. (т. е. на протяжении двух десятилетий) он являлся ответственным секретарем гуманитарной серии журнала «Известия Сибирского отделения АН СССР», главным редактором журнала «Гуманитарные науки в Сибири». В 1987–1991 гг. В.Е. Ларичев занимал пост ученого секретаря Диссертационного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при ИАЭТ СО РАН. Под его руководством защищен ряд кандидатских диссертаций, отредактированы десятки научных монографий и научно-популярных книг.

Интенсивный археологический поиск привел В.Е. Ларичева к открытию при раскопках Ачинской стоянки (1972 г.) и поселения Малая Сья (1976–1979 гг.) в Хакасии образцов верхнепалеолитического искусства. Это, а также обнаружение в 1986 г. на севере Хакасии святилища эпохи палеолита «Белая лошадь» определило новую для Виталия Епифановича область исследований. Ею стало обширное поле сложных для изучения тем: семантика образов первобытного художественного творчества; проблема происхождения искусства; космогония и космология в мировоззрении общества ледниковой эпохи; зарождение протонауки, мифологии и кульгово-религиозных представлений; история изучения искусства древнекаменного века Европы и Сибири. Это, в свою очередь, повлекло за собой изучение теоретических проблем интерпретации художественного творчества и идеологии древнего человека. В поисках универсального подхода к дешифровке знаковых систем прошлого В.Е. Ларичев обратился к точным наукам – математике и астрономии. Оказалось, что люди каменного века, их жреческая элита уделяли огромное внимание небесной механике. Они просчитывали движение планет, могли предсказывать солнечные и лунные затмения. Тем самым Виталий Епифанович последовательно разрабатывал гипотезу о появлении протонаучных знаний в эпоху каменного века.

Одним из первых в Сибири и России В.Е. Ларичев начал развивать инструментальное астроархеологическое на-

правление при полевом изучении древних памятников Хакасии. Научная смелость и одновременно перспективность астроархеологических идей были подтверждены на практике им и его коллегами-астрономами на многих объектах, которые могут и должны изучаться всем спектром археологических и естественнонаучных методов. Решая эту задачу, В.Е. Ларичев на протяжении многих полевых сезонов в Хакасии проводил пионерные в России исследования в рамках астроархеологии. Был у него план продолжить работы на полигоне в районе ст. Июс и в лето 2014 г.

Под руководством В.Е. Ларичева подготовлены кадры, по существу, новой профессии – востоковедов-археологов, которые образовали особую научную школу археологического востоковедения. В начале нового столетия Виталий Епифанович приступил к большой работе по вводу в научный оборот маньчжурских версий китайских исторических хроник от империи Цзинь до империи Цин. Материалы последнего тома остались на рабочем столе исследователя. . .

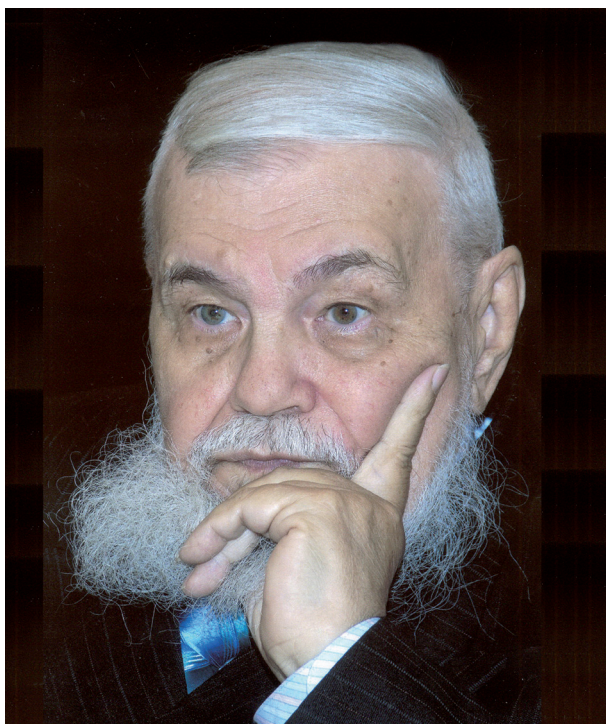
Виталия Епифановича отличало умение излагать сложнейшие научные сюжеты ярким языком, доступным широкому кругу читателей. Среди его научно-популярных книг – «Азия далекая и таинственная» (1968) – о работах в Монголии, «Охотники за мамонтами» (1968), «Сад Эдема» (1980), «Пещерные чародеи» (1980) и «Прозрение» (1990) – о поиске древнейших предков человека и открытиях в области изучения их духовной культуры, «Тайна каменной черепахи» (1966) и «Путешествие в страну восточных иноземцев» (1973) о средневековых государствах Дальнего Востока и увлекательном научном поиске первых русских исследователей древностей этого края, «Колесо времени» (1986), «Мудрость змеи» (1989), «Звездные боги» (1999), «Заря астрологии» (1999) и другие произведения – о взаимоотношениях древнего человека и Неба. Многие из его научно-популярных книг переведены на иностранные языки и изданы за рубежом.

Первая научная статья В.Е. Ларичева увидела свет в 1954 г. Это означает, что шестьдесят лет было отдано страстному служению науке. Виталий Епифанович относился к редкой категории исследователей. Ему удалось одинаково плодотворно проявить себя в изучении проблем востоковедения, археологии, первобытного искусствоведения, палеоастрономии и палеокалендаристики, истории науки. Он – создатель научной школы археологического востоковедения в Сибири. Его идеи, замечательные наблюдения и выводы в равной степени позволяют обогащать не только археологию, историю, востоковедение, астроархеологию, искусствоведение, культурологию, но и комплекс гуманитарных наук в целом.

Из жизни ушел большой ученый. Но остались его научные труды, ученики, коллекции и, конечно, наша память о великом труженике науки и наша скорбь об этой утрате. Жизнь Виталия Епифановича Ларичева была примером высокого служения избранному Пути.

*Сотрудники Института археологии
и этнографии СО РАН*

К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА ПОКРОВСКОГО

20 июня 2015 г. исполнилось бы 85 лет Николаю Николаевичу Покровскому – выдающемуся российскому ученому, академику РАН, заведующему сектором археографии и источниковедения Института истории СО РАН, профессору НГУ, основоположнику Новосибирской научной школы археографических и источниковедческих исследований. Талант его был многогранен, а диапазон научных интересов огромен: практически вся тысячелетняя история России, от века XIII и до начала XXI включительно. И всегда ко всем эпохам, включая документы нового и новейшего времени, он применял принцип одинаково тщательного источниковедения, наиболее детально разработанные в русской средневековой методике анализа прошлого – шла ли речь о черносошном землевладении XIV–XVI вв., проблемах сосуществования властной вертикали и сословных миров XVII в., особенностях отношений урало-сибирских крестьян-старообрядцев и духовных и светских властей в XVIII в., вопросах литературного творчества и общественного сознания староверов востока России XVIII–XX вв. или об антирелигиозной политике большевиков в отношении Русской православной церкви. Были еще и многочисленные археографические полевые экспедиции, обследовавшие огромные территории Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии и собравшие около двух тысяч старопечатных книг и редчайших рукописных памятников XIV–XX вв. «Археографическим открытием Сибири» назвали этот научный подвиг академика Д.С. Лихачев и А.М. Панченко.

Выпускник Московского университета, ученик академика М.Н. Тихомирова, после учебы в аспирантуре и успешной защиты кандидатской диссертации об актовых источниках по истории черносошного землевладения XIV–XVI вв. Н.Н. Покровский стал преподавателем на организованной и возглавляемой его учителем кафедре источниковедения Московского государственного университета. В 1957 г. за участие в неформальном кружке молодых историков Московского университета, попытки самостоятельно разобраться во всем происшедшем при Сталине Н.Н. Покровский был приговорен к шести годам пребывания в мордовских лагерях. Только в 1989 г. он был реабилитирован, приговор отменен за отсутствием состава преступления.

После освобождения в 1964 г. ему было запрещено проживать в столичных и крупных городах европейской части страны. Принял «неблагонадежного» молодого историка Владимиро-Суздальский музей-заповедник, где он стал через некоторое время заместителем директора музея по науке. Достаточно часто Н.Н. Покровский приезжал нелегально в Москву, там он работал в квартире у М.Н. Тихомирова над описанием уникальной коллекции рукописных и старопечатных книг. Именно по рекомендации своего учителя, после разговора М.Н. Тихомирова с академиками М.А. Лаврентьевым и А.П. Окладниковым, Н.Н. Покровский поступает на работу в Сибирское отделение АН СССР. Это было условием передачи тихомировской коллекции древних книг в Новосибирск. Как говорил Николай Николаевич, улыбаясь, коллекция была с «приданым». С 1965 г. жизнь его неразрывно была связана с Новосибирским академгородком, именно отсюда начались археографические экспедиции СО АН СССР, организатором и участником которых вместе с коллегами из НГУ и ГПНТБ СО АН СССР он был.

С того же времени Н.Н. Покровский стал преподавать на открывшемся гуманитарном факультете Новосибирского государственного университета (с 1977 г. – в звании профессора).

Его университетские ученики стали надежной основой созданной им историко-филологической научной школы, формирование которой началось во второй половине 1960-х гг., а конституировалось в 1975 г. открытием в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР сектора археографии и источниковедения с древлехранилищем редких и рукописных книг и появлением первого сборника серии «Археография и источниковедение Сибири» (при жизни Н.Н. Покровского в свет вышел 31 выпуск, ныне опубликовано 33-й). Кроме новосибирцев, своим учителем его считают и многие уральские, московские и петербургские археографы. Для коллег и учеников лидерство и научный авторитет Н.Н. Покровского определялись присущими ему выдающимися качествами: масштабным видением проблем, одержимостью в работе, колоссальным трудолюбием, высокой требовательностью к себе, ответственностью за выполняемое дело.

Особую роль в этом процессе в качестве своеобразных ориентиров играли подготовленные им монографии и публикации исторических источников. В 1971 г. отдельной книгой была издана важнейшая археографическая находка Н.Н. Покровского «Судные списки Максима Грека и Исака Собаки» – обнаруженный на Алтае сборник XVI в. с единственным полным списком материалов судов над выдающимся книжником и богословом преподобным Максимом Греком. Рассказ об этой потрясающей находке сибирского археографа вошел в вузовские учебники по источниковедению отечественной истории. Спустя два года издана монография «Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV – начала XVI в.», подготовленная в своей основе Н.Н. Покровским еще в Московском университете, в 1974 г. – ставшая сегодня классикой отечественной историографии книга «Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в.», в которой впервые в советское время поднимались и решались на огромном источниковом материале сложные вопросы истории и идеологии религиозно-общественного движения староверов.

Открывая Н.Н. Покровским, его коллегами и учениками не известная ранее крестьянская литература, вобравшая богатейший мир народной духовной культуры русских старообрядцев, нашла отражение в целом ряде подготовленных им публикаций: в научно-популярной работе «Путешествие за редкими книгами», выдержавшей три издания (М., 1984; 1988; Новосибирск, 2005), в написанной совместно с Н.Д. Зольниковой монографии «Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания» (М., 2002), в трех томах антологии «Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв.» (Новосибирск, 1999–2011), в вышедшем уже после его кончины, но подготовленном по его инициативе и при его решающем участии уникальном народном историко-агиографическом памятнике – Урало-Сибирском патерике (М., 2014, кн. 1).

Острейшей исторической проблеме взаимоотношений власти, церкви и общества, монархии и сословных миров в «тихие» периоды и во время социальных потрясений XVII в. Н.Н. Покровский посвятил две своих крупнейшие работы: монографию «Томск. 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры» (Новосибирск, 1989) и написанную вместе с В.А. Александровым книгу «Власть и общество. Сибирь в XVII в.» (Новосибирск, 1991). Совместной с Е.К. Ромодановской публикации наиболее ранних источников по истории первой сибирской церковной епархии и ее архиереев был отведен том в основанной им серии «История Сибири. Первоисточники» – «Тобольский архиерейский дом в XVII в.» (Новосибирск, 1994).

Другим крупнейшим проектом, осуществленным с привлечением российских и зарубежных специалистов, стало трехтомное издание составленной во времена Ивана Грозного Степенной книги царского родословия – первого обобщающего труда по истории России. Научная публикация (совместно с О.Д. Журавель, А.В. Сиреновым и др.) этого средневекового памятника стала возможной благодаря найденному Н.Н. Покровским в Томске его древнейшему списку (Степенная книга царского родословия по древнейшим

спискам / отв. ред. Н.Н. Покровский, Г.Д. Ленхофф. М., 2007. Т. 1.; 2008. Т. 2; 2012. Т. 3). После этого проекта совместно с петербургским ученым А.В. Сиреновым он обратился к изданию Латухинской Степенной книги, отразившей на своих страницах общность судеб и истории трех восточнославянских народов (Латухинская Степенная книга. 1676 год. М., 2012).

В ходе «архивной революции» начала 1990-х гг. Н.Н. Покровский получил возможность одним из первых ознакомиться с сверхсекретными кремлевскими архивами и применить используемые медиевистами приемы анализа и публикации к хранившимся там документам. В результате этой работы, проделанной совместно с С.Г. Петровым, на свет появился двухтомный сборник документов, посвященный особенностям проведения антирелигиозной политики большевиков в отношении Русской православной церкви (Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. М.; Новосибирск, 1997. Кн. 1; 1998. Кн. 2).

В 2009–2010 гг. Н.Н. Покровский по приглашению Православной гимназии во имя преподобного Сергия Радонежского прочитал обширный лекционный курс, посвященный истории взаимоотношений Русского государства и православной церкви в XIII–XVI вв. В результате этих лекций появилась последняя его книга (Русская церковь и государство в XIII–XVI вв.: учебное пособие. Новосибирск, 2013), удостоенная в 2014 г. первой премии в конкурсе Русской православной церкви «Просвещение через книгу».

Николай Николаевич всегда предпочитал чисто научную работу научно-организационной. Но и на этом поприще ему удалось сделать очень много: он создал научную школу, положил начало трем успешно продолжающимся сериям («Археология и источниковедение Сибири», «История Сибири. Первоисточники», «Архивы Кремля»), стоял у истоков Российского гуманитарного научного фонда, в течение долгих и трудных лет был заместителем директора Института истории, до последних дней был членом редколлегии и редсовета научного журнала «Гуманитарные науки в Сибири».

Признание заслуг Н.Н. Покровского выразилось в присвоении ему в 1987 г. звания члена-корреспондента АН СССР, а в 1992 г. – действительного члена РАН; в 1995 г. он стал лауреатом Демидовской премии, в 1998 г. награжден орденом Почета, в 2005 г. – орденом Дружбы. Научная и просветительская деятельность Н.Н. Покровского была отмечена Русской православной церковью: в 1998 г. – благодарностью патриарха Алексия II, в 2002 г. – церковным орденом св. митрополита Макария III степени, в 2009 г. – преп. Сергия Радонежского III степени.

В 2014 г. Институт истории СО РАН провел Всероссийскую конференцию, посвященную памяти академика Н.Н. Покровского, на которой с докладами выступили его коллеги и ученики из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Японии, Института истории, ряда сибирских вузов. В 2015 г. состоялась еще одна конференция, приуроченная к его 85-летию и ставшая не менее масштабным научным событием. Надеемся, что такие конференции станут традиционными и будут способствовать не только сохранению памяти о нем, но и развитию исторической науки, чему была посвящена вся жизнь выдающегося ученого.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ **(Требования к статьям и сообщениям)**

1. Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям:

- отечественная история;
- историография, источниковедение и методы исторического исследования;
- археология;
- этнография, этнология, антропология.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии, письма, заметки, краткие научные сообщения.

В случае, если статья подготовлена коллективом авторов, то в его состав должны входить только те авторы, которые внесли значительный вклад в данное исследование.

Главная тема статьи не должна быть опубликована в других изданиях.

Авторы должны соблюдать правила цитирования, гарантировать подлинность и корректность приводимых данных.

2. Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, которые выпускаются в Российской Федерации и в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук. Журнал также включен в Международную базу данных Ulrichs, а также в рассылку Международной компании «East View Information Services, Inc.»

3. Автор предоставляет:

- текст статьи в файле формата Microsoft Word (файлы с расширением doc, docx или rtf); название файла включает фамилию автора и дату отправления статьи, например, Иванов_28-02-2015;

- индекс УДК;
- данные об авторе: фамилия, имя, отчество, степень, звание, должность, место работы (полное и краткое название организации, адрес с почтовым индексом), электронный адрес автора. Сведения об авторе даются на русском и английском языках;

- название статьи с англоязычным переводом;
- аннотацию статьи объемом не более 800 знаков без перевода;
- ключевые слова на русском и английском языке (не менее 10);
- реферат статьи объемом около 2 тыс. знаков с англоязычной версией (2 тыс. знаков), подготовленной профессиональным переводчиком. Реферат включает название, цель статьи, характеристику проблемного поля, описание методов и методологии исследования, информацию об основных научных результатах. Реферат на русском языке не публикуется.

Объем статьи не должен превышать 25 тыс. знаков (подсчет с пробелами) с учетом сведений об авторе, аннотации, англоязычной версии реферата, сносок, таблиц и рисунков.

Объем информационных заметок и рецензий составляет не более 10 тыс. знаков.

Статьи и другие материалы для публикации направляются в электронном виде по e-mail: gumnauki@gmail.com

Правила оформления и рецензирования статей см.: http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm

4. К изданию принимается от автора не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с аспирантов за публикацию не взимается.

Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректурa не высылается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

5. В издательской деятельности журнал руководствуется Гражданским кодексом Российской Федерации, гл. 70 «Авторское право».

Автор статьи обязан соблюдать международные принципы научной публикационной этики. Редакция оставляет за собой право проверять текст статьи с помощью системы «Антиплагиат».

6. Направляя статью в редакцию журнала, автор (соавторы) на безвозмездной основе передает(ют) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ исключительное право на использование статьи или отдельной ее части (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных конвенций являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (а также исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на передачу всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Одновременно с представлением статьи автор (соавторы) направляет в редакцию подписанный лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале. Подписанный автором (соавторами) договор можно присылать в отсканированном виде электронной почтой.

Web-страница журнала на сайте Института истории СО РАН: http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm; <http://www.hssiberia.info/> и сайте Издательства Сибирского отделения РАН: <http://sibran.ru/ /journals/GNvSib/>.

Полная текстовая версия выставляется e-library.ru.